

*ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР
НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ*

**Социальные
и гуманитарные науки
на Дальнем Востоке**

**The Humanities
and Social Studies
in the Far East**

*THE FAR EASTERN VECTOR
OF THE NATIONAL POLICY OF RUSSIA*

Vol. XIV, Issue 2, 2017

Министерство
образования и науки России

Российский Союз ректоров

Совет ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа

Министерство
транспорта России

ФГБОУ ВО
«Дальневосточный
государственный университет
путей сообщения»

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**

Научно-теоретический журнал
издается с января 2004 года
выходит один раз в три месяца

**Том XIV
Выпуск 2, 2017**

Хабаровск, 2017

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю.М. Сердюков, д-р филос. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Отдел философии

Ю.М. Сердюков, д-р филос. наук, проф. (редактор отдела);
А.П. Забияко, д-р филос. наук, проф.; **Кальво-Мартинез Томас Мариано**, PhD (Испания);
Р.Л. Лившиц, д-р филос. наук, проф.; **Б.В. Марков**, д-р филос. наук, проф.;
И.Б. Микиртумов, д-р филос. наук, доц.; **С.В. Пишун**, д-р филос. наук, проф.

Отдел филологии

З.Г. Прошина, д-р филол. наук, проф. (редактор отдела);
У.М. Бахтикиреева, д-р филол. наук, проф.; **М.Г. Лебедько**, д-р филол. наук, проф.;
Нобуюки Хонна, PhD (Япония); **Е.А. Первушина**, д-р филол. наук, проф.;
Раймонд Хики, PhD (Германия); **Р.Р. Чайковский**, д-р филол. наук, проф.

Отдел психологии

К.И. Воробьева, д-р психол. наук, проф. (редактор отдела);
Л.Г. Дикая, д-р психол. наук, проф.; **А.Н. Занковский**, д-р психол. наук, проф.;
Н.А. Кравцова, д-р психол. наук, проф.; **Лора Роджерс**, PhD (США);
Мартин Кашорке, PhD (Германия); **Т.Х. Невструева**, д-р психол. наук, проф.

Отдел «Проблемы Дальнего Востока»

Е.Н. Спасский, д-р полит. наук, проф. (зам. главного редактора, редактор отдела);
М.А. Ковальчук, д-р ист. наук, проф.; **Л.П. Лазарева**, д-р пед. наук, проф.;
Н.Е. Мерецкий, д-р юрид. наук, проф.; **В.В. Романова**, д-р ист. наук, проф.;
О.А. Рудецкий, канд. филос. наук, доц. (ответственный секретарь);
А.М. Шкуркин, д-р филос. наук, проф.

РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА

О.А. Рудецкий, канд. филос. наук, доц.; **Е.Н. Спасский**, д-р полит. наук, проф.

СОТРУДНИКИ РЕДАКЦИИ

Ю.В. Пономарчук, канд. физ.-мат. наук (web-мастер);
Е.В. Листопадова (технический секретарь); **Е.Л. Рябкова** (переводчик);
Е.Ю. Мальнева, канд. филол. наук (переводчик)

Решением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» по отраслям научного знания, в рамках которых осуществляется профессиональная экспертиза публикаций: 09.00.00 – философские науки; 10.01.00 – литературоведение; 10.02.00 – языкознание; 19.00.00 – психологические науки.

*Печатается по решению Совета ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа № СР/ДФО-54а от 9 октября 2002 г.*

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»
(680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № 77-16283 от 29 августа 2003 г.
Адрес редакции: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47, оф. 262,
Тел./факс: (4212) 40-71-93, E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Рудецкий О.А., Спасский Е.Н.</i> К вопросу о концепте «национальная политика»	6
--	---

СТАТЬИ	10
--------------	----

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

<i>Аргудяева Ю.В.</i> Владимир Клавдиевич Арсеньев о межкультурной коммуникации русских и коренных народов Приамурья.....	10
<i>Байков Н.М., Березутский Ю.В., Мельницкая Ю.А.</i> Межнациональные отношения в зеркале общественного мнения городского сообщества	19
<i>Берестенникова Е.А.</i> Кооперативная политика в отношении корейского населения на Дальнем Востоке России в 20-е годы XX века	24
<i>Бобышев С.В.</i> Государство и коренные малочисленные народы Приамурья в 90-е годы XX века: правовой аспект.....	28
<i>Довгополов Е.Ю.</i> Конфликтологический аспект этномиграционной политики (на примере Хабаровского края)	33
<i>Кривоносова Л.А.</i> Проблемы сохранения и трансформации этнической идентичности мигрантов на Дальнем Востоке.....	38
<i>Осипова М.В.</i> К вопросу о создании письменности для коренных малочисленных народов Хабаровского края.....	42
<i>Пономаренко Т.В.</i> Взгляд «inside-out» на адаптацию трудовых мигрантов (по материалам эмпирического исследования в Еврейской автономной области)	48
<i>Рудецкий О.А.</i> Региональная идентичность дальневосточников в этнокультурном и национально-политическом контексте современной России.....	56
<i>Титорева Г.Т.</i> Из истории колхозного строительства в Приохотье (с. Арка Охотского района Хабаровского края)	62

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В ФОКУСЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ

<i>Капцевич О.А.</i> Личностные и ценностные предпосылки патриотизма на примере молодежи Санкт-Петербурга и Владивостока.....	68
<i>Ковальчук М.А.</i> Транспорт Дальнего Востока России как фактор национальной безопасности и национальной политики в регионе (середина XVII – первая половина XX века).....	74
<i>Левадняя М.О.</i> Роль образовательных учреждений региона в реализации государственной политики развития Дальнего Востока.....	82
<i>Марин Е.Б.</i> Отношение российской студенческой молодежи к институту выборов (на примере студентов вузов г. Владивостока).....	87
<i>Моисеева Л.А., Печерица В.Ф.</i> Дальний Восток в стратегии инновационной политики России начала XXI века: в контексте современного исторического знания.....	97
<i>Павлов Ю.А.</i> Дальний Восток России: десять лет перемен (2005–2015).....	108
<i>Селеверстов Р.Е.</i> Особенности российского менталитета и его влияние на судьбу страны	114
<i>Сидоров С.А.</i> Международные связи дальневосточных субъектов Российской Федерации: политико-правовой аспект.....	121

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

<i>Марков С.М.</i> Дальневосточная модель медиации, её особенности и перспективы развития в Дальневосточном федеральном округе	128
<i>Молчанова Е.Г.</i> Деятельность немецкого предпринимателя Фридриха Августа Людорфа на российском Дальнем Востоке в 50–70-х годах XIX века.....	138
<i>Ульянова М.В.</i> Картографическая карикатура: взгляд на Россию из-за рубежа (XIX – начало XXI века)	143
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ	151
К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ	152

ПРЕДИСЛОВИЕ

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТЕ «НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА»

Концепт «национальная политика» представляет собой сложное смысловое образование. В зависимости от контекста словоупотребления термин «национальная политика» имеет двойное прочтение. Если в рамках отечественной научной традиции это преимущественно политика в отношении этнических групп, то в зарубежной литературе – политика государственных интересов [15]. Неслучайно появление в российском научном лексиконе термина «этнонациональная, или этническая, политика» как более точного по своему содержанию¹.

Пожалуй, одна из важнейших причин двойного толкования национальной политики заключается в полисемантической термину «нация». Рассматривая её сущностные характеристики, философы, историки, этнографы и пр. называли её не иначе как «великая солидарность» и «ежедневный плебисцит»² (Э. Ренан) [18], «воображаемое сообщество» (Б. Андерсон) [1], «семантико-метафорическая категория» (В.А. Тишков) [27], «система координат политической жизни» (А.И. Миллер) [14] и т.д.

В существовании наций правомерно выделить два аспекта, а именно *культурный аспект* как общность языка, традиций, и в общем плане – ментальности, и *политический аспект* как единство политико-правовой жизни. По мнению Э. Геллнера, «...нации ... могут определяться на основании как доброй воли, так и культуры и на основании их совпадения с политическими единицами» [7]. При этом нации, считает английский философ, порождает национализм, т.е. принцип, согласно которому политические и национальные границы должны совпадать [7]. Рассматривая проблему нации и национальной идентичности, немецкий философ К. Хюбнер выделяет три ключевые формы национальных сообществ, а именно *государственную нацию*, являющуюся «носителем национально-гомогенного ... или охватывающего его целиком государства»; *культурную нацию*, понимаемую «безотносительно к её воплощению в государстве»; *субнацию*, представляющую собой одно из слагаемых национального многообразия [33: с. 295]. Сходным образом проблему нации рассматривают многие зарубежные авторы: Э. Балибар, Р. Брубей-

кер, И. Валлерстайн, Э. Гидденс, Э. Смит и многие другие [2; 6; 9; 23].

Наличие двух – культурного и политического – аспектов жизни наций привело к сосуществованию в современном научном лексиконе таких понятий, как гражданская нация (или нация-согражданство) и этнонация. Данные понятия являются сегодня общепотребимыми и в общем плане соответствуют зарубежной научной мысли³.

Возникновение идеи нации-согражданства исследователями относится к периоду XVIII в., ко времени Великой французской революции (1789–1799). Французский историк А. Собыль отмечал: «С 1789 г. слово нация наполнилось значением, порожденным страстными порывами сердец, стихийными движениями масс, воодушевленных чувствами веры и надежды. *Нация, думали тогда, это – единое тело, вся масса граждан, слившихся воедино. Нет более сословий, нет классов, все, что есть французского, составляет нацию*» [24: с. 43]. Другой известный французский историк С. Ферро подчеркивал исключительное значение идеи нации: «Революция 1789 г. представляет собой поворотный момент истории... *На смену сословной иерархии, ... доминированию ... монархической власти и придворным манерам пришли равенство граждан, народный суверенитет, новые формы коллективной деятельности. И идея нации*. С данными событиями связано рождение современной политики... Эта политика вышла за пределы Франции и сделала из Французской революции событие всемирного значения» [31: с. 243].

Идея этнонации имеет в качестве одного из важнейших источников немецкую духовную культуру и философию. Как справедливо отмечает советский и российский этнограф В.И. Козлов, в XIX в. складывание общенемецкого государства было замедленно, а формирование единого самосознания пробуждалось главным образом писателями и философами, такими как И.Г. Гердер, И. Шиллер, И. Фихте и др.⁴ [13: с. 29]. Поэтому основным объектом изучения в пределах государственных гра-

¹ Например: [29; 30].

² Более точно, в своей лекции «Что такое нация?» французский историк Э. Ренан писал, что нация представляет «великую солидарность как результат священных чувств к принесённым жертвам и тем, кои в будущем ещё будут принесены» [18].

³ В качестве примера можно привести дискурс о французском и немецком типе наций. По мнению А. Дьёкоффа, нация французского типа является «гражданской, договорной, избирательной, задуманной мыслителями Просвещения и реализованной Великой Революцией», нация же немецкого типа – «материализация культурной общности, этническая, органическая нация, носительница коллективной души» [10: с. 193].

⁴ Важнейшие источники: [8; 32; 34].

ниц стало не согражданство, а культурно-исторические общности. В частности, И.Г. Гердер одним из первых философски раскрыл понятие национального как естественного воплощения народного духа.

Идея нации-этноса во многом свойственна русской философии XIX–XX вв. Н.А. Бердяев определял нацию как конкретно-исторический феномен и особый мистический организм со своей душой и характером [3]. В.С. Соловьёв, отождествляя нацию и этнос, полагал, что в основе национальной жизни покоится фундаментальная божественная идея. «Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности», – пишет русский философ [25]. Близкую по духу позицию занимал и другой российский философ – И.А. Ильин: «Быть русским – значит не только говорить по-русски. Но значит – воспринимать Россию сердцем, видеть любовь её драгоценную самобытность и её во всей вселенской истории неповторимое своеобразие, понимать, что это своеобразие есть Дар Божий, данный самим русским людям, и в то же время указание Божие, имеющее оградить Россию от посягательства других народов...» [11: с. 14].

Несмотря на то что понятия «этнос» и «нация» имеют различное смысловое содержание [17: с. 15; 20: с. 5], очевидно, что оба феномена не развиваются параллельно друг другу, есть множество моментов их взаимовлияния. Так, американский социолог К. Калхун пишет: «Современные нации часто имеют корни в старых этнических идентичностях» [12: с. 87], почему «в разговорах о нации часто используют язык родства и происхождения» [12: с. 89]. В свою очередь, советская этнография определяла нацию как высшую форму развития этноса, соответствующую капиталистической и коммунистической формациям (теория буржуазных и социалистических наций) [4: с. 294–310; 5: с. 7–8]. Концепция нации-этноса сохраняет своё влияние и в современной этнологии, а противостояние концептов нация-согражданство и нация-этнос не является непреодолимым, на что указывают многие современные исследователи [21: с. 9–10].

Таким образом, концепт национальной политики в силу своей двойственности требует особо внимательного с ним обращения, в частности в вопросах выстраивания государственной стратегии регулирования межэтнических отношений. Важнейшим вопросом такой стратегии, безусловно, является вопрос о нации, чрезвычайно болезненный для российской действительности. Представляется, что *крайние формы* этнического национализма, основанные на представлении об исключительности *русской* (а не российской) нации, могут сыграть деструктивную роль для российской государственности, равно как и для самого русского

народа. Однако и самоопределение *российской* нации как согражданства по-прежнему остаётся предметом острых дискуссий.

19 декабря 2012 г. Указом Президента РФ № 1666 была утверждена «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [26]. Необходимо отметить важный концептуальный момент – разведение понятий «нация» и «этнос» в тексте документа. В п. 8 «Общих положений» фигурирует термин «российская нация» как многонациональный народ Российской Федерации, включающий множество этнических общностей (т.е. полиэтническая нация). Характерно, что авторы Стратегии связывают российское государство непосредственно с «цивилизационным кодом». Россия, если следовать логике документа, – и государство, и цивилизация; россияне – и нация, и носители особых культурных ценностей. Другой принципиальной особенностью документа является указание на нациообразующую роль русского этноса (п. 11): «*Российское государство создавалось как единение народов, системообразующим ядром которого исторически выступал русский народ*. Благодаря объединяющей роли русского народа, многовековому межкультурному и межэтническому взаимодействию, на исторической территории Российского государства сформировались уникальное культурное многообразие и духовная общность различных народов» [26].

Безусловно, Стратегия вызвала широкий общественный резонанс и вряд ли можно согласиться с мнением о концептуальном и текстологическом «совершенстве» данного документа. Принимая во внимание формулировку современной российской нации, не стоит забывать о том, что её историческое начало есть «геополитическая катастрофа», распад Советского Союза; её история простирается не на сотни лет, а на два с лишним десятилетия. Как справедливо замечает в интервью социолог Л.М. Дробижева, россияне это «формирующаяся политическая нация» и «её не нужно насаждать» [16]. Идея цивилизационного кода, отмеченная в Стратегии, весьма примечательна, однако учитывая все исторические изломы отечественной истории, понятие цивилизации в тексте Стратегии вызывает ряд вопросов, самый главный из которых – историческое определение этой цивилизации. На протяжении последних столетий в философии, науке и публицистике высказывались идеи Российской, Русской, Славянской, Православной, Евразийской и даже Советской цивилизации. Иными словами, идея культурного кода страдает крайней неопределённостью. Роль же русского народа как системообразующего по отношению к российскому государству требует серьёзного обоснования, хотя бы в части истории Древней Руси, когда

русских как этноса не существовало, но была древне-русская народность, представленная различными племенами.

Сегодня, когда обсуждается так называемый Закон о российской нации, проблема национальной политики, её концептуальных основ и механизмов реализации стоит чрезвычайно остро. Несмотря на критику, следует признать важность Стратегии и необходимость анализа региональных перспектив реализации её основных положений.

Настоящий выпуск журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» посвящён дальневосточному вектору национальной политики России.

Отталкиваясь от принятого в отечественной научной традиции толкования концепта «национальная политика», в первый раздел тематического выпуска редакторы включили статьи, раскрывающие некоторые аспекты этнонациональной политики России в дальневосточном регионе. Одним из таких аспектов является политика в отношении коренных народов.

Статья *Ю.В. Аргудяевой*, открывающая первый раздел, посвящена исследованиям В.К. Арсеньева в области этнокультурного взаимодействия аборигенных и пришлых народов Приамурья. Основываясь на дневниковых экспедиционных записях русского этнографа и путешественника, Ю.В. Аргудяева рассматривает ключевые аспекты социокультурного взаимодействия, включая развитие торговых отношений, заимствование опыта и освоение новых видов деятельности.

Публикации *М.В. Осиповой* и *Г.Т. Титоровой* освещают вопросы национальной политики Советской России в Хабаровском крае. Исследование М.В. Осиповой раскрывает особенности советского опыта создания письменных языков для малочисленных народов, подчёркивается негативная роль репрессий в отношении этнографов и лингвистов. В статье Г.Т. Титоровой предпринята попытка реконструкции истории одного из крупнейших национальных хозяйств края – аркинского колхоза. Опираясь на исторический материал, автор обращает внимание на роль государства в развитии традиционной промысловой деятельности и сохранении этнической самобытности.

В статье *С.В. Бобышева* проделан анализ постсоветской государственной политики в отношении малочисленных народов Приамурья в 1990-е гг. В рамках изучения правового аспекта автор подчёркивает ряд негативных моментов данного периода: неопределённость правового статуса, подзаконный характер нормативных актов, нерешённость вопроса о территориях традиционного землепользования.

Важными аспектами этнонациональной политики России на Дальнем Востоке, несомненно, являются политико-правовое регулирование миграционных процессов и социокультурная адаптация мигрантов. Этим аспектам посвящены статьи *Л.А. Кривоносовой*, *Е.Ю. Довгополова*, *Т.В. Пономаренко*. Авторы отмечают сложную динамику этнокультурных трансформаций, наличие серьёзных рисков для дальневосточного общества, вызванных притоком мигрантов, ростом культурной дистанции между ними и местным населением. Более того, как пишет Л.А. Кривоносова, современная миграционная политика в регионе «...не в достаточной степени отражает её этнические проблемы и их влияние на развитие демографической ситуации».

Другим аспектом этнонациональной политики является политика в отношении представителей восточно-азиатских народов, в частности корейцев. Публикация *Е.А. Берестенниковой* посвящена вопросам реализации на советском Дальнем Востоке в 1920-е гг. кооперативной политики в отношении корейского населения.

Значимым направлением концептуализации национальной политики выступает исследование региональной (территориальной) идентичности. Представленный в первом разделе материал *О.А. Рудецкого* даёт общую схему взаимосвязи национальной (общероссийской), этнической и территориальной (дальневосточной) идентичности.

Второй раздел тематического выпуска журнала посвящён реализации национальных интересов России на Дальнем Востоке.

В историческом ключе рассмотрена роль транспорта региона как фактора национальной безопасности (статья *М.А. Ковальчука*). Автор подчёркивает, что в дальневосточных условиях (огромная протяжённость, удалённость и низкая плотность населения) создание транспортной инфраструктуры является важнейшим условием для преодоления отставания региона от центра страны.

Стратегии инновационной политики России на Дальнем Востоке посвящено исследование *Л.А. Моисеевой* и *В.Ф. Печерицы*. Рассмотрены инновационная стратегия, существующий потенциал её реализации, финансовая база и пр.

Политико-правовой аспект международных связей дальневосточных субъектов Российской Федерации рассматривается в публикации *С.А. Сидорова*. Автор отмечает, что Дальний Восток является «территорией соприкосновения геостратегических интересов крупнейших стран мира», а «...международное сотрудничество в рамках регионального пространства является эффективным полем реализации национальных интересов».

Анализ социально-экономического развития региона в период 2005–2015 гг. представлен в мате-

риале Ю.А. Павлова. По мнению автора, несмотря на большое количество реализуемых проектов, их «...явно недостаточно, чтобы регион стал локомотивом российской экономики в XXI в.».

Молодёжи как ресурсу развития Дальнего Востока, её политическому сознанию и психологии посвящены статьи О.А. Капцевич, М.О. Левадней, Е.Б. Марина.

Редакторы выпуска
канд. филос. наук О.А. Рудецкий,
д-р полит. наук Е.Н. Спасский

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андерсон, Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М. : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 288 с.
2. *Балибар, Э.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности / Э. Балибар, И. Валлерстайн. – М. : Логос-Альтера, Ессе Номо, 2003. – 272 с.
3. *Бердяев, Н.А.* Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. Письмо четвёртое. О нации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.vehi.net/berdyayev/neraven/04.html
4. *Бромлей, Ю.В.* Очерки теории этноса / Ю.В. Бромлей. – М. : Наука, 1983. – 416 с.
5. *Бромлей, Ю.В.* Этносы и этнические процессы в современном мире / Ю.В. Бромлей, П.И. Пучков // Народы мира. Историко-этнографический справочник. – М. : Сов. энцикл., 1988. – С. 7–16.
6. *Брубейкер, Р.* Именем нации: размышления о национализме и патриотизме / Р. Брубейкер // Ab Imperio: Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. – 2006. – № 2. – С. 58–79.
7. *Геллнер, Э.* Нации и национализм / Э. Геллнер. – М. : Прогресс, 1991. – 320 с.
8. *Гердер, И.Г.* Идеи к философии истории человечества / И.Г. Гердер. – М. : Наука, 1977. – 705 с.
9. *Гидденс, Э.* Социология / Э. Гидденс. – М. : Эдиториал УРСС, 2005. – 632 с.
10. *Дьекофф, А.* Переосмысление нации в «постнациональную» эпоху / А. Дьекофф, Е.И. Филиппова // Этнографическое обозрение. – 2014. – № 1. – С. 193–199.
11. *Ильин, И.А.* О русском национализме : сб. ст. / И.А. Ильин. – М. : Российский Фонд Культуры, 2007. – 152 с.
12. *Калхун, К.* Национализм / К. Калхун; пер. с англ. А. Смирнова. – М. : Издат. дом «Территория будущего», 2006. – 288 с.
13. *Козлов, В.И.* Этнос. Нация. Национализм. Сущность и проблематика / В.И. Козлов. – М. : Старый сад, 1999. – 341 с.
14. *Миллер, А.И.* Нация как система координат политической жизни / А.И. Миллер // Вестник российской нации. – 2009. – № 4. – С. 82–107.
15. *Народы и религии мира* / глав. ред. В.А. Тишков. – М., 1998.
16. *Нации не создаются законом* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://m.gazeta.ru/science/2016/11/07_a_10311521.shtml
17. *Петров, И.Г.* Этнос и нация, национальность и этничность (предназначение и смысл) / И.Г. Петров // Мир психологии. – 2009. – № 3. – С. 12–23.
18. *Ренан, Э.* Что такое нация? [Электронный ресурс] / Э. Ренан. – Режим доступа: hrono.ru/statii/2006/genan_naci.php
19. *Семёнов, Ю.И.* Народ, этнос, нация. Статья первая. Общество, население, этнос / Ю.И. Семёнов // Философия и общество. – 2013. – № 1. – С. 21–55.
20. *Семёнов, Ю.И.* Народ, этнос, нация. Статья вторая. Общество, политодемотия, нация / Ю.И. Семёнов // Философия и общество. – 2013. – № 2. – С. 5–27.
21. *Семёнов, Ю.И.* Социально-исторические организмы, этносы, нации / Ю.И. Семёнов // Этнографическое обозрение. – 1996. – № 3. – С. 3–13.
22. *Семёнов, Ю.И.* Философия. История. Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней / Ю.И. Семёнов. – М. : Современные тетради, 2003. – 776 с.
23. *Смит, Э.* Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий нации и национализма / Э. Смит. – М. : Праксис, 2003. – 464 с.
24. *Собуль, А.* Проблема нации в ходе социальной борьбы в годы Французской буржуазной революции XVIII века / А. Собуль // Новая и новейшая история. – 1963. – № 6. – С. 43–58.
25. *Соловьёв, В.С.* Русская идея / В.С. Соловьёв // Соловьёв В.С. Спор о справедливости. – М. : Эксмо-пресс; Харьков : Фолио, 1999.
26. *Стратегия государственной национальной политики до 2025 года* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://text.document.kremlin.ru/SESSION/PILOT/main.htm>
27. *Тишков, В.А.* Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма) / В.А. Тишков // Этнографическое обозрение. – 1998. – № 5. – С. 3–26.
28. *Тишков, В.А.* Нация и национальная идентичность в России / В.А. Тишков // Вестник российской нации. – 2008. – № 1. – С. 120–128.
29. *Тишков, В.А.* Этнический фактор и новейшая история государственной этнополитики России / В.А. Тишков // Вестник российской нации. – 2009. – № 6. – С. 45–61.
30. *Фадеечева, М.А.* Новые идеологемы этнонациональной политики: концептуальная реконструкция / М.А. Фадеечева // Вестник российской нации. – 2012. – Т. 2–3. – № 22–23. – С. 112–121.
31. *Ферро, М.* История Франции / М. Ферро; пер. с фр., предисл. Ю.И. Рубинского. – М. : Весь Мир, 2015. – 832 с.
32. *Фихте, И.Г.* Речи к немецкой нации / И.Г. Фихте. – СПб. : Наука, 2009. – 349 с.
33. *Хюбнер, К.* Нация: от забвения к возрождению / К. Хюбнер; пер. с нем. Ю.А. Антоновского. – М. : Канон+, 2001. – 400 с.
34. *Шиллер, Ф.* История Тридцатилетней войны / Ф. Шиллер // Шиллер Ф. Собрание сочинений. В 7 т. – М. : Гослитиздат, 1957.

СТАТЬИ

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

**ВЛАДИМИР КЛАВДИЕВИЧ АРСЕНЬЕВ
О МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ РУССКИХ
И КОРЕННЫХ НАРОДОВ ПРИАМУРЬЯ**

Ю.В. Аргудяева

Аргудяева Юлия Викторовна – доктор исторических наук, профессор Федерального государственного учреждения науки Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, главный научный сотрудник (г. Владивосток).

Контактный адрес: argudiaeva@mail.ru

Статья посвящена исследованию В.К. Арсеньевым межкультурной коммуникации и социокультурного взаимодействия русских и коренных народов Приамурья. На основе дневниковых экспедиционных записей В.К. Арсеньева рассматривается взаимовлияние в хозяйственной деятельности, материальной культуре, торгово-обменных отношениях. Характеризуется влияние русских и православной религии на духовную культуру и образовательный процесс у аборигенного населения. Показана негативная роль китайских купцов и русских торговцев в снабжении коренных народов спиртными напитками и предметами первой необходимости. Обращено внимание на ухудшение положения аборигенов в периоды революции, гражданской войны и первых лет советской власти в Приамурье.

Ключевые слова: В.К. Арсеньев, русские, коренные малочисленные народы, Приамурье, хозяйственная деятельность, материальная культура, торговля, взаимовлияние культур.

В сентябре 2017 г. исполнится 145 лет со дня рождения знаменитого исследователя Дальнего Востока – Владимира Клавдиевича Арсеньева (рис. 1). Собранные им сведения во время его многочисленных исследовательских экспедиций в южной части дальневосточного региона по археологии, географии, геологии, зоологии, ботанике, этнографии и другим наукам нашли отражение не только в его публикациях, но и в его знаменитых рукописных дневниках. Интерес к этим сведениям огромен до сих пор. Разнообразные стороны деятельности В.К. Арсеньева и общая характеристика его рукописных материалов, хранящихся в разных архивах страны, довольно подробно представлены в изысканиях ряда авторов [14–16].

Однако они почти не затронули изучение Владимиром Клавдиевичем проблемы взаимовлияния русского и аборигенного населения Приамурья.

В предлагаемой статье используются преимущественно свидетельства из путевых дневников Владимира Клавдиевича, хранящиеся во Владивостоке в архиве Общества изучения Амурского края (ОИАК), в Фонде В.К. Арсеньева (Ф. В.К. Арсеньева).

Исследование межкультурной коммуникации и социокультурного взаимодействия аборигенных и пришлых народов, процессов и результатов исто-

рических контактов по-прежнему остается актуальным и перспективным в этнографической науке. Особенно это важно для осваиваемых территорий, одной из которых до настоящего времени является юг Дальнего Востока России и его регионы, в частности, Приамурье, включавшее во второй половине XIX – начале XX в. Амурскую область и часть (низовья р. Амура) Приморской области.

A handwritten signature of V.K. Arsenyev in ink.

Рис. 1. В.К. Арсеньев в разные годы жизни

Именно в этот период, после воссоединения Приамурья и Приморья с Россией по Айгунскому (1859) и Пекинскому (1860) договорам, на территории Нижнего Амура начинается интенсивное взаимодействие живших здесь исконно тунгусо-маньчжурских и палеоазиатских народов с пришлым населением – восточными славянами (русские, украинцы, белорусы) с превалированием русских, корейцами и китайцами.

В конце 1840-х – начале 1850-х гг. на Нижнем Амуре развернулась деятельность Амурской экспедиции Г.И. Невельского, члены которой были первыми русскими, с которыми познакомились аборигенные народы этой территории. Вот что писал об этом В.К. Арсеньев:

«По рассказам орочей, первыми к ним явились гольдские купцы с Амура... Они спустились зимой с нартами и с собаками по льду реки Тумнина. Вслед за гольдами появились оттуда же и китайцы.... Спустя много времени с моря на судах пришли русские. Орочи сильно испугались. Русские сделали им подарки, но орочи не понимая значения их бросали дареные вещи на землю. Например, кусок мыла ороч пробовал есть и, видя, что оно невкусное – бросил в сторону. Не понимая смысла и значения денег – дареную серебряную монету ороч, повертев в руках, также бросал, как вещь ненужную и совершенно бесполезную. В то время много орочей жило в устье р. Тумнина (Селение Дата) и в устье реки Хуту (приток Тумнина, селение Хуту Дата). Ружей у них не было и люди стреляли зверя стрелами и били копьем. Уже после появления китайских купцов, незадолго до появления русских очень изредка у орочей стали появляться фитильные китайские изношенные старые ружья, купленные за большие деньги...¹» [3: л. 2–2 об.].

Постепенно взаимоотношения орочей и других аборигенных народов Приамурья с русскими менялись. Они стали воспринимать отдельные элементы русской культуры, осваивать новые виды деятельности (извоз, сенокосение и др.). По свидетельству В.К. Арсеньева, именно русские познакомили коренные народы низовий р. Амура с зерновыми культурами и изделиями из них. Об этом он писал во время экспедиции 1908–1909 гг.:

«Не более 20 лет назад орочи не имели никакого понятия ни о муке, ни о чумизе. И только с тех пор как в посту Константиновском (ныне – Советская Гавань. – Ю.А.) был основан пост – орочи впервые познакомились с мукой. Первый раз они не знали, что с нею делать и не решались ее есть, пока более храбрые не рискнули поесть хлеба на Посту у солдат там оставленных» [3: л. 2 – 2 об.].

Постепенно аборигены лучше познакомились с русскими, неоднократно обращались к последним за помощью. Они жаловались на произвол приезжавших сюда иностранных купцов, связывали с русскими свои интересы. Уже в первые годы появления русских на Амуре между ними и коренными народами начинаются экономические взаимоотношения. Так, уже зимой 1850 г. ульчи возили в Николаевск рыбу за 200 и более километров. Вскоре коренные жители начали менять рыбу на хлеб и картофель [13: с. 173]. В дальнейшем, на протяжении 1860–1917 гг. в процессе взаимодействия русских и коренного населения можно отметить ряд как положительных, так и отрицательных моментов.

Появление русских поселений в низовьях Амура первоначально проходило без ущерба для традиционного расселения аборигенного населения. По данным переписи 1897 г., в нанайских (гольдских), нивхских (гилякских), ульчских населенных пунктах не было русских. Их поселения располагались на определенном расстоянии, что было крайне важно при распределении рыболовных угодий (рис. 2).

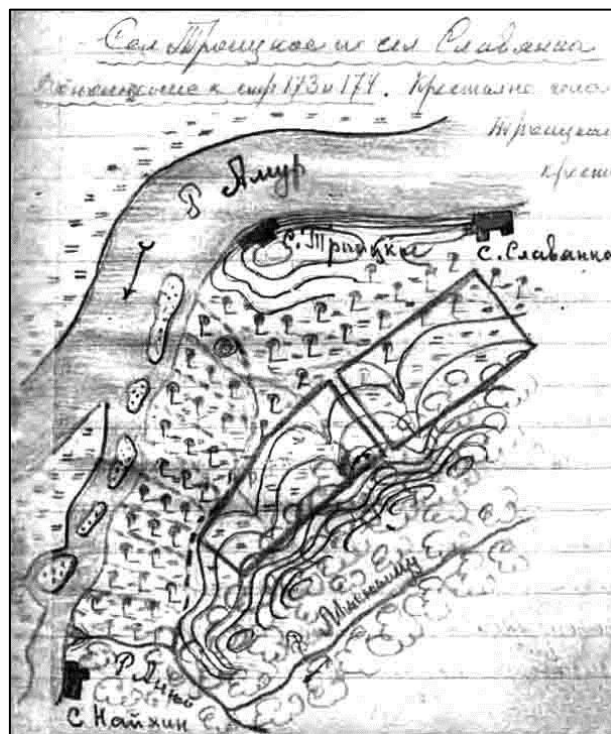

Рис. 2. План местности нанайского селения Найхин и русских селений Троицкое и Славянка (рисунок В.К. Арсеньева)

Источник. Архив ОИАК. Ф. 1. Д. 30. Л. 200.

Существенное влияние на взаимоотношения народов оказывали различные торговые операции, которые первоначально имели форму меновой торговли. Первыми купцами для живших на Среднем Амуре гольдов были китайские, для орочей и гиляков

¹ Здесь и далее в выбранных для публикации отрывках из дневников В.К. Арсеньева полностью сохранены орфография и пунктуация.

в низовьях Амура – гольдские. По свидетельству В.К. Арсеньева, особенно наживались китайские купцы:

«Орочи с р. Тумнина в селении Дата рассказывали, что гольды охотники стали ходить с р. Амуре лет 15 тому назад. Купцы же (гольдские. – Ю.А.)... приходили очень давно. Потом появились китайские купцы которые продавали свои товары, обменивая их на соболей по следующей таксе 1/2 фунта порошу – 1 соболев. Медное проволоочное кольцо – 2 рубля. Жестяной тазик сходил за серебряный; фитильное ружье – 15 лучших соболей на выбор» [3: л. 5].

С появлением русских значительно расширились торговые отношения, в частности, возникли новые ярмарки на реках Амуре, Амгуне, Горине, Урме, что позволяло не только расширить торговлю путем традиционного обмена, но и развивать денежное обращение. Деньги коренные народы получали как за продажу продукции своей деятельности, так и в качестве платы за услуги лодочников, доставленные дрова, сено и др. Это позволяло на вырученные деньги покупать в лавках разнообразные товары, приобщаться к иной культуре. В то же время по мере укрепления русского населения на Амуре торговля переходит в руки преимущественно российских предпринимателей, многие из которых буквально грабили местное население. На это обстоятельство неоднократно обращал внимание В.К. Арсеньев, в том числе во время экспедиции 1908–1909 гг.:

«Первый русский купец проникший в Императорскую Гавань по примеру китайцев был Гоголев из села Троицкого. Он ходил по р. Онюю и Копи. Уже впоследствии за ним пошел Берсенева из Вознесенского...» [4: л. 131 об. – 132].

«Везде около орочей основали свои фактории русские торговцы соболевщики: На р. Тумнине – Клок. В Императорской Гавани и на р. Ботчи – Марцинкевич, Степанов и Панов – сын (наездами). Панов и Берсенева самым бесцеремонным образом ростовщичничают своими товарами, ружьями, патронами, берут рубль на рубль и всюду кричат что они спасают орочей и оказывают им благодетельство, а орочи жалуются что купцы эти берут очень дорого и по их мнению это несправедливо. Кроме этих торгашей сюда налетают и купцы китайские. Китайцы еще более обирают орочен, отчего последние в долгу у них постоянно...» [4: л. 36 об. – 37].

«...Не такими хищниками торговцами являются русские, как китайцы – кулаки. Торгуют Панов, Берсенева, Клок и Марцинкевич. Китайцы – купцы да и Берсенева тоже дерут безобразные цены с орочей...» [4: л. 38].

«Большую помощь орочам в этом отношении оказывает смотритель маяка СВ. Николая г-н Майданов. Он отпускает орочам муку, сахар, свечи, рис, крупу и т.д. из своих запасов по ценам очень невысо-

ким (стоимость действительная + провоз и хранение) по установленной таксе» [4: л. 36 об. – 37].

С приходом русских к коренным жителям Дальнего Востока и прежде всего к нивхам и ульчам, поселения которых располагались ближе к русским деревням, в конце XIX – начале XX в. проникают новые отрасли хозяйствования. Нанайцы были расселены на более обширной территории и в тесные взаимодействия с русскими вступили несколько позже других коренных народов Амура.

От русского населения коренные жители стали перенимать опыт ведения земледельческого хозяйства, преимущественно в форме огородничества. Русская администрация поощряла такие занятия аборигенов и способствовала их развитию. В течение ряда лет по ее распоряжению в поселения нанайцев, нивхов и ульчей весной безвозмездно завозили семенной картофель и необходимые орудия труда [12: с. 22]. По свидетельству священников-миссионеров, нивхи из стойбищ Сидохи и Больба в 1896 г. уже успешно выращивали картофель, который служил им большим подспорьем в питании [8: с. 290]. В нанайских деревнях Найхин, Елида, Дален и др., помимо картофеля, аборигены в этот период выращивали морковь, свеклу, огурцы, капусту. Некоторые нанайские семьи даже продавали избыток капусты [9: с. 178].

Следует отметить, что навыки огородничества прививали местному населению не только русские крестьяне, миссионеры, учителя в конце XIX – начале XX в., но и проживавшие в бассейне Амура корейцы и китайцы. Как отмечал В.К. Арсеньев в 1926 г., такие процессы происходили в хозяйствах гетерогенных семей, возникших в результате браков, заключенных между аборигенами и представителями восточно-азиатских народов. Правда, чаще это происходило не на самом Амуре, где влияние русских в этот период было уже велико, а на его притоках, например на р. Анюй [5: л. 158–159].

Взаимовлияния между аборигенами и другими народами были и в других областях хозяйства. Известно, что прибывшие в 1850–1860-е гг. на Амур русские крестьяне-земледельцы практически не были знакомы с рыболовством. Но в связи с тем что земледелие и зерновое хозяйство в этой местности в силу местных природных условий не оправдало себя [1: с. 18–19], крестьянам пришлось осваивать новые занятия, в частности рыболовство. В этом промысле они стали применять местные формы лодкопостроения, заездки, сети, изготовление которых осуществляли местные мастера из коренного населения. Материалом для сетей (нитки) и лодок (доски) мастеров снабжали крестьяне. По всему Амуру русские использовали сети аборигенов – мешкообразные плавные и ставные (подледные). Рыбаки, прибывшие в конце XIX – начале XX в. на Амур с Волги и из

других районов страны, не только использовали местные способы ловли рыбы, но и усовершенствовали традиционный заездок нивхов, сделав его вдвое более уловистым, чем воспользовались и нивхи. Под влиянием русских произошли и другие перемены в рыболовном промысле у коренного населения (например, крючковые снасти сменили менее уловистые снасти традиционной формы). Произошли перемены и в технике лова – плавные сети стали сплавлять не с двух лодок, как раньше, а с одной, что требовало вдвое меньше и людей, и лодок. Заимствовали от русских и «махалки» для подледного лова с использованием фигурок рыбок из металла с несколькими крючками. В рацион русских все шире входили рыбные блюда, а в повседневную пищу коренных народов – изделия из муки, крупы и других продуктов, ранее им не известных. Это отметил в своих дневниковых записях В.К. Арсеньев:

«Не смотря на соседство с Китаем амурские гольды научились пить чай от русских, а до тех пор о чае они не имели понятия» [2: л. 59 с об.].

Помимо приобретения продуктов питания и товаров, ставших уже предметами первой необходимости, на местах, представители коренных амурских народов в начале XX в. привозили их из Хабаровска. По этому поводу В.К. Арсеньев писал:

«Все предметы первой необходимости както муку, чумизу, соль, свечи, спички, керосин, холст, веревки, нитки и т.п. местные гольды и орочены закупают осенью в г. Хабаровске, а зимой на нартах по льду реки доставляют вверх на нартах с собаками» [2: л. 68].

Основные заимствования у русских в области охотничьего промысла народами Нижнего Амура первоначально ограничивались огнестрельным оружием, которое имело громадное значение в увеличении добычи как пушного, так и мясного зверя. До прихода русских постоянного источника приобретения оружия у коренных народов Приамурья не существовало, его только периодически приобретали у китайских купцов.

Благодаря русским среди аборигенного населения получили распространение различные ловушки на пушного зверя падающего типа, способ добычи лосей петлями и др. В свою очередь и русские применяли традиционные способы охоты аборигенов на соболя, в частности «слопцы» (давящие ловушки на бревне) [11: с. 93] и добычу этого зверька сеточкой-рукавчиком (рис. 3).

Рис. 3. Приспособление тунгусов для расправления и растягивания шкурки соболя (рисунок В.К. Арсеньева)

Источник. Архив ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 27. Л. 68 об.

С приходом русских произошли и определенные изменения и в материальной культуре аборигенных народов. Так, в области средств передвижения с русскими связано распространение на Амуре более совершенной упряжки собак, в которой собака тянет нарту грудью, а не шеей, как это было принято у коренных народов, и так называемой восточно-сибирской, или русской, с вертикальной дугой нарты, вмещавшей много груза. Последняя более сложна в изготовлении, но отличалась и величиной, и удобствами в эксплуатации. В то же время и русские заимствовали у коренных жителей транспортные средства, необходимые прежде всего для промысловой деятельности – ручную охотничью нарту и камусные лыжи, применявшиеся охотниками. Почти в каждом русском хозяйстве получили распространение амурские плоскодонные лодки, хотя русские использовали и килевые лодки. Но берестяные лодки – оморочки коренных народов постепенно вытеснялись дощатыми оморочками, применявшимися крестьянами в охотничьем промысле и рыболовстве (особенно при добыче рыбы остройгой).

Немалое значение в развитии транспортных средств имело и заимствование у русских лошади. Этому способствовало сокращение масштабов ездового собаководства. Последнее произошло по мере роста товарности рыболовства, появление способа консервации (засолки) рыбы, периодически повторяющихся плохих ходов лососевых рыб – основного корма для собак. Все это приводило к ежегодному уменьшению лососевых, а следовательно, и к сокращению кормовых запасов для собак. Появление лошадей позволило коренным народам быстрее приспосабливаться к изменяющимся условиям жизни в Приамурье, в частности, при занятии извозом заменить собак на лошадей.

Все народы Приамурья научились у русских возводить жилища срубного типа и более совершенные хозяйственные постройки (рис. 4). Вначале это была модернизация традиционных «балаганов» – небольшие (всего 3–4 венца) срубные дома с двускатной крышей, с примитивным навесом перед входом. Такие жилища сочетали срубную и традиционную пазовую технику (по-прежнему крыша покоилась на продольных слегах, лежащих на вертикальных столбах, которые ставились в средней части поперечных стен жилища). В конце XIX в. в отчете Камчатской духовной миссии по гилякам (нивхам) отмечалось, что в стойбище Май начинают строить юрты из толстых бревен и с потолками; в стойбище Дуджи гиляк Стефан Харангину построил юрту из бревен, на мху и даже «в лапу»; некоторые строили и «в угол» (приемы срубной

техники у русских); в стойбище Улан много юрт с потолками, один русский дом и одна юрта с окнами из стекол, вместо рыбьей шкуры; у многих есть керосиновая лампа, вместо едва мигающих и страшно коптящих жирников [7: с. 297]. В жилище, принадлежавшем старшине гиляцкого стойбища Больба, помимо дощатого потолка и окон со стеклами была выстроена, как и у русских, внутренняя перегородка, разделяющая здание на две половины – «черную» и «белую». Внутреннюю часть жилища хозяин в зимнее время обогревал железным камином, собираясь в будущем заменить его на кирпичную печь русского образца, пригодную для выпечки хлеба [7: с. 290].

Рис. 4. Внешний и внутренний вид зимней полевой палатки с железной печкой (рисунок В.К. Арсеньева)

Источник. Архив ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 27. Л. 95.

Дома русского типа – срубные, с крышей на стропилах, с потолком и полом, с железными печами и даже плитами, с застеклёнными окнами – в начале XX в. появились в поселениях и других амурских народов. Об этом В.К. Арсеньев сделал записи в своём полевом дневнике:

«Первые дома орочи начинали делать по настоянию русских священников. Первый дом выстроил Иван Михайлович Бизанка на р. Хади, он же первый выучился говорить по русски и научил дома строить и прочих своих сородичей» [3: л. 111 с об.].

У орочей, живших в 26 поселениях в районе Императорской Гавани, из 47 жилищ 13 были построены по-русски. Причем один дом был построен русским крестьянином Павлом Берсеньевым по заказу зажиточного орочена [6: с. 203, 207; 10: с. 194].

В эти годы в домах зажиточной части представителей нижеамурских народов можно было увидеть полы и наличники на окнах, окрашенные масляной краской, зеркала, лампы с абажурами и другую русскую обстановку [13: с. 213–214]. Постепенно прививалась и санитария – пол в жилище часто подметался, многие каждое утро умывали лицо и руки. У нанайцев Горинского стана (с. Нижне-Тамбовское) вошли в обиход индивидуальные полотенца [10: с. 193].

По свидетельству В.К. Арсеньева, зажиточные орочи не скупилась на дорогие покупки:

«Некоторые орочи, живут настолько зажиточно, что имеют возможность тратить такие деньги как 120 руб. на покупку граммофона, 175 руб. на покупку винтовки, 100 руб. на золотые часы, 30 руб. на ванну и т.д.» [4: л. 38].

Взаимовлияния в одежде стали проявляться на Нижнем Амуре уже с 1850–1860 гг. Первоначально это были подаренные или приобретенные на ярмарках различные предметы готовой русской одежды – сапоги, картузы, кафтаны, головные женские платки и т.п. Причем мужская русская одежда распространялась гораздо шире и быстрее, чем женская. В этом определенную роль сыграли миссионерские школы, где учились преимущественно мальчики. Им безвозмездно выдавали одежду и обувь русского образца. В отдаленных от русских поселений стойбищах основная масса коренного населения в конце XIX в. носила еще исключительно традиционную одежду, о чем писал в своих дневниках В.К. Арсеньев в первое десятилетие XX в.:

«Еще очень недавно лет 20–30 тому назад все орочи носили исключительно одежду из кожи зверей и из рыбьей кожи и только теперь начали покупать сукно, полотно дрель и шить из них себе костюмы» [3: л. 2 с об.].

И все же под влиянием распространения русских тканей постепенно выходили из употребления отдельные традиционные элементы одежды, так как их изготовление из местных материалов (шкуры, кожи) требовало много времени и труда. Сказалось здесь и сокращение объемов охоты на таежного и морского зверя, которые и давали естественные материалы для изготовления традиционной одежды и обуви. Однако зимняя одежда и обувь, особенно промысловая, оказавшаяся удобнее русской в местных природных условиях, сохранялась повсеместно. Более того, отдельные ее элементы, особенно обувь, были заимствованы русскими. Под влиянием русской культуры заметно

изменилось искусство украшения одежды, ее покрой, использование цветовой гаммы. Так, фарфоровый русский бисер изменил колорит и фактуру вышивки у эвенов и негидальцев. Широкое распространение получили цветные материя и нитки.

Под влиянием русских большие изменения произошли и в других сферах жизнедеятельности коренных народов. В их социальной организации стали нарушаться кровно-родственные связи, их стали заменять территориальные. Патриархальное рабство после прихода русских постепенно уничтожалось. Шел процесс развития классовых отношений; появилось имущественное неравенство, которое приводило к нарушению традиций, норм обычного права.

Размыванию норм обычного права и развитию культурного уровня коренных народов во многом способствовала ортодоксальная православная церковь через свои духовные миссии. Деятельность миссионера среди аборигенов южной части Дальнего Востока охватывала довольно широкий спектр действий. Посещая стойбища коренного населения, священник-миссионер (если не знал языка аборигенов, то с помощью переводчика) проводил среди аборигенов беседы о преимуществе христианства перед язычеством, о различных насущных вопросах жизни. В стойбище он непременно совершал молебен и различные требы: крестил, отпевал ранее умерших и т.п.; разрешал различные споры и недоумения, давал советы, записывал просьбы, которые были вне его компетенции. Здесь же, в стойбище, священником-миссионером проверялись в знании молитв, арифметики, чтения и письма по-русски учившиеся раньше в миссионерской школе дети аборигенов. Миссионер оказывал и определенную медицинскую помощь для практически лишенного медицинского обслуживания населения. Она выражалась как в раздаче лекарств, для чего имелись специальные аптечки, так и в оспопрививании.

Миссионеры наряду с распространением христианства создавали для детей миссионерские церковно-приходские школы, финансируемые православной церковью и созданным в ее рамках Православным миссионерским обществом. В школах миссионеры видели одно из средств «...поднять уровень религиозной и нравственной жизни...» [8: с. 297] местных народов, т.е. практически это была одна из форм христианизации населения.

Для лучшей организации дела в миссиях были организованы так называемые гиялцкий и гольдский отделы, в каждый из которых входили по нескольку миссионерских школ. В некоторых из них обучались вместе дети коренных и русского народов, среди школьников преобладали мальчики. Часть детей из-за отдаленности стойбищ от миссионерских станом, где находились школы, жила в

интернатах. Школы и интернаты обычно помещались в зданиях, принадлежащих миссионерскому обществу, в частности в доме священника, или в частных помещениях, сдаваемых внаем местными крестьянами.

Совместное обучение русских детей и детей аборигенов и проживание в русских семьях – в иной этнокультурной среде, безусловно, способствовало взаимовлиянию культур, приобщению коренного населения к русскому языку и русской культуре с детских лет и положительно влияло на межкультурную коммуникацию.

В миссионерских школах, помимо Закона Божьего, священник и псаломщик преподавали чтение, письмо, арифметику и церковное пение. В некоторых школах (Софийской и Мариинской) дополнительно к этому ученики знакомились с отечественной историей и географией. При Мариинской, Софийской, Приохотской и Приамгунской миссионерских школах были открыты ремесленные отделения. Здесь русские крестьяне обучали детей аборигенов бондарному и отчасти сапожному мастерству.

В начале XX в., во время экспедиции 1908–1909 гг., в одной из миссионерских школ побывал и сделал свои записи В.К. Арсеньев:

«Миссионерская школа стойбища Найхэ.

Учеников 60 человек с 8 окрестных стойбищ Торгон, Донг Динь, Халан, Найхи, Дерга, Гордома, Дады и Юлан... Кроме того сюда вошли еще две юрты Сусу.

Дети в школе получают обед и ужин. Для них при школе сделано общежитие на 40 учеников.

Учитель жалуется что не все родители посылают в школу детей, а если и посылают то с пропусками, неаккуратно и не докончив годовых занятий рано берут их на каникулы.

Одной из причин нежелания учить грамотности своих детей – это опасения, что дети их должны будут тогда отбывать воинскую повинность.

Школа основана с октября 1900 г. на средства миссионерства.

Взрослых учеников нет, девочки не учатся. Детей учат вообще русскому языку, чтению, письму, первоначальным понятиям о счислении и закону Божию. Мальчики относятся доверчиво, учатся охотно, весьма способны к рисованию, но этому много мешают их матери.

Гольды повинности по отношению к школе несут очень неохотно, уклоняются и вообще делу обучения детей совершенно не сочувствуют» [2: л. 60 с об.].

Начавшаяся с 1860-х гг. христианизация аборигенных народов Дальнего Востока проходила волнообразно. Она активизировалась в 1870–1880-е гг., затем в конце 1890-х гг., в начале XX в. Но приверженностью к христианству отличались, пожа-

луй, только эвенки. Остальные коренные народы христианизацию первоначально почти не воспринимали. И хотя большинство крещеных нанайцев надевали крестики в церкви, во время приезда священников, они ходили в храм в основном из любопытства. Иконы обычно хранили в ящиках для утвари, доставая их как во время устраиваемых в селе молебнов, так и во время традиционных промысловых молений, полагая, что это отнюдь не повредит промыслу, а помочь может [13: с. 216–217].

Аналогичную картину наблюдал В.К. Арсеньев у орочей:

«О том что орочи числятся православными только на бумаге может свидетельствовать их отношение к священнику и к обряду и к кресту, который они носят. Они называют его, т.е. крест "Севохи" т.е. точно также как они называют всякое изображение человека, рыбы, змеи или птицы... шаманят в случае болезни.

Священника они приравнивают к шаману и говорят, что он не может лечить болезни так как это делает их орочий шаман. Естественно, что этот последний в их глазах стоит выше священника. Основы христианского учения им совершенно неизвестны» [3: л. 112 с об.].

Преобразования в социально-экономическом развитии коренных народов Нижнего Амура в конце XIX – начале XX в. не всегда носили положительный характер. Зависимость от местного чиновничества, которое по-разному относилось к русским крестьянам и коренным народам, ставило их в определенные периоды в разные условия существования. Эту ситуацию подметил и Владимир Клавдиевич Арсеньев:

«Гиляков обидели и в военное время (имеется, очевидно, в виду Русско-японская война 1905 г. – Ю.А.). Их заставляли возить грузы, быть проводниками, носильщиками, заставляли проделывать путь для пароходов по озеру Кизи и т.д. и никому не заплатили денег, когда как за ту же работу более легкую, щедро платили русским крестьянам. Они не верят ни документам, ни жалобам, ни прошениям, не верят во власть Генерал Губернатора. Сами русские подрывают престиж свой в глазах местных инородцев, отталкивая их от себя, а не располагая в свою пользу» [2: л. 108 об.].

Действительно, по мере развития капиталистических отношений взаимодействия коренных народов и некоторых групп русского населения усложнились. Если, как правило, у аборигенов и крестьян-старожилов взаимоотношения складывались обычно хорошие, то с рабочими, приезжавшими на рыбообработку и с крестьянами-новоселами, переселившимися в начале XX в., они оставляли желать лучшего.

Это отмечал В.К. Арсеньев у орочей Императорской Гавани во время экспедиции 1908–1909 гг.:

«Там где появляются русские переселенцы, а еще хуже русские чернорабочие, орочи бросают свои насиженные места, свое имущество (всего нельзя увезти на лодках) и бегут, иногда даже под давлением тех же русских. Так орочи в бухте Ваннина, бросили свои места и переселились частью на р. Копи, частью на р. Тумнин.

Орочи жалуются, что русские обирают их балаганы, грабят не только имущество но и продовольствие, разоряют амбары, взламывают замки, убивают сторожевых собак, чего не могут унести – бросают в воду (муку, табак и т[ому] под[обное]). Вследствие этого орочи остались на зиму без продовольствия. Мука была пожертвована в 1905 г. Амбары разграблены в 1907 году» [4: л. 35].

Наплыв русских и иностранных промышленников, широкое развитие капиталистического предпринимательства и введение новых орудий труда, обусловивших хищническую рыбодобычу, подрывали запасы рыбы в Амуре. Ее с каждым годом становилось все меньше, что отрицательно сказывалось на традиционном хозяйстве коренных народов.

«Старожилы на р. Амуре, занимающиеся много лет рыболовством утверждают что калуги заметно стала меньше. Они приписывают это исключительно тому, что рыбу эту сильно вылавливают в период икрометания на мелких местах....» [4: л. 89].

Одним из отрицательных моментов социально-экономического развития Приамурья, неоднократно отмечавшимся многими исследователями, чиновниками и миссионерами, было широкое распространение на Амуре во второй половине XIX – начале XX в. спиртных напитков. Они появились по мере развития торгово-обменных операций с разными народами, пришедшими на р. Амур, но еще до прихода туда русских.

«По рассказам орочей... Китайцы первые привезли спирт. Спустя много времени с моря на судах пришли русские....» [3: л. 2].

Привозили китайцы спирт и ханшин и в последующие годы. Во всяком случае, во время экспедиции 1908–1909 гг. об этом свидетельствует В.К. Арсеньев:

«Русские старожилы подтверждают, что не только в прежнее время китайцы привозили ханшин на Амур из Харбина и Сан-Сина, но и в настоящее время спирту и ханшину сплавляется по р. Сунгари на Амур огромное количество» [4: л. 47].

Распространение спиртных напитков происходило в том числе и не без помощи русских промышленников и крестьян. Их привозили и на ярмарки, и в стойбища, и в семьи аборигенов. Причем последние употребляли спиртное нередко именно по примеру русских крестьян. В распространении

спиртного среди населения свою отрицательную роль сыграли повсеместно открывавшиеся в дореволюционный период кабаки.

После событий октября 1917 г. и завершения на Дальнем Востоке гражданской войны жизнь в Приамурье как коренных, так и русского народов значительно ухудшилась. Основные причины этого – разорение крестьянских и аборигенных хозяйств в период установления в Дальневосточном регионе советской власти, общая разруха в стране, отсутствие средств, монополизация различных отраслей хозяйства. Это объективно отметил в своих исследованиях В.К. Арсеньев во время Анюйской экспедиции 1926 г.:

«...Революция и гражданская война очень неблагоприятно отразились на туземном населении Амура. Если Амурские крестьяне обеднели, то гольды просто обнищали. Охота стала давать меньше, а потребности жизни возросли; к этому надо прибавить недостаток и иногда даже полное отсутствие предметов первой необходимости, плохое их качество и невероятно высокие цены на них.

Они еще держатся промыслами на белку и лису, цены на которые (невысокие, кстати сказать) монопольно устанавливает Госторг или Дальгосторг. Охота на пантачей, ловля соболей почти угасают. Лов осетровых запрещен, промысел лососевых ограничен...» [5: л. 77–78].

«...Туземное население обнищало. После революции они стали жить гораздо хуже чем до войны и революции... Причиной падения их материального благосостояния является то обстоятельство, что они очутились в тесных рамках по сбыту пушнины. В былое время была свободная конкуренция которая набивала цену на меха и жизнь была дешевая. Теперь наоборот Госторг цены на пушнину монополизировал и сильно снизил, а жизнь вздорожала более чем в два раза. ...На соболя спрос упал. С рыбой тоже дела пошли худо. Раньше у них рыбу скупали различного рода частные предприниматели. Теперь предприниматели ликвидировали свои дела.... Гольды... стали возить рыбу в город в свежем виде. ... Случается что целую лодку карасей они продают в Хабаровске за 3 рубля. Эта сумма не оплачивает труда и расходов на поездку и принуждает их возвращаться с пустыми руками....» [5: л. 21–24].

«...Недоловы рыбы не позволяют им держать достаточно собак, а за отсутствием собак они не могут уходить далеко на промыслы (соболевание). Гольды стали искать других источников к жизни. Некоторые из них пробуют ... заниматься огородничеством, извозом на собаках...» [5: л. 25].

В.К. Арсеньев неоднократно высказывал свою тревогу за будущее коренных народов, утрату их

самобытности. Об этом он много писал во время Анюйской экспедиции 1926 г.:

«...Чтобы идти в уровень с русскими крестьянами туземцы должны сразу изменить весь уклад своей жизни, а это невозможно. В этом заимствовании чужой культуры... нигде и никогда прыжков не бывает. Ломка их прежнего строя и искусственное введение последних слов европейской цивилизации, от которой они способны взять не сущность, а лишь поверхностную оболочку приведет к гибели всего племени...» [5: л. 79–80].

В то же время сложившаяся социально-экономическая ситуация и межкультурная коммуникация способствовали осваиванию коренными амурскими народами новых видов хозяйственной деятельности, что и отметил в своих дневниковых записях Владимир Клавдиевич:

«Некоторые (гольды. – Ю.А.) из них завели лошадей и по примеру крестьян начали заниматься извозом, поставкой дров на пароходы и даже поблизости извозным промыслом... Гольды постепенно переходят от кочевого образа жизни к оседлому, число и размеры огородов увеличиваются. Те кто имеет огороды живут лучше тех которые их не имеют. "Хотят жить по русски" говорят старожилы крестьяне... Гольды народ способный, не тупой. Ныне среди них можно найти кузнецов, которые довольно хорошо куют лошадей. Они все хорошие столяры и резчики по дереву... Теперь можно найти и бондарей, и слесарей. Рыболовство сократилось охота сходит на нет и это обстоятельство принуждает их менять весь уклад жизни...» [5: л. 79–80, 137, 146, 147, 149].

Несмотря на разруху после революции и гражданской войны, уже в 1920-е гг. в Приамурье, как и по всей стране, произошел ряд положительных преобразований. Они касались не только социального развития, где произошли существенные позитивные перемены, но и хозяйственной деятельности коренных народов. Безусловно, на благосостояние семьи аборигена еще значительное влияние оказывали сезонные природные условия, недостаточная организация деятельности некоторых созданных в советское время государственных организаций и учреждений, но постепенно население приспособлялось к новым условиям жизни. И это отметил В.К. Арсеньев во время Анюйской экспедиции 1926 г.:

«После войны и во время революции, во время повседневной разрухи туземцы начали быстро нищать примитивное и без того хозяйство их стало быстро разрушаться еще быстрее чем русское оседлое. Гольды впали тогда в крайнюю бедность. Но затем когда по Амуру появились в селениях фактории Дальгосторга, Кооперации, Охотничьи Союзы, когда они

в них стали получать кредит под пушину они вновь стали быстро оправляться...» [5: л. 204].

Полевые материалы В.К. Арсеньева показывают, что аборигенные народы южной части Дальнего Востока во второй половине XIX – первой трети XX в. интенсивно общались с пришлым населением. Многообразные контакты, особенно с русскими крестьянами и православным духовенством, естественно, сказывались на жизни всех этих народов во всех ее проявлениях, обогащая и развивая как традиции, так и новации в их традиционной культуре. В то же время нельзя не отметить, что в процессе взаимодействия и взаимовлияния аборигенных и пришлых народов наблюдались как положительные, так и отрицательные моменты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аргудяева, Ю.В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е годы XIX в. – начало XX в.). / Ю.В. Аргудяева. – М. : ИЭА, 1997. – 314 с.
2. Архив Общества изучения Амурского края (Архив ОИАК). – Ф. В.К. Арсеньева. – Оп. 1. – Д. 3.
3. Архив ОИАК. – Ф. В.К. Арсеньева. – Оп. 1. – Д. 10.
4. Архив ОИАК. – Ф. В.К. Арсеньева. – Оп. 1. – Д. 11.
5. Архив ОИАК. – Ф. В.К. Арсеньева. – Оп. 1. – Д. 30.
6. Камчатские епархиальные ведомости. – 1896. – № 10.
7. Камчатские епархиальные ведомости. – 1896. – № 14.
8. Камчатские епархиальные ведомости. – 1897. – № 14.
9. Камчатские епархиальные ведомости. – 1898. – № 10.
10. Камчатские епархиальные ведомости. – 1898. – № 11.
11. Пржевальский, Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869 / Н.М. Пржевальский. – М. : Гос. изд-во географ. лит., 1947. – 310 с.
12. Смоляк, А.В. Ульчи. Традиционное хозяйство, культура, быт в прошлом и настоящем / А.В. Смоляк. – М. : Наука, 1966. – 290 с.
13. Смоляк, А.В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина / А.В. Смоляк. – М. : Наука, 1975. – 232 с.
14. Тарасова, А.И. Владимир Клавдиевич Арсеньев / А.И. Тарасова. – М. : Наука. 1985. – 344 с.
15. Хисамутдинов, А.А. Его звали Арсеньев-Уссурийский : док.- истор. очерк // Записки Общества изучения Амурского края. Т. XXXI / А.А. Хисамутдинов. – Владивосток, 1997. – С. 120–134.
16. Хисамутдинов, А.А. «Мне сопутствовала счастливая звезда...». Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872–1930 гг.) / А.А. Хисамутдинов. – Владивосток : Дальнаука, 2005. – 256 с.

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ ГОРОДСКОГО СООБЩЕСТВА

Н.М. Байков

Ю.В. Березутский

Ю.А. Мельницкая

Байков Николай Михайлович – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Дальневосточного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Хабаровск)

Контактный адрес: nmbaikov@rambler.ru

Березутский Юрий Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, заведующий научно-исследовательской лабораторией Дальневосточного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Хабаровск)

Контактный адрес: uriy-dvags@yandex.ru

Мельницкая Юлия Александровна – младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории Дальневосточного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Хабаровск).

Контактный адрес: ua.melnickaya@gmail.com

Представлены результаты социологических исследований по проблемам межнациональных отношений на примере городского округа «Хабаровск», а также данные вторичного анализа исследовательских центров России. Дана социологическая оценка состояния межнациональных отношений в общественном сознании, выявлены детерминирующие их факторы и условия, их взаимозависимости. Предложены меры по их гармонизации средствами образования, культуры, профилактики конфликтов в межнациональных отношениях.

Ключевые слова: межнациональные отношения, социологические исследования, общественное мнение, трудовые мигранты, национальный состав, городской округ «Хабаровск».

Межнациональные отношения – это сложные социальные связи, складывающиеся между представителями разных национальностей, которые формируются под воздействием различных социальных факторов и средств массовой информации. Эти отношения влияют на комфортность проживания и социальное спокойствие в среде жизнедеятельности населения. Гармонизация межнациональных отношений – важный процесс, являющийся залогом спокойствия, мира и стабильного развития.

Достижение гармоничности в межнациональных отношениях – актуальная задача для органов власти любой территории, где проживают люди разных национальностей. Социологический анализ общественного сознания, сложившихся и доминирующих в нем представлений, связанных с проблемами межнациональных отношений, реальными ожиданиями от них граждан, является непременным условием для их гармонизации.

По данным мониторинга ВЦИОМ (1990–2015), проблема межнациональных отношений стоит далеко не на первом месте среди проблем, реально волнующих россиян. Более 70 % граждан испыты-

вают спокойствие при общении с людьми иной национальности, но более четверти (27 %) опрошенных россиян видят в заселении страны представителями иных национальностей реальную проблему. Половина опрошенных (52 %) считают, что представители некоторых наций и народов раздражают их, поскольку не хотят считаться с обычаями и нормами поведения, принятыми в России [1].

По результатам всероссийского исследования ВЦИОМ в 2014 г., межнациональные отношения в России за 7 лет стали напряженнее, нетерпимее (табл. 1).

По данным статистики, подавляющее большинство (около 90 %) населения Хабаровского края идентифицируют себя с русскими. При этом на десятую часть жителей края приходится более сотни представителей других национальностей. Кроме коренных малочисленных народов, состав дальневосточного населения был во все времена освоения этого макро-региона России многонациональным. Его формировали не только прибывшие по разным причинам из центральной части Российской империи, а позже и СССР, но и из сопредельных стран (Китай, Корея и др.). Размещение национального состава населения на

территории Хабаровского края неравномерное и большей частью концентрируется в городской местности, преимущественно в городских округах «Хабаровск» и «Комсомольск-на-Амуре».

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Как, на Ваш взгляд, за последний год изменились межнациональные отношения в России?»

Вариант ответа, % от числа опрошенных	Годы	
	2006	2013
Они стали напряженнее, нетерпимее	36	49
Какими были, такими и остались	40	39
Стали более терпимыми	17	9
Затрудняюсь ответить	7	3

Источник. Межнациональные отношения в России [Электронный ресурс]: мониторинг. № 2501. / ВЦИОМ. М. 2014. Режим доступа: <http://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/social-problems/interethnic/article/mezhnacionalnye-otnosheniya-v-rossii-monitoring.html>.

Одним из факторов детерминации межнациональных отношений жителей городского округа выступают волнующие их проблемы жизнедеятельности. Рейтинг проблем в общественном сознании образуют общероссийские и местные факторы и условия, вызывающие обеспокоенность городского сообщества*. Ведущее место среди них занимают социально-экономические условия. Горожан волнуют проблемы материального положения, низкие заработки, дороговизна и низкое качество лечения и лекарств, рост цен на услуги ЖКХ, жилищная проблема (высокие цены на покупку/аренду жилья, его ветхость и изношенность), коррупция, произвол чиновников. Так, если в 2014 г. улучшение своей жизни отмечали 34,7 % опрошенных, то в 2016 г. их доля сократилась (29,1 %). Ухудшение своей жизни в 2014 г. отмечал каждый пятый житель (22,1 %), в 2016 г. – третья часть опрошенных (30 %). Сократилась и доля тех, кто не заметили изменений в своей жизни (соответственно с 40 до 36 %).

Выявлена и определенная специфика восприятия этих проблем в общественном сознании населения. Так, молодежь, в отличие от других возрастных групп, более оптимистична – ее в меньшей степени волнуют проблемы и она менее остро реагирует на существующие «вызовы», ее меньше интересует

геополитика (санкции, ситуация в Украине). Молодежь в большей степени обеспокоена ростом цен, жилищной проблемой, своим заработком и возможной безработицей. Она хочет иметь высокооплачиваемую работу и хорошие жилищные условия.

Жители среднего возраста острее ощущают свои проблемы. Но, как и молодежь, они в первую очередь актуализируют проблемы экономического плана, добавляя к ним рост цен на услуги ЖКХ, здравоохранение.

Жители пенсионного возраста еще в большей степени обеспокоены уровнем и качеством своей жизни. Для них первостепенными проблемами являются рост цен и дороговизна лекарств. Они более остро оценивают социально-политические проблемы – коррупцию, геополитические проблемы, миграционный отток населения Дальнего Востока (табл. 2).

Таблица 2

Ранжирование проблем беспокойства и тревоги населения, % от числа опрошенных

Вариант ответа	Молодежь	Средний возраст	Пенсионеры	Всего
Рост цен на товары и услуги	48,1	55,9	60,5	55,0
Рост цен на услуги ЖКХ	27,9	46,8	61,2	45,5
Жилищная проблема (высокие цены на покупку/аренду жилья, его ветхость и изношенность)	46,1	44,5	36,1	42,8
Материальное положение, низкие заработки	41,6	40,1	34,7	39,2
Дороговизна и низкое качество лечения, лекарств	24,0	33,4	52,4	35,7
Коррупция/взятничество чиновников	26,6	28,4	39,5	30,7
Алкоголизм, пьянство	28,6	26,4	32,0	28,3
Безработица или опасность потерять работу	29,2	29,4	21,1	27,3
Наркомания	20,1	28,1	33,3	27,3
Преступность и правонарушения	24,7	27,1	25,9	26,2
Состояние общей культуры и нравственности населения	21,4	21,1	23,1	21,7
Благоустройство дворов, улиц (вывоз мусора, устранение последствий от осадков)	17,5	20,4	21,8	20,0
Неустроенность детского и молодежного досуга	14,3	18,7	20,4	18,0
Приезд мигрантов из стран ближнего и дальнего зарубежья	14,3	19,1	16,3	17,2
Бездомные животные	15,6	15,1	20,4	16,5
Уличные пробки	17,5	15,1	12,9	15,2
Экологическое состояние территории проживания	12,3	12,7	17,7	13,8
Ситуация в Украине	4,5	12,7	24,5	13,5

* Результаты социологического исследования «Межнациональные отношения в оценках хабаровчан», проведенного Дальневосточным институтом управления – филиалом РАНХиГС. Три фокус-группы с руководителями национальных культурных объединений. Выборка маршрутная (поквартирная), многоступенчатая, случайная на этапе отбора респондента, ее ошибка не превышает $\pm 5\%$. Опрошено 600 чел. от 18 лет и старше. Полевой этап исследования с 25 мая по 10 июня 2016 г. Научные руководители: д.с.н., профессор Н.М. Байков и к.с.н., доцент Ю.В. Березутский.

Окончание табл. 2

Вариант ответа	Молодежь	Средний возраст	Пенсионеры	Всего
Работа общественного транспорта	13,0	9,7	20,4	13,2
Отток населения с Дальнего Востока	10,4	10,7	19,7	12,8
Меня не волнуют проблемы, их нет	11,7	8,0	9,5	9,3
Западные санкции в отношении России	6,5	8,0	11,6	8,5
Межнациональные и межрелигиозные отношения в обществе	8,4	7,0	10,9	8,3

Факторный анализ позволяет выделить в общественном сознании ряд объединенных по смыслу проблем и степень их влияния. Первая из них относится к обеспечению потребности горожан в комфортной внешней среде, на которую они могут влиять в очень малой степени, вторая связана с потребностью в безопасности жизнедеятельности, третья – с качеством жизни, четвертая – с ощущениями положения респондентов в городском социуме. О высокой степени значимости вопросов межнациональных отношений свидетельствует их влияние как на внешнюю зону комфорта жизни горожан, так и на внутреннюю. Так, проблема межнациональных отношений входит в первую группу факторов, отвечающих за внешний комфорт (наряду с такими равнопорядковыми проблемами, как западные санкции, ситуация на Украине, отток населения с Дальнего Востока). А проблема приезда трудовых мигрантов входит в четвертую группу факторов, связанных с внутренним нашим комфортом (личными ощущениями человека в социуме), наряду с жилищной проблемой, материальным положением семьи, безработицей, неустроенностью детского досуга.

Неудовлетворенность условиями жизни формирует у людей установку на то, чтобы покинуть территорию, некомфортную для жизни. Так, по данным опроса, треть коренного населения города выражает намерение его покинуть. К лучшим условиям жизни в городе также стремится более половины приехавших ранее жителей города (табл. 3).

Межнациональные и межконфессиональные отношения занимают предпоследнее место в рейтинге проблем, волнующих горожан. Говоря о многонациональности нашей страны, каждый второй опрошенный (49,2 %) утверждает, что она скорее является исторической данностью, имеющей свои плюсы и минусы. Только один из четырех опрошенных горожан (25,2 %) считает, что многонациональность нашей страны – это сила и гордость. Сторонники утверждения, что от многонациональности больше проблем, так как она приводит к

конфликтам, составляют незначительную долю опрошенных горожан (12,6 %), такая же часть затруднились с ответом.

Таблица 3

**Миграционные намерения
в представлениях населения в зависимости
от времени проживания в г. Хабаровске**

Вопрос	Коренные жители г. Хабаровска (живут с рождения)	Некоренные жители г. Хабаровска (приезжие в разные годы)
	% от числа опрошенных	
Хотели бы переехать на другое место жительства	35,3	57,2
Хотели бы переехать в другой регион России	38,9	42,9
Хотели бы переехать в другой населенный пункт Дальнего Востока	12,5	17,5
Хотели бы переехать в другую страну	4,9	5,2
Хотели бы переехать в другой населенный пункт края	2,1	4,5

Удовлетворенность состоянием межнациональных отношений («полностью удовлетворен» и «скорее удовлетворен, чем нет») выражают половина опрошенных хабаровчан (54,7 %). При этом влияния на оценку состояния межнациональных отношений со стороны «укорененности» респондентов не выявлено. Отметим наличие связи между точкой зрения респондентов на межнациональные отношения и удовлетворенностью состоянием межнациональных отношений в г. Хабаровске ($\chi^2 = 102,6$, $p < 0,001$, в 10 % ячеек ожидаемая частота меньше 5). Также можно наблюдать связь с оценкой отношений между людьми разных национальностей и вероисповеданий ($\chi^2 = 117,16$, $p < 0,001$, в 10 % ячеек ожидаемая частота меньше 5).

Полученные данные свидетельствуют, что четверть опрошенной молодежи в наибольшей степени испытывает неприязнь к некоторым национальностям иностранных граждан (табл. 4).

Оценка состояния межнациональных отношений в г. Хабаровске руководителями национально-культурных организаций подтверждает их актуальность как основополагающих для городского сообщества. Большинство опрошенных оценивают межэтнические отношения в городе как бесконфликтные, нейтральные: «у нас нет той составляющей, что "это мое место", которая формирует националистические настроения», «на Дальнем Востоке... внутренне религиозных людей меньше, я думаю, чем в остальных регионах, и от этого, может быть, и напряженность сегодня меньше»; «население всегда делится на две части: верхушка и низ, народ и представители народа. Так вот на уровне представителей народа

проблем нет...». В качестве причин их недостаточного развития руководители отметили, что «... та работа, которая сегодня проводится, если оценить ее количественно, составляет не более 10–15 % от той, которую нужно делать».

Таблица 4

**Распределение ответов на вопрос
«Испытываете ли Вы неприязнь
к представителям каких-либо национальностей?»
в зависимости от возраста респондентов**

Вариант ответа	Возраст				
	До 29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше
Не испытываю	61,1	74,5	78,3	83,3	85,0
Да, к некоторым национальностям российских граждан	10,5	8,5	4,3	6,4	4,1
Да, к некоторым национальностям иностранных граждан	25,5	13,2	13,9	7,7	8,8
Да, ко всем национальностям иностранных граждан	0,7	–	2,6	1,3	1,4
Да, ко всем национальностям, отличным от моей	2,0	1,9	0,9	–	0,7

Две трети жителей городского округа отмечают ухудшение «ситуации с мигрантами из стран ближнего и дальнего зарубежья». Не внушает оптимизма и то обстоятельство, что на смену достаточно толерантной молодежи конца 1980–1990-х гг. приходят другие когорты, социализированные в другом социокультурном контексте, что подтверждается и экспертами: «...есть те, кто ориентирован на Россию, и это люди – выходцы из СССР, люди преклонного возраста. Это к тому, что молодежь уже не смотрит на Россию, не воспринимает Россию как друга, товарища...».

Три четверти опрошенных горожан отметили, что не испытывают неприязни к представителям каких-либо национальностей (75,2 %), а четвертая часть – выразила противоположную точку зрения (24,8 %).

Факторный анализ позволил разделить мотивы неприязни к представителям каких-либо национальностей на 3 группы: 1) неприязнь по признакам расы, национальности и веры; 2) страх перед людьми других национальностей; 3) неприятие иной культуры. Важно отметить, что чем меньше человек склонен считать *многонациональность страны силой и гордостью*, тем в большей степени он опасается за жизнь и безопасность себя и своих близких. Это оказывает негативное влияние и на формирование удовлетворенности межнациональными отношениями в городе. Подчеркнем, что женщины в большей степени склонны выражать

обеспокоенность собственной безопасностью и безопасностью своих близких, чем мужчины.

Опрошенные жители отмечают как положительное, так и отрицательное влияние на город переселенцев и приезжающих на заработки (табл. 5).

Таблица 5

**Положительное и отрицательное влияние
мигрантов на заработки в г. Хабаровске**

Положительное влияние	%	Отрицательное влияние	%
Работают там, где не хотят работать местные жители	37,2	Неуважительно относятся к местным жителям и традициям	23,7
Являются дешевой рабочей силой	32,5	Снижают уровень оплаты труда местных жителей	20,2
Уменьшают остроту дефицита рабочей силы в целом	18,2	Способствуют росту преступности и правонарушений	18,5
На них держится торговля	11,5	Обостряют безработицу	14,2
Создают новые рабочие места	8,5	«Подмяли под себя» торговлю на рынках	13,2
Восполняют сокращение постоянного населения	7,2	Являются источниками межнациональных конфликтов	12,0
Обеспечивают дачное строительство	7,2	Увеличивают перенаселенность	5,8
Приносят доходы местным жителям, сдающим им жилье	6,3	Создают трудности в обеспечении населения жильем, транспортными и социальными услугами	4,2
Положительного в этом ничего не вижу	22,3	Отрицательного в этом ничего не вижу	33,2
Затрудняюсь ответить	11,5	Затрудняюсь ответить	13,7

Анализ зависимостей переменных показывает, что наиболее отрицательно настроены на приезд временных трудовых мигрантов и переселенцев те горожане, кто выражает негативное отношение к приезду представителей каких-либо национальностей на заработки или на постоянное проживание. Среди них вдвое больше тех, кто в качестве причин своего отрицательного отношения называет *неуважительное отношение к местным жителям и традициям, снижение уровня оплаты труда местных жителей, возрастание преступности и правонарушений* и т. д.

По мнению горожан, укреплению межнациональных отношений и этнокультурному развитию в городе может способствовать: 1) распространение знаний о традициях и обычаях народов, проживающих на территории города, края – 43,0 %; 2) фильмы, теле- и радиопередачи о разных национальностях, их культуре, традициях – 21,3 %; 3) совместные национальные праздники, конкурсы, фестивали, выставки и т.д. – 35,8 %; 4) ограничение притока трудовых и вынужденных мигрантов –

17,3 %; 5) изучение национальных традиций и культуры народов, проживающих в городе и крае, в образовательных организациях (дошкольных, школьных, профессиональных) – 33,0 %; 6) научные мероприятия (конференции, «круглые столы») – 11,2 %; 7) другое – 2,9 %.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что в сфере гармонизации межнациональных отношений в городском округе предстоит системная программная работа. Безусловно, определяющая роль в гармонизации межнациональных отношений отводится институтам власти и управления, реализующим национальную политику, выстраивающим соответствующие условия. В оценках жителей относительно деятельности органов власти и управления наблюдаются некоторые разногласия. Те люди, что положительно оценивают деятельность органов власти в сфере гармонизации межнациональных отношений (40 %), также положительно относятся к приезду мигрантов, к проведению национально-культурных мероприятий. Это свидетельствует о том, что политика в этой сфере осуществляется, но еще недостаточно эффективно в оценках каждого четвертого. Третья часть при этом затруднилась оценить деятельность власти в этой деликатной сфере.

Необходимо большое внимание уделять предупреждению конфликтных ситуаций в сфере межнациональных отношений. Основанием этому служат мнения людей о характере отношений между людьми разных национальностей и вероисповеданий в г. Хабаровске. Так, большинство опрошенных оценивают их как нейтральные, бесконфликтные (45,9 %), а меньшинство – как доброжелательные, способствующие общественному согласию (14,5 %). Критически оценивают межнациональные отношения в городском сообществе четвертая часть опрошенных («напряженные, но бесконфликтные» – 18,5 %, «конфликтные» – 5,0 %, «взрывоопасные, способные перейти в открытые столкновения» – 1,2 %). При этом половина опрошенных горожан в разной степени допускают возможность конфликтов на межнациональной почве (52,1 %). Противоположное мнение выражают лишь третья часть горожан (34,4 %) при незначительной части затруднившихся с ответом (13,5 %).

Объективно существующие национально-культурные, этнические и религиозные различия создают основу для напряженности в межнациональных отношениях городского округа. В большей степени эта напряженность возникает между представителями граждан иных стран, в первую очередь – выходцев из бывших республик СССР, в связи с их правовым поведением по отношению друг к другу

и к окружающим. В первую очередь, это относится к представителям узбекской, таджикской, киргизской, азербайджанской, армянской, китайской и других национальных сообществ, которые имеют статус мигрантов, переселенцев, беженцев, прибывающих в городской округ.

В последние годы увеличилось число преступлений в отношении иностранных граждан и число зарегистрированных преступлений, совершенных мигрантами, на территории города, преимущественно выходцами из стран СНГ.

Вопросы общественной безопасности, профилактики возможных проявлений экстремизма, национализма, расовой и религиозной нетерпимости предполагают тесное взаимодействие правоохранительных органов с лидерами представленных в городе диаспор. Последние требуют повышенного внимания правоохранительных органов, так как среди них могут находиться и те, кто направляется на территорию России, и, в частности, в краевой центр с целью противоправной деятельности.

Особого внимания требует студенческая молодежь высших и средних профессиональных образовательных организаций, где фиксируются ксенофобские настроения и проявления радикализма на межнациональной почве. Его выплески приводят к трагическим последствиям. Об этом свидетельствуют события 21 апреля 2017 г. в городе Хабаровске, когда учащийся одного из техникумов, разделяющий националистические взгляды, совершил вооруженное нападение на Управление федеральной службы безопасности по Хабаровскому краю [3].

Таким образом, результаты социологических исследований нацеливают усилия органов власти, национально-культурных и религиозных объединений на обеспечение подлинного равноправия граждан и гарантии их конституционных прав в сфере государственной национальной политики; укрепление единства и духовной общности российской нации средствами образования и воспитания, создания условий для социальной и культурной адаптации трудовых мигрантов и их семей для их интеграции в дальневосточный социум; информационную поддержку программных и иных национально-культурных мероприятий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный вопрос в России [Электронный ресурс] / ВЦИОМ. – М., 2015. – Режим доступа: http://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2015/2015-09-11-nac_otnosheniya.pdf.
2. Атака на ФСБ: что известно о нападении в Хабаровске [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/society/21/04/2017/58fa1fc99a7947d415a39270>.

КООПЕРАТИВНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ КОРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Е.А. Берестенникова

Берестенникова Елена Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии, социальной работы и права Дальневосточного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Хабаровск).

Контактный адрес: berestelena2006@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы реализации кооперативной политики в отношении корейского населения в 20-е гг. XX в. на советском Дальнем Востоке. При формировании новой системы хозяйствования в Дальневосточном регионе возникла необходимость вовлечения корейцев в кооперативную жизнь и развития кооперативных обществ данной категории населения: сельскохозяйственных, рыболовецких, кредитных. Поощрение функционирования корейской кооперации способствовало разрешению казусов в проведении национальной политики, имеющих место в послереволюционный период в регионе.

Ключевые слова: кооперативная политика, сельскохозяйственные кооперативы, рыболовецкие артели, кредитные общества, корейская миграция, многоукладная экономика.

В 20-е гг. XX в. на Дальнем Востоке в рамках советской кооперативной политики проводилось кооперирование корейского населения. В 1918 г. в Гродековском станичном округе было организовано корейское национальное общество с местонахождением правления в Гродеково, причем инициатива о разрешении организовать корейское управление и общество исходила именно от самих проживавших в станице [4: л. 1]. В прошении говорилось: «Желая организовать в станице Гродековской общество корейское, управление и таковое общество во главе представителя, по примеру прежнего времени, дабы восстановить порядок населения корейцев, имея в виду, что в Гродеково прибывает корейский люд, из коих подозревается неблагонадежный элемент, да и вообще много происходит между корейцами скандалов и во избежание подобных случаев и для выяснения истинной жизни между ними, покорнейше просим ... нам организовать ... корейское общество. 29 марта 1918 г.» [4: л. 1].

По распоряжению начальника Гродековского гарнизона станичное правление предписывало всем китайским и корейским жителям поселка Гродековское, имеющим определенные занятия, но не имеющим вида на жительство, прибыть в правление для регистрации и выдачи им удостоверений, устанавливающих личность и место временного жительства иностранцев [3: д. 585, л. 21].

В первой половине 20-х гг. XX в. советская власть, активно используя кооперацию для восстановления экономики в регионе, вводила данную форму хозяйствования среди корейского населения. Переселение корейцев в Приморье началось в середине XIX в. под покровительством местной администрации. Так, «Спутник по Сибири, Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю» за 1911 г. отмечает, что до 1862 г. корейцев в Приморье не было совсем, поскольку корейские законы за эми-

грацию грозили смертью. Начиная с этого времени корейцы стали толпами переходить границу и селиться в Приморской области. Причиной данного факта являлись стихийные бедствия и притеснения чиновников, которые толкали корейских крестьян на этот шаг. С 1870 г. корейцы проникают в Амурскую область, а по договору 1884 г. с корейским правительством все корейцы, прибывшие на русскую территорию, признавались русскими подданными [10: с. 14].

26 марта 1861 г. император Александр II подписал «Временные правила», на основе которых проводилось переселение корейцев в Южно-Уссурийский край. Часть иммигрантов составляли сезонные рабочие, которые нередко оставались вместе с семьями на постоянное жительство в России [8: с. 248]. Цель проводимой колонизационной политики со стороны Российского государства в отношении корейского населения заключалась в земледельческой деятельности переселенцев. Для реализации важной задачи, способствовавшей развитию сельского хозяйства на дальневосточной окраине Российского государства, корейцам в Приморье до 1890 г. разрешалось распахивать неограниченные участки земли. Во Владивостоке в конце XIX в. местные власти выделили специальное место для концентрированного проживания корейского населения, называемого в указанное время корейской слободкой.

В 1897 г. проводилась первая всероссийская перепись населения, показавшая, что корейцы Приморья составляют 11 % от общей численности населения области [8: с. 249]. По данным А. Кузина, в 1923 г. численность корейского населения в Дальневосточной области составляла 106,6 тыс., а в 1924 г. – 120,7 тыс. чел. [5: с. 32–33]. Причиной сложившейся ситуации явилось то, что в период продолжавшейся Гражданской войны и ин-

тервенции на Дальнем Востоке в марте 1919 г. в Корею началось народное антияпонское восстание, способствовавшее оттоку населения. А в России находящиеся в это время члены патриотической организации – Корейского национального совета – готовили Декларацию независимости Кореи, которая призвала справедливо решить дальневосточную проблему [2: с. 183].

После установления советской власти в Приморье корейское население пользовалось правами граждан СССР. В соответствии с постановлением Дальревкома от 8 декабря 1922 г. на территории бывшей Дальневосточной Республики вводились в действие декреты ВЦИК о приобретении прав российского гражданства, а также постановления СНК о принятии иностранцев в российское гражданство [5: с. 33]. До введения инструкции НКВД «О выдаче видов на жительство иностранным гражданам» в мае 1923 г. сохранялось правило для прибывших иностранных граждан о получении паспорта на проживание в Дальневосточном крае. Эти нововведения распространялись и на корейское население. В сельских школах преподавался корейский язык, а в городе Ворошилове (ныне Уссурийск) действовало корейское педагогическое училище. На корейском языке издавались не только книги, газеты и учебники, но и кооперативная литература.

При формировании новой системы хозяйствования в Дальневосточном регионе возникла необходимость вовлечения корейцев в кооперативную жизнь, в связи с чем на Дальнем Востоке в первой половине 20-х гг. XX в. государство проводило политику кооперирования, а также поощряло льготное кредитование этой категории населения.

Необходимо указать на неосвещенный в советское время в исторической науке факт преодоления многочисленных хозяйственных и политических трудностей, касающихся жизни корейцев Приморья в 20-е гг. По мнению В.С. Бойко, данные проблемы «...усугублялись некомпетентностью и произволом местной партийно-государственной бюрократии» [2: с. 183–184]. Руководитель корейской коммунистической организации в России Хан Мен Се – инициатор решения проблемы сложной национальной политики в отношении корейского населения в Советской России, предложил создать «...подсобный корейский административный центр при Дальневосточном революционном комитете в виде секции или отдела» для активного участия самих корейцев в решении вопросов на местном уровне [2: с. 183]. Представляет интерес и тот факт, что товарищ Хан Мен Се обращался в Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР с изложением концепции национально-культурного самоопределения российских корейцев, указывал на решение проблемы по ликвидации очагов япон-

ского шпионажа, предотвращения экономического проникновения японцев на территорию Приморья, а также оздоровление корейского населения, испытывавшего влияние японской пропаганды. С этой целью развитие кооперативной формы хозяйствования среди корейского населения в сложные годы восстановления хозяйства на дальневосточных рубежах молодой советской страны являлось довольно актуальным направлением государственной политики.

С 1923 г. органы советской власти организовывали кооперативные общества и артели среди корейского населения. Одной из задач введения кооперативной формы хозяйствования среди указанной категории населения являлось формирование прочной платформы, поддерживавшей программу восстановления народного хозяйства на Дальнем Востоке. По данным уполномоченного по корейским делам при отделе управления Приморского губернского исполнительного комитета М. Кима, в Приморской губернии в 1923 г. функционировало 18 корейских кооперативных товариществ и артелей, располагавшихся в селах Анучино, Гродеково, в Красном Селе Янчиханской волости, в селе Новокиевском (Никольск-Уссурийский уезд), в селе Поворотное Сучанской волости, в деревне Казачья Падь (Ольгинский уезд), в селе Славянка Раздольнинской волости, в Шкотово Сучанского района, на побережье города Владивостока [9: л. 103].

В июне 1924 г. председатель СНК А.И. Рыков подписал Устав Союза корейцев, проживающих на территории СССР, согласно которому корейская община обретала широкие юридические права для развития национальной культуры. Историк В.С. Бойко отмечает, что в 1922–1923 гг. удалось предотвратить акции по выселению всех корейцев из Приморья, фактически позитивным действием советской власти явилось предоставление права на существование корейскому Посыетскому районному исполнительному комитету [2: с. 183], занимавшемуся, в том числе, и вопросами хозяйственной и социальной адаптации корейцев на советском Дальнем Востоке после периода Гражданской войны и интервенции. Характерным родом деятельности для корейских кооперативных товариществ являлась торговля (Анучанское, Гродековское, Поворотнинское, Красносельское, Новокиевское, Славянское); сельское хозяйство (Корейская сельскохозяйственная производственная артель «Новосуществование», трудовая артель в деревне Шкотово, артель «Новая Деревня», земледельческая артель «Янчихе», трудовая артель в селе Камень-Рыболов, артель «Красная Звезда»); лесной промысел (товарищество «Пример») и ловля рыбы (артель «Шаланда», трудовая артель Засучанского района) [9: л. 103].

Особое значение для ослабленного экономически региона имело развитие различных форм кредитования населения. До открытия отделения Дальневосточного сельского кредита в 1923 г. в Приморской губернии функционировал губернский союз, который курировал вопросы предоставления населению кредитов. Уполномоченный по корейским делам отдела управления Приморского губернского исполнительного комитета М. Ким указывал на необходимость выделения кредитным отделом Приморского губернского союза кооперативов специальной суммы для проведения через кооперацию кредитования корейского населения [9: л. 110].

В октябре 1924 г. в Чите было организовано Дальневосточное общество сельскохозяйственного кредита, раскинувшего сеть своих отделений по всем городам Дальневосточного региона. Основной задачей этого учреждения являлось всевозможное содействие населению, восстанавливающему сельское хозяйство и сельскохозяйственную промышленность. Для реализации намеченных целей кооперативное общество выдавало краткосрочные и долгосрочные ссуды на льготных условиях. Уполномоченный по корейским делам М. Ким предлагал оказать поддержку корейскому населению «...в проведении культурных мероприятий в области сельского хозяйства» [9: л. 89]. Для выяснения целей развития кооперации среди корейцев, проживавших на советском Дальнем Востоке в 20-е гг., представляет интерес записка уполномоченного по корейским делам Ким-Гирионга, в которой сказано что «...кооперация среди этой национальности находится в зачаточном состоянии и нельзя сказать, чтобы она легко прививалась к ним. Существует ряд трудовых артелей, как в силу особых бытовых условий корейского населения, которые включены в сеть приморских кооперативов» [9: л. 110]. Проведение таких действий вызывало необходимость установления контакта между уполномоченным по корейским делам и Дальселькредитом (Дальневосточным сельскохозяйственным кредитным кооперативным союзом) в Приморской губернии для выяснения размеров ссуд и условий, на которых они могли бы быть выданы корейскому населению. Осенью 1923 г. в рабочей газете «Красная звезда» отмечалось, что в Приморской губернии «...землеуправлением был проведен целый ряд нарезок земли безземельным корейцам, причем ... процент наделенных земель корейцев оказался выше, чем русских, из чего видно, что губисполком занял правильную позицию в национальном вопросе» [6: с. 7]. Дальневосточное общество сельскохозяйственного кредита образовало специальный фонд, способствовавший развитию маслоделия, рисоводства и сельскохозяйственных орудий. Земельные отделы формировали целый ряд опытных

участков на крестьянских хозяйствах, на которых проводились посевы промышленных злаков – бобов, льна.

В период проведения новой экономической политики государство поощряло различные формы хозяйствования, способствовавшие укреплению экономики, развалившейся в годы революции и Гражданской войны. Так, на Дальнем Востоке, где власть в период политических катаклизмов менялась часто, требовался уже в годы восстановления народного хозяйства особый подход в реализации социально-экономической политики с различными категориями населения. Рыбодобывающая отрасль в Дальневосточном регионе решала продовольственные вопросы. В этой связи в 1924–1925 гг. во Владивостоке по инициативе корейской секции местного окружного комитета было организовано корейское трудовое объединение, куда входили несколько корейских трудовых артелей. Эта организация пользовалась большим кредитом у государственных органов, что засвидетельствовано в отчете о работе уполномоченного по корейским делам за 1923 г. [2: л. 65]. Когда в 1925 г. был образован Примрыбаксоюз – приморский кооперативный союз рыбного промысла, – то, по словам председателя организационного бюро Примрыбаксоюза Г.Т. Бушелева, «...преимущественно производилось кредитование корейских артелей» [3: л. 65 (оборот)]. Проведение мероприятий 1925 г. по кооперированию корейского населения, способствующих формированию прочной экономической базы в регионе, сопровождалось преодолением трудностей, заключавшихся не только в недостатке посевного материала, сельскохозяйственного инвентаря, но и в земельной неустроенности этой категории населения советского Дальнего Востока. В марте 1925 г. на пленуме Дальревкома было констатировано: Дальневосточному сельскохозяйственному союзу принять меры по снабжению корейского населения сельхозинвентарем на началах твердого кредита. Таким образом, обеспечение корейцев ссудами проводилось через кооперативную кредитную сеть. Такие действия полностью соответствовали постановлению пленума Дальревкома от 24–25 марта 1925 г., где было сказано о необходимости принятия мер «к возможному полному удовлетворению корейского населения семзерном азиатских и технических культур» [7: с. 19].

В условиях многоукладной экономики в 20-е гг. XX в., где особое место занимала кооперация, развитие кооперативной формы хозяйствования среди корейского населения являлось приоритетным направлением государственной политики. Речь идет не только о поощрении развития сельского хозяйства через кредитование хозяйств корейцев, проживавших на Дальнем Востоке России, но и о

разрешении казусов, имеющих место в проведении национальной политики на постимперском пространстве многонациональной страны.

Таким образом, корейское население, занятое преимущественно сельскохозяйственными работами, участвовало в восстановлении народного хозяйства после тяжелого периода Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке. В период реставрации экономики в первой половине 20-х гг. XX в. органы советской власти применяли методы вовлечения корейского населения в регионе в коллективные формы ведения хозяйства, наиболее приемлемой организационной структурой для этого являлась кооперативная.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко, В.С. Белая книга о депортации корейского населения России в 30–40-х годах / В.С. Бойко // Вопросы истории. – № 10. – 1993. – С. 183–186.
2. ГАПК. – Ф. 1513. – Оп. 1. – Д. 1.
3. ГАХК. – Ф. П-44. – Оп. 1. – Д. 585.
4. ГАХК. – Ф. П-44. – Оп. 1. – Д. 588.
5. Кузин, А. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы. Документально-исторический очерк / А. Кузин. – Южно-Сахалинск : Литературно-изд. объединение «Лик», 1993. – 367 с.
6. Пленум Губисполкома // Красная звезда. – 1923. – 7 сент. – № 79.
7. Постановления Пленума Дальревкома 20–24 марта 1925 г. – Хабаровск : Тип. «Д.-В. Путь». – 76 с.
8. Приморский край : краткий энцикл. справ. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. – 595 с.
9. РГИА ДВ. – Ф. 2514. – Оп. 1. – Д. 1493.
10. Спутник по Сибири, Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю. – М., 1911. – 26 с.

ГОСУДАРСТВО И КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ ПРИАМУРЬЯ В 90-Е ГОДЫ XX ВЕКА: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

С.В. Бобышев

Бобышев Сергей Васильевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: history@festu.khv.ru

В статье рассматривается политика государства по отношению к коренным малочисленным народам Дальнего Востока в 90-е гг. XX в. Анализируется как российское законодательство, так и международные правовые акты о коренных этносах. Делается вывод о том, что принимаемые законы в отношении малочисленных народов не всегда приводят к поставленным целям.

Ключевые слова: этнос, государство, законодательство, традиционное хозяйство, Север, Дальний Восток.

Выживание аборигенных народов в различных регионах мира превратилось в одну из глобальных проблем. Всестороннее давление на них доминирующей культуры индустриального и постиндустриального общества оставляет все меньше возможностей для сохранения их традиционного образа жизни, а вместе с этим и материальных основ своеобразной этнической культуры. Такому развитию событий во многом способствовала существовавшая до конца 1980-х гг. в международном праве ориентация на языковую и культурную ассимиляцию коренных народов. На протяжении десятилетий она находила воплощение в государственной политике многих стран.

В основе всех хозяйственно-экономических преобразований Севера лежала экономическая целесообразность, определяемая общегосударственными интересами. Север представлял собой источник сырьевых ресурсов, освоение которых любой ценой являлось целью всех крупномасштабных программ. Последствия такой экономической политики известны – разрушенная среда обитания населения во многих регионах, истощение ресурсов, деградация традиционной экономики, социальной сферы, культуры.

Так, к концу 80-х гг. XX в. в Ульчском районе из 40 национальных колхозов осталось 4. Укрупнения хозяйств, ликвидация «неперспективных» сел, закрытие рыбозаводов и звероферм привели к вымиранию свыше 40 сел и стойбищ Николаевского района. Такой народ, как нанайцы, лишился своих корней, исконных условий существования. В городе Николаевске и районе на 1989 г. проживало 1670 нивхов, из них только 40 % – в сельской местности. В селе Иннокентьевка насчитывалось 124 нивха, в колхозе из 60 рыбаков работали только 2 нивха [2: л. 38].

Последовательно накапливавшиеся проблемы в социально-экономическом развитии в 60–80-е гг. XX в., переход в 1990-е гг. к рыночным отношениям негативно сказались на всей системе жизнедея-

тельности коренных малочисленных народов. Серьезную угрозу для физического выживания этносов представляют безработица, алкоголизм, высокий уровень смертности и заболеваемости населения, преступность. Усиление интеграционных и ассимиляционных процессов привели к нарушению процесса передачи традиций и разрыву связи между поколениями.

Северные районы России за период 1920-х – 1980-х гг. осваивались в экономической и политической системе, геополитических ориентирах, национальной политике и системе законодательства, сложившихся в СССР. Во второй половине 1980-х гг. появились серьезные противоречия в этом освоении, стали интенсивно разрабатываться новые подходы к развитию северных районов.

Но в начале 90-х гг. XX в., с распадом СССР и возникновением нового государства – России, у которого оказались иные экономические потребности и возможности, новые сочетания «северных» и «несеверных» районов, новый общественный строй, новое геополитическое положение, появилась необходимость выработки новой системы отношений государства к освоению северных районов. Возникла потребность в создании новой системы законодательства на иной системе общественных, социально-экономических отношений, на иной концептуальной основе.

В соответствии с Федеральным законом от 30 апреля 1999 г. «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» к коренным малочисленным народам относятся народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционный образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя малочисленными этническими общностями (ст. 1) [9]. Этот же закон определил основные контуры нор-

мативной системы, регулирующей их правовой статус.

В январе 1990 г. вышло постановление Секретариата ЦК КПСС «О съезде представителей малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», в котором определялись сроки его проведения и основные рассматриваемые вопросы:

- политическое и социально-экономическое положение коренных народов Севера;

- создание ассоциации малочисленных этносов [4].

В рамках подготовки к съезду 16 февраля 1990 г. состоялась учредительная конференция Ассоциации малочисленных народов Хабаровского края (АКМНС), задачами которой являлись:

- объединение коренных этносов Хабаровского края для защиты своих прав и законных интересов;

- решение проблем социально-экономического и культурного развития;

- сохранение и возрождение традиционного уклада жизни;

- способствование росту национального самосознания и повышению их жизненного уровня;

- защита среды обитания на территориях проживания аборигенов;

- возрождение и развитие традиционных промыслов и ремесел, культуры и языка коренных народов Севера [1].

В.С. Пастернак, занимая пост Первого секретаря Хабаровского крайкома партии, на учредительной конференции Ассоциации народов Севера так оценил положение аборигенов Приамурья: «Малочисленные народы поднялись на качественно новую ступень в своем историческом развитии, достигли впечатляющих результатов. И эти достижения могли быть ещё значительнее, если бы не были допущены искажения принципиальных основ ленинской национальной политики. Ошибки в экономическом и социальном развитии, в особенности недостаточное внимание к традиционному образу хозяйствования, засилье административно-бюрократических методов руководства, доминирование ведомственных интересов не могли не сказаться на условиях жизни народов Севера и Приамурья. Перестройка обнажила немало негативных явлений и проблем, которые загонялись вглубь» [2: л. 4].

На проходившем в конце марта 1990 г. в г. Москве съезде была завершена работа по образованию ассоциации на основе возникших на местах в 1989–1990 гг. следующих региональных объединений: «Спасение Югры» (Ханты-Мансийский АО), «Ямал – потомкам» (Ямало-Ненецкий АО), Ассоциация саамов (Мурманская область), «Кольта – куп» (селькупы Томской области), «Арун» (Эвенский АО), «Ясэвэй» (Ненецкий АО), «Аван» (бухта Провидения), Ассоциации нганасан и долган на Таймыре, народов республики Саха (Якутия), эвенков Читинской области, Ассоциация коренных малочисленных народов Севера

Хабаровского края, ительменов Камчатской области, народов Чукотки и Колымы, Корякского АО.

Съезд принял декларацию, программу и устав ассоциации, обсудил комплексную программу дальнейшего развития экономики и культуры малочисленных народов Севера на 1990–1995 гг. Был избран Совет ассоциации. Возглавил ассоциацию нивхский писатель В. Санги.

В 1990 г. при Верховном Совете РСФСР была создана Комиссия по вопросам социального и экономического развития республик, автономных округов и малочисленных народов в составе Российской Федерации. Её целью являлась законотворческая деятельность по правовой защите малочисленных народов, в том числе Севера, организация конференций, симпозиумов, конгрессов, посвященных их развитию, контроль за выполнением законов и постановлений Верховного Совета и Правительства РСФСР за социально-экономической ситуацией в регионах.

В этом же году создается Госкомсевер – Государственный комитет РСФСР по социально-экономическому развитию Севера, сменивший расформированный отдел развития экономики и культуры народностей Крайнего Севера и Арктики Совета министров РСФСР. Одним из заместителей председателя комитета становится Е.А. Гаер – народный депутат СССР.

С 1990 г. начинается разработка в сфере законодательства по проблемам аборигенов Севера. Был подготовлен целый ряд документов: «Основы правового статуса малочисленных народов СССР», «Статус родовых угодий малочисленных народов Севера», закон «Об охране и рациональном использовании земельных и других природных ресурсов в местах проживания малочисленных народов Севера» (позднее – «О территориях традиционного природопользования малочисленных народов Севера»), законопроекты «О гарантиях возрождения и развития малочисленных коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», «О национальной автономии в РСФСР», «Об отдельных округах», «Об экономическом статусе Севера».

Правовые акты советского периода носили преимущественно подзаконный характер регулирования отношений, связанных с жизнью и деятельностью коренных малочисленных народов РСФСР. Правовая регламентация осуществлялась в условиях отсутствия системного нормативного акта, посвященного статусу малочисленных этносов в государстве. Подробное регулирование отдельных областей общественного производства коренных народов (охота, рыболовство, оленеводство) происходило часто в ущерб нормативному закреплению специальных прав этих общностей. Не подвергались законодательной фиксации

также формы и способы реализации и защиты прав малочисленных этносов.

В ноябре 1989 г. вышло постановление Верховного Совета СССР «О неотложных мерах экологического оздоровления страны», где было рекомендовано закреплять за коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока территории традиционного природопользования, Хабаровским лесохозяйственным территориальным производственным предприятием предусматривалась разработка в 1990 г. основных положений по организации природно-этнических форм лесопользования, обеспечивающих жизнедеятельность малочисленных народностей. На основании данной программы предлагалось закрепить за орочами 275 000 га лесного массива. А так как аборигенное население, по мнению органов власти, само не в состоянии освоить эти территории, заселить их новыми лесосырьевыми базами Тагинского ЛПХ [2: л. 17].

Регулирование правовых отношений коренных народов Севера на территории России в 90-е гг. XX в. осуществлялось с помощью следующих групп правовых актов:

а) законодательства о правовом статусе коренных малочисленных народов (Конституция Российской Федерации, Федеральный закон «О национально-культурной автономии» от 17 июля 1996 г., постановление Президиума Верховного Совета РФ «Об упорядочении пользования земельными участками, занятыми под родовые, общинные и семейные угодья малочисленных народов Севера» от 30 марта 1992 г., указы Президента Российской Федерации «Об утверждении концепции государственной национальной политики РФ» от 15 июня 1996 г., «О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера» от 22 марта 1992 г. и законы субъектов РФ);

б) законодательства об использовании и охране природных ресурсов;

в) опыта международно-правового регулирования отношений коренных народов [3].

Конституция Российской Федерации 1993 г., признав права и свободы человека высшей ценностью в государстве, многообразие форм собственности и т.д., определила основные направления совершенствования политической и правовой системы России. Такое расширение сферы конституционного регулирования способствовало полному и последовательному закреплению в рамках Конституции целого комплекса прав и свобод человека и гражданина, который отвечал международным стандартам, существующим в этой области.

В Конституции 1993 г. коренным малочисленным народам России впервые на государственном и международном уровне гарантировались субъек-

тивные права в соответствии с нормами международного права и международными договорами Российской Федерации. В их числе наиболее значимые международные документы: Конвенция международной организации труда № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах», принятая 26 июня 1989 г., Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств (от 1 февраля 1995 г.), Индуикская декларация о защите окружающей среды и устойчивом развитии в Арктике, разработанная представителями правительств Канады, Финляндии, Норвегии, Швеции, Дании, Исландии, Российской Федерации и США, от 21 марта 1996 г.

В Основной закон впервые в истории Российского государства включена норма, непосредственно нацеленная на защиту коренных малочисленных этносов: статья 69 гласит: «Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации» [6]. Статья 72 предусматривает защиту прав национальных меньшинств, защиту исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей [6: с. 21].

Положения статьи соответствуют Конвенции МОТ № 169, в которой указывается на то, что «Правительства несут ответственность за проведение, с участием соответствующих народов, согласованной и систематической деятельности по защите прав этих народов и установлению гарантий уважения их целостности» [10: с. 144].

Вместе с тем резолюцией № 48/163 Генеральной Ассамблеи ООН от 21.12.1993 г. десятилетие, начинающееся с 10.12.1994 г., было провозглашено Международным десятилетием коренных народов мира под девизом «Коренные народы: партнерство в действии».

В 1995 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла программу мероприятий в рамках десятилетия и определила ряд конкретных целей:

– осуществление специализированными учреждениями системы Организации Объединенных Наций и другими межправительственными и национальными учреждениями мероприятий на благо коренных народов мира;

– распространение среди коренных и некоренных народов информации о культуре, языках, правах и проблемах аборигенов;

– поощрение и защита их прав и т.д. [12].

В Концепции государственной национальной политики Российской Федерации, утвержденной указом Президента РФ от 15 июня 1996 г., обеспечение политической и правовой защищенности этих народов определялось как одна из основных

проблем, требующих решения. При этом отмечалось, что необходимо создавать условия для равноправного участия малочисленных народов в управлении государственными и общественными делами, развития традиционных отраслей хозяйства, духовного возрождения, сохранения и развития национальной культуры, родного языка.

Основой российского законодательства о правах коренных малочисленных народов стал Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов в Российской Федерации».

Важнейшей группой отношений, нуждающихся в правовом регулировании, в тот период были и остаются отношения в области традиционного природопользования коренных народов.

В 1991 г. в Федеральном законе «О плате за землю» физические и юридические лица, занимающиеся традиционными промыслами в местах проживания и хозяйственной деятельности, коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока были освобождены от уплаты земельного налога.

Земельный кодекс, принятый в 1991 г., предусматривал специальный режим земель в местах проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов, предоставление во временное пользование сроком до 25 лет земельных участков для ведения северного оленеводства и отгонного животноводства, возможность использовать земли природоохранного назначения, природно-заповедного и лесного фонда для выпаса оленей, охотничьего промысла и других нужд, освобождение от оплаты на землю предприятий граждан, занимающихся традиционными промыслами, учет их мнения при отводе земельных участков для целей, не связанных с хозяйственной деятельностью аборигенов (ст. 4, 14, 28, 51, 89, 90, 94) [5].

Вместе с тем в Ульчском районе Хабаровского края коопзверпромхоз монополизировал все охотничьи угодья, которые раньше были родовыми и где вели пушной промысел аборигены. В этом же районе не было ни одного работника коопзверпромхоза из числа народов Севера [2: л. 4].

Лесной кодекс Российской Федерации 1997 г. допускал для малочисленных народов и этнических групп такой режим ведения лесного хозяйства, лесоэксплуатации и лесопользования на территории их проживания, который обеспечивал сохранение и поддержание необходимых условий жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности этих народов (ст. 4, 51) [7].

Однако в районах проживания коренных этносов, «...когда в тайге на складах каждый четвертый кубометр заготовленной древесины гниет, а фонды на строительство были строго лимитированы, и у

них не было возможности использовать древесину для своих нужд» [2: л. 7].

Вместе с тем в Земельном кодексе не была закреплена форма использования земли, не была учтена историческая, экономическая и этническая специфика малочисленных этносов. Ни право собственности, ни право аренды неприменимы в отношении территорий традиционного природопользования, где олени пастбища, охотничьи угодья, акватории для рыболовства, священные места по обычаям аборигенов являлись предметом общего пользования. Хотя в Конституции Российской Федерации отражено отношение коренных народов к земле и природным ресурсам как к общему источнику существования, в Земельном кодексе РФ это не было учтено.

Таким образом, одной из причин отсутствия территорий традиционного природопользования на федеральном уровне являлось несоответствие одного федерального закона другому и нежелание законодателей приводить их в соответствие.

В конце декабря 1999 г. Законодательной Думой Хабаровского края принимается Закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера в Хабаровском крае». Вместе с тем краевая Дума в своем составе не имела ни одного депутата из числа представителей малочисленных этносов. В соответствии с Федеральным законом «О гарантиях прав коренных народов Российской Федерации» краевая Дума приняла закон «О территориях традиционного природопользования» в новой редакции (26.01.2001 г., № 285). Главным изменением закона являлось то, что согласительная роль в принятии соответствующих решений отводится уполномоченным представителям народов Севера.

Работу над специальным законом о правах коренных малочисленных народов Верховный Совет СССР начал в 1990 г. С распадом СССР работа над ним была продолжена в Верховном Совете России. Палата Национальностей обсуждала закон несколько раз, и после трудных и длительных дебатов в октябре 1993 г. он был направлен для окончательного согласования в администрацию Президента РФ. Но из-за противостояния Верховного Совета и Президента РФ закон не был принят. Только в апреле 1999 г. принимается Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации».

В 2001 г. проблемы коренных малочисленных народов рассматривались в рамках парламентских слушаний на тему «Основные направления социально-экономической политики развития Севера России и их правовое обеспечение».

На них были подвергнуты критике принятые федеральные законы о правах малочисленных эт-

носов, указаны главные причины их сложного положения. Первая – невыполнение Правительством РФ социальных обязательств в отношении мест компактного проживания коренных народов и, как результат этого, – нищета, безработица, высокая заболеваемость и смертность в селах. Вторая – невыполнение властью принятых федеральных законов о правах аборигенов и, как следствие, бесконтрольное использование территорий традиционной хозяйственной деятельности под промышленное освоение при полном их бесправии в большинстве северных регионов [11].

С 20 по 26 октября 2002 г. в Якутске прошел Форум коренных этносов Севера РФ, в рамках которого была проведена научно-практическая конференция «Социальное государство и малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока; право на территории традиционного природопользования и социальную защиту», организованная Институтом проблем малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) СО РАН. Параллельно с конференцией был организован практический семинар «Правовой статус народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: возможности применения и развития», организованный Ассоциацией народов Севера при поддержке Международной рабочей группы по делам коренных народов (IWGIA).

2003 г. стал годом подведения промежуточных итогов Международного десятилетия коренных народов. В марте 2003 г. на заседании Правительства Российской Федерации обсуждался вопрос «О ходе реализации мероприятий Международного десятилетия коренных народов мира», на котором выступал президент Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (АКМНСС ДВ РФ) С.Н. Харючи.

В своем докладе он обратил внимание на отсутствие официальной позиции Правительства Российской Федерации по проекту Декларации ООН о правах коренных народов. Отметив, что на последней сессии ООН в декабре 2002 г. позиция Российской Федерации, представленная Министерством иностранных дел, выглядела деструктивной и вызвала резкую негативную реакцию со стороны всех коренных народов мира [8: с. 4].

Анализируя Федеральную целевую программу (ФЦП) «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2011 года», С.Н. Харючи подчеркнул, что Ассоциация не-

однократно обращала внимание Правительства Российской Федерации на необходимость внесения корректив и изменения концепции ФЦП. Им также указывалось на тот факт, что из года в год доля бюджетного финансирования уменьшается, а внебюджетного увеличивается, но ничего не сказано, за счет каких источников планируется увеличение внебюджетного финансирования.

Президент АКМНСС и ДВ РФ в очередной раз затронул тему неиспользования Правительством РФ им же утвержденного закона о территориях традиционного природопользования и отсутствия типового положения о ТТП, охарактеризовав работу федеральных органов государственной власти, министерств и ведомств как малоэффективную [8: с. 5].

В целом, несмотря на все предпринятые усилия, в указанный период четко не был определен правовой статус коренных малочисленных народов Приамурья. Нормативные акты в большинстве своем носили подзаконный характер. Не был решен вопрос о территориях традиционного природопользования. Участие уполномоченных представителей коренных этносов в решении данных проблем аборигенов было незначительным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волкова, Г.М. Деятельность АКМНС Хабаровского края / Г.М. Волкова // Мир коренных народов. Живая Арктика. – 2000. – № 4. – С. 38–39.
2. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). – Ф. Р-2013. – Оп. 1. – Д. 1.
3. Государство и право. – 1997. – № 9. – С. 39.
4. Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 2 (301). – февраль. – С. 17–18.
5. Земельный кодекс РСФСР // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 22.
6. Конституция Российской Федерации. – СПб., 1997.
7. Лесной кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. – 1997. – № 5. – С. 610.
8. Мир коренных народов. Живая Арктика. – 2003. – № 13.
9. СЗ РФ. – 1999. – № 18. – Ст. 2208.
10. Статус коренных малочисленных народов России // Международные правовые акты и Российское законодательство. Кн. 5. Т. 1. – Москва – Салехард, 2013.
11. Суляндзинга, П.В. Парламентские слушания о Севере и проблемы коренных народов Севера / П.В. Суляндзинга // Мир коренных народов. Живая Арктика. – 2001. – № 8. – С. 10–12.
12. Тодышев, М.А. Международное десятилетие коренных народов мира и наше участие в его мероприятиях / М.А. Тодышев // Мир коренных народов. Живая Арктика. – 2003. – № 13. – С. 40.

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭТНОМИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ)

Е.Ю. Довгополов

Довгополов Егор Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, юрист Центра исследования проблем российского права (г. Москва).

Контактный адрес: Degor@pochta.ru

В статье исследуются проблемы формирования конфликтологических основ этномиграционной политики. Обосновывается необходимость мониторинга состояния массового сознания в условиях усиления этнической миграции на Дальнем Востоке. На примере Хабаровского края рассматривается ситуация актуальности конфликтологического анализа отношения местного населения к этномиграционным процессам. Определяются направления деятельности по раннему предупреждению конфликтных ситуаций в сфере межэтнических отношений.

Ключевые слова: Дальний Восток, Хабаровский край, этническая миграция, этномиграционная политика, этномиграционные процессы, раннее предупреждение конфликтов, превентивная деятельность.

В условиях Дальнего Востока серьезной предпосылкой национально-этнической напряженности является демографический фактор, последствия воздействия которого возникают в виде становящейся все более инокультурной этнической миграции. Так, если в 2007 г. на миграционный учет в Хабаровском крае были поставлены 46 тыс. граждан ближнего и дальнего зарубежья, то 2012 г. эта цифра выросла втрое [12: с. 58]. А уже в 2016 г. только в г. Хабаровске были поставлены на миграционный учет 86 тыс. иностранцев, 50 % из них – граждане стран СНГ, 25 % – граждане КНР, что составляет при численности населения Хабаровска в 611 тыс. – свыше 14 % населения [4]. Это подтверждает мнение дальневосточного демографа Е.Л. Мотрич о том, что «Славянской миграции, которую имел регион, уже нет и, как показывает практика, не будет» [16: с. 12]. Даже в рамках Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников на Дальний Восток прибывает весьма незначительное количество культурно близкого россиянам населения [2]. С вышеуказанным утверждением согласуется позиция известного дальневосточного политолога И.Ф. Ярулина, полагающего, что процессы этнической миграции могут вполне привести к ситуации этнического сдвига – замещения одной этнической группы другой/другими с соответствующим созданием новой этносоциальной и этнокультурной среды [14: с. 89].

В таком контексте целесообразно согласиться с А.М. Кузнецовым, обращающим внимание на то, что «...сегодня современная этнополитическая ситуация региона существенно меняется и в ней возникают новые риски и угрозы. Не случайно, даже зарубежные исследователи характеризуют наш регион как зону риска. Указанные особенности Дальнего Восто-

ка России определяют и специфику протекания здесь процесса этнотрансформации в сравнении не только с зарубежными странами, но и такими регионами России, как Поволжье и Кавказ» [13: с. 75].

Применительно к Дальневосточному региону все-таки уместно говорить о едином комплексе этномиграционной политики. Так, по мнению известного дальневосточного этнополитолога А.С. Кима, «...следует определять необходимость употребления в одной связке понятий "этническая политика" и "миграционная политика"». Дело в том, что «...в настоящее время миграционные потоки на дальневосточных территориях в значительной степени носят этническую окраску, поскольку связаны с трудовой и нелегальной миграцией представителей титульных этносов из стран СНГ и Китая... Именно поэтому регулирование миграционных процессов на дальневосточных территориях во многом сопряжено с управлением межэтническими взаимодействиями и, следовательно, речь идет не просто о миграционной, а об этнических составляющих миграционной политики» [8: с. 53–54].

Одной из важнейших проблем этномиграционной политики является раннее предупреждение конфликтов между мигрантами и принимающим обществом, формирование межнационального согласия и этнокультурной интеграции. Между тем практики социального взаимодействия по поводу этнической миграции складываются на различных уровнях общественной жизни региона. В этом смысле можно полагать существование различных уровней таких практик, в том числе своего рода народной миграционной политики, формирующейся в ходе обыденных взаимодействий [3: с. 35]. Именно на уровне повседневного взаимодействия происходит «материализация» миграционной политики, лишь отчасти совпадающая (или совсем не

совпадающая) с рамочными условиями, задаваемыми на иных уровнях» [3: с. 35].

В этой связи весьма важно, чтобы институциональные практики этнической и миграционной политики были основаны не на ценностях и представлениях конфликта, а на установках и концептах консенсуса. В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной Президентом РФ 13 июня 2012 г., в качестве одной из важных задач декларируется содействие адаптации и интеграции мигрантов, формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом. В рамках реализации этой задачи определяется такое направление, как содействие развитию в обществе культуры межнациональных и межрелигиозных отношений, формирование у мигрантов и принимающего сообщества навыков межкультурного общения, противодействия ксенофобии, национальной и расовой нетерпимости [11].

Однако «...опыт всех без исключения развитых западных стран показывает, что неизменным политическим последствием публичной политики мультикультурализма по отношению к постоянно и в массовом масштабе возрастающему числу этнических мигрантов является рост этнической интолерантности и контрмобилизации членов доминирующих групп...» [1: с. 371]. Более того, как показывает этнополитическая практика, различные мифы и стереотипы массового сознания, оформляясь в совокупность когнитивных схем, смыслов и значений, воспроизводят мировоззренческие основания практик дискриминации и этнического национализма.

Именно поэтому одним из важнейших условий управленческого воздействия с целью раннего предупреждения конфликтных ситуаций является изучение того, как в массовом сознании местного населения отражается этническая и миграционная проблематика. Значимость анализа повседневного уровня межэтнического взаимодействия определяется тем, что именно на нем «рождаются иррациональные (или рациональные) страхи и предпочтения, которые фиксируются на более высоких уровнях концептуализации миграционной политики, нередко закрепляясь в виде правовых норм» [3: с. 35].

Особенно с этой точки зрения следует обратить внимание на молодежную среду. А.С. Ким выделяет следующие факторы молодежной конфликтности. Во-первых, в условиях несформированности в постсоветском обществе институтов социализации молодежь вынуждена в меру своего понимания вырабатывать и реализовывать механизмы приспособления к динамично меняющейся социальной среде. Во-вторых, в условиях отсутствия общенациональной идеологии молодежь максимально подвержена воздействию разнообразных

идейно-политических потоков посредством влияния сетевых структур, формирующихся в пространстве интернет-коммуникации, и поставлена перед непростым выбором между различными ценностными ориентациями [9: с. 5].

В 2013–2014 гг. при поддержке Правительства Хабаровского края в рамках проекта «Высшие учебные заведения Хабаровского края – территория межнационального согласия: профилактика этнического экстремизма» было проведено масштабное социологическое исследование. Опрашивались студенты Тихоокеанского государственного университета, Хабаровской государственной академии экономики и права, Дальневосточного государственного университета путей сообщения и Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (всего было опрошено 1558 респондентов, доверительная вероятность составила 95 %, доверительный интервал $\pm 3,9$ %; выборка была случайная на этапе отбора респондентов) [18: с. 10–11]. Исследование выявило наличие следующих этнических конфликтогенов в сознании около 30 % опрошенных:

1) отсутствие научного понимания сущности, характера и основных закономерностей развития этнических процессов и межэтнических отношений;

2) низкий уровень этнологической культуры с точки зрения обладания адекватными представлениями о культурах других народов и навыками межэтнического общения (распространенность клише, штампов и стереотипов);

3) низкий уровень общегражданской (российской) идентичности, распространенность тождества «россиянин – русский»;

4) аморфность и неустойчивость базовых ценностей, определяющих этнополитическую ориентацию в решении этнонациональных проблем [18: с. 3].

Респонденты проявили заметную озабоченность внешними и внутренними миграционными потоками, что можно объяснить постоянной актуализацией данной темы в средствах массовой информации и выступлениях российских политиков. Однако при этом в процессе исследования стало открытием то обстоятельство, что подавляющее большинство опрошенных как первоочередную выделило не проблему отношений между гражданами России и этническими мигрантами, а проблему отношений между «русскими» и «нерусскими» внутри России вообще. При этом доля тех респондентов, которые идентифицировали себя как «нерусских», заметно превысила долю «русских» (51,6 % против 43,8 %) [15: с. 26].

Аналогичные результаты дало и исследование, проведенное в течение февраля – сентября 2014 г. в рамках проекта «Информационно-ресурсный образовательный центр "Единение" для национальных, религиозных и образовательных организаций Хабаровского края». В режиме мониторинга был про-

веден анкетный опрос респондентов из пяти социальных групп. Всего опрошено 1208 чел., в том числе студенты (N = 241), представители образовательных (учителя школ, преподаватели вузов и колледжей, N = 243), молодежных (N = 240), национальных (N = 244) и религиозных (N = 240) организаций; из них 29,3 % мужчин, 70,7 % женщин; в возрасте от 15 до 30 лет – 58,1 %, от 31 года до 60 лет – 35,9 %, старше 60 лет – 6,0 %. По уровню образования: неполное среднее – 5,7 %, общее среднее – 43,8 %, среднее специальное – 14,2 %, высшее – 36,8 %. Распределение по этнической идентичности: считают себя русскими 77,9 % респондентов, нерусскими – 13,7 %, затруднились с определением своей этнической принадлежности 8,1 %. Доверительная вероятность опроса составила 95 %, доверительный интервал $\pm 3,0$ %; тип выборочной совокупности квотный в разрезе названных социальных групп и случайный на этапе отбора респондентов. В ходе исследования проводились ежемесячные опросы по каждой из выделенных групп, примерно по 30 чел. в каждой, общим количеством около 150 чел. [5: с. 150–151].

Как показало данное исследование, примерно каждый десятый респондент проявил приверженность к этноконфликтному поведению и поддержке экстремистских действий [5: с. 164]. Так же, как и в первом исследовании, наблюдается парадоксальная ситуация. Несмотря на то что в средствах массовой информации и выступлениях политиков чаще затрагивается проблематика взаимодействия принимающего общества с мигрантами, наиболее значимыми респонденты посчитали отношения между русскими, с одной стороны, и всеми нерусскими, с другой (37,8 %). При анализе ответов на вопрос об оценке личного отношения к представителям различных этносов (славянских, кавказских, дальневосточных) было выявлено, что наибольшую толерантность практически ко всем национальностям проявили члены национальных организаций, наименьшую – члены молодежных организаций и студенты [5: с. 160]. Проблема миграции из стран Средней Азии имеет для респондентов чуть меньшую значимость (37,7 %) и намного меньшую – внутренняя миграция из республик Северного Кавказа (14,2 %) и внешняя миграция из стран Восточной Азии (7,5 %) [5: с. 154].

Вышеуказанные данные подтверждают наличие скрытой межэтнической напряженности, которую в большей степени ощущают «нерусские» дальневосточники. Кроме того, можно предположить, что значимость разделения российского общества в массовом сознании респондентов, относящих себя к русским, на «русских» и «нерусских» вообще вызвана распространенностью примордиалистских установок, определяющих превалирование значи-

мости этнических различий над общегражданской идентичностью.

Тем не менее озабоченность этнической миграцией в значительной степени присуща жителям Хабаровского края. Это показывает социологический опрос, проведенный в г. Хабаровске некоммерческим партнерством «Дальневосточный институт социально-политических исследований» под научным руководством профессора И.Ф. Ярулина 2–9 июля 2015 г. Было опрошено 400 респондентов по половозрастной выборке. Примерная погрешность составила 3,5 %. «Негативное отношение к мигрантам местные жители объясняют их влиянием на криминальную обстановку в городе. Большинство понимает причины, вынуждающие людей приезжать в регион, – это и отсутствие работы, и низкие заработки, и низкое социальное и материальное положение в стране проживания. Тем не менее, по убеждению большинства, мигранты являются причиной дефицита рабочих мест, нехватки ресурсов социальных служб. Местных жителей, готовых принимать приезжающих независимо от национальности и страны происхождения, меньшинство» [20: с. 132–133].

Исходя из вышеизложенного, «...следует говорить о насущной необходимости разработки модели предупреждения этнического экстремизма, основным содержанием которой должна быть научно-образовательная и социально-воспитательная превентивная деятельность, направленная на редукцию предрасположенности к восприятию идей радикального национализма» [9: с. 5]. С этой точки зрения следует отметить, что основное противоречие деятельности по разработке модели превенции этнического экстремизма проявляется в рассогласовании между ценностями и установками гражданского патриотизма и толерантности, на базе которых осуществляется превентивная деятельность в рамках реализации государственной национальной политики, и ценностями и установками обыденного сознания, для которого не свойственен научный подход к пониманию этнических и миграционных процессов. Разрешение данного противоречия предполагает создание условий, способствующих формированию общественного мнения, в котором доминировали бы ценности гражданского патриотизма и этнокультурной толерантности. В таком контексте важную роль играет мониторинг как динамики изменений характера и направленности этномиграционных процессов, так и перемен взглядов и настроений старожильческого населения по отношению к данным процессам.

В связи с вышеизложенным возникает вопрос об оценке эффективности превентивной деятельности. Показатели эффективности могут быть количественными и качественными. Так, основным ка-

чественным показателем эффективности является степень разрыва между целями акторов превентивной деятельности и состоянием массового сознания. Количественными же показателями являются индикаторы, характеризующие рост или снижение числа лиц, предрасположенных к восприятию этнического национализма. Таким образом, эффективность превентивной деятельности измеряется посредством фиксации точек отсчета изменений в процессах, происходящих в массовом сознании относительно этномиграционной проблематики.

Между тем, присутствует сильная инерция мышления, связанная с недопониманием сущности и роли «регулярной профилактики, разработки форм и способов поддержания позитивных (консенсусных) бесконфликтных межэтнических отношений» [10: с. 17]. В основном признается необходимость регулирования и разрешения уже сформировавшихся конфликтов, которые в большинстве случаев рассматриваются «как "пожаротушение", то есть непосредственное воздействие на конфликт с целью его немедленного прекращения» [10: с. 16–17]. Кроме того, существует стереотипное убеждение, что предупреждение радикального национализма в социальной среде – это исключительно функция правоохранительных органов. Неудивительно, что при этом происходит непонимание места и роли средств массовой информации, образовательных и общественных организаций, гражданского общества в превентивной деятельности относительно этнонационалистических проявлений на мировоззренческом уровне.

Вышеперечисленные обстоятельства обуславливают недостаточную активность в части формирования системы раннего предупреждения межэтнических конфликтов, вследствие чего отдельные разрозненные усилия не трансформируются в скоординированные проекты превентивной деятельности. Для исправления данного положения на территории одного из крупнейших регионов Дальнего Востока – Хабаровского края началась работа по формированию вышеуказанной системы [7]. При всей сложности ситуации вселяет надежду деятельность правительства края по активизации работы его новой структуры – Управления по реализации государственной национальной политики в составе Главного управления внутренней политики [17] и его решение об учреждении в 2016 г. автономной некоммерческой организации «Краевой научно-практический центр по мониторингу этноконфессиональных отношений и раннему предупреждению конфликтных ситуаций» [7]. Представляется, что данные шаги, сделанные органами государственной власти Хабаровского края, послужат формированию конфликтологической базы управления этномиграционными процессами.

Вместе с тем следует отметить, что конфликтологическая проблематика, естественно, не сводится только лишь к проблемам образовательно-воспитательной превенции. Речь должна идти о широком спектре научно-практических вопросов, связанных с социокультурными, социально-экономическими, демографическими, правовыми и социально-политическими аспектами взаимодействия мигрантов с принимающим обществом, разработке стратегии позитивной интеграции мигрантов.

Первую часть спектра составляют механизмы административно-правового контроля, предполагающие совершенствование миграционного законодательства, наведение порядка в сфере трудовой миграции посредством сокращения теневого использования иностранных работников и максимального обеспечения потребностей экономики в местных трудовых ресурсах, переход к организованной системе использования иностранной рабочей силы путем привлечения в Россию квалифицированных трудовых мигрантов, обеспечение полномасштабного контроля за исполнением миграционного законодательства [6].

Вторую часть образуют этнокультурные механизмы (например, приобщение трудовых мигрантов к культурным традициям региона проживания; воспитание чувства культурной и этнической идентичности; развитие образовательных, языковых программ по улучшению уровня адаптации трудовых мигрантов и гармонизации межэтнических отношений; приобщение местной молодежи к проблемам адаптации и интеграции мигрантов; увеличение количества этнокультурных мероприятий в регионе; создание локальных функциональных центров, занимающихся вопросами адаптации и интеграции трудовых мигрантов) [19: с. 86].

Таким образом, существует настоятельная необходимость того, чтобы органы региональной и местной власти формировали политико-общественные институты, во многом исходя из реалий так называемого этнического сдвига, вызванного этномиграционными процессами и негативной демографической ситуацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аклаев, А.Р. Этнополитическая конфликтология. Анализ и менеджмент : учеб. пособие / А.Р. Аклаев. – М. : Дело, 2008. – 480 с.
2. Белова, Ю. Константин Виноградов: «Не надо думать, что здесь ожидают золотые горы». Как работает программа переселения соотечественников в Хабаровском крае? / Ю. Белова // Аргументы и факты – Дальинформ. – 2011. – № 51.
3. Бляхер, Л.Е. Мигранты и миграционная политика в постсоветской Сибири и на Дальнем Востоке / Л.Е. Бляхер, К.В. Григоричев // Полития. – 2011. – № 4. – С. 35–60.

4. Гаврилова, С. Городские заботы / С. Гаврилова // Аргументы и факты – Дальинформ. – 2017. – № 9. – С. 4.
5. Профилактика межнациональных конфликтов, дисбаланса и непонимания между народами Хабаровского края / А.Г. Долган [и др.] // DIXI-2014: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях : сб. науч. тр. / под науч. ред. А.Ю. Завалишина. – Хабаровск : РИЦ ХГАЭП, 2014. – Вып. 5. – С. 149–175.
6. Здоровец, Я.И. Миграционная проблематика и развитие российского законодательства / Я.И. Здоровец // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ № 22 (339) «Национальная и миграционная политика: зарубежный и отечественный опыт» (декабрь 2007 г.). – С. 35–46.
7. Итоговая резолюция Дальневосточного гражданско-го форума от 15 ноября 2015 г. : направлена врио начальника департамента по реализации общественных проектов Аппарата Полномочного представителя Президента РФ в ДФО А.И. Веденяпиной, заместителю Председателя Правительства Хабаровского края – руководителю Аппарата Губернатора и Правительства края А.Н. Мкртычеву письмом от 29 декабря 2015 г. № А56-5138 : п. 9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.opkhv.ru/civilforum27/2015/materials/1597>.
8. Ким, А.С. Методологические аспекты концепции региональной этнической и миграционной политики / А.С. Ким // Национальный вопрос. Теория. Современность. Политика : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Современный мир и этнонациональные процессы» (г. Якутск, 20–21 сентября 2012 г.) / сост. А.А. Пахомов, Е.М. Махаров, Е.Д. Кули. – Якутск : Сфера, 2013. – С. 51–55.
9. Ким, А.С. Предупреждение этнического экстремизма как фактор формирования патриотического сознания студенческой молодежи / А.С. Ким // История и культура Приамурья. – 2016. – № 1. – С. 4–11.
10. Ким, А.С. Этнополитическая конфликтология современных диаспор: методология, теория, регионалистика : моногр. / А.С. Ким. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2011. – 330 с.
11. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. : утв. Президентом РФ 13 июня 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/#ixzz3ghQn>.
12. Костюрина, Н.Ю. Отношение к мигрантам в Хабаровском крае: анализ интернет-среды / Н.Ю. Костюрина // DIXI-2014: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях : сб. науч. тр. / под науч. ред. А.Ю. Завалишина. – Хабаровск : РИЦ ХГАЭП, 2014. – Вып. 5. – С. 56–67.
13. Кузнецов, А.М. Этнополитическая ситуация на Дальнем Востоке России: некоторые проблемы и перспективы / А.М. Кузнецов // Ойкумена. – 2012. – № 1. – С. 67–79.
14. Межэтнические и межконфессиональные отношения в Дальневосточном федеральном округе (по материалам социологических исследований) : препринт / И.Ф. Ярулин [и др.]. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2014. – 96 с.
15. Завалишин, А.Ю. Методические рекомендации для профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений по профилактике экстремизма в среде студенческой молодежи / А.Ю. Завалишин, А.С. Ким. – Хабаровск, 2014. – 52 с.
16. Мотрич, Е.Л. Роль миграции в динамике численности и составе населения Дальневосточного федерального округа / Е.Л. Мотрич // Региональные проблемы. – 2015. – Т. 18. – № 3. – С. 6–14.
17. Положение о главном управлении внутренней политики Губернатора и Правительства Хабаровского края : утв. пост. Губернатора Хабаровского края от 28 нояб. 2014 г. № 88 // Собр. законодательства Хабаровского края. – 2015. – № 11 (ч. I).
18. Стадник, В.Ю. Этнополитическая конфликтогенность студенческой молодежи Хабаровского края: социологический анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / В.Ю. Стадник. – Хабаровск, 2014. – 30 с.
19. Титова, Е.В. Механизмы регулирования процессов адаптации этнической трудовой миграции в Еврейской автономной области / Е.В. Титова // Региональные проблемы. – 2015. – Т. 18. – № 3. – С. 82–87.
20. Ярулин, И.Ф. Концепт «доверие» при анализе этнических миграций / И.Ф. Ярулин // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016. – № 1. – С. 128–133.

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МИГРАНТОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Л.А. Кривоносова

Кривоносова Людмила Александровна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, социальной работы и права Дальневосточного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Хабаровск).

Контактный адрес: cla60@mail.ru

В статье представлен анализ социокультурной интеграции в контексте современных векторов развития этнической миграции на Дальнем Востоке. Обоснованы тенденции интеграционных процессов, связанные с новыми социально-демографическими характеристиками мигрантов. Предложены механизмы, способствующие принимающей стороне совместно с общественными организациями и диаспорами создать в регионе позитивную социально-культурную среду для переселенцев, представляющую реальные возможности сохранения и трансформации значимых свойств этнической идентичности.

Ключевые слова: этническая миграция, этническая идентичность мигрантов, сохранение и трансформация этнокультурной идентичности, Дальневосточный федеральный округ, этнические диаспоры, анклавизация, межкультурные коммуникации, этническая толерантность, миграционная интеграция.

Процесс анализа миграционных потоков на территории Дальнего Востока можно представить самыми различными исследовательскими полями, затрагивающими экономическую, политическую, социальную ситуации в регионе. Менее других исследованы культурно-мировоззренческие аспекты, связанные с этническими мигрантами. Специфика социальной среды этнических мигрантов на территории Дальневосточного федерального округа рассматривается как фактор, способствующий или препятствующий их социально-культурной интеграции. Основной теоретической гипотезой является то, что в процессе отношения мигранта и принимающей стороны включается механизм идентификации, приводящий как к кристаллизации, так и к трансформации «своих» и «иных» качеств в соответствии со значениями самого социального пространства. Данный идентификационный образ, по мнению Ю.С. Замараевой, является абстрактным и приобретает конкретные характеристики «благодаря» повседневному опыту в среде иной культуры, позволяет посредством ассоциативного анализа обнаружить своеобразное представление о культурном феномене миграции в рамках конкретного территориального поля [2: с. 218]. Все это дает возможность в рамках исследовательской проблемы разработать некий алгоритм действий по обоснованию необходимости сохранения и/или трансформации этнической идентичности мигрантов в привязке к конкретной территории. Без анализа поведения индивидов, связанных с миграционными потоками, невозможно глубинное понимание сущности миграции в качестве культурного феномена, для обоснования которого нами используются теоретические взгляды двух направлений: теории бес-

сознательного (З. Фрейд и К.Г. Юнг) и теории повседневности (А. Шюц) [5: с. 18–19]. Основатели обеих школ при помощи различных ассоциативных методов доказали, что сознание формируется на базе накопленного опыта в процессе освоения реальных явлений и, следовательно, отражает внутреннюю закономерность этой реальности. Очевидно, что формально или не формально, но требования к сохранению или трансформации идентичности мигрантов существуют независимо от официальной миграционной политики в регионе, их знание и возможность регулирования будут способствовать более мягкой адаптации как мигрантов, так и принимающей стороны в осуществлении конкретных миграционных процессов.

На начальном этапе исследовательских работ необходимо определить миграционную специфику Дальневосточного региона с позиций мигрантов, для которых характерна этническая определенность и которые совершают миграционное движение, происходящее под влиянием этнических факторов. Анализ показывает, что этническая миграция в наличном состоянии и долговременной перспективе вместе с позитивными моментами проявляет и негативные, многие из которых традиционно известны.

Использование миграционного ресурса на Дальнем Востоке имеет приоритетное значение для всех общественных систем. В целом перемещение этнических мигрантов на Дальний Восток обусловлено экономической вынужденностью региона. Причинами, по которым мигранты осуществляют территориальные переселения, являются трудоизбыточность и дефицит рабочих мест, нищета, трудовое бесправие в местах их бывшего проживания. Дальний Восток в последние годы зарекомендовал себя

как регион с благоприятной экономической конъюнктурой, способствующей обоюдывыгодному росту миграции, в силу принятия различных программ социально-экономического развития, в том числе территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), программы «Дальневосточный гектар».

Но здесь выявляется первая особенность современных региональных миграционных процессов – избирательный характер рассредоточения приезжающих. Сегодня уже четко можно проследить места концентрации отдельных этнических групп. Более других популярностью пользуются Приморье и юг Хабаровского края, Сахалинская область, которые и так относительно самодостаточны в воспроизводстве собственных трудовых ресурсов, адекватных обеспечению существующей здесь социально-экономической инфраструктуры. Более того, этническая миграция носит здесь анклавный, или диаспорный, характер, что влечет за собой существенное изменение национального состава населения, его половозрастных характеристик, меняет характер образовательного и профессионального уровня населения, влияет на социальный и культурный уклад жизни. Последствия подобного рода изменений пока остаются вне поля как исследователей, так и органов власти, отсутствуют возможные сценарии и прогнозы развития. Так, например, в регионе наблюдается устойчивая тенденция к изменению национального состава мигрантов: число китайцев, которые были лидерами за последние 3 года уменьшилось в среднем на 26 %, в то время как значительно увеличилась численность узбеков (в 5,5 раз), киргизов (в 3,1 раз), таджиков (в 3,2 раза). Меняются и «очаги» расселения этнических мигрантов. Например, Приморский край «избран» выходцами из Узбекистана, Хабаровский – Таджикистана, Сахалин – Киргизии. Данные миграционные реалии только становятся предметом обсуждений и формирований исследовательского поля, вместе с тем они заслуживают не меньшего внимания, чем пресловутая «китайская угроза».

Миграционная политика на Дальнем Востоке не в достаточной степени отражает ее этнические проблемы и их влияние на развитие демографической ситуации в регионе. В настоящее время практически отсутствуют официальные статистические данные о трудовой миграции в этническом контексте. Политика этнической толерантности, активно транслируемая официальными властями, не может быть предсказуема без комплексных исследований формируемых на Дальнем Востоке этнических структур, взаимоотношений этногрупп, национальной консолидации и интеграции.

Межэтнические отношения на Дальнем Востоке традиционно считаются, в том числе и по мнению самих мигрантов, относительно толерантными, вместе с тем не исключается наличие следующих факторов: изменения статусно-ролевых диспозиций, комплексного и анклавного расселения этносов, этнической монополизации некоторых видов предпринимательской деятельности, нелегальности пребывания и трудовой деятельности, вовлечения мигрантов в криминальные структуры, закрытости этнических общин, этнической (диаспорной) организованности и сплоченности, возможности быстрой мобилизации всех факторов этнического потенциала, в том числе и протестных, гендерных диспропорций в половозрастном составе этнических мигрантов, конфессиональных различий. Миграционная политика на Дальнем Востоке не оценивает и последствия резкого изменения этнического состава населения, где очевидно, что акценты будут смещаться в сторону преобладания не этнических русских или даже лиц славянского происхождения. Скорее всего это будут выходцы из стран Центральной Азии, Кавказа, Китая. Каким может быть социальное пространство или ментальные детерминанты на территории Российского Дальнего Востока, на этот вопрос в настоящее время ответов нет. Но очевидно, что интенсивное заселение территории ДВ этническими мигрантами является очень существенной проблемой, характеризующей в этом смысле Дальний Восток как территорию миграционного риска.

При поиске решений, связанных с этнической миграцией, необходимо исходить как из теоретического, так и из практического опыта. В этом смысле достаточно серьезного внимания заслуживают теория демографического перехода Д. Коулмена [4: с. 187] и теория миграционной цепи П. Стокера [5: с. 28–32]. Согласно данным теориям процесс адаптации этнических мигрантов является длительным, поэтому необходимо четко определить его содержательную и структурную модель. Миссией такой модели является недвусмысленная установка на то, что этнические мигранты будут себя идентифицировать с населением Дальнего Востока. Для этого должны быть созданы все условия и ситуация, как минимум, должна быть управляемой. Если же ситуация, напротив, будет развиваться хаотично, тогда этнические мигранты определяют себя как нечто отличное от коренного населения, которое, в свою очередь, характеризуется убывающей численностью и возрастающим уровнем оттока в другие регионы страны. Подобные процессы могут иметь самые различные этнокультурные, политические и экономические последствия.

В данный момент руководителями региона решается одна проблема – любой ценой восполнить

дефицит трудовых ресурсов, при этом во многих территориях «закрываются глаза» на нелегальную миграцию. Так, по данным Института миграционных процессов, в 2015 г. работодателями, например, Приморского края была подана заявка на 120 тыс. чел., реально она была исполнена всего на 30 тыс., но предложенные вакансии заполнили мигранты из бывших союзных республик, имеющие самый низкий уровень образования, около 40 % из них не имеют профессиональной подготовки, большинство не имели работы у себя на родине, 40–50 % мигрантов «последней волны» можно отнести к категории крайне бедных, и проживали они в основном в сельской местности [3: с. 47–48].

Бесспорно, что обсуждаемая категория мигрантов из бывших союзных республик замещает вакантные должности в регионе, в основном не требующие высокой квалификации, между тем планы социально-экономического развития Дальнего Востока предполагают реализацию глобальных проектов, требующих высококвалифицированных трудовых ресурсов. Такого рода мигранты, в том числе и этнические, находятся в явном меньшинстве.

Активное использование местными работодателями и территориальными органами власти и управления этнических мигрантов не учитывает того факта, что этот процесс имеет как позитивные, так и нежелательные последствия, сопровождающиеся обострением противоречий в принимающих территориальных сообществах. Эффективное использование миграционного ресурса, еще и характеризующегося этническими особенностями, в таком регионе, как Дальний Восток, где проживают множество своих коренных этносов при низкой плотности населения, предполагает реализацию комплекса мер, связанных с увеличением доли некоренного населения и его адаптацией.

В данный момент миграционная политика в регионе во многом не транслирует опыт, который всегда приводит к известным позитивным последствиям. Здесь первостепенное значение имеют такие меры, как квоты, фильтры, отбор, серьезные интеграционные программы. К слову сказать, на фоне длительного «ничего не делания» в Дальневосточном федеральном округе начали реализовываться программы обучения этнических мигрантов русскому языку, истории России, знанию основных законодательных актов, но все это носит поверхностный характер и в большинстве районов реализуется формально. Очевидно, что стать жителем российского Дальнего Востока, практически не имея образования, не зная русского языка, истории России и имея только личные потребительские настроения, не сложно, а главное, не нужно доказывать, зачем ты нужен Дальнему Востоку. Международные практики предполагают более слож-

ную процедуру официальной интеграции мигрантов.

Особую тревогу, по мнению автора, вызывает отсутствие у этнических мигрантов профессии и незнание русского языка. Это увеличивает миграционные риски и незащищенность мигрантов при осуществлении индивидуальных адаптационных стратегий. Миграционные процессы на Дальнем Востоке не решают проблемы восполнения населения сельских территорий. При выборе нового места жительства мигранты в последнюю очередь селятся в сельской местности, 80 % из них остаются в городских округах [3: с. 64].

Так, в Хабаровский край, где в городах постоянно проживают представители 145 народностей и этнических групп, за несколько лет приехали более 35 тыс. этнических мигрантов, что составляет более 80 % от их общего числа, в основном это жители стран СНГ. На их долю приходится 42,1 % въезжающих в край переселенцев. Этнические мигранты в основном заняты в строительстве – около 50 %, в сельском и местном хозяйстве – 15 %, на перерабатывающих производствах – 13 %, в последнее время мигранты активно интегрируются в транспортную отрасль [3: с. 52].

Этническая миграция на Дальнем Востоке имеет преимущественно «цепной» характер, т.е. следом за мигрантом приезжают его родственники и знакомые, которым уже состоявшиеся переселенцы находят рабочие места, помогают в оформлении документов и виз, что во многом способствует интеграции в новую социальную среду. Данная ситуация выступает основой для образования организационных этнических диаспор, которые, опекая мигрантов и давая им ощущение относительной защищенности, снижают необходимый эффект и объем интеграции и вовлеченности. Вместе с тем существующие в настоящее время этнические диаспоры берут на себя и необходимые функции по осуществлению формальной связи миграционных национальных сообществ с органами власти и местного управления. Так, Ассамблея народов Хабаровского края объединяет 20 организаций, в том числе и представителей этнических мигрантов, многие из которых проводят результативную работу по реализации миграционной политики. Примером является Дальневосточное отделение Союза армян России. Организация проводит большую работу, связанную с адаптацией переселенцев армянской национальности на территории Дальневосточного федерального округа и представляет собой продуктивный ресурс реальной связи с этническими мигрантами, который не используется в полной мере региональными органами власти. Например, на базе этнических диаспор можно организовать мониторинг по оценке происходящих в

регионе этносоциальных, этнокультурных изменений, что позволило бы диагностировать происходящие события, а значит, и реагировать на них.

Важной задачей любой диаспоры является поддержка вновь прибывших и давно живущих на территории региона мигрантов своей национальности. Здесь очень важно диагностировать направления поддержки. Это, прежде всего, экономическая поддержка, которая реализуется путем решения проблем трудоустройства и жилья. Обеспечение безопасности и правовая поддержка осуществляются в период регистрации и получения рабочего места. Образовательная поддержка осуществляется по двум направлениям. Первое – обучение русскому языку, поступление мигрантов и их детей в образовательное учреждение. Второе – обучение родному языку, религии, родной культуре. Фактически, реализуя данную функцию, диаспора выступает в качестве центра, сохраняющего и воспроизводящего национальную идентичность в условиях другой культурной среды. Сохранение и развитие национальной культуры и конфессиональных основ также указывается лидерами диаспор в качестве важного направления их деятельности и реализуется за счет создания и поддержки самостоятельных коллективов, отдельных творческих личностей, проведения национальных и религиозных праздников, национальных дней культуры. Информационная деятельность выражается в создании собственных регулярных печатных изданий, телепередач, сайтов.

Но этнические миграционные процессы на Дальнем Востоке носят не только диаспорный, но и индивидуальный характер, так как выбор географического пункта будущего поселения продиктован добровольным или вынужденным видом миграции. Вынужденная миграция представлена менее организованными индивидами, но и эти группы этнических мигрантов не могут быть «брошенными», поскольку они более ориентированы на интеграцию в местное сообщество.

Основные проблемы социокультурной адаптации мигрантов на территории Дальнего Востока можно ранжировать следующим образом: проблемы в правовом и экономическом поле, проблемы в культурно-коммуникативном пространстве, проблемы физиологической адаптации. Однако существуют и проблемы принятия мигрантов, которые выражаются в обострении социальной конкурен-

ции, а также снижении уровня толерантности в принимающем сообществе. В настоящее время диаспоры выступают основным инструментом, помогающим мигрантам решать указанные проблемы. Свою деятельность по решению означенных проблем они осуществляют в нескольких направлениях: экономическом, правовом, образовательном, культурном и информационном. Можно выделить две тенденции: сохранения и трансформации национальной идентичности различных типов мигрантов. Первая тенденция характерна для новых поколений мигрантов. Приток трудовых мигрантов увеличивает размер диаспоры, в результате чего вновь прибывшие замыкаются на общении с соплеменниками. В итоге растет культурная дистанция между мигрантами и местным населением. Современные мигранты хуже знают русский язык и культуру, снижается их образовательный уровень и способность к интеграции и социальной мобильности. Наблюдается социокультурный изоляционизм и ценностно-мировоззренческая отчужденность местного и пришлого населения.

Данные проблемы предполагают дальнейшее изучение и анализ, в том числе и на междисциплинарном уровне, с целью разработки комплексных программных документов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Южаннин, М.А. О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу [Электронный ресурс] / М.А. Южаннин. – Режим доступа: <http://2008.isras.ru/files/Files/>
2. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробужева. – М. : Academia, 2015. – 480 с.
3. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности УФМС России по Хабаровскому краю на 2015 г. и период 2015–2017 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ufms-khb.ru/node/693>.
4. Коулмен, Д. Третий демографический переход [Электронный ресурс] / Д. Коулмен // Демоскоп Weekly. – 2007. – 3–16 сент. – № 299–300. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/>
5. Замараева, Ю.С. Особенности этнической миграции в социально-психологическом восприятии (на материале анализа результатов эксперимента по методике «Серийные тематические ассоциации») / Ю.С. Замараева. – М., 2013.
6. Жогин, Б.Г. Интеграция вынужденных мигрантов в местное сообщество / Б.Г. Жогин, Маслова, В.К. Шаповалов. – Ставрополь : Ставропольсервисшкола, 2013. – 432 с.

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ПИСЬМЕННОСТИ ДЛЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

М.В. Осипова

Осипова Марина Викторовна – кандидат исторических наук, главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела этнографии КГБНУК «Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова».

Контактный адрес: Ainu07@mail.ru

В статье рассматривается история создания письменности для бесписьменных языков коренных малочисленных народов края, раскрываются положительные и отрицательные моменты, проявившиеся в ходе этого процесса. Предпринимается попытка осмысления ее итогов, подчеркивается роль ученых-этнографов в создании учебников на родных языках и национальной литературы коренных малочисленных народов Севера.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, бесписьменные языки, Комитет нового алфавита, письменность, ликвидация безграмотности, латиница, кириллица, графема, фонетический строй, репрессивные меры.

С 2000 г. ежегодно 21 февраля во всем мире отмечается учрежденный Генеральной конференцией ЮНЕСКО от 17 февраля 1999 г. Международный день родного языка (International Mother language Day). В нашем крае в рамках этого события проводится ряд мероприятий, нацеленных на популяризацию, сохранение и развитие языков проживающих на его территории коренных малочисленных народов, что способствует сохранению нематериального наследия этих этносов.

Хабаровский край является уникальной в этническом и языковом отношении территорией – здесь проживают восемь народов, чьи языки принадлежат к разным языковым семьям, – это тунгусо-маньчжур (нанайцы, негидальцы, орочи, удэгейцы, ульчи, эвенки и эвены) и условно называемые в научной литературе палеоазиатами нивхи, чей язык считается изолированным в мировой языковой классификации. Родные языки этих этносов определялись как бесписьменные. Сегодня у всех есть азбука, издаются произведения писателей на национальном языке. Последняя азбука – негидальская – опубликована в этом году. Однако история создания алфавитов для ранее бесписьменных языков в нашей стране была непростой. Цель данной статьи – проследить историю создания письменности для языков аборигенов края, проанализировать положительные и отрицательные моменты в процессе ее создания.

В средствах массовой информации нередко можно встретить утверждение, что попытки создать письменность для указанных народов предпринимались еще в конце XIX – начале XX в. Действительно, побывавшие в научных экспедициях в новых, вошедших в состав Российской империи землях исследователи (Р.К. Маак (1825–1886), Л.И. Шренк (1826–1894), Л.Я. Штернберг (1861–1927), П.П. Шмидт (1869–1938)), православ-

ные миссионеры (П. Протодяконов, А. Протодяконов, С. Попов), военные (станичный старшина Шелудяков, С.Г. Леонтович (1862–?)), чиновники-краеведы (В.П. Маргаритов (1854–1916), И.П. Надаров (1851–1920), В.К. Арсеньев (1872–1930), С.Н. Браиловский (1861–?)) составляли словники и словари языков аборигенов, кириллицей записывали легенды и мифы тех народов, среди которых они жили. Однако систематического изучения с лингвистической точки зрения лексического, фонетического и грамматического состава этих языков не было. Это, по-видимому, можно объяснить следующими причинами. Во-первых, среди перечисленных имен не было ни одного человека с лингвистическим образованием, который понимал бы, каким образом необходимо организовать изучение языка для того, чтобы создать такие учебные пособия, по которым можно было бы обучать школьников родному языку на постоянной основе. Во-вторых, каждый из них, записывая слова того или иного народа, создавая словники и словари («Гольдская азбука для гольдских и гилякских детей» (1884), автор П. Протодяконов; «Краткий ороченский словарь» (1888), автор А. Протодяконов; «Краткий ороченский словарь с грамматической заметкой тумнинского наречия» (1896), автор С.Г. Леонтович; «Русско-орочский словарь» (1928), автор П.П. Шмидт; «Тунгусский букварь» (1858), авторы С. Попов и Шелудяков; рукописный вариант русско-орочского (на самом деле – удэгейского) словаря, автор В.К. Арсеньев), преследовал определенные цели. Ученые подтверждали свои изыскания, оформляя их лексикой, обслуживающей определенные стороны материальной и духовной культуры народов, а записывая тексты, искали в них параллели у соседствующих этносов для решения этногенетических проблем. Священникам было необходимо, чтобы вновь обращенные в христианство абориге-

ны могли самостоятельно читать Священное Писание. Военным владение языками местных народов было необходимо для решения поставленных командованием задач картографирования и охраны местностей, а для этого требовалась постоянная помощь проживавших на этой территории испокон веков людей, так как в большинстве своем именно аборигены служили у них проводниками. Только с установлением на Дальнем Востоке советской власти началась планомерная ликвидация неграмотности среди аборигенов Амура и создание их письменных языков.

На состоявшемся в Москве X съезде РКП (б) партийным и советским органам была определена цель постепенного сближения экономик центра и отсталых окраин, к которым относился Дальний Восток, с его туземным населением. В докладе И.В. Сталина (1878–1953) «О национальном вопросе» говорилось о необходимости «...уничтожить ту фактическую отсталость (хозяйственную, политическую, культурную) некоторых наций, которую они унаследовали от прошлого, чтобы дать возможность отсталым народам догнать центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношениях <...> помочь им развить советскую государственность на родном языке» [17]. Слова, прозвучавшие на съезде, были восприняты как руководство к действию. И уже в 1924 г. Президиумом ВЦИК был образован Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера). Для разработки основных документов, в частности Положения о Комитете, принятого в 1925 г., в его состав были включены государственные и партийные деятели, видные ученые-североведы, работники здравоохранения и просвещения, такие как А.С. Енукидзе, Ф.Я. Кон, П.А. Красиков, А.В. Луначарский, С.И. Мицквичус, Н.А. Семашко, Е.М. Ярославский, В.Г. Богораз-Тан, Л.Я. Штернберг, С.А. Бутурлин, Б.М. Житков и др. Возглавил Комитет заместитель председателя ВЦИК П.Г. Сидович. Это был межведомственный правительственный орган, основной целью которого стало вовлечение коренных народов Севера и Дальнего Востока в советское строительство, а также содействие их экономическому, политическому и культурному развитию, защита их интересов [18: л. 21–24]. И уже 23 февраля 1925 г. вышел Декрет ВЦИК СНК РСФСР «О местных комитетах содействия народностям северных окраин» за подписью М.И. Калинина, согласно которому на местах утверждались местные комитеты содействия народностям северных окраин, в том числе и при Дальневосточном ревкоме [2]. Согласно положениям декрета от 25 октября 1925 г. был образован Дальневосточный комитет Севера при Президиуме Далькрайисполкома в составе председателя Я.Б. Га-

марника, заместителя председателя К.Я. Лукса и членов Комитета И.Ф. Федорова, К.Х. Бергмана, Г.А. Шишлянникова [18: л. 23].

Одним из основных мероприятий в рамках осуществления декрета была ликвидация неграмотности среди северных народов. В каждом населенном пункте, где количество неграмотного населения превышало 15 человек, организовывались школы грамоты, или ликпункты, чаще всего они действовали при культбазах, в избах-читальнях, в красных уголках. В отдельных селениях были организованы красные уголки, открылись школы. Если в 1926 г. в Николаевском-на-Амуре округе было всего 2 школы, в которых занималось 58 человек, то через год их стало 4, а количество учащихся увеличилось до 212 человек. В отчетах РИК ВКП (б) края звучало: «Туземцы-молодежь стремятся получить просвещение» [14: л. 203; 9: л. 130]. При этом декларировалось право выбора обучения учащихся на родном или на русском языке. Однако организовать обучение на родных языках коренных жителей Амура не представлялось возможным из-за отсутствия учебников, а главное, специалистов, способных их преподавать. Для подготовки учителей из местного населения, которые бы владели родным и русским языками, туземную молодежь, проявившую способности в обучении, стали направлять на учебу в города. В 1927 г. в Хабаровск поехали учиться 10 человек, в Ленинград – 3, «из них тунгусов – 7 (2 девушки), гиляков – 5, гольдов – 1»¹ [9: л. 166]. Ситуация создания учебных пособий по родным языкам в Хабаровском, а в тот период времени Дальневосточном, крае осложнялась еще и тем, что необходимо было писать учебники по родным языкам, принадлежащим к разным языковым семьям – тунгусо-маньчжурской и палеоазиатской. К 1928 г. для народов края был создан и опубликован лишь один букварь для нанайского языка «Бонго-Битьхэ» с книгой для чтения. Учебные пособия были написаны на основе кириллицы с включением нескольких латинских графем. Его автором была Нина Александровна Липская-Вальронд (1895–1942). В дневнике А.П. Путинцевой (1903–1993), заведующей Красной Юртой стойбища Нижние Халбы, читаем: «Занимались с комсомольцами по ликбезу. Вечером пришла ко мне Наташа Самар <...> Взяла я азбуку Липской на гольдском языке, просмотрели мы с ней все картинки, почитали, уговорила я ее заниматься» [15: с. 28]. Существовал в рукописном варианте букварь эвенского языка, написанный учителем школы в п. Арка Николаем Прокопьевичем Ткачиком (1905–1944). Но в большинстве

¹ В 20–30-е гг. XX в. еще было принято именовать эвенков тунгусами, нивхов – гиляками, нанайцев – гольдами, орочей – ороченами, удэгейцев – удэями или удэгейцами.

амурских сел обучение велось на русском языке, что вызывало трудности у местного населения. Часто дети не могли усвоить программу и оставались на повторный год обучения [11].

Назрела острая необходимость создания для бесписьменных народов собственных письменных языков. Тем более что в 20–30-х гг. XX в. предпосылки к этому были. В экспедициях примерно в одно и то же время на территории края проводили свои исследования профессиональные лингвисты и этнографы. Так, Клавдия Михайловна Мыльников-Форштейн (1899–?) и Вера Ивановна Цинциус целый год (с 1926 по 1927) жили среди негидальцев и изучали язык этого малочисленного народа, Евгений Робертович Шнейдер (1897–1938) в 1927 г. возглавлял экспедицию к удэгейцам, Ерухим Абрамович Крейнович (1906–1985) являлся уполномоченным по туземным делам при президиуме Сахалинского окррекома и жил среди нивхов Сахалина с 1926 по 1928 г., Глафира Макарьевна Василевич (1895–1971) кочевала с эвенками Прибайкалья и Забайкалья в 1925–1927, 1929 и 1931 гг. и в совершенстве владела эвенкийским языком [10: с. 51–56].

В 1929 г. бывший заместитель председателя Дальневосточного комитета Севера К.Я. Лукс (1888–1932) возглавил созданный на основе Северного факультета Ленинградского Восточного института им. А.С. Енукидзе Институт народов Севера (ИНС) ЦИК СССР. С этого времени начинается систематическая планомерная работа по созданию письменности для родных языков аборигенов Дальнего Востока. В 1930 г. К.Я. Лукс обращается с просьбой оказать помощь в создании письменности аборигенам к ученым-лингвистам, этнографам, владевшим языками северных народов, к выпускникам ИНСа, опубликовав в журнале «Советский Север» статью «Проблема письменности у туземных народностей Севера» [5: с. 39–42]. Вскоре появляются первые, распечатанные при помощи стеклографа, учебники: книга для чтения на тунгусском языке Г.М. Василевич «Əwənkil dukuwup-tin» и книга для чтения на нанайско-ульчском языке Т.И. Петровой «Nanay bichōni». В связи с созданием нанайско-ульчского учебника хочется обратить внимание на следующее обстоятельство. Ошибочное мнение Таисии Ивановны Петровой (1896–1976) о том, что ульчский язык является диалектом нанайского, привело к негативным последствиям. Детей-ульчей пытались обучать по учебникам нанайского языка, который усваивался ими с трудом, а учебники по родному языку для ульчей не создавались вплоть до 80-х гг. XX в.

Задолго до 1930 г. возникла идея, поддержанная А.В. Луначарским (1875–1933), наркомом просвещения РСФСР, перевести языки тюркоговорящих народов СССР с арабской на латинскую письмен-

ность. Он утверждал, что латиница имеет по сравнению с арабской более совершенную графическую систему, а специфические звуки, присутствующие в тюркских языках, которые невозможно отобразить с помощью латиницы, можно дополнить специальными значками, например, «буква Ш изображается $_>$; буква Ы – как Y (игрек), Ь – через апостроф, Ю – через Y со знаком, Я через A со знаком и т.д. [6]. Для осуществления координации процесса латинизации был создан Всесоюзный центральный комитет нового тюркского алфавита (ВЦК НТА). Первыми в 1923 г. на латиницу перешли народы Ингушетии, Северной Осетии, позже к ним присоединились азербайджанцы, взяв пример с Турции. Государственными органами заявлялось, что создание новых форм письма будет облегчать обучение трудящихся и содействовать ликвидации безграмотности в стране. Однако главными причинами отказа властных органов в центре и на местах от арабского алфавита были все-таки идеологические. С одной стороны, это стремление преодолеть влияние мусульманского духовенства, которое традиционно занимало сильные позиции среди народов Азии и Кавказа, и ускорить процесс их советизации, а с другой – попытки максимального сближения с пролетариатом Запада. К концу 20-х – началу 30-х гг. XX в. латинизация, преодолев сопротивление отдельных тюркоязычных народов (татары, узбеки), стала государственной политикой и к 1925 г. приобрела всесоюзный масштаб. Поэтому, когда встал вопрос о создании письменности для коренных малочисленных народов, сомнений в том, что алфавиты необходимо составлять на основе латиницы, не возникло, а на базе ВЦК НТА возникла новая организация – Всесоюзный центральный комитет нового алфавита (ВЦКНА), в ведение которого поступили и те, кто разрабатывал письменность для народов Севера.

Комиссия национальных языков и культур ИНСа в 1929 г. принимает коллективно разработанный преподавателями национальных языков единый северный алфавит, включавший 32 латинские графемы и пять диакритических знаков (надстрочные, подстрочные или внутристрочные знаки, указывающие на изменения в произнесении звука). Он был опубликован в Хабаровске в 1930 г. в издательстве Дальневосточного общества краеведения с уточнением – «проект» (12 с.) К.М. Мыльниковой и ее мужем А.С. Форштейном, исследователем культуры эскимосов Чукотки. В этом варианте алфавит включал уже 38 графем, из которых 23 были буквами латинского алфавита, 13 видоизмененных латинских графем и 2 графемы из кириллицы. В этом алфавите не были предусмотрены прописные буквы, только строчные, а диакритических знаков стало на один больше – 6.

Яков (Ян) Петрович Алькор (Кошкин), в 1925–1929 гг. исполнявший обязанности члена бюро и ответственного секретаря Ленинградского филиального отделения Комитета Севера при Президиуме ВЦИК, а с 1930 г. – ректора ИНСа и сделавший немало для создания письменности аборигенов Севера и Дальнего Востока, объяснял переход на латиницу следующим образом: «...а) латинский алфавит приобретает все более и более интернациональный характер, на что указывает и переход народов Востока (турецких и монгольских) на латинскую графику; б) с принятием латинского алфавита турецким и монгольскими племенами латинский алфавит (через якутов и бурят) получает свое распространение и в областях советского Севера; в) принятие латинского алфавита содействует культурно-политическому влиянию со стороны некоторых из малых народов Севера на их зарубежных соплеменников (лопари, эскимосы, тунгусо-маньчжуры); г) латинский алфавит представляет больше возможностей для графической передачи звуков туземных языков, чем алфавит русский; д) указания сторонников русского алфавита на трудности усвоения двух систем письменности опровергаются 4-летним опытом преподавания национальных языков в Институте народов Севера, показавшим, что никаких затруднений при усвоении двух графических систем не возникает, наоборот, наличие двух систем письменности для двух различных фонетических систем помогает более четкому восприятию фонетических особенностей русского и родного языков; е) к этому необходимо прибавить, что с русской графикой иногда до сих пор продолжает связываться представление о "русификаторской" политике "просвещения инородцев" в царской России» [1: с. 25]. Окончательный вариант Северного алфавита на основе латиницы был утвержден Сектором науки Наркомпроса РСФСР в мае 1931 г., он состоял из 29 согласных и 10 гласных букв.

Преподаватели родных языков ИНСа, его студенты и аспиранты с энтузиазмом приступили к созданию письменности и написанию учебных пособий для коренных народов края. В период с 1931 по 1934 г. выходят в свет первый букварь удэгейского языка «*Minti ɔpofi. Bongo kniga udihezzi ɔpowa tatusūji*» («Наша грамота». Книга по обучению грамоте на языке удэ) (1932) и методическое пособие «В помощь учителю, работающему с книгой на языке удэ «*Minti ɔpofi*»» (1933) Е.Р. Шнейдера, нанайский букварь В.А. Аврорина и его студентов Л. Бельды, К. Ходжер, Б. Киле, Н. Киле, А. Оненко, М. Самар, М. Удинкан, принимавших активное участие в написании пособия «*Sikun Pokto. Əsimə papaj taseoseori ɗaɗsani*» («Новый путь. Начальная нанайская учебная книга»), нивхский букварь «*Sūd*

dif» («Новое слово») (1932) и «Книга для чтения. I год обучения» (1933), «Книга для чтения. II часть. Для II года обучения» (1934) автор Е.А. Крейнович, «*Arifmetika*» ч. I (1933) и «*Arifmetika*» ч. II (1934) на нивхском языке Н.С. Поповой, эвенский букварь «*Anɗamta torəŋ*» («Новое слово») (1932) П.В. Абдуканова под руководством В.И. Цинциус, был предложен алфавит ульчского и алеутского языков (1936). Для негидальского и ороцкого языков алфавитов не составлялось и учебные пособия не создавались.

Комитет нового алфавита народов Севера в 1933 г. отправляет на Дальний Восток сроком на один год своего представителя, аспиранта ИНСа Валентина Александровича Аврорина (1907–1977) с целью продвижения вновь созданного алфавита. В Хабаровске он был назначен на должность заведующего сектором народов Севера Комитета нового алфавита при Президиуме Далькрайисполкома. Автор учебников по нанайскому языку, В.А. Аврорин сам руководил организацией обучения по новым учебным пособиям в национальных школах края, занимался ликвидацией неграмотности среди взрослого населения, способствовал изданию местных газет на языках аборигенов [19: л. 5].

Так замечательно начавшееся дело приняло вдруг нежелательный оборот. С мест в центральные органы партии пошли жалобы на то, что коренному населению, обучавшемуся у православных священников церковной грамоте на кириллическом письме, проще привыкнуть к кириллице, чем к латинице. Большая часть предметов в национальных школах преподавалась на русском языке, который был знаком детям. Местные органы власти обращались в Комитет нового алфавита с просьбой перевода письменности на кириллицу. Кроме того, вышедшие учебные пособия имели ряд недостатков. В частности, не учитывались диалектные различия, существовавшие в каждом языке, были ошибки в переводе и написании слов [12: л. 2–6; 3: л. 14–15].

Недовольство достигло своего апогея к 1936 г. Так, например, из Хабаровска в адрес Нивхского Комитета нового алфавита было выслано письмо следующего содержания: «По решению Президиума Совета Национальностей Союза ССР, Дальневосточный Комитет Нового Алфавита, совместно с Крайоно, в сентябре месяце будет проводить местную и затем краевую конференции по вопросу о переводе национальной письменности на русский алфавит» [13: л. 79]. В августе 1936 г. в Николаевск-на-Амуре был выслан проект нового нивхского алфавита, прошедшего экспертизу Е.А. Крейновича, основанного уже на русской графической системе. Теперь в пользу замены латиницы кириллицей звучали такие доводы, что латинский алфавит стал преградой сближения языков народов СССР,

что функционирование русского языка в качестве средства многонационального общения требовало замены латинской графики на русскую письменность, что переход на русскую графику имеет важное педагогическое значение, так как в национальных школах одновременно изучают две письменности, а это является большой нагрузкой для учащихся, и что русскую графику намного легче изучать, на ней легче печатать различную литературу, газеты и журналы [20].

А вскоре выходит постановление Президиума ЦИК Союза ССР от 7 марта 1937 г. об утверждении новых алфавитов уже на основе кириллицы для народностей Севера, среди которых были перечислены и аборигены Хабаровского края – эвенки, эвены, нивхи, удэгейцы, нанайцы. Эти алфавиты содержали 32 знака в эвенкийском, эвенском, удэгейском и нивхском языке и 30 знаков в нанайском. Партийным и советским органам на местах предписывалось «...немедленно приступить к введению нового алфавита на русской основе для вышеуказанных народов Севера» [8: с. 3]. Было высказано мнение, что «...с ростом культурного уровня народов СССР латинизированный алфавит перестал удовлетворять потребности развития языков. Он не обеспечивал всех условий к сближению с культурой великого русского народа» [20].

Каковы же были итоги создания письменности для бесписьменных народов края? Положительным можно признать опыт создания письменных языков для эвенов, эвенков, удэгейцев, нанайцев и нивхов. В районах стали выходить газеты со страничками на родных языках, появились учителя родных языков из коренного населения, шел активный процесс ликвидации неграмотности. Но после перехода с латиницы на кириллическое письмо процесс написания учебных пособий как в случае с эвенкийским, эвенским и нанайским языками на время приостановился, а с удэгейским и нивхским прекратился на долгие годы. Одной из причин стали репрессивные меры, примененные в отношении этнографов и лингвистов, участвовавших в создании письменности.

Координатор процесса написания учебных пособий кандидат этнографии Я.П. Алькор в 1936 г. «за потерю бдительности» был исключен из рядов ВКП (б), в 1937 г. арестован, а в 1938 г. осужден, приговорен к высшей мере наказания и расстрелян. Е.Р. Шнейдер был арестован в 1937 г. по обвинению в участии в военно-офицерской организации «Российский Общевоинский Союз», а также в шпионаже в пользу Германии, в 1938 г. расстрелян.

Е.А. Крейнович в 1937 г. был арестован и обвинен в том, что вместе с востоковедами Д.Н. Жуковым, П.П. Бушевым, Я.В. Ненароковым и др. входил в контрреволюционную группу. В январе

1938 г. получил 10 лет лагерей, срок отбывал на Колыме. Освободившись в 1947 г., находился в ссылке в г. Луга. В 1948 г. был арестован повторно и отправлен в ссылку в Красноярский край, освобожден в сентябре 1954 г. [16].

В.И. Цинциус, заведующая кафедрой национальных языков ИНСа, была арестована в 1937 г. по обвинению в шпионской деятельности и в том, что проводила вредительские, контрреволюционные установки по введению латинизированной письменности для северных народностей и проводила среди студентов ИНСа контрреволюционную пропаганду против социалистического строительства на Севере, была осуждена на 5 лет лагерей с отбытием заключения в Сиблаге. В 1939 г. дело В.И. Цинциус было пересмотрено, и она была освобождена [7].

Печальна судьба ее сокурсницы и коллеги К.М. Мыльниковой-Форштейн. Ее мужа А.С. Форштейна арестовали в 1937 г. по обвинению в принадлежности к «троцкистско-зиновьевской группировке», он был приговорен к расстрелу, но расстрел заменили на 10 лет лагерей. К.М. Мыльникову после ареста мужа уволили с работы в МАЭ с формулировкой, что она «...в недостаточной степени выявила свое лицо» [4]. Ученая вынуждена была развестись с мужем, покинуть Ленинград. В науку она, как и прошедший лагерь А.С. Форштейн, не вернулась, а ее след затерялся.

Г.М. Василевич была арестована в 1952 г. Ее обвиняли в том, что она в учебной и художественной литературе на эвенкийском языке и в научных статьях допускала искажения политического характера, протаскивала реакционные теории о языке, вульгаризировала в грубой натуралистической форме словари, клеветала на советскую власть. Была приговорена к 10 годам лагерей и лишена военных правительственных наград. В 1955 г. досрочно освобождена и реабилитирована [7].

В разной степени пострадали не только авторы учебников, но и помогавшие им студенты, некоторые из них были расстреляны. Это был разгром отечественной школы североведения, лингвистики и этнографии, его последствия негативно отразились на продолжении дела создания и совершенствования учебных пособий по родным языкам. Активный процесс восстановления утраченного возобновился лишь к 60-м гг. прошлого столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алькор (Кошкин), Я.П. Письменность народов Севера / Я.П. Алькор (Кошкин) // Культура и письменность Востока. Книга X. – М. : Изд. ВЦК НА, 1931. – С. 12–31.
2. Декрет от 23 февраля 1925 г. «О местных комитетах содействия народностям северных окраин» ВЦИК СНК РСФСР [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2368.htm (дата обращения: 15.02.2017).

3. Документы по улучшению работы и культобслуживания народностей Севера. Февраль 1934 – декабрь 1935. – Муниципальный архив Николаевского р-на. – Ф. Р-259. – Оп. 1. – Д. 26. – Л. 14–15.

4. Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Мыльников-Форштейн К.М., научный сотрудник II затем I разряда. Личное дело. – АРАН СПб. – Ф. 142. – Оп. 005. – Д. 42.

5. Лукс, К.Я. Проблема письменности у туземных народностей Севера / К.Я. Лукс // Советский Север. – 1930. – № 1. – С. 39–42.

6. Луначарский, А.В. Латинизация русской письменности [Электронный ресурс] / А.В. Луначарский. – Режим доступа: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/raznoe/latinizacia-russkoj-pismennosti> (дата обращения: 05.01.2017).

7. Люди и судьбы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://memory.pvost.org/pages/tsintsius.html> (дата обращения: 06.09.2010).

8. Новые алфавиты для народов Севера: постановление Президиума ЦИК Союза ССР от 7 марта 1937 г. // Остяковогульская правда. – 1937. – № 73 (729). – 25 мая. – С. 3.

9. Отчеты о годовой работе Николаевского-на-Амуре окружного исполнительного комитета Советов. 1 октября 1926 г. – 1 октября 1927 г. – ГАХК. – Ф. П-320. – Оп. 1. – Д. 83. – Л. 128–130.

10. Осипова, М.В. Научные экспедиции 20–30-х гг. прошлого века на территории Хабаровского края и их значение для отечественной и мировой этнографии (историографический аспект) / М.В. Осипова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2011. – № 1(29). – С. 50–57.

11. Полевые материалы автора (ПМА). Информант И.Ф. Акунка, 1943 г.р., п. Сельхоз.

12. Постановление местных органов власти по ликвидации неграмотности и малограмотности. – Муниципальный архив Николаевского р-на. – Ф. Р-259. – Оп. 1. – Д. 55. – Л. 2–6.

13. Протоколы заседаний Комитета нового алфавита. – Муниципальный архив Николаевского р-на. – Ф. Р-259. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 18–20.

14. Протоколы общих собраний ячейки ВКП (б) № 7 в с. Богородском Николаевского-на-Амуре округа. Протоколы заседаний Охотского райбюро ВКП (б). Информации, отчеты, доклады, переписка с Николаевским-на-Амуре окружкомом ВКП (б). 3 янв – 30 дек. 1926 г. – ГАХК. – Ф. П-320. – Оп. 1. – Д. 60. – Л. 121–203.

15. Путинцева, А.П. Дневники Красной Юрты / А.П. Путинцева. – Хабаровск : ХКМ им. Н.И. Гродекова, 2010. – 350 с.

16. Репрессированные востоковеды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/People/vostokov.htm> <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/People/vostokov.htm> (дата обращения: 06.09.2010).

17. Сталин, И.В. О национальном вопросе. Доклад об очередных задачах партии на X съезде РКП (б) [Электронный ресурс] / И.В. Сталин. – Режим доступа: <http://www.hrono.ru/libris/stalin/5-1.html> (дата обращения: 01.03.2017).

18. Фонд С.Н. Оненко – к.ф.н., ст.н.с. Сибирского отделения АН СССР, участника ВОВ. Начальный период строительства органов Советской власти. Социалистические преобразования экономики народностей Севера. Машинопись, 1983 г. – ГАХК. – Ф. 696. – Оп. 1. – Д. 110. – Л. 21–24.

19. Фонд С.Н. Оненко – к.ф.н., ст.н.с. Сибирского отделения АН СССР, участника ВОВ. Языки и фольклор народов Севера. ГАХК. – Ф. 696. – Оп. 1. – Д. 83. – Л. 1–5.

20. Языковая политика СССР в 20–30-е годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://splanet.ru/paper/r1-7470.php> (дата обращения: 01.03.2017).

ВЗГЛЯД «INSIDE-OUT» НА АДАПТАЦИЮ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ)

Т.В. Пономаренко

Пономаренко Татьяна Владимировна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: ponomar07@mail.ru

В статье рассматривается проблема специфики адаптации трудовых мигрантов в Еврейской автономной области. Автор выдвигает предположения об адаптационных стратегиях, верификация которых развернута на базе двух эмпирических социологических исследований под условным названием «inside-out» – «взгляд изнутри». Их выбор был определен особенностями группового этнического самосознания трудовых мигрантов и характером их занятости. На базе прикладных исследований делаются выводы о содержании стратегий адаптации и обосновывается их практическая значимость для обеспечения бесконфликтного взаимодействия мигрантов с принимающим населением.

Ключевые слова: адаптация, Еврейская автономная область (ЕАО), стратегии адаптации (адаптационные стратегии), трудовые мигранты, эмпирические социологические исследования, «inside-out» («взгляд изнутри»).

Происходящий в начале XXI в. «тектонический сдвиг» огромных масс населения наглядно продемонстрировал невысокую степень готовности к адаптации в новых социально-политических реалиях как принимающего населения, так и самих трудовых мигрантов. Заметная беспомощность в решении новых вызовов, порожденных миграцией во всех ее современных проявлениях, прослеживается в решениях политического руководства стран и регионов, действиях муниципальных властей. При этом значительная часть исследований в этой области как российских, так и зарубежных ученых основывается преимущественно на анализе статистических данных и экспертных заключениях, приводящих к одностороннему взгляду на данную ситуацию. Это своего рода взгляд «outside-in» – взгляд постороннего, который позволяет отслеживать явления и процессы, но мало дает для понимания их латентных составляющих.

Все это потребовало от автора проведения специального эмпирического исследования, условно названного «inside-out» – «взгляд изнутри», призванного закрыть данную лакуну и приблизиться к пониманию тех скрытых пружин, которые влияют как на направленность и интенсивность миграционных потоков, так и на специфику социального поведения мигрантов, определяемого незавершившимся до настоящего времени процессом институционализации трудовой миграции в социальной структуре Еврейской автономной области и трудностями с их адаптацией.

В течение 2010–2015 гг. общее количество трудовых мигрантов в ЕАО колебалось в пределах 2–6 тыс. чел. с общей тенденцией к уменьшению их численности после введения ряда ограничений, связанных с необходимостью сдачи экзаменов на

знание русского языка, основ Российского законодательства и истории России. Тем не менее по состоянию на конец 2014 г. (данные за 2015 г. на момент написания диссертации отсутствовали) их общая численность составила 4898 чел., или 6,3 % от общего числа занятого населения области. Одновременно с этим в области было зарегистрировано 7493 безработных при наличии 7897 вакантных рабочих мест с тенденцией к увеличению последних в течение 2010–2015 гг. [3]. Из этого закономерно напрашиваются два принципиальных вывода: 1) о наличии существенной связи между численностью трудовых мигрантов и наличием вакантных рабочих мест (уменьшение общей численности трудовых мигрантов привело к увеличению вакансий даже в условиях нарастания экономического кризиса в 2014–2015 гг.); 2) об отсутствии (или, по крайней мере, принципиальной несущественности) конкуренции на рынке труда между трудовыми мигрантами и принимающим населением, поскольку с уменьшением числа занятых трудовых мигрантов численность безработных среди постоянного населения изменилась незначительно.

Основываясь на статистических данных и личных наблюдениях, автор исследования сформулировал ряд предположений, связанных с процессом и проблемами адаптации трудовых мигрантов в ЕАО. Верификация данных гипотез основывалась на проведении двух эмпирических социологических исследований, выбор которых был определен социально-психологическими особенностями трудовых мигрантов, характером их занятости и объективными трудностями в получении достоверных эмпирических данных: 1) наличием языкового барьера, поскольку практически все трудовые мигранты из стран не только дальнего (Китай, Север-

ная Корея), но и ближнего (Узбекистан, Таджикистан, Киргизия, за исключением Украины и отчасти Армении и Азербайджана) зарубежья либо вообще не владеют русским языком, либо владеют им на самом поверхностном бытовом уровне (что предопределило необходимость привлечения переводчиков); 2) пространственной удаленностью места работы и проживания не только от областного центра (г. Биробиджан), но и вообще населенных пунктов ЕАО, поскольку значительная часть мигрантов в этом регионе занята на лесозаготовках, добыче полезных ископаемых и в сельском хозяйстве; 3) боязнью откровенных высказываний о сущности и причинах проблем, связанных со статусом трудового мигранта, как следствия социальной незащищенности и, по сути, маргинального положения трудовых мигрантов в социальной структуре области.

Данные трудности предопределили выбор следующих методов исследования: 1) экспертный опрос госслужащих областного и муниципального уровней (преимущественно сотрудников УФМС РФ по ЕАО, а также представителей городских и сельских администраций) и работодателей, по роду их деятельности связанных с трудовыми мигрантами и решением возникающих у них проблем; 2) глубинные интервью с трудовыми мигрантами. В соответствии с целью и задачами исследования были опрошены респонденты как из числа местного населения, так и мигрантов. Поскольку они пожелали остаться анонимными, для их обозначения в тексте принят следующий порядок: резидента ЕАО называть по занимаемой им должности или роду деятельности (например, сотрудник УФМС РФ по ЕАО, работодатель), мигранта – по стране выбытия и, если их более одного, то еще и по номерам (например, гражданин Таджикистана № 3). Время проведения опросов: июль 2015 г. – январь 2016 г. Обобщенный анализ полученных результатов представлен ниже.

Гипотеза 1. Трудовой мигрант в своей деятельности более ориентирован на самореализацию, чем на этническую общину, в которую входит. В случае возникновения противоречия между интересами общины и его личными деловыми интересами он, как правило, выбирает второе.

В ходе опросов и интервью удалось установить, что данное утверждение верно лишь отчасти, поскольку зависит от трех факторов.

1. Страна выезда. Более высокий уровень интеграции по этническому/национальному признаку присущ гражданам Китая, Таджикистана, Узбекистана и Киргизии, имеющим серьезные трудности со знанием русского языка и наибольшие отличия от принимающего населения в плане культуры и быта; гораздо в меньшей степени это присуще мигрантам из Украины, Армении, Азербайджана, Казахстана.

2. Уровень образования и род деятельности. Независимо от национальности и страны выезда мигранты с высшим образованием и учеными степенями в большей степени ориентированы на самостоятельное решение своих проблем, рассчитывая их решить благодаря наличию значительного личного социального капитала, они часто трудоустраиваются в тех сферах деятельности, в которых могут реализовать свои профессиональные навыки (образование, здравоохранение, частное предпринимательство). Впрочем и здесь их нередко ожидают трудности, связанные с уровнем квалификации и знания русского языка (специалист УФМС РФ по ЕАО № 5: «Мигранты, которые из Таджикистана, у них у некоторых есть образование высшее, но, к сожалению... их дипломы не равняются дипломам специалистов, которые закончили обучение в Российской Федерации. Не приравняются, вот, по моему мнению, потому что у нас были примеры, когда у нас приходили, закончив медицинский институт, у них совершенно как бы разные вот эти спецификации, и они не очень подходят по образовательному уровню нашим должностям здравоохранения. Потом, что касается учителей, у них есть акцент, что тоже как бы неприемлемо для обучения русских детей или русскоязычного населения»). Нередко возникают и формально-правовые проблемы (документовед УФМС РФ по ЕАО: «Если у нас приезжают врачи, они могут иметь диплом об образовании своего государства, но здесь они работать не могут, пока они не сдадут экзамены, не проведут нострификацию в Москве по своему диплому»). Мигранты с низким уровнем образования объективно имеют меньше шансов на интеграцию в принимающее сообщество и поэтому тяготеют к социокультурной изоляции в рамках этнических общин, ориентируясь преимущественно на занятия, не предполагающие взаимодействие с коренным населением: строительство, сельское хозяйство, лесозаготовки.

3. Временные ожидания. Чем меньше ожидаемый срок пребывания трудового мигранта в регионе, тем в большей степени он ориентирован на изоляцию от принимающего сообщества и зависимость от соотечественников. При этом все респонденты отмечают общую установку трудовых мигрантов на социальную активность в плане самостоятельного поиска работы, жилья, решения других проблем, что не лишает их возможности получения помощи, иногда существенной, от членов своей диаспоры. Это во многом предопределяет выбор места работы и проживания по рекомендациям друзей и родственников, уже успешно адаптировавшихся в ЕАО. Вместе с тем, хотя диаспоральный характер расселения обеспечивает более быструю адаптацию мигранта к принимающему

сообществу, чем проживание в составе этнической общины, это требует и больших усилий, и больших рисков, на которые готовы далеко не все.

Гипотеза 2. Стремление к адаптации в принимающем сообществе сочетается с сильным групповым этническим самосознанием, стремлением сохранить этническую идентичность, связь с соотечественниками в месте вселения и родственниками, оставшимися на родине (сочетание индивидуализма с приверженностью общине, традиции, заветам предков, религиозным ценностям). Это состояние порождает противоречивые чувства, время от времени выражающиеся в депрессии или агрессии.

Как показало исследование, групповое этническое самосознание преобладает в двух случаях: во-первых, когда трудовой мигрант вообще не ставит цели адаптации в принимающем сообществе и все социальные взаимодействия замыкает рамками своей этнической общины, часто совпадающей с его трудовым коллективом (в большей степени это касается граждан КНР и Северной Кореи, занятых в строительстве, лесозаготовках, сельском хозяйстве); во-вторых, на первоначальном этапе социальной адаптации, которая может продолжаться от нескольких месяцев до 1–2 лет и наиболее сложна в социально-психологическом плане (отрыв от родины, привычной обстановки, родственников и друзей компенсируется интенсивным общением с соплеменниками, соблюдением традиций, обычаев, религии своего народа). Однако по мере вхождения в принимающий социум и установления деловых/дружеских контактов со все большим количеством представителей местного населения необходимость в нем ослабевает, сохраняясь в качестве привычки, а не насущной потребности. Тем не менее большинство опрошенных трудовых мигрантов заявили о стремлении сохранить свою этническую самобытность. Респонденты это связывают не столько с желанием сохранить свою этническую идентичность, сколько с принятыми ими обязательствами перед родственниками, оставшимися на родине (жена, дети, родители), ради материального обеспечения которых и совершаются трудовые миграции). Впрочем это не мешает некоторым мигрантам-мужчинам вступать в длительные отношения с местными женщинами, иногда обзаводиться детьми, что по мусульманским обычаям считается допустимым (институт «временного брака» [2]) (как сообщил, например, гражданин Таджикистана № 4, 45 лет, м., у него «двое детей русских, жена и четверо детей и жена на родине»). О какой-либо связи угрозы сохранению этнической идентичности со стороны принимающего сообщества и негативных психологических состояниях (депрессия, агрессия и т.п.) респонденты из числа мигрантов не сообщали. Что касается российских специалистов,

по долгу службы взаимодействующих с трудовыми мигрантами, то практически все оценивают их социально-психологическое состояние как удовлетворительное (эксперт территориального пункта Межрайонного отделения УФМС РФ по ЕАО в с. Ленинское: «...они вежливые такие... как сказать, деловые товарищи»; старший инспектор № 6: «Хорошее впечатление, нормальные люди все»; врио начальника отдела миграционного контроля: «Все иностранные граждане, как и все люди, они все различные по своему характеру»).

Исследование показало, что нет каких-либо оснований связывать тему преступности мигрантов, которую время от времени поднимают в СМИ, с проблемами их адаптации или маргинального положения в принимающем сообществе. Более того, по данным органов внутренних дел ЕАО, доля преступлений, совершаемых мигрантами в пропорции к их общей численности, является меньше доли преступлений среди коренного населения, что, конечно, не снимает остроты данной проблемы как таковой, но свидетельствует о ее искусственном раздувании. Общее увеличение численности мигрантов приводит и к росту числа совершаемых ими преступлений, на что обращают внимание наши эксперты (врио начальника отдела миграционного контроля: «Я могу сказать, что ежегодно отмечается рост числа правонарушений, нарушаемых иностранными гражданами, то есть рост он как бы есть...»). При этом следует иметь в виду, что подавляющая часть зафиксированных правонарушений со стороны мигрантов относится к числу не уголовных, а административных (он же: «Основными правонарушениями являются нарушения иностранными гражданами режима пребывания, проживания в Российской Федерации... Сюда можно отнести уклонение от выезда за пределы Российской Федерации, нарушение режима пребывания, выразившееся в несоответствии с заявленными целями фактических...»).

Гипотеза 3. Для мигрантов из стран ближнего зарубежья характерна заниженная оценка страны выезда (на вопрос: «Причина, по которой мигрировал с родины?» – получены ответы: гражданин Таджикистана № 4, 45 лет, м.: «Война»; гражданин Таджикистана № 5, 31 год, м.: «Нет работы»), вместе с тем они не всегда высоко оценивают моральные и деловые качества принимающего населения (гражданин Таджикистана № 4, 45 лет, м.: «Воруют... Им нет до нас дела»), подчеркивая вынужденный характер своего приезда (самый распространенный ответ: «Приехал на заработки»). Хотя это не всеобщее мнение (гражданин Таджикистана № 5: «Мы русских любим...», – но насколько это искренне?).

Гипотеза 4. Для мигранта характерно чувство солидарности со всеми мигрантами на данной территории, независимо от их национальности, основанное на мнении, что между ними больше общего (прежде всего, общности интересов), чем с принимающим населением, которое в целом более благополучно и к тому же склонно дистанцироваться от мигрантов (также независимо от их национальности). В отличие от значительной части коренного населения (преимущественно русских), которое, по результатам некоторых опросов, высказывает предпочтение моноэтническим трудовым коллективам [1], трудовые мигранты изначально имеют установку на межэтническое/межкультурное взаимодействие и поэтому к представителям любых национальностей относятся более толерантно. Свидетельством последнего является то, что практически все опрошенные мигранты (за исключением граждан Китая) заявили о наличии у них знакомых/друзей из числа представителей местного населения (от 5 до 30 и более чел.).

Гипотеза 5. Этническая и конфессиональная принадлежность мигранта оказываются вторичными по отношению к его мигрантскому статусу (прежде всего, он мигрант, а потом уже узбек, украинец, мусульманин и т.д.).

Данное утверждение подтверждается тем, что трудовые мигранты практически никак не связывают свою деятельность с национальностью и религией членов трудового коллектива. Вместе с тем для них самих вопрос об этнической и конфессиональной принадлежности не всегда однозначен (так, все опрошенные граждане КНР назвали себя, прежде всего, буддистами; что касается таджиков, то одни сделали акцент на национальности «таджик», другие на конфессиональной принадлежности «мусульманин», третьи назвали и то, и другое).

Гипотеза 6. Мигранты в своем повседневном поведении ориентированы на толерантность и доброжелательность по отношению к принимающему сообществу в большей степени, чем представители принимающего населения, они лишь в крайней ситуации идут на конфликт, поскольку осознают свою зависимость от принимающего населения (как в плане трудоустройства, так и нормального психологического климата в трудовом коллективе, по месту жительства и т.д.). Об этом говорят наши эксперты (эксперт отдела борьбы с противозаконной миграцией УФМС РФ по ЕАО: «Да они, в принципе, приехали и работают»; документовед УФМС РФ по ЕАО: «...в большей степени иностранные граждане ведут себя довольно-таки вежливо и культурно, но иногда со своей спецификой, потому что они все разных религий»). Ни один из опрошенных мигрантов не заявил о наличии конфликтов с принимающим населением. Другое дело,

насколько эти ответы были искренними. Проверить эту информацию не представляется возможным. В то же время повседневные наблюдения часто свидетельствуют о негативной реакции некоторых представителей коренного населения на присутствие мигрантов, основанные не на осознании некой, пусть гипотетической, угрозы от их присутствия, а банальной ксенофобии. Подобное заявление мы услышали и от одного из наших экспертов (эксперт отдела борьбы с противозаконной миграцией УФМС РФ по ЕАО: «Я бы их вообще всех отсюда выгнала, чтобы меньше нарушали»).

Гипотеза 7. Операционализирующие показатели, позволяющие судить о степени адаптированности мигранта в принимающем сообществе, достаточно очевидны, но их верификация, особенно количественная, часто представляет большую сложность.

1. Жизнеспособность (наличие/отсутствие заболеваний, способность эффективно решать проблемы со здоровьем, используя официальные институты здравоохранения: поликлиники, больницы, санатории и т.д.). Опрос показал, что все трудовые мигранты обращались в медицинские учреждения области для прохождения медкомиссий, многие неоднократно. Что касается лечебной помощи, то такую информацию нам получить не удалось. Поскольку все трудовые мигранты являются иностранными гражданами, то на получение бесплатной медпомощи они рассчитывать, как правило, не могут. Поэтому в случае возникновения серьезного заболевания чаще всего стараются уехать на родину (специалист УФМС РФ по ЕАО № 5: «У нас также и климатические условия совсем другие, чем в тех регионах, из которых они приезжают. Вот в плане здоровья это тоже для них проблематично... Были вот такие примеры, как бы мы им ни помогали, все равно были даже летальные исходы. Хотя вроде и здоровые граждане были...»).

2. Степень включенности в социальные сети территории вселения: наличие и объем деловых, дружеских и иных контактов с представителями принимающего населения. Все эксперты затруднились дать ответ на этот вопрос, отметив лишь очевидную включенность мигрантов в диаспоральные сети (начальник УФМС РФ по ЕАО: «...они же приезжают, у них свои диаспоры есть. Вот эти люди, которые давно уже приехали, они им помогают, причем они их хорошо поддерживают»; эксперт территориального пункта Межрайонного отделения УФМС РФ по ЕАО в с. Ленинское: «...когда приезжает один, привозит своих родственников, друзей, и вот такой вал идет у нас, вот то, что касается азиатских стран: таджики, узбеки»). Респонденты из числа мигрантов также подчеркивают первостепенную важность поддержания родственных отношений для решения их проблем (гражданин Та-

джикистана № 2, 31 год, м.: «Проживаю у родственника, село Амурзет»; гражданин Таджикистана № 7, 31 год, м.: «Здесь работает мой дядя»). Количество знакомых из числа соотечественников и местных жителей колеблется в пределах 5–30 чел. Сама по себе эта цифра свидетельствует о невысокой степени включенности в социальные сети, особенно если учесть, что некоторые из наших информантов живут в ЕАО уже более 5 лет.

3. Умение своевременно и качественно оценивать ситуацию и строить правильные отношения с людьми (соотношение партнерских/дружеских взаимодействий с соперническими/враждебными). Все респонденты из числа мигрантов положительно оценили характер взаимодействий с их социальным окружением, заявив, что удовлетворены своим положением в ЕАО. Что касается экспертов, то их мнение было не столь однозначным. При этом наиболее важной проблемой был назван языковой барьер. Законодательное требование для мигрантов по приезду в Россию сдавать экзамен на знание русского языка ее не только не устранило, но и создало возможность для злоупотреблений со стороны чиновников и учебных заведений, предоставляющих такую услугу за определенную плату (эксперт территориального пункта Межрайонного отделения УФМС РФ по ЕАО в с. Ленинское: «...что касается китайцев, это, конечно, языковой барьер. Со стран СНГ те, кто примерно возраста от 30 лет, я думаю, что у них особых проблем нет. А вот молодежь, которая приехала, они уже плохо русский язык знают, не так, как вот раньше в школе СССР учили русский язык во всех республиках... уже как бы у них языковой барьер»; начальник УФМС РФ по ЕАО: «...трудности на сегодняшний день – это вот с 1 января этого года [2015. – Т.П.] изменения в законодательстве по поводу предоставления сертификатов на знание русского языка. То есть, я думаю, что при сдаче, они, конечно, сдают, все практически сдают... Были там единицы, которые не сдали, но я думаю, что вот это у них трудность она и есть, на мой взгляд... Консультация и сдал. То есть все равно не можешь знать конкретно, что и как, если ты не владел русским языком»).

4. Практичность (способность наладить быт и обеспечить достойный уровень существования при имеющемся уровне доходов: отсутствие расточительности, с одной стороны, и крохоборства, с другой; жизнь по средствам). В данном отношении можно достаточно четко выделить три группы трудовых мигрантов: 1) приезжающие вахтовым методом на 1–3 месяца (лесозаготовки, сельхозработы и т.п.), уровень притязаний которых на качество проживания очень низкий, лишь бы была крыша над головой и самая элементарная еда (в наибольшей степени это характерно для граждан Китая и

Северной Кореи); 2) рабочие мигранты-одиночки преимущественно из республик Средней Азии, которых устраивает койка в общежитии, комната в доме родственника, и весь смысл их пребывания в России состоит в том, чтобы как можно меньше денег потратить на себя и больше выслать родным (начальник УФМС РФ по ЕАО: «Мы знаем все, что иностранные граждане приезжают сюда для того, чтобы заработать деньги... Кто-то перечисляет деньги родителям в помощь, кто-то семьям»); 3) специалисты, предприниматели, семейные трудовые мигранты, стремящиеся к обустройству своего быта; они снимают квартиры или дома, некоторые приобретают их в собственность, рассчитывая в перспективе получить российское гражданство. Главная проблема у последних состоит в том, что уровень экономической активности в ЕАО часто не позволяет даже высококвалифицированным специалистам получить работу, дающую достаточно высокий заработок или доход (начальник УФМС РФ по ЕАО: «У нас нет ни промышленности, ни производства, куда бы иностранцы могли сюда приехать и вкладывать свои знания, свой труд, то есть, и получить от этого доход»; специалист УФМС РФ по ЕАО № 5: «Семьям тоже трудно, потому что везде идут, как бы, и за садик нужно платить, и жилье снимать, и низкая заработная плата...»).

5. Наличие семьи, детей само по себе является мощным психологическим фактором, усиливающим стремление к адаптации (главный специалист – эксперт территориального пункта в с. Амурзет Межрайонного отделения УФМС РФ по ЕАО в с. Ленинское: «...то есть они общаются со своей семьей, обзаводятся знакомыми, друзьями, как бы в их семье дети маленькие в садик ходят... Как бы из-за этого они общаются более тесно»). Вместе с тем лишь небольшая часть респондентов из республик Средней Азии заявила о наличии у них жен и детей, другие при наводящих вопросах поясняли, что жена и дети остались на родине, а здесь они считают себя холостыми (гражданин Таджикистана № 5, 31 год, м.: «Холост, двое детей»). Совершенно иная ситуация у граждан Китая: все опрошенные респонденты заявили, что имеют жену на родине, у некоторых один и даже два ребенка.

6. Возможность избирать наиболее выгодный род занятий (наличие предпочтительной профессии, должности, заработка или вынужденная работа хоть где, хоть кем, лишь бы иметь минимальные средства к существованию). Как уже отмечалось выше, такая возможность в ЕАО есть далеко не у всех, поэтому не случайно, что даже высококвалифицированные специалисты из числа трудовых мигрантов вынуждены заниматься самой простой низкооплачиваемой работой (документовед УФМС РФ по ЕАО: «Имея преподавательские, например,

дипломы, дипломы инженеров, ну, они идут работать водителями, рабочими на стройку, потому что они не могут найти себя как специалиста»). А это влечет за собой проблемы с получением приемлемого жилья, созданием семьи, воспитанием детей, в конечном счете – пролонгирует на неопределенный срок маргинальный статус мигранта. Подобную оценку дает тот же эксперт: «По трудоустройству если они имеют высокую квалификацию и специалисты своего дела, могут найти работу, но таких мигрантов у нас не так много. А основная масса, естественно, затрудняется найти работу, особенно высокооплачиваемую, так как жилье не предоставляется по государственной программе». В данном случае информант обозначил одну из проблем, на законодательном уровне побуждающую многих мигрантов совершать административные правонарушения: закон гласит, что для получения права на трудовую деятельность мигрант должен вначале снять жилье и получить временную регистрацию по месту жительства. Но для того, чтобы снять жилье, нужно иметь достаточно большие деньги, которых у большинства нет (средняя стоимость жилья и временной регистрации, которую предоставляют местные жители мигрантам в г. Биробиджане, от 15 тыс. руб. и выше – это по карману далеко не всем). Выход – уйти «в тень», стать нелегалом, что многие и делают. Сами мигранты, по крайней мере из числа опрошенных нами, оценили уровень своего материального благополучия как средний, граждане Китая, работающие на руднике бурильщиками, отметили, что их заработная плата выше, чем в КНР.

7. Достижение социального статуса и исполнение социальных ролей, которые в принимающем сообществе не ассоциируются со статусом и ролями мигрантов. Это удастся сделать немногим. Идеалом для них является открытие «своего дела» и «получение гражданства РФ».

8. Культурные и психологические характеристики, обеспечивающие эффективную коммуникацию и избегание конфликтов. Как мы отмечали выше, это качество присуще большинству мигрантов и является условием их успешной деятельности в регионе.

9. Высокая самооценка и чувство самодостаточности («я успешен»): гражданин Таджикистана № 1, 24 года, м.: «Мы успешные»; гражданин Таджикистана № 2, 31 год, м.: «Мы хотим расширить бизнес как местные жители»; гражданин Таджикистана № 3, 51 год, м.: «Мне все устраивает. Мы хотим расширить бизнес». Сами по себе такие настроения и оценки, если они искренние, говорят о высоком адаптационном потенциале мигрантов в ЕАО, которые полны оптимизма, несмотря на значительные трудности, связанные с их пребыванием на Дальнем Востоке.

Гипотеза 8. Операционализирующие показатели, позволяющие судить о степени дезадаптированности мигранта в принимающем сообществе, следующие.

1. Отсутствие выбора места работы, места жительства, должности, карьерного роста. При том что все опрошенные нами трудовые мигранты смогли решить проблемы, связанные с регистрацией по месту жительства и работой, это не означает, что таких проблем нет. Более того, как отмечают эксперты, социально-экономическая ситуация, сложившаяся в ЕАО в 2010-е гг., связанная с депрессивным характером региона и нарастающим экономическим кризисом, закономерно приводит к усложнению адаптации мигрантов (начальник УФМС РФ по ЕАО: «... у нас негде людям работать. У нас русским-то сейчас уже будет негде работать. Планируется сокращение, поэтому в этом году их уменьшилось [Количество прибывающих в область трудовых мигрантов. – Т.П.]»). Единственным надежным источником, откуда мигранты гарантированно могут получить поддержку, являются их родственники, уже укоренившиеся в регионе. В меньшей степени это касается работодателей, заинтересованных в получении дешевой рабочей силы. Что касается представителей официальных структур области, по роду деятельности и в соответствии с Российским законодательством связанных с трудовыми мигрантами, то их участие ограничивается лишь обработкой документов и предоставлением информационных услуг. Недостаточность такой работы очевидна самим экспертам, но решение этой проблемы не находится в их компетенции (начальник УФМС РФ по ЕАО: «У меня иностранец пришел, мы оказали государственную услугу. Согласно перечню он предоставил документы, ему выдали, и он ушел. Все, мы дальше не работаем»; врио начальника отдела миграционного контроля: «Я считаю, что здесь должен быть подход, наверное, по опыту других стран. Должны отбираться квалифицированные специалисты, и с людьми должен быть как бы такой более индивидуальный подход. Если они специалисты, то, конечно, должно быть обеспечение жильем и условие трудового договора, потому что, приехав сюда, не имея образования и денежных средств, некоторые люди приезжают – у них в кармане 3 тысячи...»).

2. Отсутствие или крайне ограниченный круг знакомств в принимающем сообществе. Как отмечалось выше, респонденты из числа трудовых мигрантов оценивают круг своего общения в 10–30 чел., причем как с соотечественниками, так и представителями местного населения. Можно предположить, что с соотечественниками мигрантов связывают преимущественно реципрокные отношения, с мест-

ным населением – деловые. Однако данное утверждение нуждается в дополнительной проверке.

3. Желание покинуть данную территорию с целью поиска более благоприятных условий для жизни и работы. На этот счет респонденты высказывали разные мнения, однако можно предположить, что выбор Дальнего Востока и конкретно ЕАО для иммиграции и трудоустройства у большинства мигрантов является осознанным, а эскапистские настроения более характерны, к сожалению, для коренных дальневосточников, что прослеживается и в высказываниях экспертов (главный специалист – эксперт территориального пункта в с. Амурзет Межрайонного отделения УФМС РФ по ЕАО в с. Ленинское: «Когда они с семьей сюда приезжают, вот, я думаю, что они уже принимают для себя решения здесь окончательно. Ну, хотя бы на какой-нибудь период пожить, а не только заработал и уехал домой»; специалист УФМС РФ по ЕАО № 5: «Больше адаптируются, конечно. Но все равно прослеживается такая тенденция, что люди хотят уехать либо в центральные части нашей страны (на Дальнем Востоке, конечно, остается часть), либо вот туда, ближе к Москве, где климат более мягкий»).

4. Склонность объяснять наличие проблем спецификой принимающей территории, ментальностью/недоброжелательностью населения, коррумпированностью чиновников и т.п., а не собственными социально-психологическими качествами.

5. Стремление ассимилироваться, а не адаптироваться в принимающем сообществе (необходимо развести понятия «адаптация» и «ассимиляция»: первая более предпочтительна, она не приводит к утрате идентичности и, как следствие, понижению самооценки, чувству депривации, второсортности в принимающем сообществе). Таких тенденций не выявлено.

Гипотеза 9. Для мигрантов характерны личностные качества, обеспечивающие их миграционную активность, желание и способность к успешной адаптации в принимающем сообществе, которые не зависят от их этнической принадлежности:

- подвижность и динамизм;
- предпримчивость и авантюризм;
- высокая степень ориентации в новых и быстро меняющихся обстоятельствах;
- высокая степень приспособления к различным культурным средам и способность миграции из одной в другую;
- способность к социальному посредничеству.

Исследование стратегии адаптации трудовых мигрантов, базирующееся на авторских прикладных исследованиях, позволило сделать следующие выводы.

1. Этнический мигрант в своей деятельности более ориентирован на этническую общину, в ко-

торую входит, чем на самореализацию. В случае возникновения противоречия между интересами общины и его личными деловыми интересами он, как правило, выбирает первое.

2. Выбор места жительства мигрантом в принимающем сообществе определяется его жизненной стратегией: временная работа и скорое возвращение на родину предполагают проживание в составе этнической общины, ориентация на постоянное проживание в регионе вселения – дистанцирование от этнической общины, которой он принадлежит, с целью скорейшей адаптации в принимающем сообществе. Вместе с тем, хотя диаспоральный характер расселения обеспечивает более быструю адаптацию мигранта к принимающему сообществу, чем проживание в составе этнической общины, это требует и больших усилий, и больших рисков, на которые готовы лишь немногие.

3. Стремление к адаптации в принимающем сообществе сочетается с сильным групповым этническим самосознанием, стремлением сохранить этническую идентичность, связь с соотечественниками в месте вселения и родственниками, оставшимися на родине (сочетание индивидуализма с приверженностью общине, традиции, заветам предков, религиозным ценностям). Это состояние порождает противоречивые чувства, время от времени выражающиеся в депрессии или агрессии.

4. Мигранты в своем повседневном поведении ориентированы на толерантность и доброжелательность по отношению к принимающему сообществу в большей степени, чем представители принимающего населения к мигрантам, они лишь в крайней ситуации идут на конфликт, поскольку осознают свою зависимость от коренного населения (как в плане трудоустройства, так и нормального психологического климата в трудовом коллективе, по месту жительства и т.д.).

5. Важнейшими операционализирующими показателями, позволяющими судить о степени адаптации мигранта в принимающем сообществе, являются: состояние здоровья; степень включенности в социальные сети территории вселения; практичность; наличие/отсутствие семьи, детей; возможность избирать наиболее выгодный род занятий; достижение социального статуса и исполнение социальных ролей, которые в принимающем сообществе не ассоциируются со статусом и ролями мигрантов; коммуникация и способность избегать конфликтов; уровень самооценки и чувство самодостаточности.

6. Для большинства мигрантов характерны личностные качества, обеспечивающие их миграционную активность, желание и способность к успешной адаптации в принимающем сообществе, которые не зависят от их этнической и конфессиональ-

ной принадлежности: подвижность и динамизм; предприимчивость и авантюризм; высокая степень ориентации в новых и быстро меняющихся обстоятельствах; способность приспосабливаться к различным культурным средам; готовность к социальному партнерству.

Таким образом, трудовые мигранты, занятые в экономике Еврейской автономной области, реализуют стратегии адаптации, выбор конкретной из которых связан с опытом их родственников/земляков и определяется этнической и конфессиональной принадлежностью, степенью включенности в реципрокные отношения с соотечественниками, уже успешно адаптировавшимися в регионе, характером трудовой деятельности и ориентированностью на бесконфликтное взаимодействие с принимающим населением/бизнесом/местными органами власти.

Разработка проблемы адаптации трудовых мигрантов должна осуществляться как неотъемлемая часть миграционной политики. Следовательно, анализ адаптационных процессов необходимо рассматривать в контексте формирования институтов и практик миграционной политики. Данный процесс институционализации является важнейшим фактором, обуславливающим характер и направленность адаптационных стратегий. Практическая значимость их исследования состоит в том, что

теоретические положения, выводы и данные могут быть использованы при разработке региональных программ социально-психологической помощи трудовым мигрантам, организации деятельности муниципальных служб и общественности по обеспечению бесконфликтного взаимодействия трудовых мигрантов с принимающим населением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Завалишин, А.Ю. Студенческая молодежь Дальнего Востока: между этнической толерантностью и экстремизмом / А.Ю. Завалишин, Н.Ю. Костюрина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2013. – № 4 (40). – С. 83–93.
2. Временный брак, мут'а – форма брака в исламе, заключаемого на определённый срок по взаимной договоренности между мужчиной и женщиной (см. подробнее: Временный брак [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%BA (дата обращения: 31.01.2016).
3. Численность экономически активного населения, занятых и безработных [Электронный ресурс] / Официальная статистика территориального органа Федеральной службы государственной статистики по ЕАО. – Режим доступа: http://evrstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/evrstat/ru/statistics/employment/ (дата обращения: 29.01.2016).

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ И НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

О.А. Рудецкий

Рудецкий Олег Андреевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: rudetsky@mail.ru

В статье анализируется проблема взаимосвязи трёх уровней идентичности: национально-политической, этнокультурной и региональной – в контексте российского Дальнего Востока. Рассматриваются основные тенденции и факторы трансформации территориальной идентичности дальневосточников.

Ключевые слова: региональная идентичность, этнос, нация, Дальний Восток.

В условиях бурного развития экономик стран АТР, несомненно, исключительным для современной России представляется геополитическое значение Дальневосточного региона страны – крупнейшего и слабозаселённого региона. Особыми исторически обусловленными чертами Дальнего Востока являются полиэтничность и поликонфессиональность, повышенная социокультурная динамика и негативные демографические процессы. Целый спектр вопросов связан с региональным измерением национальной и этнической идентичности: *что представляет собой региональная идентичность дальневосточников? каковы особенности национальной и этнической идентичности на территории российского Дальнего Востока? как в условиях Дальневосточного региона России территориальная идентичность взаимосвязана с национальной и этнической идентичностью?*

Определение региональной идентичности дальневосточников затруднено в силу неясности смыслов понятия региональной (территориальной) идентичности в целом, сложности теоретико-методологических основ её исследования [1; 8; 9; 13; 15; 18; 23; 26]. На уровне парадигматики данный тип идентичности может быть представлен как комплекс объективно предзаданных мировоззренческих особенностей, равно как и то, что можно конструировать и использовать в определённых (политических, экономических и т.д.) целях [6: с. 42–43].

Региональная идентичность представляет собой результат формирования определённой территориальной общности, воплощённый в отдельных особенностях мировоззрения и поведения. Российский философ Ю.Л. Качанов определяет региональную идентичность как «переживаемые и/или осознаваемые смыслы системы территориальных общностей ("субъективной социально-географической реальности"), формирующие «практическое чувство» и/или сознание территориальной принадлежности

индивида» [10]. Качанов Ю.Л. отмечает, что региональная идентичность «...устанавливается как результат двух процессов: объединения и различения. Чтобы идентифицировать территориальную общность, необходимо ее для себя "определить" (хотя бы на аффективном уровне), и одновременно – отделить от остальных общностей. Поэтому истинное значение территориальной идентичности связано со всеми сходствами и различиями, объединениями и противопоставлениями общественной жизни» [10]. Используя конструктивистскую парадигму социально-гуманитарных исследований, М.В. Назукина раскрывает региональную идентичность как «...процесс интерпретации регионального своеобразия, через который региональная уникальность приобретает институционализированные черты в определенных символах и мифах сообщества» [17: с. 91].

Однако региональная идентичность может манифестироваться и использоваться в политическом контексте даже в тех случаях, когда признаки территориальной общности не выражены явно. Российский социолог Г.С. Корепанов определяет региональную идентичность как «...процесс интерпретации региональной уникальности, через которую целый регион становится институционализированным в определённом сообществе» [11]. «На основе региональной идентичности, – пишет Г.С. Корепанов, – развиваются также и наиболее позитивные символические черты и характеристики местного сообщества, обладающего ярко выраженными маркерами, в которых воплощаются социальный и символический капиталы, позиционирующие локальные интересы и региональные практики местных элит» [11]. В этом ключе понятие региональной идентичности приобретает важный оттенок инструменталистского подхода, однако под регионом в данном случае могут пониматься самые разнообразные субъекты, как, скажем, Дальневосточный федеральный округ, так и Хабаровский край.

Региональная идентичность представляет собой комплексный феномен, включающий, по мнению Е.В. Головнёвой, четыре базовых компонента, а именно:

- когнитивный компонент, т.е. систему знаний о региональных особенностях;
- ценностный компонент, указывающий на субъективную связь человека с региональным обществом;
- эмоциональный компонент, включающий типичные эмоциональные реакции, связанные с проявлением региональной идентичности;
- регулятивный компонент, предполагающий определённые «способы поведения, конкретные практики ориентирования в региональном пространстве» [6: с. 43–48].

Таким образом, в самом широком смысле *региональная идентичность дальневосточников представляет собой закреплённое на уровне самосознания ощущение своей принадлежности к определённой территориальной общности жителей российского Дальнего Востока*. Вместе с тем данное формальное определение при всей его очевидности не раскрывает глубинных смыслов происходящих в регионе процессов трансформации национального и этнического самосознания. Более того, определение дальневосточной идентичности имеет существенную трудность в силу условности границ региона. И.Ф. Ярулин справедливо отмечает по этому поводу: «Очень важный феномен, связанный с характеристикой регионов, – "плавающие границы". Можно сказать: "культурный регион", "экономический регион", "административно-политический регион" – все эти формулировки имеют право на существование. Мы определяем некоторую композицию по типу деятельности с приоритетным акцентом на тот или иной вид деятельности. Но когда мы начинаем проводить границы регионов, то замечаем, что культурные, экономические, технологические пространства не совпадают» [29: с. 153].

Определение границ того или иного региона зависит от ряда факторов, включая предметное поле научной деятельности, методологию и пр. [8: с. 95]. Так, в рамках географических наук регионом является любая значительная территория, обладающая общностью природных характеристик, чётко отграниченная от подобных территорий и их частей [5]. В рамках физической географии понятие «российский Дальний Восток» означает сравнительно неширокую полосу суши, вытянутую с юго-запада на северо-восток почти на 4500 км, а также остров Сахалин, Шантарские острова (в Охотском море), Курильскую островную дугу и расположенные по соседству с полуостровом Камчатка острова Карагинский и Командорские [4]. При этом западная граница региона (с Восточной Сибирью) определя-

ется достаточно условно на основании климатических различий.

В политической регионалистике регион – это, в первую очередь, институт или система институтов и организаций, действующих на определённой территории, которая представляет собой фрагмент государства [3: с. 7]. В политическом (административном) смысле российский Дальний Восток означает Дальневосточный федеральный округ, включающий девять субъектов Российской Федерации. В этом плане административные границы Дальневосточного региона не совпадают с физико-географическими. Более того, административные границы региона постоянно менялись. В конце XIX – начале XX в. понятие «Дальний Восток» охватывало тихоокеанскую окраину Российской империи, а именно Приамурское генерал-губернаторство, которое, в свою очередь, состояло из следующих областей: Амурской (1884–1917 гг., с центром в г. Благовещенске), Приморской (1884–1917 гг., с центром до 1890 г. в г. Николаевске, после 1890 г. – в г. Владивостоке), Забайкальской (1884–1906 гг., с центром в г. Чите) и Камчатской (1909–1917 гг., с центром в г. Петропавловске-Камчатском).

В плоскости же, скажем, этнографических исследований выделение того или иного региона предполагает выявление пространственной локализации этнических культур [2]. В историко-культурном смысле понятие «российский Дальний Восток» включает область достаточно позднего заселения и освоения. Вплоть до конца XIX в. дальневосточные рубежи Российской империи характеризовались как часть огромного пространства Сибири и включали разнообразные историко-культурные области (в частности, камчатско-чукотскую и амуро-сахалинскую историко-культурные области).

Наряду с непрояснёностью понятий «регион» и «региональная идентичность» достаточно дискуссионной остаётся и характеристика территориальной общности жителей российского Дальнего Востока. Насколько устойчивой является данная общность? Насколько чётко представления об этой общности отражены в сознании самих жителей Дальнего Востока? Отвечая на данные вопросы, отметим два основных фактора, тормозящих формирование региональной идентичности.

Во-первых, *история активного заселения и освоения значительной части российского Дальнего Востока, а именно Приамурья и Приморья, укладывается в полтора-два столетия, что представляет собой сравнительно небольшой период для формирования какой бы то ни было устойчивой региональной идентичности*. Вплоть до середины XIX в. население Дальнего Востока было крайне малочисленным и лишь с середины столетия началась активная колонизация, в результате

которой появились первые районы компактного проживания переселенцев из числа разных народов: русских, украинцев, белорусов и др. Но даже к концу XIX в. на Дальнем Востоке проживало всего 613 тыс. чел., что было в десятки, а то и сотни раз меньше населения сопредельных стран. Так, численность населения Китая к началу XX в. составляла более 430 млн чел., Японии – около 35 млн чел., Кореи – около 16 млн чел.

Во-вторых, *российский Дальний Восток отличается сложнейшими социально-экономическими и природными условиями, стимулирующими отток населения*. Ещё в начале XX в. для Дальневосточного региона был характерен высокий процент обратного движения населения. В советский период темпы прироста населения региона, безусловно, стали значительными, однако начиная с 1990-х гг. мы наблюдаем резкое снижение численности «дальневосточников» [12; 16]. Фактически за период от переписи 1989 г. до переписи 2010 г. российский Дальний Восток потерял около 1/5 своего населения. «Обезлюдение» огромных территорий, желание покинуть родной регион говорит о негативном восприятии условий проживания, о частом нежелании связывать свою личную судьбу с Дальним Востоком.

Несмотря на факторы, тормозящие формирование региональной идентичности, определённые региональные особенности очевидны и отражены в самосознании жителей российского Дальнего Востока, в том числе на разных исторических этапах. Отметим наиболее ключевые из них.

1. *Природные условия и особенности географического положения*, включая крайнюю удалённость от центра России и выход страны к Тихому океану («тихоокеанская окраина»); тесное соседство с Китаем, Кореей, Японией, США, Канадой («стратегический ключ России к воротам Северо-Восточной Азии» [28]); наличие стратегического резерва территорий и мощный ресурсный потенциал («кладовая страны»).

2. *Историко-политические особенности и специфика административно-территориального деления*. Во второй половине XIX в. на Дальнем Востоке было создано генерал-губернаторство и дальневосточное наместничество. В короткий период 1920–1922 гг. существовала Дальневосточная республика. Сегодня же Дальний Восток административно представлен отдельным федеральным округом.

3. *Социально-экономические особенности*, в том числе изначальная «необжитость» дальневосточного края, суровые условия проживания и комплекс социальных проблем. В этом плане для отечественной истории XIX–XX вв. уникальным представляется как дореволюционный, так и, несомненно, советский опыт освоения колоссальных территорий Дальнего Востока.

4. *Этнокультурная специфика*, а именно: этнографические особенности дальневосточного славянства; богатый опыт межкультурного диалога с восточно-азиатскими народами; культурное наследие коренных народов и пр. При этом исторически этническую структуру Дальневосточного региона образуют четыре ключевых компонента, а именно: русское население; крупные диаспоры из европейской части и Закавказья Российской империи, затем Советского Союза, и, наконец, СНГ (украинцы, белорусы, татары, мордва, чуваша, немцы, азербайджанцы, армяне); коренные народы Дальнего Востока и восточные диаспоры (корейцы и китайцы).

5. *Формирование особой региональной культуры*, включая дальневосточную литературу, фольклорные особенности и пр.

Выделенные особенности дальневосточного региона отражены в конкретных знаково-символических формах и структурируют сложный комплекс региональной идентичности. Однако каким образом национальная (гражданская, общероссийская) идентичность коррелирует с дальневосточной региональной идентичностью? Российский политолог и этнограф Э.А. Паин выделяет четыре основные группы факторов (экономические, этнические, демографические и социально-политические), которые в наибольшей мере определяют изменения соотношения региональной и общероссийской идентичности, в том числе в условиях российского Дальнего Востока [19].

Первую группу факторов представляют *экономические факторы*. В течение последних двух десятилетий в российских регионах накопилось немало объективных причин для недовольства как сохранением жестко централизованной системы государственного управления, так и не слишком удачными попытками реформирования экономики. В силу этого на региональном уровне всё чаще стали звучать требования расширения административной и экономической самостоятельности субъектов Федерации (в том числе на Дальнем Востоке).

Вторую группу факторов, определяющих корреляцию региональной и национальной идентичности, представляют *этнические факторы*. По мнению Э.А. Паина, с ростом этнического самосознания русских постепенно усиливается их общероссийская самоидентификация и ослабевает региональная. Тогда как у нерусских «титulyных» народов республик Федерации, напротив, региональное сознание усиливается с ростом этнического.

Третью группу факторов, определяющих изменения соотношения региональной и общероссийской идентичности, представляют *демографические факторы*. С уменьшением доли этнических русских в республиках России постепенно возрастает региональная идентификация, в то время как

концентрация русских в краях и областях приводит к уменьшению региональной идентификации, поскольку русское население все в возрастающей мере становится носителем общероссийской идентификации.

Наконец, четвертую группу факторов представляют факторы *социально-политические*, проявляющиеся в растущем этническом самосознании представителей так называемых титульных народов, точнее сказать, на осознании ими своего отличия от этнических русских. В условиях российского Дальнего Востока влияние данной группы факторов менее значительно.

Учитывая выделенные группы факторов, стабилизацию экономики и общую тенденцию роста удельной численности русских в этнической структуре российского Дальнего Востока, в ближайшее десятилетие можно прогнозировать усиление национальной идентичности и её преобладание над территориальной идентичностью в структуре самосознания жителей дальневосточного региона. Это вполне соответствует Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации [22], однако требует определённых мер со стороны органов государственной власти (в частности, в области пресечения ксенофобии и экстремизма).

Тесная взаимосвязь национальной и региональной идентичности в полиэтническом пространстве российского Дальнего Востока, безусловно, оказывает трансформирующее влияние на этническую идентичность, что проявляется в динамике этнического самосознания. В региональном аспекте феномен этнического проявляется на уровне локального своеобразия этнических культур. Диапазон этого своеобразия может простирается от незначительных лингвокультурных изменений до коренных трансформаций, дающих начало новым этносам.

В основе бытия этноса лежит особая этническая коммуникация, представляющая собой такое взаимодействие субъектов (индивидуальных и коллективных, реальных и вымышленных), в результате которого происходит трансляция этнических смыслов (этноинтегрирующих и этнодифференцирующих) посредством определённых знаков и символов, отражающих представление народа о самом себе, особенности восприятия соседних народов, специфику межэтнических отношений [20]. Важнейшей функцией этнической коммуникации является сложное структурирование действительности, выстраивание этнической реальности как «мира малого» внутри огромного и всеохватывающего социума. В рамках отдельных регионов этническая коммуникация обогащается новыми смыслами, в семиотическое пространство этнических культур проникают смыслы региональной идентичности.

Обладея сложной природой, этнос представляет собой явление географическое. Развитие практически каждого народа исторически привязано к определённому физико-географическому региону или даже к нескольким регионам. Отдельные народы, субэтносы и этнографические группы всегда стремятся поддерживать компактность своего поселения, занимая определённую область в течение длительного периода времени [14: с. 5]. Единство территории расселения этноса способствует появлению специфических культурных черт. Этническая территория, таким образом, представляет естественную основу жизни народа, обеспечивая возможность непосредственной этнической коммуникации. В этом плане необходимо заметить, что географическое пространство всегда коррелирует с ментальным образом территории, что на символическом уровне воплощается в многочисленных образах «родины» / «отечества». В региональном измерении наряду с общеэтническим образом родины формируется образ так называемой малой родины, который воплощает существующий уровень регионального своеобразия этнической культуры.

Соотношение региональной, национальной и этнической идентичности во многом обусловлено особенностями *пространственной упорядоченности этноса*. Локальный мир этноса обладает отчётливой географической структурой, которая может упрощаться или усложняться в зависимости от социально-исторических обстоятельств. Как справедливо отмечает российский историк и философ Ю.И. Семёнов, анализ географии этноса позволяет выделить три основных его уровня, а именно компактный этнический центр, этническую периферию и диаспорные группы [21].

Центр представляет средоточие этнической жизни, обеспечивающее устойчивость функционирования этнической коммуникативной системы. Достаточно часто, но не всегда обязательно, он становится исторической родиной и «месторазвитием» народа, в рамках которого происходит активное формирование и развитие ключевых смыслов этнической культуры. Ввиду этого этнический центр осмысливается как нечто монолитное и жизненно необходимое для каждого народа, как область, содержащая максимум функций проявления феномена этнического. Внезапная же утрата этносом географического центра оборачивается глубоким кризисом этнического самосознания, способным привести к полному исчезновению той или иной этничности. Для русского этноса, который представляет собой нациообразующий народ, таким центром выступает европейская часть России. Неслучайно чрезвычайная удалённость дальневосточного региона от средоточия этнической жизни русского народа воспринималась русскими дальне-

восточниками так негативно, начиная с момента активной колонизации региона со второй половины XIX столетия.

Обозначение *этнической периферии* носит более условный характер. Она объединяет обширное пространство вокруг этнического центра. По мнению американского социолога Э. Шилза, одни области по отношению друг к другу могут быть более или менее периферийны. Периферийные области менее влиятельны и созидательны, слабо подчиняются институциональной власти центра и менее проникнуты его культурой. Население периферии, подчёркивает учёный, рассматривает центр как источник руководящих указаний, инструкций и распоряжений, касающихся норм поведения, стиля жизни и убеждений [27: с. 174]. В силу этого в сознании людей, жителей того или иного региона, возникает и культивируется образ провинции, часто наделяемый негативными чертами. Ощущение провинциальности представляет собой неотъемлемый компонент региональной идентичности дальневосточников и локального своеобразия национальной (общероссийской) идентификации.

Для российского Дальнего Востока характерен и третий уровень пространственной упорядоченности этносов, а именно уровень *этнических диаспор*. В широком смысле этническая диаспора представляет собой малую этническую группу, географически оторванную от основного района компактного расселения народа и проживающую в окружении иноэтнического большинства [21]. В рамках территориальной организации этнической коммуникативной системы диаспора представляет весьма сложное и динамичное образование. Она, безусловно, включена в активное конструирование этнической реальности в целях поддержания этнического самосознания. В этом плане диаспору можно охарактеризовать и как «стиль жизненного поведения», и как «культурно отличительную общность», возникающую и поддерживающую свои границы на основе представления об общей родине и демонстрируемого отношения к ней [25: с. 50]. Как малая коммуникативная целостность диаспора максимально отдалена от этнического центра и в силу этого обладает большей подвижностью этнического самосознания.

Таким образом, для **российского Дальнего Востока характерен сложный комплекс взаимосвязанных между собой идентичностей, а именно национально-политической (общероссийской), этнокультурной (русской, украинской, корейской и т.д.), региональной (дальневосточной) идентичности. Пересекаясь, смысловые пространства указанных идентичностей формируют ряд особенностей мировоззрения жителей дальневосточного региона, не всегда выражен-**

ных достаточно чётко. При этом в отличие от других регионов России региональная идентичность по степени своей выраженности значительно уступает национальной и, в определенной мере, этнической идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алаутдинов, А.А.* Региональная идентичность как основа формирования общенациональной политической идентичности : автореф. дис. ... канд. полит. наук / А.А. Алаутдинов. – М., 2012.
2. *Жуков, В.И.* Большой этнологический словарь / В.И. Жуков, Г.Т. Тавадов. – М. : Омега-Л, РГСУ, 2011. – 928 с.
3. *Бусыгина, И.М.* Политическая регионалистика / И.М. Бусыгина. – М. : РОССПЭН, 2006.
4. *Гвоздецкий, Н.А.* Физическая география СССР / Н.А. Гвоздецкий, Н.И. Михайлов. – М., 1978.
5. *Географический энциклопедический словарь: понятия и термины / А.Ф. Трешников [и др.].* – М. : Сов. энцикл., 1988. – 432 с.
6. *Головнёва, Е.В.* Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и её структура / Е.В. Головнёва // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2013. – № 5. – С. 42–50.
7. *Докучаев, Д.С.* Региональная идентичность российского человека в современных условиях: социально-философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Д.С. Докучаев. – Иваново, 2011.
8. *Жаде З.А.* Региональная идентичность с точки зрения геополитики / З.А. Жаде // Вестник Адыгейского гос. ун-та. – 2006. – № 4. – С. 95–100.
9. *Карпенко, А.М.* Региональная идентичность как категория политической практики : автореф. дис. ... канд. полит. наук / А.М. Карпенко. – М., 2008.
10. *Качанов, Ю.Л.* Территориальная идентичность как предмет социологического исследования / Ю.Л. Качанов, Н.А. Шматко // Социологические исследования. – 1998. – № 4. – С. 94–101.
11. *Корепанов, Г.С.* Региональная идентичность: социокультурный и социальноэкономический подходы / Г.С. Корепанов // Известия Урал. гос. ун-та. – 2009. – Т. 65. – № 3. – С. 276–284. – (Серия 2. Гуманитарные науки).
12. *Крушанова, Л.А.* Особенности демографических процессов на Дальнем Востоке в 1980-х гг. / Л.А. Крушанова // Россия и АТР. – 2012. – № 2. – С. 19–30.
13. *Крылов, М.П.* Региональная идентичность в Европейской России / М.П. Крылов. – М. : Новый хронограф, 2010. – 240 с.
14. *Кушнер (Кнышев), П.И.* Этнические территории и этнические границы / П.И. Кушнер. – М., 1951.
15. *Левочкина, Н.А.* Региональная идентичность: понятие и сущность / Н.А. Левочкина // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 1–3. – С. 446–453.
16. *Мотрич, Е.Л.* Население и социальное развитие российского Дальнего Востока / Е.Л. Мотрич, С.Н. Найден // Пространственная экономика. – 2009. – № 2. – С. 47–67.
17. *Назукина, М.В.* Концепт региональной идентичности: методологический взгляд политолога / М.В. Назукина // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2011. – № 6. – С. 86–92.

18. Назукина, М.В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ : автореф. дис. ... канд. полит. наук / М.В. Назукина. – Пермь, 2009.
19. Паин, Э.А. Динамика национального самосознания россиян [Электронный ресурс] / Э.А. Паин // Этнопанорама. – 2002. – № 1. – С. 10–18. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2002/085/analit01.php#1>
20. Рудецкий, О.А. Социально-философский анализ этноса как коммуникативной системы : автореф. дис. ... канд. филос. наук / О.А. Рудецкий. – Хабаровск, 2011.
21. Семёнов, Ю.И. Философия истории. Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней / Ю.И. Семёнов. – М. : Современные тетради, 2003.
22. Стратегия государственной национальной политики до 2025 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://text.document.kremlin.ru/SESSION/PILOT/main.htm>
23. Суханов, В.М. Региональная политическая идентичность в современной России: идеологические, социокультурные и исторические основания / В.М. Суханов. – Саратов : Наука, 2008. – 190 с.
24. Титаренко, М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии / М.Л. Титаренко. – М. : Памятники исторической мысли, 2008. – 624 с.
25. Тишков, В.А. Исторический феномен диаспоры / В.А. Тишков // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 2.
26. Тумакова, К.Е. Социальные факторы формирования региональной идентичности в условиях современной России : автореф. дис. ... канд. социол. наук / К.Е. Тумакова. – Пенза, 2011.
27. Шилз, Э. О соотношении центра и периферии. Ценностно-смысловой аспект ядра и периферии / Э. Шилз // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. – М., 1972.
28. Ярулин, И.Ф. Российский Дальний Восток: геополитика, геостратегия, геоэкономика, геополитические риски / И.Ф. Ярулин // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2011. – № 1. – С. 28–32.
29. Ярулин, И.Ф. Россия XXI века: эра новых регионов? / И.Ф. Ярулин // Пространственная экономика. – 2005. – № 3. – С. 148–157.

ИЗ ИСТОРИИ КОЛХОЗНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ПРИХОХТЬЕ (С. АРКА ОХОТСКОГО РАЙОНА ХАБАРОВСКОГО КРАЯ)

Г.Т. Титорева

Титорева Галина Теодоровна – кандидат искусствоведения, заведующий научно-исследовательским сектором этнографии Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова.

Контактный адрес: mazo2005@mail.ru

В статье прослежена история организации и развития одного из крупнейших национальных колхозов Хабаровского края, освещены социально-экономические и культурные преобразования, происходившие в Приохотье в 1930–1990 гг., обозначены проблемы сохранения и развития оленеводства как наиболее значимого традиционного промысла эвенов – коренных жителей Охотского района.

Ключевые слова: коллективизация, Приохотье, советское строительство на Дальнем Востоке, эвены, оленеводство.

В статье предпринята попытка реконструкции истории одного из крупнейших национальных хозяйств Хабаровского края за 70 лет его существования – с момента организации и до прекращения деятельности в 2001 г. Ввиду слабой разработанности темы колхозного строительства в Приохотье источниковой базой для написания статьи служили преимущественно архивные материалы и публикации периодической печати, своевременно отражающие актуальные проблемы региона.

Коллективизация в Охотском районе Хабаровского края началась в 1930 г., когда в прибрежных поселках были оформлены первые русские рыбо-ловецкие артели. Первое эвенское коллективное хозяйство «Хулан Эвен» («Красный эвен») было организовано в том же году на Улье и послужило примером для других поселков. В январе 1931 г. 8 хозяйств маленького национального стойбища Арка объединились в простейшее товарищество и назвали его «Аркинский рыбак». Возможно, выбор названия был связан с особым вниманием в этот период к рыболовному промыслу с его высокой товарной значимостью в районе.

У истоков аркинского колхоза стояли люди, имена которых с уважением и благодарностью хранятся в памяти охотчан и в истории Охотского района. Это первый председатель национального совета с. Арка Н.К. Дегтярев и учитель аркинской школы Н.П. Ткачик. Активное участие на начальном этапе деятельности молодого колхоза принял торговый работник, зав. факторией интегралсоюза Р.А. Хромов. В марте 1931 г. Н.К. Дегтярев в составе делегации дальневосточников побывал на VI Всесоюзном съезде Советов, где обсуждались вопросы колхозного строительства в СССР [3]. По возвращении со съезда его назначили уполномоченным по созданию коллективных хозяйств в Охотском районе и первое, с чего он начал эту работу, была организация в Арке нового колхоза. Уже осенью 1931 г. колхоз «Аркин-

ский рыбак» изменил и организационно-правовую форму, став северной смешанной промысловой артелью (ССПА), и название – «Хулан орон (Красный олень)». Из 49 дворов (96 чел. трудоспособного и 52 чел. нетрудоспособного населения) в колхоз вступило 28 хозяйств с общим количеством членов 80 чел. Из 49 трудоспособных колхозников 9 были малограмотными, остальные – безграмотными. Социально-этнический состав нового колхоза характеризует табл. 1 [19: л. 22].

Таблица 1

Социально-этнический состав

Количество дворов	28
Физ. члены	49
Нетрудоспособные	31
Партийные	1
Члены ВЛКСМ	3
Б/п	45
Батрак	8
Бедняк	41
Середняк	–
Русские	–
Эвены	49
Якуты	–

Первым председателем артели аркинцы избрали своего земляка Василия Васильевича Андреева. Определили основные направления хозяйственной деятельности: оленеводство, пушной промысел, транспортировку грузов на оленях. Летом 1932 г. 16 рыбаков-колхозников выехали на первую путину, выловили 58 990 кетин и заготовили 2700 балыков. Бригада носила имя героя Гражданской войны С.С. Вострецова, возглавившего в июне 1923 г. кампанию по освобождению Приохотья от банды Пепеляева. Он умер в мае 1932 г. в Ростове-на-Дону. В начале 1933 г. и весь колхоз стал называться именем С.С. Вострецова.

Первые успехи колхозных рыбаков и охотников привлекли в колхоз новых членов. В 1933 г. в состав его входило 49 дворов и 143 члена, в 1934 г. – 61 двор и 170 членов, а на 01.01.1936 г. в колхозе уже насчитывалось 287 колхозников. В процентном отношении динамика коллективизации хозяйств в Арке в первой половине 1930-х гг. представлена в табл. 2 [22: л. 58].

Таблица 2

Динамика коллективизации хозяйства

Год	1931	1932	1933	1934	1935
Количество хозяйств, %	8,3	19,2	54,4	69,5	80,9

Дважды за этот период колхозу им. Вострецова были выделены ссуды на покупку оленей: в 1931 г. – 6000 руб., в 1934 г. – 21 256 руб. [22: л. 70]. К 1934 г. в колхозном стаде было около 2 тыс. голов оленей (для сравнения: в 1933 г. – 1426 оленей [17: л. 9]. Успешной стала для рыбаков лососевая путина 1934 г., а охотники колхоза в тот год выполнили план по заготовке пушнины на 153,3 %. Имущество колхоза в то время оценивалось в 406 тыс. руб. (в 1932 г. – 30,8 тыс. руб.), заработок колхозников превысил 2600 руб. Колхоз им. С.С. Вострецова (председатель Н.А. Безносков) занял первое место в районе и был занесен на районную Доску почета. Впервые в 1934 г. на общем собрании в Арке чествовали ударников колхозного строительства, их было одиннадцать человек – оленеводов, рыбаков, охотников, – каждому вручили грамоту и подарок. Впоследствии награждение лучших людей труда станет обязательной процедурой.

Достижения колхоза отражались и на облике с. Арка, где располагалось Управление хозяйством. За 1934–1935 гг. было построено 8 домов, 2 помещения для засолки рыбы, два амбара-склада, продолжалось строительство новой школы. Активное строительство было связано с политикой «оседания» эвенов-олeneводоов, проводимой в районе.

В середине 1930-х гг. в экономике колхоза произошли существенные изменения. На первое место вышла рыбодобыча как наиболее товарный вид промысла. Кунгасы и лодки делали в Арке, на берегу р. Охоты. Вот как выглядела в то время экономика колхоза по всем видам хозяйственной деятельности в процентном отношении:

- рыболовство – 45,1 %;
- оленеводство – 40,6 %;
- животноводство и собаководство – 2 %;
- лесозаготовки и строительство – 6,2 %;
- охота – 2 %;
- огородничество – 1,3 %;
- прочие – 2,8 %.

Земледелием в колхозе начали заниматься в 1933 г. Вручную разработали около одного гектара

земли, выращивали картошку и капусту. В хозяйстве имелось 5 лошадей, а незадолго до войны в колхозе завели коров.

В 1936 г. в Арке были установлены радио- и метеостанции, что имело огромное значение и для жителей Арки, и для производственной деятельности колхоза. В этом же году в селе открылась участковая больница на пять коек и амбулатория. В 1937 г. состоялся первый выпуск в аркинской школе-семилетке. Это было значительным событием не только для национального села, но и для всего района. Вместе с директором школы Н.П. Ткачиком все выпускники были приглашены на прием к первому секретарю районного ВКП (б). Трое из пяти выпускников впоследствии стали учителями и работали в национальных школах района.

Большую помощь в становлении и укреплении колхоза в 1930-е гг. оказал Я. Ревин. Он хорошо знал якутский и эвенский языки и служил переводчиком на ежегодных колхозных собраниях, которые традиционно проводились в конце марта, когда в Арку съезжались из таежных кочевий оленеводы и охотники. Собрание, как правило, шло несколько дней, в нем принимали участие не только колхозники, но практически все жители Арки – учителя, медики, торговые работники, руководители сельсовета – поскольку вся жизнь села была связана с колхозом. Помимо обсуждения вопросов, связанных с производственной деятельностью, в повестку собрания включались отчетные доклады Нацсовета и отделения интегралсоюза. Одновременно работала ярмарка, на которой охотники сдавали добытую пушнину, таежники продавали изделия домашнего ремесла, в основном предметы одежды из меха и кожи [20: л. 40]. В эти дни в Арке было оживленно и празднично.

Вместе с тем необходимо отметить, что процесс коллективизации в Арке проходил сложно, особенно в оленеводческой отрасли. Наиболее серьезной проблемой стало обобществление личных оленей. Эвены имели длительный опыт коллективного труда, тем не менее им была непонятна цель этой процедуры. Объединив стада, они все равно пытались использовать своих оленей для нужд семьи [26: с. 81]. Кроме того, районные власти допустили большую ошибку, не оставив таежным оленеводам даже небольшого количества оленей для личного пользования, не понимая, что кочевникам не прожить в суровых условиях Севера без оленя, который давал им и кров, и пищу, и средство передвижения. Правда, вскоре положение было исправлено, и часть личных оленей была возвращена владельцам.

Другой проблемой в деле коллективизации стала борьба с кулачеством. Кулаками считали тех, кто владеет более чем 300 оленями. Помимо экспроприации стада, кулаки лишались права голоса и

облагались трудовой повинностью в форме «твердых заданий». Борьба с кулачеством сопровождалась жестким противостоянием, имеющим в некоторых случаях трагические последствия. Так, в 1933 г. в окрестностях Арки был убит колхозный активист Афанасий Петрович Громов. По подозрению в убийстве были арестованы родовые князья Пуд Громов и его сын Николай, раскулаченные незадолго до этого события. Во время следствия старый Громов умер в Охотске, а причастность Николая к убийству доказать не удалось [16: л. 48]. В 1934 г. части лишенцев Арки вернули гражданские права, а к 1937 г. такой категории жителей уже не было [21: л. 40; 18: л. 36].

К 1940-му г. колхоз им. Вострецова прочно вошел в число передовых хозяйств района. Война окончательно определила выбор главного направления его хозяйственной деятельности – рыбодобычу. За все годы войны колхозные рыбаки добыли 61 000 центнеров рыбы, из них сельди 34 000, лосося – 27 000. Все четыре года колхоз перевыполнял государственный план по добыче рыбы, хотя половину рыбаков в бригадах составляли женщины. В войну вострецовские рыбаки освоили новое для них орудие лова – ставной невод. Как и вся страна, колхоз им. Вострецова возможными средствами помогал армии. Женщины шили меховую одежду – торбазы, рукавицы, шапки, которые посылали на фронт. Только за один квартал необходимо было сдать 103 изделия [23: л. 63]. Уже после войны, в 1946 г., десяткам жителей с. Арка была вручена медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».

В марте 1946 г. на должность председателя колхоза им. Вострецова был избран 27-летний Василий Андреевич Теплов, работавший в 1944–1945 гг. председателем колхоза «Победа» на Кухтуе. Энергичный, талантливый руководитель, В.А. Теплов возглавлял хозяйство более 10 лет. Под его руководством в первую послевоенную пятилетку (1946–1950) колхоз добился значительных успехов, что заметно улучшило финансовое положение колхоза и его членов. Часть прибыли использовали на капитальное строительство, приобретение инвентаря и оборудования. Только в строительство было вложено 207 тыс. руб.

Колхоз вырос и численно. В 1947 г. в него вошло 80 хозяйств, в 1949 г. – уже 107, колхозников всего 271 чел., из них 167 трудоспособных. Приток новых членов колхоза позволил уделить больше внимания развитию сельского хозяйства, посевные площади расширились до 7,2 га. В самом конце 194 г. в Арке появился электрический свет. Вместе с подъемом экономики колхоза во второй половине 1940-х гг. оживились культурная и общественная жизнь на селе. В Арке был открыт радиоузел, все дома жителей были радиофицированы.

В послевоенный период изменился национальный состав села. До этого времени 90 % населения Арки составляли эвены. Со второй половины 1940-х гг. из Якутии сюда переселилось много якутов и русских [25]. Большинство осевших на Арке переселенцев вступали в колхоз. Это были опытные и умелые строители, лесорубы, печники, столяры и другие специалисты. Их труд, несомненно, послужил дальнейшему укреплению колхозного хозяйства.

Переломным для аркинцев стал 1955 г. Было принято решение о переселении колхоза им. Вострецова в поселок Дуран в 30 км от моря. Это было связано с тем, что отдаленность с. Арка от места основного промысла колхоза – рыболовства – сдерживала его развитие. Колхозникам приходилось каждую весну по бездорожью долго и трудно добираться до побережья Охотского моря. Вместе с тем оленеводство оставалось значимой отраслью хозяйства для колхоза и особенно для эвенов. Отрывать ее от баз снабжения и органов управления на 300–500 км тоже было нецелесообразным. После долгих обсуждений руководством района было решено создать в Арке новый колхоз, имеющий узкую специализацию – оленеводство, к нему присоединить стада колхозов «1 Мая» и «Большевик», оказавшихся в аналогичной ситуации, а колхоз им. Вострецова перекалвалифицировать в рыболовецкий и перенести в пос. Дуран. С апреля 1956 г. в Арке ведет свою историю первый в Охотском районе оленеводческий колхоз, получивший имя XX партсъезда. Председателем колхоза избрали якута, Большакова Якова Егоровича, ветерана колхозного строительства в Охотском районе.

Становление нового колхоза шло трудно, несмотря на то что оленеводством здесь занимались издавна. Раздел имущества трех объединенных колхозов длился долго, производственный план по доходам на 1956 г. был выполнен лишь на 14 %, не считая производственных затрат [6: л. 48]. Даже самый доходный в то время промысел – олений транспорт – работал слабо. Годовой план грузоперевозок был выполнен только на 78 % [6: л. 59]. Поменяв производственную специализацию, колхоз им. XX партсъезда, вместе с тем, не отказавшись от рыбного промысла и занимаясь им по-прежнему успешно: план добычи рыбы за 3-й квартал 1955 г. был выполнен на 252,3 %, к 1 июля 1956 г. своими силами планировалось построить три новых пяти-тонных кунгаса и две закидные лодки для лососевой путины, а к середине 1957 г. построить еще 9 лодок [6: л. 6, 72 об., 73]. Еще не один год колхозники относились к оленеводству как к подсобному, второстепенному занятию, возлагая свои экономические надежды больше на рыболовство.

Оленеводство действительно требовало значительных трудовых, финансовых, организационных

затрат. Основной проблемой на протяжении многих лет оставался большой непроизводительный отход оленей, гибнущих от хищников и болезней. Необходимо было обеспечить оленеводов достаточным количеством стрихнина и боеприпасов для борьбы с волками, палатками для проживания на стоянках, медикаментами, продуктами питания. Для достижения эффективности промысла требовалось строительство специальных производственных сооружений: забойных площадок, коралей, зимников по маршруту кочевков и др. Без квалифицированной ветеринарной помощи добиться сохранности и прироста поголовья оленей было сложно.

Руководство колхоза искало новые пути развития, дополнительные формы хозяйственной деятельности, способные принести экономическую прибыль хозяйству, сделать его более рентабельным. Так, в 1958 г. была построена звероферма по разведению чернобурых лисиц на 50 голов. Правда, просуществовала она недолго, вначале 1960-х гг. ферма закрылась [24: л. 2]. Большое внимание уделялось развитию растениеводства. В 1956 г. под посадку картофеля было занято 5 га, под капусту – 0,5 га, в 1960-е гг. площадь пашенных земель увеличилась до 20 га, из них на 7 га выращивали картофель, на 0,6 га – капусту и 12,5 га использовали под посевы зеленых кормов для крупного рогатого скота. Колхоз во все годы своего существования обеспечивал население Арки и социальные объекты поселка (интернат, больница, детский сад) собственными овощами и молоком. Стадо молочно-товарной фермы насчитывало до 20 животных, из них – 8–10 дойных коров.

В 1960-е гг. планы по развитию оленеводства в колхозе из года в год оставались недостижимыми [4: л. 5] (табл. 3).

Таблица 3

Показатели развития оленеводства

Год	1963	1965	1966	1967
План	14 800	16 300	15 700	16 600

Непроизводительные потери оленей за 8 лет (1959–1967) составили 18 287 голов, а государству за этот же период сдано 14 850 оленей, т.е. на 3,5 тыс. меньше [7: л. 58]. Относительно успешными для колхоза стали 1967–1968 гг., когда впервые за все время его существования приплод оленят составил 80,6 % (при плане 80 %), а в некоторых передовых бригадах он достиг 99 %. По итогам 1967 г. колхоз вышел с прибылью в 177,9 тыс. руб., причем основной доход был получен от реализации продуктов оленеводства – 120,9 тыс. руб. В этот год государству было сдано 180 тонн оленьего мяса (план – 160 тонн), правда, из них только 43 тонны высшего и среднего сортов, остальное – низкосорт-

ное [7: л. 122]. Проблема низкого качества мяса оставалась актуальной на протяжении всей истории колхоза. Для ее решения предпринимались различные меры: создавались нагульные стада, применялась подкормка оленей перед забоем и пр.

К концу 1969 г. колхозные пастбищные угодья концентрировались на двух оленеводческих фермах, расположенных в районе поселков Кетанда и Уяга (от Арки соответственно в 120 и 350 км). В оленеводстве было занято 44 % эвенов: пастухи (62 мужчины и 19 женщин) и каюры летнего оленьего транспорта, обслуживающего различные экспедиции (30 мужчин, 18 женщин). Зимой все каюры занимались пушным промыслом. В середине 1960-х гг. председателем колхоза им. XX партсъезда был избран Григорий Иннокентьевич Полоротов, руководивший хозяйством в течение десяти лет. Это время сами аркинцы считают наиболее продуктивным в истории колхоза.

1950–70-е гг. были отмечены большими объемами строительных работ, проводимых на центральной усадьбе колхоза и на таежных базах. За это время в Арке было сдано несколько десятков двух- и четырехквартирных домов, а также индивидуальных одноквартирных. На колхозные средства построены объекты социально-культурного назначения: школа, интернат на 25 мест, клуб на 200 мест, больница, баня, детский сад, общежитие. В 1971 г. построили две теплицы, в которых выращивали огурцы, помидоры, редис, саженцы садовой смородины. Тепличное хозяйство существовало до начала 1990-х гг. и круглый год обеспечивало жителей с. Арка свежей продукцией. Материальный уровень жизни оленеводов был достаточно высок. Средний заработок в 1969 г. составил 165 руб. в месяц. Каждый член колхоза имел отпуск в 42 рабочих дня [15: с. 105]. Несмотря на имеющиеся производственные и экономические проблемы, в этот период наблюдалось организационно-хозяйственное укрепление колхоза и улучшение материального состояния колхозников.

В 1970 г. в колхозе им. XX партсъезда насчитывалось 645 чел. (156 семей) [5: л. 31]. В штате колхоза состояло 340 чел., из них высшее образование имели двое, средне-специальное – 8 чел., среднее – 3. Руководство района и колхоза принимали меры для повышения образовательного уровня колхозников. В техникумах на тот момент учились 4 чел., и 2 – на профессиональных курсах. В 1971 г. из Арки в различные учебные заведения было направлено 10 чел. [8: л. 120].

В 1972 г. в рамках политики «концентрации и централизации» в оленеводстве из пяти имеющихся стад в районе было сформировано два (аркинское и инское). В результате стада оленей ульинской группы, принадлежавшие колхозу «Хулан эвен»

(примерно 7000 голов) в процессе перегона, адаптации на новом месте были утрачены, а поголовье оленей аркинского и инского «кустов» неоправданно увеличены до 16 000 голов. В связи с этим значительно выросла нагрузка и на пастбищные территории, и на пастухов. Курс на «максимализацию», характерный для советских времен, противоречил требованиям агрокультуры таежного оленеводства Приохотья, возможности которого не позволяли содержать большие стада. Богатый опыт традиционного оленеводства, ориентированный на рациональное использование биоресурсов и сохранение экосистемы региона, определил максимальную численность стада оленей в 300–500 голов, которой и придерживались в прошлом охотские звены. В колхозе им. XX партсъезда количество оленей в стадах часто превышало 2000 голов. По мнению специалистов, эта хозяйственная политика стала основной причиной проблем, мешающих развитию оленеводства в Охотском районе последующие 20 лет [2]. На совещаниях по проблемам оленеводства и в местной прессе неоднократно звучали предложения о необходимости сокращения поголовья оленей до 13 000 [1].

Плановое социалистическое хозяйство требовало от колхоза выполнения основных показателей по росту поголовья оленей и сдаче мяса государству. Поскольку необходимого прироста достичь не удавалось, руководство колхоза часто вынуждено было жертвовать одним из показателей. Чтобы выполнить план по мясозаготовкам, приходилось отправлять на убой производительных важенок, а чтобы покрыть финансовые потери из-за низкой сортности сдаваемого мяса, сдавали большее количество оленей, чем планировали [10: л. 16].

Вместе с тем, стремясь повысить рентабельность оленеводства, в 1970-е гг. в колхозе стали использовать меры, способствующие усовершенствованию отрасли. Строились десятки километров ограждений (дарпиров), счетные и санитарные загоны (корали), в практику вошли тентовые навесы для защиты животных от гнуса. Например, в 1976 г. было установлено 56,8 км дарпиров, 2 тентовых навеса и 1 счетный кораль [9: л. 87]. Большое внимание уделялось зоотехническим мероприятиям и селекционной работе. В течение многих лет колхоз стремился достичь показателя выходного поголовья оленей (после сдачи мяса государству) в 16 000 голов. В начале 1980-х гг. этот рубеж был преодолен.

С начала 1980-х гг. и до 1993 г. колхозом руководил опытный администратор Петр Иванович Плотников. В 1980-е гг. хозяйство взяло направление на безотходное производство в оленеводстве. Это позволяло повысить товарную значимость основного промысла в экономике колхоза. Солидный доход давала продажа окостенелых рогов и пантов

оленей. Только за год колхоз получал за ценную продукцию около 100 тыс. долл. США. В 1987 г. колхоз сдал на Хабаровский химфармзавод 171,9 кг сухих пантов на сумму 20 572 руб. [11: л. 64]. Кроме того, был открыт цех по производству пельменей и колбасы из мяса диких копытных животных, планировалось запустить цех по переработке дикоросов. В Арке построили меховую мастерскую, закупили современное импортное оборудование – холодильники, станки для обработки мехового сырья, швейные машины. Продукция северных мастеров – торбаза, головные уборы, сувениры, меховая одежда – пользовалась большим спросом и приносила прибыль колхозу.

В 1980-е гг. колхоз им. XX партсъезда оставался одним из основных производителей мяса в районе. Ежегодно аркинцы сдавали около 150 тонн оленины. Несмотря на узкую оленеводческую специализацию, в 1980-е гг. аркинский колхоз снова, как и до 1956 г., вернулся к занятию рыбодобычей и охотничьим промыслом. Экономика колхоза вновь стала многоотраслевой. Только за сезон 1988/89 гг. охотниками колхоза было добыто 4,2 тыс. соболей и других пушных зверей на общую сумму более 700 тыс. руб. [13].

Однако все эти меры не обеспечили желаемого развития колхоза. Экономическое положение хозяйства поддерживалось только за счет дотаций государства на мясо и молоко. В 1988 г. они составили 1 млн 153 тыс. руб. [28]. С финансовыми трудностями помогали справиться государственные денежные кредиты. Колхоз обеспечивался необходимой техникой, краевые власти субсидировали строительство. В 1988 г. колхоз в числе трех оленеводческих хозяйств (Нельканский и Тугуро-Чумиканский совхозы) вошел в состав Хабаровского производственно-научного объединения по птицеводству, которое, как предполагалось, должно было поддержать северную отрасль в кризисный период. Кроме этого, рассматривался проект объединения колхоза им. XX партсъезда с инским колхозом им. 25 Октября [12: л. 71]. Обсуждались новые формы ведения хозяйства – арендный подряд, вахтовый метод и др.

Тем не менее в начале 1990-х гг. положение колхоза значительно осложнилось. Прекратились государственные дотации. Какое-то время спасал «бартер»: в обмен на рыбу и дикоросы колхоз обеспечил себя строительными материалами, а на вырученную от продажи пантов валюту приобрел японскую технику. Нарастали проблемы в основной хозяйственной отрасли – оленеводстве. Продолжалось сокращение численности оленепоголовья. На начало 1992 г. в колхозном стаде насчитывалось 12 478 голов, вместо плановых 13 500. Причин было много: это и запущенная племенная рабо-

та, и оскудение ягельных пастбищ, и низкая производственная дисциплина, и неблагоприятные погодные условия, и др. Колхозникам перестали платить зарплату. Грандиозным планам на ближайшее будущее (строительство зверофермы, рыбоперерабатывающего завода, обустройство оленеводческих баз) не суждено было осуществиться [14].

В 1993 г. колхоз им. XX партсъезда изменил юридический статус и из коллективного хозяйства реорганизовался в товарищество с ограниченной ответственностью. В 1997 г. решением собрания уполномоченных хозяйство было признано банкротом. К этому времени поголовье колхозного стада составляло около 12 000 голов. Начался бесконтрольный «передел» имущественного фонда. Пастухам в счет погашения долга по заработной плате раздали колхозных оленей. Их численность резко сократилась и в 2001 г. по аркинскому поселению составила всего 3683 оленя. Собственно к этому времени колхоз окончательно прекратил свое существование. На 1 января 2001 г. в Арке проживало 1078 чел., из них 789 эвенов [27].

История одного из старейших колхозов края отражает основные социально-политические, экономические и культурно-исторические тенденции, определившие этапы и уровень развития большинства производственных хозяйств региона. Трансформация всех сфер жизни колхоза им. XX партсъезда и с. Арка с прилегающими территориями кочевания – производства, быта, культуры и т.д., – произошедшая за 70 лет существования хозяйства, значительно изменила его социально-экономический облик. Пройдя длительный и непростой путь развития, осложненный географическими условиями Севера и спецификой кочевого образа жизни, колхоз добился определенных экономических успехов и в традиционных видах хозяйственной деятельности, и в освоении новых, не характерных для коренных северных народов. Кроме того, деятельность этого крупнейшего в Хабаровском крае оленеводческого предприятия позволила длительное время успешно сохранять и развивать традиционный вид промысла эвенов – одного из коренных малочисленных народов Севера. Оленеводство на протяжении многих веков является жизнеобеспечивающим для жителей Приохотья, от него зависит не только благополучие этноса, но и его существование. Опыт охотского колхоза показывает, что без внимания государства к проблемам традиционной промысловой деятельности коренных малочисленных народов Севера невозможно их дальнейшее развитие и сохранение этнической самобытности. В 2012 г. был принят закон «О поддержке домашнего северного оленеводства в Хабаровском крае», призванный возродить и поддержать традиционный промысел коренных жителей региона [29].

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев, А. Основы развития отрасли / А. Андреев // Охотско-эвенская правда. – 1988. – 12 июня. – С. 2.
2. Болярский, Г.В. Быть ли оленеводству завтра? / Г.В. Болярский // Охотско-эвенская правда. – 1992. – 29 февр. – С. 3.
3. Бурский, А. Председатель стойбища Арка / А. Бурский // Тихоокеанская звезда. – 1931. – 28 июня. – С. 3.
4. Государственный архив Хабаровского края. – Ф. 137. – Оп. 14. – Д. 2089.
5. Государственный архив Хабаровского края. – Ф. 137. – Оп. 14. – Д. 2420.
6. Государственный архив Хабаровского края. – Ф. 1326. – Оп. 1. – Д. 1.
7. Государственный архив Хабаровского края. – Ф. 1326. – Оп. 1. – Д. 6.
8. Государственный архив Хабаровского края. – Ф. 326. – Оп. 1. – Д. 7.
9. Государственный архив Хабаровского края. – Ф. 1326. – Оп. 1. – Д. 12.
10. Государственный архив Хабаровского края. – Ф. 1326. – Оп. 1. – Д. 13.
11. Государственный архив Хабаровского края. – Ф. 1326. – Оп. 1. – Д. 23.
12. Государственный архив Хабаровского края. – Ф. 1326. – Оп. 1. – Д. 25.
13. Георгиев, Ю. «Эх, кочевье...» / Ю. Георгиев // Тихоокеанская звезда. – 1989. – 13 мая. – С. 2.
14. Гурьянов, В. Тернистая дорога / В. Гурьянов // Охотско-эвенская правда. – 1992. – 11 апр. – С. 1.
15. Лебедева, Ж.К. Некоторые черты материальной и духовной культуры аркинских эвенов / Ж.К. Лебедева // Советская этнография. – 1971. – № 5. – С. 103–107.
16. Муниципальный архив Николаевского района. – Ф. 12. – Оп. 3. – Д. 15.
17. Муниципальный архив Николаевского района. – Ф. 276. – Оп. 1. – Д. 2.
18. Муниципальный архив Николаевского района. – Ф. 276. – Оп. 1. – Д. 11.
19. Муниципальный архив Николаевского района. – Ф. 276. – Оп. 1. – Д. 12.
20. Муниципальный архив Николаевского района. – Ф. 276. – Оп. 1. – Д. 14.
21. Муниципальный архив Николаевского района. – Ф. 276. – Оп. 1. – Д. 17.
22. Муниципальный архив Николаевского района. – Ф. 276. – Оп. 1. – Д. 23.
23. Муниципальный архив Николаевского района. – Ф. 276. – Оп. 1. – Д. 34.
24. Муниципальный архив Николаевского района. – Ф. 276. – Оп. 1. – Д. 106.
25. Перминов, Г. Исход (часть 2) / Г. Перминов // Охотско-эвенская правда. – 2005. – 27 дек. – С. 3.
26. Пикалов, Ю.В. Коренные малочисленные народы Дальнего Востока СССР в 1922–1941 гг. Социальное развитие / Ю.В. Пикалов, А.А. Асеев. – 2-е изд. испр. и доп. – Хабаровск: Изд-во ДВГТУ, 2012. – 211 с.
27. Полевые материалы автора, 2008–2014 гг., Охотский район Хабаровского края.
28. Федосенко, Б. «Эх, кочевье...» / Б. Федосенко // Тихоокеанская звезда. – 1989. – 21 февр. – С. 2.
29. Региональное законодательство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.regionz.ru/index.php?ds=1968347> (дата обращения: 24. 03. 2017).

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В ФОКУСЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ

ЛИЧНОСТНЫЕ И ЦЕННОСТНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПАТРИОТИЗМА НА ПРИМЕРЕ МОЛОДЕЖИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ВЛАДИВОСТОКА

О.А. Капцевич

Капцевич Ольга Александровна – аспирантка Санкт-Петербургского государственного университета.

Контактный адрес: kaptsevich_olga@mail.ru

В статье проводится теоретическое осмысление патриотизма с точки зрения политической психологии, предлагается модель психологической структуры феномена в политическом сознании субъекта. Описаны результаты эмпирического исследования феномена, проведенного на выборке молодежи двух городов с применением логистического регрессионного анализа, позволившие выявить значимые личностные и ценностные предикторы субъективной патриотической ориентированности респондентов.

Ключевые слова: патриотизм, политическое сознание, логистический регрессионный анализ, политическая психология.

Современная общественно-политическая жизнь России характеризуется заметной ролью феномена патриотизма, не теряющего своей актуальности на протяжении нескольких последних лет, что обусловливается как объективными обстоятельствами (в особенности значимыми событиями на международной арене в 2014–2015 гг.), так, вероятно, и субъективными психологическими тенденциями (в частности, изменениями в ценностной структуре общественного и политического сознания россиян). Вследствие своей высокой актуальности патриотизм является предметом исследования многих научных дисциплин, рассматриваясь в междисциплинарном контексте с совершенно разных сторон: в качестве идеи, идеологии, установки, исторического феномена, психологического качества и т.д.

Соответственно предложено огромное количество определений и трактовок феномена, акцентирующих самые разные стороны его существования и проявления. В наиболее общем виде патриотизм может быть определен как «нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к отечеству, преданность ему, гордость за его прошлое и настоящее, стремление защищать» интересы Родины [2: с. 48].

В рамках данной работы наиболее значимым представляется психологический «срез» патриотизма, поскольку именно психологические особенности и основания выступают преимущественным субстратом существования патриотизма как объективного феномена (как в виде проявлений в политическом поведении граждан страны, так и на уровне политических программ, вообще вектора внутренней государственной политики).

Психологические основы и характеристики патриотизма на данный момент не могут быть квалифицированы как достаточно полно изученные. Более того, психологическая наука, на наш взгляд, не уделяет достаточного внимания изучению феномена, в то время как именно эмпирическое психологическое исследование может позволить приблизиться к пониманию важнейших аспектов патриотизма, открывая широкие возможности для практической работы в направлении его развития. Одной из сторон данной проблемы является разногласие исследователей и отсутствие единого понимания психологической сущности рассматриваемого феномена.

В рамках политической психологии наиболее эвристичным представляется рассмотрение и исследование патриотизма в качестве элемента политического сознания россиян, имеющего сложную психологическую структуру, включающую несколько основных составляющих. Целесообразным представляется использование структурного подхода как основы теоретического и эмпирического исследования психологической сущности феномена. В частности, субъект-объектная парадигма, успешно используемая исследователями патриотизма [3; 5], позволяет организовывать процесс исследования и упорядочивать его результаты на трех уровнях существования феномена: на уровне субъекта, объекта и собственно патриотического отношения субъекта к объекту. Соответственно на уровне субъекта могут быть исследованы личностные предпосылки и детерминанты проявления патриотического отношения и его характеристик, на уровне объекта – ценностные составляющие субъективного «образа страны» как объекта ценностно-патриотического отношения, и на уровне отношения – возможные сферы проявле-

ния патриотизма, имеющие отношение к тем или иным сферам личности.

В данной статье остановимся подробнее на таком уровне существования патриотизма, как его субъект, и исследуем личностные и ценностные предпосылки патриотической ориентированности россиян на примере жителей двух городов: Санкт-Петербурга и Владивостока.

В качестве субъекта патриотического отношения может выступать как отдельная личность, так и группа, общество, даже нация [7] в целом. Характеризуя субъект патриотического отношения, исследователи нередко используют понятие патриотических качеств личности – «устойчивых состояний сознания, чувств, действий, ценностных оснований деятельности» [2: с. 99], определяющих патриотическое отношение личности. Субъект патриотического отношения также характеризуется через ряд «ценностей-качеств» [12] как «устойчивых элементов морального сознания и повседневного поведения личности» [12: с. 83]. Личностный уровень патриотизма определяется, в том числе, как «характеристика человека, выражающаяся в его мировоззрении, нравственных идеалах, нормах поведения... в поступках и в деятельности» [8]. Отметим, что перечисленные представления, основанные на теоретических исследованиях, не дают информации о конкретных личностных качествах, детерминирующих патриотическую ориентированность личности. В то же время психологические исследования личностных предпосылок патриотизма являются малочисленными [13: с. 20].

Представляется очевидным утверждение, что патриотизм, являясь широко распространенным в современном российском обществе (по результатам опросов ВЦИОМ за 2014 г., 81 % опрошенных россиян считают себя патриотами своей страны [16]), включает настолько разнообразные группы населения страны, что не может быть охарактеризован посредством тех или иных конкретных психологических особенностей, предопределяющих патриотический выбор или иначе с ним связанных. Однако реалистичной представляется задача выявления личностных предпосылок патриотической ориентированности определенных категорий населения, поскольку подобные данные могут способствовать выработке понимания психологических основ и, возможно, целей патриотической идентификации тех или иных категорий граждан.

Исследование личностных коррелятов патриотизма производилось на выборке численностью 151 респондент, из которых 69 – представители Санкт-Петербурга, 82 – Владивостока (табл. 1).

Возрастные границы выборки – от 18 до 35 лет. Поскольку в «Основах государственной молодеж-

ной политики Российской Федерации на период до 2025 года» возрастными рамками от 14 до 30 лет, «а в некоторых случаях, определенных нормативными правовыми актами Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, – до 35 и более лет...» [14] определяется категория «молодежь», исследуемая выборка может быть отнесена именно к данной категории.

Таблица 1

**Структура выборки исследования
(в процентном отношении)**

Категория респондентов		Всего	Санкт-Петербург (45,7 %)	Владивосток (54,3 %)
Род деятельности	Учащиеся в вузах	74,8	71	78
	Работающие	25,2	29	22
Пол	Мужчины	45,7	56,5	36,6
	Женщины	54,3	43,5	63,4

В качестве гипотезы выступило предположение о существовании личностных и ценностных характеристик, связанных с патриотической ориентированностью и могущих выступать ее предикторами.

Методики исследования представлены, во-первых, личностным тестом FPI (Фрайбургский многофакторный личностный опросник, форма «В»), во-вторых – ценностным опросником Ш. Шварца, позволяющим изучить ценности личности на уровне «нормативных идеалов» и «личностных приоритетов». В-третьих, испытуемым было предложено ответить на закрытый вопрос: «Считаете ли Вы себя патриотом своей страны (России)?» (два варианта ответа: «да» и «нет»), а также указать свой возраст и гендерную принадлежность.

Таким образом, в рамках настоящего исследования операционализация патриотизма как феномена политического сознания акцентирует прежде всего его сознательный «срез», т.е. в качестве зависимой переменной в исследовании выступала декларируемая патриотическая ориентированность, соответствующая ответам респондентов на вопрос: «Считаете ли Вы себя патриотом своей страны (России)?».

Подобная операционализация, основанная на вербальном самоотчете испытуемых, помимо ее минусов (в частности, эффектов социальной желательности), имеет некоторые неоспоримые плюсы, позволяя исследовать субъективное представление респондентов о собственной «патриотичности».

Для полученной зависимой переменной – декларируемой патриотической ориентированности – была построена регрессионная модель, в которую в качестве независимых переменных (потенциальных предикторов) были включены личностные и ценностные характеристики респондентов.

В ходе статистической обработки был применен метод *логистического регрессионного анализа* как наиболее оптимальный для исследования влияния количественных и категориальных переменных-предикторов на зависимую номинальную (дихотомическую) переменную [11]. Обработка данных производилась в программе IBM SPSS Statistics 21.

В целях достижения наибольшей достоверности регрессионной модели количество независимых переменных было подвергнуто сокращению с помощью факторного анализа с варимакс-вращением. В результате исходное количество переменных теста FPI (равное 12) было сведено к двум факторам («стеничность» и «астеничность»), 20 переменных опросника Ш. Шварца – к восьми. При этом, поскольку ценностный опросник состоит из двух частей, исследующих ценности на уровне «нормативных идеалов» и «личностных приоритетов» (исходное количество переменных – по 10 для каждой части), факторизация была проведена в два этапа: для каждой из частей в отдельности, что позволило получить три фактора на уровне «нормативных идеалов»: «открытость изменениям», «консерватизм» и «самовозвышение»; два фактора («достижения» и «консерватизм») и одну стандартизованную переменную («универсализм») – на уровне «личностных приоритетов».

Таким образом, регрессионный анализ проводился с использованием десяти независимых переменных: девяти метрических (полученные факторы по тесту FPI и опроснику Ш. Шварца, а также возраст респондентов) и переменной «пол», включенной в модель в качестве категориальной (табл. 2).

Итоговая регрессионная модель позволяет корректно предсказывать 71,5 % значений зависимой переменной, т.е. значения, которые принимает зависимая переменная «декларируемая патриотическая ориентированность» могут быть с достаточно большой вероятностью спрогнозированы по значениям независимых переменных.

Как видно из табл. 2, конечная модель включает шесть переменных-предикторов, позволяющих достоверно прогнозировать патриотическую ориентированность респондентов: «возраст», фактор

«стеничность» теста FPI, факторы ценностного опросника Ш. Шварца: «открытость» и «самовозвышение» на уровне «нормативных идеалов», «консерватизм» и переменная «универсализм» на уровне «личностных приоритетов».

Однако только три переменные характеризуются достаточно высоким уровнем значимости показателя статистики Вальда: фактор «стеничность» теста FPI, фактор «консерватизм» на уровне личностных приоритетов ценностного опросника Ш. Шварца и стандартизованная переменная «универсализм» на уровне личностных приоритетов ценностного опросника Ш. Шварца. Охарактеризуем их подробнее.

Наиболее значимым предиктором декларируемой патриотической ориентированности респондентов, исходя из модели, является фактор «консерватизм». Данный фактор включает такие исходные шкалы ценностного опросника Ш. Шварца, как «конформность», «традиции» и «безопасность».

Ценностный тип «конформность» Ш. Шварц характеризует через такие ценности, как послушание, вежливость, самодисциплина, уважение родителей и старших [18]. Ценности «традиции» связаны с такими мотивационными целями, как «...уважение, принятие обычаев и идей, которые существуют в культуре (уважение традиций, смирение, ... умеренность) и следование им» [4: с. 28]. Определяющей мотивационной целью типа «безопасность» выступает «безопасность для других людей и себя, гармония, стабильность общества и взаимоотношений» [4: с. 30].

Таким образом, данный фактор объединяет такие ценностные качества личности, как ведущая роль социального окружения и социальных норм, высокая важность культурных традиций и следование им. Причем представленность ценности консерватизма на уровне «личностных приоритетов» указывает на существование тенденции к воплощению присущих ей мотивационных целей в личной деятельности респондентов (в противоположность ценностям, измеренным методикой Ш. Шварца на уровне «нормативных идеалов», существующих в виде нормативных представлений, которые могут не получать выражения в поведении субъекта).

Таблица 2

**Переменные в уравнении регрессии
для зависимой переменной «декларируемая патриотическая ориентированность»**

Переменные в уравнении		В	Стд. ошибка	Вальд	Ст. св.	Знач.	Exp(B)
Шаг 7 ^a	Возраст	,102	,054	3,527	1	,060	1,107
	FAC1_FPI_стеничность	,461	,227	4,135	1	,042	1,585
	FAC1_Schwartz_открытость_нормативные_идеалы	,481	,247	3,780	1	,052	1,618
	FAC3_Schwartz_самовозвышение_нормативные_идеалы	,371	,211	3,081	1	,079	1,449
	FAC1_Schwartz_консерватизм_лич_приоритеты	-,756	,276	7,495	1	,006	,469
	Z_Schwartz_УНИВЕРСАЛИЗМ_лич_приоритеты	,528	,238	4,948	1	,026	1,696
	Константа	-1,437	1,175	1,496	1	,221	,238

Отрицательное значение бета-коэффициента для данного предиктора указывает на обратную зависимость: *высокие оценки по фактору «консерватизм» указывают на меньшую вероятность субъективного обозначения себя респондентом как патриота своей страны (России).*

Таким образом, можно с высокой вероятностью прогнозировать, что лица, преимущественно руководствующиеся социальными нормами в своем поведении и мышлении, соблюдающие и ценящие традиции, в наименьшей степени склонны считать себя патриотами страны.

Подобная тенденция на первый взгляд представляется довольно неожиданной, поскольку идет вразрез с распространенными представлениями о связанности патриотизма именно с традиционными, консервативными, «охранительными» ценностями [1; 9; 10]. Однако выявленный факт может быть интерпретирован как показатель связи патриотической ориентированности респондентов с важностью для них таких ценностей, как независимость от социального окружения, самостоятельность, в частности – отсутствие внешнего принуждения в выборе собственных политических ценностей, установок и политического поведения. Таким образом, обнаруженная тенденция, вероятно, является показателем того, что лица, считающие себя патриотами, не склонны воспринимать собственную патриотическую идентификацию как навязанную извне, но скорее считают ее результатом собственного свободного выбора. Однако данный факт, имея отношение к субъективному восприятию респондентов, не означает, что патриотизм как ценностная ориентация не был усвоен ими из социального, культурного окружения.

Следующим значимым предиктором декларируемой патриотической ориентированности выступает ценность «универсализма» на уровне «личностных приоритетов». Данный ценностный тип трактуется Ш. Шварцем через важность для личности терпимости, благополучия во всемирном масштабе [17] (имеющие тенденцию к воплощению в поведении личности). Таким образом, субъективная характеристика респондентами себя как патриотов может быть спрогнозирована по таким присущим им «ценностям-качествам» [12], как *терпимость, стремление к миру и созиданию.*

Подобный вывод, также во многом противоречащий стереотипным представлениям о патриотизме как относительно более узком феномене в сравнении с космополитизмом [6] (для которого считаются свойственными более широкие цели, в частности, стремление к общемировому благополучию), вероятно, в действительности может указывать на *отсутствие агрессивных тенденций в психологических*

основаниях патриотизма респондентов. Терпимость, стремление к миру может указывать также на *толерантность* как характеристику патриотического отношения лиц, считающих себя патриотами страны, что представляется крайне значимым в условиях российской многонациональности.

Еще один значимый предиктор патриотической ориентированности респондентов – фактор «стеночность», включающий такие личностные характеристики, определенные с помощью теста FPI, как маскулинизм, экстраверсия, общительность, уравновешенность.

Полнос маскулинизма в шкале теста «маскулинизм – феминизм» указывает на «протекание психической деятельности преимущественно по мужскому типу» [15: с. 263], на выраженность таких качеств, как *смелость, соревновательность, готовность к риску, предприимчивость, практичность, реалистичность, а также отсутствие склонности к самоанализу и рефлексии, гедонизм.* Выраженность полюса «экстраверсия» (в шкале «экстраверсия – интроверсия») подразумевает свойственность личности таких качеств, как *активность, стремление к лидерству и социальному успеху, отсутствие затруднений в общении и установлении социальных контактов.* Шкала «общительность» также указывает на *социальную активность и потребность личности в такой активности, а также на такие качества, как отзывчивость, доброта, эмоциональность, внимательность к людям, легкость установления контактов.*

Таким образом, можно с высокой вероятностью предполагать, что *социально активные, общительные, стремящиеся к лидерству, предприимчивые индивиды в большей степени склонны считать себя патриотами своей страны.* Справедлив и обратный вывод: лица, не характеризующиеся данным набором качеств, вероятнее всего, патриотами России себя не считают.

Подводя общий итог для полученной регрессионной модели, позволившей обнаружить некоторые личностные и ценностные предикторы патриотической ориентированности респондентов, можно сказать, что патриотами своей страны в наибольшей степени склонны себя считать лица, которым свойственны *социальная активность и стремление к лидерству, а также самостоятельность и независимость.* Таким образом, полученные данные позволяют предполагать, что *патриотизм может выступать для молодежи «орудием» достижения социального одобрения и социального статуса, воспринимаемая как социально-одобряемый феномен.* В то же время подобная роль патриотизма для респондентов, вероятно, не связана с проявлением агрессивных тен-

дений, о чем свидетельствует его связь с терпимостью и в целом мирной ориентированностью.

Важным фактом является также обнаруженное отсутствие прогностической силы в отношении патриотической ориентированности у переменных, изначально включенных в регрессионный анализ, но не вошедших в итоговое уравнение регрессии, либо не достигших достаточного уровня значимости.

Во-первых, ни одна из ценностей на уровне «нормативных идеалов» по тесту Ш. Шварца не является предиктором патриотической ориентированности, в то время как ценности уровня «личностных приоритетов» демонстрируют наибольшую прогностическую силу в отношении зависимой переменной.

На данном основании можно предполагать, что *патриотическая ориентированность респондентов может быть спрогнозирована преимущественно по ценностям, воплощаемым в поведении*, поскольку именно ценности на уровне «личностных приоритетов» имеют тенденцию к реализации в поведении.

Во-вторых, не обнаружили связи с патриотической ориентированностью респондентов такие их личностные характеристики (выявленные тестом FPI), как раздражительность, эмоциональная лабильность, депрессивность, спонтанная агрессивность, невротичность (объединенные фактором «астеничность»). Таким образом, *лица, характеризующиеся эмоциональной неустойчивостью и недостаточно выраженной способностью к самообладанию, вероятно, не склонны считать себя патриотами своей страны*.

И в-третьих, патриотическая ориентированность респондентов не обнаружила связи с возрастом (в модели данная переменная характеризуется недостаточным уровнем значимости) и полом, что может свидетельствовать об *отсутствии возрастных и гендерных различий в декларировании собственной патриотической ориентированности респондентами* (однако лишь в пределах исследованной возрастной категории молодежи).

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить связь патриотической ориентированности респондентов с такими личностными характеристиками, как социальная активность, стремление к лидерству, и с такими ценностями, как самостоятельность и независимость, а также терпимость, стремление к благополучию в мировом масштабе. Полученные данные позволяют предполагать, что для молодежи Санкт-Петербурга и Владивостока патриотизм является позитивной ценностью и воспринимается ими как социально одобряемый феномен, вследствие чего его в большей степени склонны демонстрировать лица, стремящиеся к социальному одобрению и доминированию.

Полученные в ходе исследования результаты дают возможность приблизиться к пониманию психологических оснований современного российского патриотизма (на примере исследованной молодежи), что представляет существенную значимость в условиях крайне малого внимания психологической науки к патриотизму – одному из наиболее актуальных явлений современной российской действительности, требующему комплексного и детального психологического исследования. Выводы исследования могут представлять существенную практическую пользу в рамках разработки и осуществления концепций и программ патриотического воспитания, поскольку позволяют намечать наиболее оптимальные и эффективные пути формирования и развития патриотизма исходя из особенностей и психологических оснований проявления феномена, характерных для исследованной возрастной категории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барабанов, М.В. Партии и многопартийность в современной России: возникновение, основные тенденции развития / М.В. Барабанов. – М. : Изд-во МГОУ, 2011. – 456 с.
2. Вырицков, А.Н. Патриотическое воспитание молодежи в современном российском обществе : моногр. / А.Н. Вырицков, М.Б. Кусмарцев. – Волгоград : НП ИПД «Авторское перо», 2006. – 172 с.
3. Иванова, С.Ю. Патриотизм в культуре современной России : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.13 / Иванова Светлана Юрьевна. – Ставрополь, 2004. – 46 с.
4. Карандашев, В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство / В.Н. Карандашев. – СПб. : Речь, 2004. – 70 с.
5. Карманова, Д.А. Патриотизм как общественное отношение: социально-философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Карманова Дарья Александровна. – Иваново, 2007. – 24 с.
6. Козлов, А.А. Молодые патриоты и граждане новой России: социологический очерк / А.А. Козлов. – СПб. : ОМ-Экспресс, 1999. – 542 с.
7. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России [Электронный ресурс] / Сайт Городского методического центра. – Режим доступа: <http://mosmetod.ru/metodicheskoe-prostranstvo/nachalnaya-shkola/inklyuzivnoe-obrazovanie/fgos/kontseptsiya-dukhovno-nravstvennogo-razvitiya-i-vospitaniya-lichnosti-grazhdanina-rossii.html>
8. Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации [Электронный ресурс] / Официальный сайт государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы». – Режим доступа: <http://www.gospatriotprogramma.ru/the-concept-of-patriotic-education-is-the-basis-of-the-state-program-/the-concept-of-patriotic-education-of-citizens-of-the-russian-federation.php/the-concept-of-patriotic-education-is-the-basis-of-the-state-program/>
9. Креативный класс – это фикция [Электронный ресурс] / Аналитика экспертов ВЦИОМ. 06.04.2015. Всероссийский центр изучения общественного мнения. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=238&uid=115217>

10. Мантиков, Б.А. Консерватизм в постсоветской России / Б.А. Мантиков // Полития. – 2012. – № 1. – С. 33–54.
11. Наследов, А.Д. SPSS 19: профессиональный статистический анализ данных / А.Д. Наследов. – СПб. : Питер, 2011. – 400 с.
12. Орлов, В.Б. Патриотизм как ценность гражданского общества / В.Б. Орлов, В.И. Лесняк // Вестник Югорского государственного университета. – 2006. – № 3. – С. 80–86.
13. Потемкин, А.В. Национально-психологические особенности проявления патриотизма личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Потемкин Андрей Валерьевич. – Новосибирск, 2009. – 23 с.
14. Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства РФ от 29 нояб. 2014 г. № 2403-р // Сайт Правительства Российской Федерации. – Режим доступа: <http://government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf>
15. Рогов, Е.И. Настольная книга практического психолога : учеб. пособие. В 2 кн. Кн. 1. Система работы психолога с детьми разного возраста / Е.И. Рогов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ВЛАДОС, 1999. – 384 с.
16. Сколько в России патриотов? [Электронный ресурс] / Всероссийский центр изучения общественного мнения. Пресс-выпуск № 2187. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113466>
17. Bilsky, W. Values and personality / W. Bilsky, S.H. Schwartz // European Journal of Personality. – 1994. – № 8. – P. 163–181.
18. Schwartz, S.H. Toward a theory of the universal content and structure of values: Extensions and cross-cultural replications / S.H. Schwartz, W. Bilsky // Journal of Personality and Social Psychology. – 1990. – № 58. – P. 878–891.

ТРАНСПОРТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНЕ (СЕРЕДИНА XVII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX ВЕКА)

М.А. Ковальчук

Ковальчук Михаил Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: history@festu.khv.ru

В статье раскрывается взаимосвязь между транспортным освоением Дальнего Востока, его колонизацией русскими, отношениями между народами региона и укреплением национальной безопасности России на ее дальневосточных рубежах. В качестве индикатора, позволяющего оценить результаты этих процессов, автор выбрал материалы Всероссийской переписи населения 1897 г. и переписи населения СССР 1926 и 1939 гг.

Ключевые слова: транспорт, национальная безопасность, колонизация, национальные отношения, национальная политика, перепись населения, малочисленные народы, народы иностранного происхождения.

Национальная безопасность определяется как способность нации (применительно к нашей стране – россиянам) удовлетворять потребности, необходимые для ее самосохранения, самовоспроизведения и самосовершенствования с минимальным риском для базовых ценностей ее существования [1: с. 60]. Она предполагает наличие государственного суверенитета, т.е. независимость национального государства во внешней политике и его всевластия внутри страны.

Структурно национальная безопасность включает следующие компоненты: государственную безопасность (степень защищенности государства от внешних и внутренних угроз), общественную безопасность (степень защищенности общества и личности), техногенную и экологическую безопасность (защищенность от техногенных катастроф и стихийных бедствий), экономическую безопасность (способность экономики поддерживать достаточный уровень социального, политического и оборонного существования) и др. Этот перечень по мере усложнения общественных отношений будет постоянно увеличиваться. В этой связи как составляющая часть национальной безопасности страны в целом выступает и уровень защищенности от внешних и внутренних угроз отдельных его регионов. Важнейшей составляющей общей безопасности страны является уровень развития транспортных коммуникаций, обеспечивающих, в свою очередь, развитие социальной и экономической сферы.

Среди факторов, характеризующих состояние национальной безопасности той или иной страны, важную роль играет ее геополитическое положение. В этом понятии есть две составляющие, из которых географическое положение страны или региона выступает как постоянный и объективный фактор, а ее внутренняя и внешняя политика – как

субъективный и одновременно переменный фактор. Однако сама по себе политика не есть производ, она должна исходить из тех условий, которые вытекают из объективного местоположения региона на земном шаре. Колонизационная политика России, в отличие от других стран Европы, которые начиная с крестовых походов стремились захватить заморские территории, проходила в виде неуклонного расширения осваиваемого ею пространства. При этом, как правило, если эти пространства были уже заселены, то военные действия были направлены прежде всего не против народов, которые там жили, а против государств, претендовавших на эти территории. В этом случае Россия и русские выступали как более цивилизованные защитники, спасая народы от неминуемого геноцида. Так в состав России добровольно вошли христиане Кавказа (грузины, армяне, осетины), в Средней Азии – казахи, киргизы. Это не исключало вариантов насильственного присоединения тех или иных населенных территорий. При этом Россия ставила для себя цель не допустить на них своих геополитических соперников, обезопасить зону своих экономических и политических интересов.

Появление русских за Уралом в XVII в. было вызвано прежде всего необходимостью покончить с тягостными последствиями господства Золотой Орды, одним из осколков которой являлось Сибирское ханство. Дальнейшее продвижение на восток обуславливалось господством преимущественно феодальной экстенсивной модели развития страны, т.е. за счет вовлечения в хозяйственный оборот все новых и новых необжитых земель. По мере вызревания в недрах феодального общества буржуазного уклада усиливалась и другая мотивация – первопроходцы были героями первоначального накопления капитала. Их добычей было «мягкое золото».

Вслед за первопроходцами устанавливалась на новых землях не только царская администрация, но и продвигались русские крестьяне. Однако как Русский Север, так и Сибирь не знали ни дворянского землевладения, ни крепостного права [см.: 8].

Продвижение на восток было сопряжено со множеством трудностей, среди которых главная – отсутствие развитых транспортных коммуникаций. В Средневековье главными путями сообщения являлись реки. Однако великие сибирские реки Обь, Енисей, Лена протекают в меридиональном направлении, т.е. с юга на север. Сам маршрут продвижения на восток первоначально шел по тайге, богатой пушниной. Центром освоения Дальнего Востока стал Якутск. От него землепроходцы двинулись по трем направлениям: на северо-восток к Чукотке, на юг к водоразделу рек Олекма и Зeya с выходом в бассейн Амура и на восток – через горное плато к Тихому океану. Последний путь был наиболее коротким и, двигаясь на восток, землепроходцы достигли Охотского моря, основав здесь в 1647 г. Охотский острог. К середине XVII в. русские вышли к северным границам Средне- и Центрально-Азиатских степям и Забайкалью, земли которых были пригодны для земледелия, но заселены тюрко- и монголо-язычными народами. Новым направлением проникновения русских на восток стала сухопутная трасса Иркутск – Чита. Первый населенный пункт был связан с Россией Сибирским трактом. Выход к бассейну Амура имел для России стратегическое значение, так как природно-климатические условия позволяли развивать здесь земледелие, а сама река являлась надежной транспортной артерией, протянувшейся с запада на восток от Забайкалья до Тихого океана. Однако закрепиться на достигнутых южных рубежах русским не удалось. Здесь им пришлось столкнуться с более сильным соперником – маньчжурами, приступившими в первой половине XVII в. к завоеванию собственно Китая и стремящимися обезопасить свои тылы с севера. Главные причины поражения русских в Приамурье – отсутствие достаточных ресурсов и надежных путей сообщения между центром России и далекой окраиной [7: с. 77–84].

Потеря Приамурья не остановила продвижение русских на восток. Этому способствовало освоение морского пути из Охотска на Камчатский полуостров, который стал базой для освоения русскими промышленниками пушных богатств Аляски. В 1799 г. была основана Русско-Американская компания (РАК), под управлением которой оказалась первая и единственная заморская колония России. Однако удержать за собой Аляску русским было крайне затруднительно, так как снабжение колонии шло кругосветным морским путем. Несмотря на абсурдность ситуации, такой маршрут

оказался дешевле, чем транспортировка грузов через Сибирь и затем морем из Охотска. Наладить собственное производство продовольствия в достаточных количествах на месте РАК не смогла. Численность русских в колонии не превысила 0,6 тыс. чел. [18: с. 142–143]. Кроме того, здесь было несколько тысяч креолов, т.е. смешанного населения, родившегося от русских промышленников и аборигенов. Проводниками русского влияния были также индейцы, принявшие православие. Однако всего этого было недостаточно, чтобы противостоять мощному натиску со стороны США. Это и предопределило продажу Аляски в 1867 г. Америке.

Крестьянская колонизация играла существенную роль в освоении Сибири и Дальнего Востока. Ввиду обширности, труднопроходимости и суровых условий ее успех зависел не только от настойчивости и трудолюбия русских, но и от их способности наладить контакты с местным аборигенным населением. От них они могли заимствовать навыки проживания в суровых условиях. Советская историография подчеркивала преимущественно мирный характер продвижения русских на восток [см.: 7; 8]. Сейчас появляются публикации, которые ставят под сомнение этот тезис [6]. Не вдаваясь в полемику, отметим только два факта. Ни один народ Сибири и Дальнего Востока не исчез с этнической карты нашей страны, как это произошло с народами Северной и Южной Америки после появления там европейцев. Второй факт – только политикой относительной веротерпимости можно объяснить то обстоятельство, что уже после того как русские оказались в Восточной Сибири, буряты приняли буддизм, а якуты – православие, часть тех и других, а также другие народы остались верны шаманизму.

Вплоть до первой четверти XIX в. политика России по отношению к аборигенам Сибири и Дальнего Востока складывалась стихийно исходя из конкретной ситуации. В ней просматривались следующие компоненты: обложение аборигенов ясаком – налогом пушниной; включение представителей местной родоплеменной знати в состав русской элиты; жесткое подавление любого сопротивления проводимым мероприятиям по эксплуатации местного населения. Принятый в 1822 г. Устав «Об управлении инородцев» с учетом накопившегося исторического опыта и местных особенностей позволил упорядочить управление и сбор податей с народов Сибири и Дальнего Востока, разделив их на бродячих, кочевых и оседлых. В соответствии с этим были созданы инородческие, степные и волостные управы. Все «инородцы» освобождались от рекрутской повинности, а спорные вопросы между ними разрешались на основе обычного права [см.: 7: с. 131–132].

Айгунский (1858 г.) и Пекинский (1860 г.) трактаты между Россией и Китаем оформили включение территории Приамурья и Приморья в состав Российской империи. Таким образом были определены южные границы дальневосточного региона с сопредельными государствами – Кореей и Китаем. В 1867 г. определилась граница между Российской империей и США. Морские границы с Японией были окончательно определены только в 1945 г. по результатам II мировой войны [см.: 15: с. 50–54, 97–98; 16: с. 223].

Определенные трудности были с разграничением двух регионов – Сибири и Дальнего Востока. Первоначально Восточно-Сибирское генерал-губернаторство с центром в г. Иркутске включало Амурскую и Приморскую области. Транспортной коммуникацией, соединявшей два областных центра – Николаевск и Благовещенск между собой, был Амур. Однако в стороне оставалась территория Приморья. Между Иркутском и бассейном Амура пролегал сухопутный путь через Забайкалье, продвижение по которому людей и грузов было затруднительно. В 1884 г. создается Приамурское генерал-губернаторство с центром в Хабаровке (с 1893 г. Хабаровск). По р. Амуру Хабаровск был связан и с Благовещенском, и с Николаевском, а по р. Усури, близ устья которой он расположился, – с главным морским портом на Тихом океане – Владивостоком. Административной границей между Восточно-Сибирским и Приамурским генерал-губернаторствами стал водораздел рек, впадающих в Тихий океан. Исключение касалось только Забайкалья, где находятся истоки Амура – реки Шилка и Аргунь, а основная судоходная река Селенга впадает в озеро Байкал.

Общая площадь Приамурского края составляла около 2,8 млн кв. км, из которых значительная часть приходится на бассейн Амура, который поделен примерно поровну между Россией и Китаем. На материковой части региона выделяют территории Приамурья, Приморья, Охотско-Колымского края, Чукотку. Отдельно находились остров Сахалин и Курилы. Особенность края – растянутая на 15 тыс. км с юга от границы с Кореей до устья Колымы – на севере береговая линия, которую омывают Японское, Охотское, Берингово и Восточно-Сибирское моря. Амур, а также побережья морей изобиловали рыбой. В тундровой зоне Колымы и Чукотки развивалось оленеводство. Естественно, что русские переселенцы тяготели к южным районам Дальнего Востока, где были привычные для них условия для земледелия. Аборигенное население преобладало на севере. Благоприятными для земледелия являются на юге Приамурья Амуро-Зейская равнина, междуречье Биры и Биджана, пойма Амура, а в Приморье – Приханкайская низменность. Изобилующие золотом и другими полезными ископаемыми недра находились в труднодо-

ступных районах севера Приамурья. Сахалин богат нефтью, Приморье – углем [5: с. 229–230]. Однако подземные богатства недр еще предстояло открыть, а их разработка требовала больших средств. Одна из причин слабой заселенности края – не только удаленность от центра страны, но и труднодоступность ввиду слабого развития транспортной инфраструктуры.

Овладение Амуром как основной транспортной артерией продвижения на восток еще до окончательного решения вопроса о границах с Китаем позволило русскому командованию вместе с первым амурским сплавом перебросить воинское подкрепление на Камчатку. Это дало возможность защитникам Петропавловска сбросить морской англо-французский десант в море и тем самым отстоять дальневосточные рубежи Отечества. По Симадскому договору 1855 г. морская российско-японская граница прошла между островами Итуруп и Уруп, а остров Сахалин остался «неразделенным». Однако русские смогли создать на Сахалине постоянные поселения, так как были более приспособлены к суровым климатическим условиям острова. К тому же тогда Россия имела более развитый, чем у Японии, морской флот и могла доставить переселенцев комбинированным – морским и речным – путем с материка на остров. В 1875 г. между двумя государствами произошел «размен» территории: Россия уступила Японии все Курильские острова, а Япония – России весь Сахалин [15: с. 112, 135].

Переселение русских крестьян на Дальний Восток шло из Забайкалья, затем из Сибири, Урала и Центральной России. С открытием в 1869 г. Суэцкого канала, когда существенно сократился морской путь от русских портов Черного моря до Владивостока, большинство переселенцев стали доставляться на морских судах созданного специально для этого морского пароходства «Доброфлот». Если раньше переселенцу из России требовалось 1–3 года изнурительного путешествия через Сибирь, чтобы достичь Дальнего Востока, то теперь морем – не более месяца. Число «морских» переселенцев по сравнению с «сухопутными» увеличилось на порядок – счет шел уже на тысячи человек в год (табл. 1). Большинство из переселявшихся морем – выходцы с Украины, а среди них преобладали этнические украинцы. Приморье – единственный район юга Дальнего Востока, который осваивался совместно русскими и украинцами, в других преобладали русские.

Прокладка Транссибирской железнодорожной магистрали изменила ситуацию. Резко возрос поток переселенцев на территорию русского Дальнего Востока, одновременно Россия включилась в борьбу за раздел ослабевающего Китая, используя железнодорожное строительство как инструмент внешней экспансии.

Таблица 1

**Динамика переселения на Дальний Восток
в 1859–1914 гг., чел. [4: с. 46]**

Годы	Области			Всего
	Забай- кальская	Амурская	Примор- ская	
1859–1864	–	3571	2644	6215
1865–1869	–	3853	1668	5521
1870–1874	–	423	973	1396
1875–1879	–	548	150	698
1880–1884	–	3836	3911	7747
1885–1889	–	6893	9699	16 593
1890–1894	–	10 084	10 522	20 606
1895–1899	380	3585	21 331	24 919
1900–1904	779	18 474	39 720	57 173
1905–1909	5527	43 589	112 920	158 174
1910–1914	5537	53 373	15 237	104 147
Итого	8355	148 229	246 984	403 568

В 1891–1897 гг. была построена Уссурийская железная дорога, соединившая Владивосток и Хабаровск. Однако первый поезд из Европейской России пришёл во Владивосток только в 1903 г., когда была проложена Китайская Восточная железная дорога (КВЖД). Она кратчайшим путем соединяла Забайкалье и Приморье, а для ее строительства имелось достаточное число дешевой китайской рабочей силы. Однако дорога проходила по иностранной территории. Это делало ее уязвимой при осложнении международной обстановки. Потенциально КВЖД могла стать совместным российско-китайским предприятием в интересах развития двух стран. К тому же Харбин – узловой пункт дороги – располагался на Сунгари – китайской реке, входящей в бассейн Амура.

Однако царское правительство, включившись в борьбу за раздел Китая, заключило с ним договор о прокладке Южно-Маньчжурской железной дороги от станции Харбин до Порт-Артура на Ляодунском полуострове, который был передан России в аренду сроком на 36 лет. Более того, царь считал возможным в 1903 г. создать Дальневосточное наместничество с центром в Порт-Артуре. Под его управление переходил Приамурский край вместе с Забайкальем, полоса отчуждения КВЖД и арендованная территория Ляодунского полуострова. Эта «административная» авантюра, не решая проблемы Дальнего Востока, стала одним из поводов военного нападения Японии на Россию [см.: 9: с. 225–237].

Русско-японскую войну Россия проиграла, хотя ее военно-экономический потенциал по большинству параметров (за исключением военно-морского флота) не уступал японскому. Однако, имея развитый морской флот, находясь вблизи театра военных действий, Япония смогла мобилизовать военные ресурсы и своевременно выставить их в Маньчжурии. Пропускной способности Транссибирской ма-

гистральной в критический момент оказалось недостаточно – все важнейшие сражения были проведены русской армией с превосходящим по численности и вооружению противником.

Поражение в войне заставило царизм сосредоточиться на внутренних проблемах. Прежде всего необходимо было завершить постройку Амурской железной дороги, которая соединяла Забайкалье с Приморьем, проходя по территории Амурской области. Железная дорога строилась с 1907 г. и завершилась возведением мостового перехода через р. Амур в 1916 г. Затягивание ввода в строй дороги объясняется тремя факторами: 1) трудностями, вызванными прокладкой полотна в зоне вечной мерзлоты, с чем впервые столкнулись русские инженеры; 2) запретом на использование массовой и дешевой иностранной рабочей силы, главным образом китайцев; 3) кризисом российского общества, выразившемся и в настроениях русских рабочих, не желавших терпеть тяжелые условия труда и произвол подрядчиков в суровой таежной глухомани, и в выступлениях представителей левых партий, включая кадетов, в Госдуме против этого строительства.

Железные дороги позволили увеличить масштабы переселения до 150 тыс. чел. в год, из которых 2/3 направлялись в Приморье, так как прямое сообщение было только между Читой и Владивостоком. Перед Первой мировой часть переселенцев оседает в Забайкалье, которое перестает быть источником для заселения Приамурья и Приморья. Русские превалируют уже среди переселенцев, и на Юге Приморья, и в целом по Дальнему Востоку.

Значительное развитие получает рыбная промышленность региона. Однако на Камчатке в ней преобладал японский капитал, а на Амуре и его лимане – отечественный, так как с установлением прямого железнодорожно-водного сообщения рыбная продукция вышла на рынки европейской России. Развитию отечественной рыбной отрасли на Камчатке и Сахалине мешало отсутствие необходимого количества морского транспортного флота в регионе [10: с. 41, 45]. Тем не менее полуостров после Русско-японской войны остался в составе России, хотя попытки его захватить и предпринимались противником. Однако вновь мужество защитников отечества, среди которых были и представители коренного населения Камчатки, спасло положение.

Острая конкурентная борьба за вывоз маньчжурских зерновых грузов на мировой рынок к портам России и Японии развернулась между японскими и русскими железными дорогами в Маньчжурии. Само появление здесь крупного сельскохозяйственного района, специализировавшегося на производстве сои-бобов, было целиком обусловлено сооружением КВЖД. Важной транспортной артерией стала р. Сунгари, судоходство по которой

было разрешено международными соглашениями исключительно для русских и китайских судов.

Гражданская война приняла на Дальнем Востоке затяжной характер. Сказывались удаленность региона от центральных районов страны, недостаток местных людских и материальных ресурсов, не позволявшие самостоятельно, без помощи из центра, справиться с интервентами. Все эти факторы были обусловлены недостаточным уровнем развития транспортных отраслей, определяющей из которых была железнодорожная. Боевые действия развертывались вокруг узловых железнодорожных станций, а продвижение большой массы войск шло главным образом по стальным путям. Борьба за обладание транспортом на Дальнем Востоке развернулась между тремя силами: сторонниками советской власти, ее противниками и интервентами. Между советскими и антисоветскими силами борьба за транспорт шла вооруженным путем. Таким же образом боролись за коммуникации японские интервенты, а американцы использовали экономические рычаги воздействия, так как экономика США занимала лидирующее положение в мире. Борьба развернулась в Забайкалье, южной части Приамурья и в Приморье, где проходили основные железнодорожные пути. КВЖД изначально оказалась под контролем иностранцев. Постройка Амурской железной дороги накануне бурных событий 1917–1922 гг. сыграла решающую роль в том, что территории Приамурья и Приморья остались в составе Советской России. Морские и речные коммуникации не имели определяющего значения [см.: 10: с. 51–68].

В начале XX в. основой транспортных коммуникаций региона были КВЖД и р. Амур. В 1916 г. начинается эксплуатация Амурской железной дороги. В 1920-х гг. после ее достройки и восстановления разрушенных во время войны мостовых переходов были сняты ограничения на железнодорожные перевозки в регионе. Попытка превратить КВЖД в совместное советско-китайское предприятие после подписания соглашения между СССР и Китаем в 1925 г. не увенчалась успехом – политические соображения взяли верх над экономическими интересами. В ходе конфликта на КВЖД в 1929 г. СССР заставил китайцев восстановить status quo, но участь дороги была предрешена. В 1931 г. Маньчжурия была захвачена японцами, а через четыре года СССР продала КВЖД Маньчжоу-Го – марионеточному государству, подконтрольному Японии [16: с. 79–80].

Значительный урон в ходе Гражданской войны понес водный транспорт. Многие русские речные суда были угнаны бывшими владельцами на Сунгари и проданы китайцам. С 1924 г. китайское правительство запретило русским судам плавание по этой реке. В этой связи основной грузооборот Амурского

бассейна сместился с верхнего и среднего течения Амура к нижнему течению, а центр речного судоходства – из Благовещенска в Хабаровск. Переход к мирной жизни привел к увеличению объемов морских перевозок на Север. Однако нехватка морских судов ввиду их значительных потерь заставила советское правительство широко прибегать к их фрахтованию у зарубежных судовладельцев.

Материалы всероссийской переписи населения 1926 г. позволяют дать объективную картину не только межнациональных отношений на Дальнем Востоке, но и в целом охарактеризовать положение региона. В 1897 г. из 709,7 тыс. чел. населения на Забайкалье приходилось 344, 4 тыс. чел., а на Дальний Восток – 365, 3 тыс. чел., т.е. примерно поровну. За 1897–1926 гг. население Забайкалья и Дальнего Востока увеличилось до 1881,3 тыс. чел., т.е. в 2,5 раза. В 1926 г. на Дальнем Востоке проживало 1291,2 тыс. чел., а в Забайкалье – 590,1 тыс. чел. Таким образом, произошло смещение населения регионов на восток. Большая часть дальневосточников сосредоточилась во Владивостокском округе – 572 тыс. чел. Рост населения северо-восточных округов – Николаевского, Камчатского и Сахалинского – оказался незначительным [2: с. 6].

В 1926 г. русские как государствообразующая нация составляли 62,4 % населения ДВК, а вместе с украинцами и белорусами – 81,3 %. Наиболее сложным по национальному составу был Владивостокский округ, в котором русские составляли 36,7 %, а украинцы 26 %. Не менее 1/3 населения Приморья составляли лица иностранного происхождения – корейцы и китайцы. Корейцы в основном были заняты земледелием, китайцы – сезонными работами в городах. В 1929 г. китайцев насчитывалось в Приморье порядка 118,6 тыс. чел., т.е. 1/5 часть населения. В других районах региона их было по несколько тысяч, и только в Хабаровском округе – 12,3 тыс. чел. [4: с. 35].

Характеризуя 1920-е гг., следует учесть и то обстоятельство, что японские войска ушли с Сахалина в 1925 г., а уже через 6 лет они оккупировали пограничную Маньчжурию. Безусловно, такое количество пришлого населения, многие из которых не имели советского гражданства, таило потенциальную угрозу. Тем не менее положение медленно менялось к лучшему. В 1911 г. китайцы составляли около половины чернорабочих на Уссурийской железной дороге и среди рядового плавсостава на речном транспорте Амура. В 1920-х гг. их доля среди транспортников региона была уже незначительна, так как советская власть ввела равную оплату труда для всех независимо от национальности, что резко снизило привлекательность дешёвого китайского труда [13: с. 35–38; 14: с. 113].

Одно из главных противоречий 1920-х гг. – несоответствие между высокими целями, которые ставили перед народом большевики, и реально низкими результатами их деятельности, пусть даже и по причине объективных обстоятельств. Особенно ярко это проявлялось на примере народов Севера. В 1926 г. они составляли 3,1 % в целом от населения ДВК, но если на юге региона их удельный вес среди населения не превышал доли процента, то в Николаевском округе этот показатель был уже 35 %, а на Камчатке все 77,3 %. Однако перепись населения зафиксировала среди чукчей всего 70 чел. грамотных (0,7 % от общего их числа), среди коряков – 437 (5,8 %), гиляков (нивхов) – 251 (6,1 %) человек. Относительно высок был уровень грамотности среди живших по Амуру рядом с русскими нанайцев – 375 грамотных (7 %) и ульчей – 116 грамотных (16 %). При этом грамотность русских в регионе составляла всего 46,7 %. Это свидетельствовало о низком уровне развития населения уже всего региона [26: с. 8].

Одна из особенностей национальной политики советского государства – наличие определенных теоретических конструкций, которые большевики стремились воплотить в жизнь. В частности, одной из таких установок была «коренизация», т.е. привлечение к управлению лиц коренной национальности и введение в делопроизводство их языка в органах местной власти. Для этого создавались так называемые туземные районные исполнительные комитеты. В южных районах Дальнего Востока, где коренное и русское население жили смешанно, ТузРИКи с их принципом экстерриториальности оказались неэффективны, так как на той же территории существовали «обычные» районные органы советской власти. На севере региона, где коренное население превалировало, создание ТузРИКов стало основой для их объединения в 1930 г. в Корякский и Чукотский автономные округа в составе Камчатской области.

Другая особенность конца 1920-х – 1930-х гг. – внедрение планового начала в управлении. В годы первой пятилетки (1928–1932) Дальневосточный регион стал «валютным цехом» страны. Упор был сделан на развитие сырьевых экспортных отраслей экономики: золотодобывающей, лесной, рыбной, нефтяной. Они обеспечили валютные поступления для строительства индустриальных гигантов в центре страны и на Урале. Для Дальнего Востока это означало ещё и резкое увеличение грузооборота морского флота, так как именно он был занят в экспортных перевозках [10: с. 87].

Второй пятилетний план (1933–1937) был направлен на комплексное развитие восточных регионов с использованием ресурсов всей страны. Большие капитальные вложения были сделаны в

развитие обрабатывающей промышленности и в транспортную инфраструктуру. Благодаря этому к концу пятилетки были уложены вторые пути по основной магистрали Транссиба от ст. Карымская до ст. Ворошилов-Уссурийск протяженностью 2,3 тыс. км. Важное оборонное и экономическое значение имело строительство железнодорожной ветки ст. Волочаевка – Комсомольск-на-Амуре, соединившей новый индустриальный город на востоке с основной железнодорожной магистралью. Принципиально улучшить логистику железнодорожных перевозок могла бы строящаяся Байкало-Амурская магистраль, но завершить ее в предвоенные годы не удалось [12: с. 20].

Дополнительными фактором развития региона стало появление новых видов транспорта: авиационного и автомобильного. Доля авиации в грузовых перевозках не могла быть значительной, но ее социальное значение огромно – она позволяла быстро и сравнительно комфортно доставить пассажиров и почту в самые отдаленные уголки региона. Индустриализация привела к появлению отечественного автопрома, что, в свою очередь, усилило роль автомобильных перевозок. Однако их рост ограничивался отсутствием развитой сети автодорог. Достижением дорожных строителей 1930-х гг. стало введение в строй автомобильной трассы Хабаровск–Владивосток¹.

Подводя итоги развития Дальнего Востока в предвоенные годы, обратимся к материалам Всесоюзной переписи населения, проведенной в 1939 г. (табл. 2). За 1897–1939 гг. население региона возросло до 2,3 млн чел., т.е. в 6,3 раза. При этом если перепись 1926 г. зафиксировало подвижку населения внутри региона из Забайкалья в Амурскую и Приморскую области, т.е. на восток, то перепись 1939 г. – с юга на север. Преимущественное развитие получает по сравнению с Приморьем Хабаровский край, а в нем Нижне-Амурская, Сахалинская и Камчатская области. Во вновь построенном индустриальном городе Комсомольске-на-Амуре накануне Второй мировой войны проживало более 70 тыс. чел. Особенно быстрыми темпами растет население Камчатки – центра рыбной промышленности Хабаровского края. Петропавловск-Камчатский, насчитывавший еще по переписи 1926 г. менее тысячи человек, становится полноценным городом, имеющим 38 тыс. жителей. По уровню

¹ Грунтовая дорога между Хабаровском и Владивостоком до этого прокладывалась дважды. Первый раз, когда строилась Уссурийская железная дорога – параллельно ей была проложена «рабочая» временка, второй – в 1905 г., когда грунтовые пути из стратегических соображений рассматривались как альтернатива железнодорожным. Оба раза дорога в буквальном смысле утонула, т.е. дорожное полотно оказалось ниже уровня земли [см.: 11].

урбанизации Дальний Восток далеко обогнал многие регионы страны. Перед войной доля городского населения здесь составила 49,1 %, тогда как по стране – всего 32,9 %. Таким образом, Дальний Восток уже не был по определению забытой и отсталой окраиной. Удельный вес региона в населении страны увеличился с 0,28 % в 1897 г. до 1,38 % в 1939 г.

Таблица 2

**Сравнительная характеристика
населения СССР и Дальнего Востока**
[2: с. 6; 3: с. 348; 4: с. 35; 17: с. 195]

Регион	Показатель	Годы			
		1897	1913	1926	1939
Россия (СССР)	Все население, млн чел.	124,6	162,9	148,6	170,5
	В том числе городское, млн чел.	18,9	23,3	26,3	56,9
	Уровень урбанизации, %	14,7	14,2	17,9	32,9
Дальний Восток	Все население, млн чел.	0,365	0,933	1,291	2,366
	Доля в населении страны	0,28	0,53	0,87	1,38
	Горожане, млн чел.	0,0835	0,273	0,3606	1,161
	Уровень урбанизации, %	12,7	29,2	27,7	49,1

Дала свои плоды и национальная политика. Русские стали преобладать во всех районах Дальнего Востока как на его юге, так и на севере. В Камчатской области они составляли в целом 75,8 % населения. Однако в национальных округах, входивших в состав области, по-прежнему сохранялась значительная доля коренного населения. Так, в Чукотском национальном округе из 21,5 тыс. чел. взрослого населения русских было 5,2 тыс. чел., чукчей – 12,3 тыс., коряков – 0,3 тыс., эвенов – 0,8 тыс. чел., представителей других народов севера – 2,0 тыс. чел. В Корякском национальном округе из 25,1 тыс. чел. населения русских насчитывалось 13,8 тыс., титульная нация составляла 6,9 тыс. чел., чукчи – 1,3 тыс. чел. Свообразным национальным новообразованием на Дальнем Востоке стала созданная в 1934 г. Еврейская автономная область. Статистика свидетельствует о том, что эксперимент по ее созданию в довоенный период имел шанс на успех. В 1939 г. из 108,9 тыс. чел. населения ЕАО титульная нация насчитывала 17,7 тыс. чел. (16,2 %) [3: с. 384–386].

Социалистическая модернизация не стала причиной деградации ни одной нации, населявшей Дальний Восток. Уровень грамотности населения старше 9 лет вырос до 89,9 % у русских и до 21 % у чукчей и т.д. В 1939 г. более тысячи чукчей в возрасте 9 лет и старше посещали школу, 35 имели среднее образование. Сравнительно низкий показатель грамотности – следствие удаленности и кочевого образа жизни чукчей. Однако успехи в

этой области были очевидны. Среди других коренных народов показатели грамотности были еще выше. Так, среди нанайцев старше 9 лет грамотность достигала 59,6 %, коряков – 51,3 %, эвенов – 45,6 % [3: с. 422, 425].

Тридцатые годы прошлого века – период консолидации малочисленных народов Севера при одновременном изменении их численности. Так, возник единый этноним *нанайцы* (вместо гольдов, самагиров и других более мелких родовых объединений). Численность лиц, идентифицирующих себя с нанайцами, за 1926–1939 гг. возросла с 5,8 тыс. до 6,5 тыс. чел.², удегейцев – с 1357 до 1668 чел., чукчей – с 11 040 до 13 401 чел. Приостановился процесс вымирания коряков, ительменов, нивхов и других народов Севера [2: с. 6; 3: с. 387].

Кардинально и в духе времени был решен вопрос о народах, имеющих иностранное происхождение и массово проживающих на русском Дальнем Востоке. В 1938–1939 гг. большая часть корейцев, имеющих советское гражданство, была выселена в Среднюю Азию, а не имеющих советских паспортов китайцев депортировали на Родину. Перепись населения 1939 г. зафиксировала на Дальнем Востоке всего 5,4 тыс. китайцев и 246 корейцев. Таким образом советские органы безопасности решили проблему «пятой колонны», которую могли бы создать японцы из китайцев и корейцев [3: с. 385–387].

Таким образом, транспортное строительство в регионе вполне коррелируется и с укреплением национальной безопасности, и с проведением национальной политики. Создание транспортной инфраструктуры в условиях огромной протяженности, удаленности и слабой заселенности Дальнего Востока является необходимейшим условием для преодоления его отставания от центральных районов страны. Этот процесс неразрывно связан с гармонизацией межнациональных отношений, главным направлением которой является преодоление отсталости народов Севера и Дальнего Востока. Перед Великой Отечественной войной советский Дальний Восток стал поистине «форпостом социализма», надежно прикрывшим восточные рубежи нашей Родины. В критические дни битвы под Москвой транспортники смогли доставить «све-

² Ввиду сложности идентификации ульчей, которые называли себя, как и нанайцы, «нани», переписчики в 1939 г. и тех, и других приписывали к нанайцам, хотя уже было признано, что существует два близких народа. Об этом свидетельствует факт существования с 1931 г. самостоятельной административной единицы – Ульчского района. Исходя из этого, проживающих в нем «нани» автор причислил к ульчам. В 1926 г. 732 чел. в ДВК называли себя ольчи, а 59 – манеграми. И тех, и других можно условно причислить к ульчам [4: с. 38].

жее» подкрепление из Сибири и Дальнего Востока, чем спасли страну от поражения в войне с фашизмом. Безусловно, роль русских в Великой Победе над врагом – решающая. Но свою достойную лепту в нее внесли все народы СССР, включая и малочисленные этносы Дальнего Востока.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Словарь терминов и определений. – Изд. 2-е. – М.: МГФ «Знание», 1999. – 368 с.
2. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. VII. ДВК. Якутская АССР. Народность. Родной язык. Грамотность. – М.: ЦСУ СССР, 1928. – 259 с.
3. Всесоюзная перепись населения 1937 и 1939 гг. Дальний Восток РСФСР. Основные итоги : сб. док. / сост. С.А. Головин. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2005. – 444 с.
4. ДВК в цифрах : справ. / под ред. Р. Шишлянникова, А. Рясенцева, Г. Мевзоса. – Хабаровск : Книжное дело, 1929.
5. Дальневосточный край в цифрах : справ. / под общ. ред. О.Г. Ира. – Москва-Хабаровск : Дальневосточное краевое изд-во, 1932.
6. Зув, А.С. Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии / А.С. Зув // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1. Культурный космос Евразии. – Новосибирск, 1999. – С. 124–136.
7. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). – М.: Наука, 1990. – 471 с.
8. История Сибири. Т. 2. Сибирь в составе Феодалной России. – Л.: Наука, 1968. – 538 с.
9. Казанцев, В.П. Формирование системы гражданского управления на арендованных российских территориях: полосу отчуждения КВЖД, Квантунская область (середина 90-х годов XIX в. – февраль 1917 г.) / В.П. Казанцев. – СПб.: Росток, 2015. – 416 с.
10. Ковальчук, М.А. История транспорта Дальнего Востока России (вторая половина XX в. – июнь 1941 г.). Кн. 2. Исторические аспекты транспортного освоения региона / М.А. Ковальчук. – Хабаровск, 1997. – 155 с.
11. Ковальчук, М.А. Грунтовые дороги Дальнего Востока России (середина XVII – начало XX в.) / М.А. Ковальчук. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2005. – 165 с.
12. Ковальчук, М.А. Исторический опыт формирования транспортной отрасли Дальнего Востока России (70-е гг. XX в. – июнь 1941 г.) / М.А. Ковальчук. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2003. – 193 с.
13. К рабочему вопросу Приморской области. Отчет Приморского справочного бюро по рабочему вопросу за 1912 г. – Хабаровск, 1913. – 356 с.
14. Материалы по изучению рабочего вопроса в Приамурье. Вып. II. Рабочий рынок Приамурья в 1911 г. Амурская область. – СПб., 1912. – 257 с.
15. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. I. С конца XVI в. до 1917 г. / Л.А. Нарочницкий [и др.]. – М.: Мысль, 1973. – 324 с.
16. Ефимов, Г.В. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. II. С конца XVI в. до 1917 г. / Г.В. Ефимов, А.М. Дубинский ; послесл. Е.М. Жукова. – М.: Мысль, 1973. – 294 с.
17. Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. – СПб.: БЛИЦ, 1995. – 416 с.
18. Федоров, С.В. Русское население Аляски и Калифорнии (конец XVIII – 1867 г.) / С.В. Федоров. – М.: Наука, 1971. – 295 с.

РОЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ РЕГИОНА В РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

М.О. Левадия

Левадия Майя Олеговна – кандидат психологических наук, доцент Приморского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доцент кафедры ГМУ.

Контактный адрес: lemaya@mail.ru

В статье рассматривается проблема низкого уровня у заявителей программы «Дальневосточный гектар» необходимых нормативно-правовых знаний и профессиональных компетенций в области рационального и эффективного использования земель и средств государственной поддержки. Анализируются возможности образовательных учреждений региона в подготовке участников программы, что должно содействовать реализации государственной политики в области освоения дальневосточных территорий.

Ключевые слова: государственная политика развития Дальнего Востока, программа «Дальневосточный гектар», меры социальной поддержки, образовательный центр, консалтинговые услуги.

Дальний Восток занимает 40 % территории Российской Федерации. При этом численность населения составляет лишь 6 %. В целях развития Дальневосточной территории со стороны государства принимается целый ряд мер, одной из которых является программа, получившая в народе название «Дальневосточный гектар». Согласно Федеральному закону «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков...» уже с 1 октября 2016 г. каждый житель ДФО может получить участок в безвозмездное пользование, а через 5 лет – оформить его в собственность [1]. С 1 февраля 2017 г. программа доступна для всех жителей России.

В рамках данного закона осуществляется регулирование земельных, лесных и иных правоотношений, которые связаны с передачей земельных участков, состоящих в собственности у муниципалитета или государства и расположенных в пределах Дальневосточного федерального округа. Основной целью данной программы является привлечение внимания населения к освоению земельных территорий Дальневосточного региона. По опросам ВЦИОМ, заинтересованы в получении участка 20 % россиян, из них 31 % это молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет. 61 % опрошенных дальневосточников считают, что данная программа позволит повысить уровень жизни в регионе [2].

По данным федеральной информационной системы «На Дальний Восток», в ноябре 2016 г. было зарегистрировано свыше 20 тыс. заявок на получение земли, более 800 граждан уже получили участки [3]. Наиболее популярными видами использования земли являются жилищное строительство, сельское хозяйство и рекреационная деятельность (обустройство мест для охоты и рыбалки).

Таким образом, в настоящее время наблюдается востребованность программы предоставления бес-

платных земельных участков одновременно с отсутствием профессиональных знаний и компетенций у заявителей, что впоследствии может явиться риском нерационального и неэффективного использования земель и средств государственной поддержки. Основной причиной, останавливающей людей от получения гектара, является незнание, как его осваивать и элементарных основ ведения хозяйства.

В связи с этим в рамках правительственной программы «Подготовка управленческих кадров в сфере здравоохранения и образования», реализуемой на базе Приморского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, группой директоров и заместителей директоров образовательных учреждений Приморского края и Сахалинской области Митрофановым А.А., Емельяновым С.В., Андрейчук Е.В., Воскобойник О.А., Крикун Ю.В., Яньшиной Т.А., Карасевым И.С., Литвиновой Н.С. под научным руководством автора статьи был разработан проект по созданию образовательного центра содействия реализации государственной политики развития агропромышленного комплекса Сахалинской области. Этот проект является актуальным и имеет практическую значимость не только для Сахалинской области, но и для других территорий Дальнего Востока, участвующих в указанной программе.

Основной идеей проекта является создание в Сахалинской области на базе ГБПОУ «Сахалинский политехнический центр № 2» образовательного центра по подготовке участников программы «Дальневосточный гектар» для повышения профессиональных навыков и нормативно-правовых знаний, что будет способствовать реализации государственной политики в области освоения дальневосточных территорий.

Сахалинский политехнический центр № 2 (далее – СПЦ № 2) находится в пгт. Тымовский Сахалинской области. Именно этот район на Сахалине был выбран в качестве пилотной территории, где с 1 июня 2016 г. начала действовать программа «Дальневосточный гектар». Сахалинская область не является аграрной, но исторически коренное население всегда обеспечивало себя продовольствием. Полученный гектар можно использовать также под птицеводство, пчеловодство, выращивание грибов и пряно-ароматических растений, другие виды агробизнеса, рекреационную деятельность.

Планируется, что созданный центр будет предоставлять два вида услуг: образовательные и консалтинговые. Первые заключаются в предоставлении программ дополнительной подготовки и переподготовки для всех категорий слушателей, а также в повышении квалификации целевых групп. Консалтинг представляет собой спектр информационных, юридических, методических и сопроводительных услуг для участников государственной программы «Дальневосточный гектар».

На первом этапе разработки проекта был проведен анализ рынка дополнительных образовательных услуг в Российской Федерации, направленных на удовлетворение потребностей в повышении профессиональных навыков и нормативно-правовых знаний в сфере рационального использования земель и получения мер государственной поддержки.

Анализ показал, что данный вид образовательных услуг широко представлен в европейской части России. Так, например, ФГБОУ ВПО «Донской государственный аграрный университет» в г. Новочеркасске предлагает краткосрочные курсы повышения квалификации по теме: «Организация крестьянского (фермерского) хозяйства». Категория слушателей: главы крестьянских (фермерских) хозяйств (КФХ) – претенденты на получение гранта, представители личных подсобных хозяйств (ЛПХ). В программу включены вопросы организации предпринимательской деятельности КФХ, их регистрация, нормативно-правовое регулирование деятельности КФХ и ЛПХ, особенности земельных отношений, выбор режима налогообложения, оформление трудовых отношений, ветеринарно-санитарное обеспечение и др.

Федеральный центр сельскохозяйственного консультирования (г. Москва) за счет средств федерального бюджета реализует программу повышения квалификации «Создание и эффективное функционирование КФХ и семейных животноводческих ферм» (72 часа). В процессе обучения слушатели получают знания по вопросам юридического обеспечения, создания и функционирования КФХ и других малых форм хозяйствования, предоставления земель для осуществления предпринима-

тельской деятельности, разработки бизнес-планов и технико-экономического обоснования проектов развития сельскохозяйственного производства для малых форм хозяйствования, получения кредитных средств, по формам и механизмам государственной поддержки начинающих фермеров, применению Интернет-технологий в процессе деятельности начинающих фермеров, по вопросам диверсификации деятельности фермерского хозяйства.

Во многих регионах Российской Федерации проводятся однодневные семинары для начинающих фермеров, глав КФХ, владельцев ЛПХ. Такие мероприятия носят единовременный и несистемный характер, не охватывают всей целевой аудитории и не всегда удобны для потребителей в связи с невозможностью очного посещения. Кроме того, образовательные учреждения не оказывают консультационных услуг по наиболее актуальным вопросам развития малых форм хозяйствования и предоставления им мер государственной поддержки.

Таким образом, проведенный маркетинговый анализ позволяет сделать следующие выводы: в настоящее время на Сахалине, где уже действует программа «Дальневосточный гектар», данные услуги являются востребованными, но не представлены в образовательных учреждениях Сахалинской области. Что еще раз подтверждает актуальность создания подобного образовательного центра.

Необходимым условием эффективной работы создаваемого образовательного центра является организованный поток слушателей и участников программы, формирование которого определяется такими факторами, как потребность населения в образовательных и консалтинговых услугах, наличие документов, определяющих порядок работы центра, доступность услуг населению. Проведенные исследования выявили, что для удовлетворения потребностей жителей Сахалинской области в данных видах услуг сформирован государственный заказ со стороны Министерства сельского хозяйства Сахалинской области. В качестве одной из мер социальной поддержки участники государственной программы «Дальневосточный гектар» смогут пройти соответствующее обучение на безвозмездной основе, на что уже заложены бюджетные средства.

Также жители Сахалинской области, самостоятельно обращаясь в Центр занятости населения, смогут в образовательном центре получить новую профессию, пройдя переподготовку. А студентам СПЦ № 2 в период их основного обучения будет предлагаться освоить дополнительные компетенции для дальнейшего трудоустройства в агропромышленном секторе и принятия участия в государственной программе «Дальневосточный гектар». Помимо этого, планируется заключение договоров на оказание возмездных образовательных услуг в коммерче-

ских группах при самостоятельном обращении заинтересованных граждан в центр. Доступность данных образовательных услуг распространяется большей частью на жителей Сахалинской области, однако дистанционная форма обучения будет доступна для жителей всего Дальнего Востока.

Таким образом, аудиторией образовательного центра, созданного как подразделение СПЦ № 2, будут являться: слушатели целевых групп, студенты и выпускники СПЦ № 2, слушатели коммерческих групп.

Распространение информации о деятельности образовательного центра планируется через сайт СПЦ № 2, Центр занятости, средства массовой информации, сайты администраций муниципальных образований Сахалинской области.

При организации образовательного центра планируется введение одной новой штатной единицы – руководителя образовательного центра, который будет координировать работу центра, определять взаимодействие между органами исполнительной власти, слушателями и преподавателями. В педагогический состав будут включены действующие преподаватели СПЦ № 2, а также привлеченные практикующие и узкие специалисты. Для оптимальной работы центра необходимо участие действующего технического персонала. Преимущество создания центра на базе действующего образовательного учреждения заключается в том, что отсутствует необходимость в привлечении большого количества новых специалистов, что уменьшит затраты на фонд оплаты труда.

Являясь структурным подразделением СПЦ № 2, образовательный центр сможет использовать его материально-техническую базу: учебные классы с мультимедийным оборудованием; учебно-производственную мастерскую сельхозмашин (трактор, картофелекопатель, комбайн, культиватор, косилка, пресс-подборщик и др.).

Также после поиска социальных партнеров и привлечения их к совместной деятельности планируется использовать материально-техническую базу сельхозтоваропроизводителей Сахалинской области.

Деятельность образовательного центра будет возможна на основании следующих нормативно-правовых актов:

– Федерального закона от 29.12.2013 г. № 273-ФЗ «Об образовании в РФ»;

– Федерального закона от 22.04.2016 г. № 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков...»;

– постановления Правительства РФ от 15.08.2013 г. № 706 «Об утверждении Правил оказания платных образовательных услуг»;

– постановления Правительства РФ от 14.07.2012 г. № 717 «Об утверждении Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы»;

– постановления Правительства Сахалинской области от 06.08.2013 г. № 427 «Об утверждении Государственной программы Сахалинской области "Развитие в Сахалинской области сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2014–2020 годы"»;

– постановления Правительства Сахалинской области от 17.03.2016 г. № 110 «Об утверждении Порядков предоставления субсидий на поддержку и развитие сельского хозяйства Сахалинской области»;

– постановления Правительства Сахалинской области от 05.04.2013 г. № 166 «Об утверждении Государственной программы Сахалинской области "Содействие занятости населения Сахалинской области на 2014–2020 годы"».

В качестве источников финансирования проекта предусмотрены: средства бюджета Сахалинской области по государственным программам и средства бюджета СПЦ № 2. Разработанный финансовый план деятельности центра выявил, что в качестве основного инвестора выступит государство, а конкретно Министерство сельского хозяйства Сахалинской области с запланированным объемом средств на два следующих года. Также предполагаются доходы, полученные от оказания платных услуг. Расчет эффективности проекта показал, что рентабельность оказания услуг в год составит 39,1 %, а срок окупаемости проекта – 9 месяцев с момента начала работы образовательного центра.

Для выявления слабых и сильных сторон проекта, а также угроз и возможностей, которые может нести в себе внешняя среда, был применен SWOT-анализ.

К сильным сторонам данного проекта относятся: наличие государственного заказа на данную образовательную программу, наличие развитой материально-технической базы СПЦ № 2, опытные преподаватели по основным модулям программы (бухучет, налогообложение, основы юриспруденции), возможность предоставления дистанционных форм обучения, использование консалтинг-технологий в процессе обучения.

Слабыми сторонами проекта являются следующие факторы: дефицит педагогического состава узкой специализации (пчеловодство, грибоводство, растениеводство и др.), отсутствие обобщенного опыта по предоставлению таких образовательных и консалтинговых услуг.

В случае успешной реализации проекта для образовательного учреждения становится возможным внедрение новейших технологий производства,

Таблица

Управление рисками

Риски	Содержание	Мероприятия по устранению
Политические	Изменение сроков и параметров реализации программы	Корректировка маркетинговой политики
Экономические	Снижение бюджетного финансирования Снижение платежеспособности населения Появление конкуренции	Привлечение на обучение альтернативной целевой аудитории Снижение стоимости услуг Совершенствование методов и форм качественного изменения структуры предоставляемых услуг
Социальные	Отсутствие мотивации к соответствующему виду деятельности	Пропаганда положительных результатов через СМИ Информационное взаимодействие с органами местного самоуправления и центрами занятости
Технологические	Опережающее развитие технологий агропромышленного комплекса	Мониторинг современных технологий Профессиональная подготовка кадров и повышение квалификации Создание резервного Интернет-канала

охват большего количества населения, увеличение внебюджетных доходов учреждения, организация занятости населения, повышение рейтинга образовательного учреждения.

Угрозы – это события, наступление которых может оказать неблагоприятное воздействие на проект. К ним относятся: снижение объема мер государственной поддержки, появление конкуренции, которая может возникнуть после успешного старта проекта, а также потенциальный отказ населения в связи со снижением мотивации в приобретении знаний.

Для выявления внешнего окружения проекта и выделения наиболее важных влияющих факторов был произведен PEST-анализ.

Р – политическая среда: наличие программы развития Дальнего Востока, введение в действие федеральных законов, способствующих реализации данного проекта, высокий уровень государственной поддержки населения и различных форм бизнеса в Сахалинской области.

Е – экономический фактор: общая экономическая ситуация в области, бюджетное финансирование на исполнение госзаказа по обучению участников программы, доходы населения и уровень безработицы.

Таким образом, перечисленные политические и экономические факторы внешней среды показывают тесную связь с органами исполнительной и законодательной власти, которая носит благоприятный характер, поскольку заключается в большом объеме мер государственной поддержки. Однако при его сокращении может вызвать риск увеличения срока окупаемости проекта.

С – социальный фактор: приток населения за счет миграции, повышение престижности рабочих профессий и репутации СПЦ № 2, содействие трудоустройству его выпускников.

Т – технологический фактор: возможность использования новых технологий и инноваций, развитие материальной базы СПЦ № 2 для обучения, наличие кадров, способных использовать технологии, наличие сети социальных партнеров.

Перечисленные социальные и технологические факторы внешней среды могут повлиять на увеличение сроков реализации проекта, сокращение структуры центра и малую его посещаемость, что может привести к его нерентабельности.

Для успешного внедрения проекта необходимо определить и учесть степень рисков и предусмотреть возможности управлять ими. Выявленные в настоящем проекте риски позволяют внести коррективы и конкретные изменения в систему управления проектом на управленческом, организационном и мотивационном уровнях (таблица).

В силу того, что Сахалинская область никогда не являлась аграрной, рассмотрен социальный риск – отсутствие мотивации к соответствующему виду деятельности. И для его устранения необходимо совместно с органами исполнительной власти вести пропаганду положительных результатов через публикации в СМИ и повышение престижа рабочих профессий.

В ходе реализации проекта ожидаются следующие результаты.

Количество обученных представителей малых форм хозяйствования и участников программы «Дальневосточный гектар» – 250 человек.

Доля самозанятых выпускников образовательного учреждения в малых формах хозяйствования – 25 %.

Увеличение числа обратившихся за получением средств господдержки для малых форм хозяйствования на 25 %.

Ожидаемые эффекты:

– повышение качества образования, имиджа и конкурентоспособности образовательного учреждения, сохранение и увеличение контингента ГБПОУ «Сахалинский политехнический центр № 2» пгт. Тымовское;

– популяризация программы «Дальневосточный гектар» и рост числа участников программы «Дальневосточный гектар» в Сахалинской области;

– увеличение на рынке Сахалинской области доли продукции местных товаропроизводителей,

повышение ее качества и снижение стоимости, увеличение налоговых поступлений;

– увеличение доли занятого населения в малых формах хозяйствования и закрепление населения в Сахалинской области.

Таким образом, на основании анализа ожидаемых результатов можно сделать вывод об эффективности предлагаемого проекта создания образовательного центра содействия реализации государственной политики развития агропромышленного комплекса Сахалинской области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон [принят Гос. Думой 22.04.2016 г. № 119-ФЗ] // СПС «Гарант».

2. Всероссийский центр изучения общественного мнения [Электронный ресурс]: – Режим доступа : <http://wciom.ru>. (дата обращения: 22.10.2016).

3. Федеральная информационная система «На Дальний Восток» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://надальнийвостокрф> (дата обращения: 28.11.2016).

ОТНОШЕНИЕ РОССИЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ИНСТИТУТУ ВЫБОРОВ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ Г. ВЛАДИВОСТОКА)

Е.Б. Марин

Марин Егор Борисович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин Морского государственного университета им. адм. Г.И. Невельского (г. Владивосток).

Контактный адрес: egor-marin@yandex.ru

В статье описаны основные результаты эмпирического исследования, проведенного автором в 2015 г. для изучения такого компонента общественного сознания, как отношение к институту выборов в России.

Рассмотрены такие показатели электоральной культуры студенчества, как мотивация участия и абсентеизма, уровень электоральной активности студентов, представление о необходимости института выборов.

Как показано в статье, общий уровень интереса к выборам, продемонстрированный студенческой молодежью Владивостока, оказался намного ниже, чем общероссийские показатели, выявленные в ходе опросов 2011–2012 гг.

Ключевые слова: студенческая молодежь, выборы, президентские выборы, отношение к выборам, электоральная культура, электоральное поведение, электоральная культура Владивостока.

Настоящая статья содержит описание основных результатов эмпирического исследования, проведенного автором в 2015 г. для изучения такого компонента общественного сознания, как отношение к институту выборов в России.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в последние годы наметился целый ряд новых черт в избирательной и партийной системах Российской Федерации.

Во-первых, начался новый этап преобразования российской избирательной системы. Произошел (в ряде регионов) переход к выборам руководителей субъектов Федерации прямым голосованием жителей регионов, изменился порядок формирования Центральной и региональных избирательных комиссий с участием представителей политических партий, произошло внедрение новых избирательных процедур, применяемых на выборах высших должностных лиц субъектов Российской Федерации [29].

Во-вторых, после выборов в Государственную Думу 2011 г. активизировался процесс изменения партийной системы России. Изменились требования, предъявляемые к регистрации политических партий. Начался процесс обновления партийной системы.

В-третьих, в 2011 г. начинается новая волна общественной активности в России. Оживилось протестное движение.

Таким образом, в последние годы наметились новые черты и явления в российской политике, прежде всего касающиеся избирательной и партийной систем, появились новые возможности влияния на политику. Развитие российского государства и функционирование демократических институтов нуждаются в политическом участии населения, в

том числе молодежи. Однако активность и заинтересованность российской молодежи нередко находится на низком уровне, что вступает в противоречие с потребностями общества в развитии и характеристиками демократической модели государства.

Между тем электоральные установки российской студенческой молодежи остаются мало изученными. Это касается и отношения к выборам вообще, и заинтересованности в выборах разного уровня, и тех или иных механизмах и инструментах электорального участия. С целью разобраться в отношении молодежи российского Дальнего Востока к выборам и их различным аспектам и было предпринято данное исследование.

Теоретические аспекты исследования

В качестве объекта нашего исследования мы избрали студенческую молодежь как образованную и активную социальную группу. Не вызывает сомнения, что будущее российских демократических институтов во многом зависит от молодежи. Ее участие и поддержка могут содействовать развитию демократических институтов в стране, а равнодушие и отторжение, напротив, лишит почву.

Предметом изучения стало отношение студенческой молодежи Владивостока к институту выборов в российском государстве. Более широко можно сформулировать предмет как некоторые аспекты электоральной культуры студенческой молодежи. Демократия предполагает участие народа в формировании органов власти, и основным механизмом демократии являются выборы.

Выборы, по определению энциклопедического словаря, – это способ формирования органов государства и местного самоуправления с помощью голосования [40]. Избирательное право является

одной из форм участия граждан в управлении государством.

Выборы также иногда определяются как совокупность правил и приемов, обеспечивающих определенный тип организации политической власти, участие общества в формировании государственных органов власти [35].

Говоря о понятии социального института, можно отметить, что в широком смысле это устойчивый элемент социальной структуры, совокупность учреждений, норм, ценностей, культурных образцов, форм поведения.

Политический институт – закрепленные и зафиксированные юридически или морально нормы организации политической жизни и функционирующие на этой основе организации, учреждения, а также устойчивые традиции, принципы и правила политического поведения, которые характеризуют качество политической системы общества. Институты выступают нормативными регуляторами, формирующими систему конкретного политического поведения и деятельности [33; 35].

Отношение в психологии трактуется как субъективная сторона отражения действительности, результат взаимодействия человека со средой [38]. Также отношение может пониматься как эмоционально-волевая установка личности на что-либо, направленная на какой-то объект или субъект. В данном случае предметом изучения стало отношение студентов к выборам.

Еще два важных для нашего исследования понятия – электоральная культура и электоральное поведение. Электоральная культура как часть политической культуры – это относительно устойчивая система знаний, оценок, норм политического поведения, электоральных отношений. К ее основным характеристикам относятся ответственность и компетентность [34]. Одним из элементов электоральной культуры студенчества можно считать отношение к выборам, владение информацией об электоральном процессе, представление о своей роли в выборах и т.д.

Электоральное поведение как вид политического поведения связано с делегированием властных полномочий, передачей политическому субъекту воли граждан, является формой участия граждан в управлении государством [32]. Не претендуя на полноту отражения данного аспекта политического поведения и сознания молодежи, мы стремились выявить основные компоненты отношения молодых людей к выборам, оценку этого института, мотивы участия и неучастия и т.д.

Изучение темы в отечественной и мировой науке. Подходы к изучению выборов и избирательных систем были заложены Р. Таагеперой и М. Шугартом, К. Джандой, Дж. Берри, Дж. Голд-

маном [45]. Теоретические аспекты политического участия и электоральной культуры изучались в работах А. Марша и М. Каазе, Л. Милбрайта, Дж. Нагеля, С. Вербы и Н. Ная [42; 44–46].

В России в последние годы сложилась своя традиция исследования выборов, избирательной и партийной систем.

Среди отечественных исследователей выборов можно выделить Г.В. Голосова, А.В. Кынева, Б.И. Зеленко, Ю.В. Гудину [6; 10–12; 14].

Вопросы избирательного права и процесса изучаются в работах Ю.А. Веденеева, А.В. Иванченко, С.Д. Князева, В.О. Лучина [14; 19; 23; 30].

Борьба российских партий за электорат и участие партий в выборах рассматриваются в исследованиях А.В. Кынева и А.Е. Любарева, И.Б. Борисова и С.Е. Заславского, Ю.С. Медведева [3; 21; 22; 25].

Эмпирические исследования электоральной активности молодежи и ее отношения к институту выборов проводились российскими социологическими институтами, прежде всего Институтом социологии РАН, Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и Фондом «Общественное мнение» (ФОМ) [16; 18; 26; 31].

Ценностные ориентации и политическое сознание российской молодежи, участие молодежи в политическом процессе изучаются в работах таких отечественных исследователей, как М.К. Горшков и Ф. Шереги, С.М. Елисеев и И.В. Устинова, О.М. Карпенко, О.В. Сорокин [9; 13; 17; 27].

Проблема отношения к институту выборов как российской молодежи в целом, так и конкретно студенческой молодежи затрагивалась в рамках изучения политического сознания и политической активности российской молодежи. Эти темы рассматривались в трудах таких исследователей, как Р.В. Кузьмен, А.В. Бетехина и Н.В. Олухов, С.Н. Чирун, О.М. Карпенко, А.В. Мартынова, М.Ю. Садырова [2; 17; 24; 28; 37].

В последние годы появились региональные исследования электорального поведения и политических предпочтений студенческой молодежи России. Можно отметить хорошо обоснованные эмпирически и теоретически работы А.П. Воробьева, М.М. Акулич и М.В. Батыревой, К.А. Высотиной, посвященные изучению электоральной активности и отношению к институту выборов студенческой молодежи [1; 4; 5; 7]. В исследованиях А.П. Воробьева решается задача создания электоральных портретов молодежи сибирских регионов. Автор показал, каково отношение студентов к выборам и каков уровень участия в них, считают ли они выборы эффективным путем решения своих проблем, каковы мотивы участия и неучастия в выборах студентов [4–6].

Выборка и ход исследования. При формировании выборочной совокупности был применен метод гнездовой выборки.

Для проведения опроса были выбраны два вуза Владивостока: Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ) и Морской государственный университет имени адмирала Г.И. Невельского (МГУ им. Г.И. Невельского). Всего были опрошены студенты и курсанты семи специальностей, четырех технических и трех гуманитарных.

Всего было опрошено 200 респондентов: 100 в МГУ им. Г.И. Невельского и 100 в ДВФУ. В ДВФУ было опрошено 100 студентов 2–4-го курсов очной формы обучения по следующим специальностям: «Горное дело», «Культурология», «Конфликтология».

В МГУ им. Г.И. Невельского было опрошено 50 курсантов 4-го курса судомеханического и 1-го курса судоводительского факультетов и 50 студентов очной формы обучения Физико-технического института и Факультета психологии и социологии управления (1-й, 2-й, 4-й курсы, специальность «Управление персоналом»).

Из 200 респондентов 120 человек мужского пола и 80 – женского (преобладание мужчин в общей выборке связано с их преобладанием на курсантских специальностях).

Почти все респонденты достигли возраста 18 лет. Средний возраст студентов 19–20 лет, курсантов – несколько старше (18–22 года).

Опрос проводился с 13 по 15 мая 2015 г. Студентов попросили поучаствовать в опросе, посвященном отношению к выборам, методом анкетирования.

Электоральное участие и отношение к институту выборов

Личное участие в выборах. При анкетировании курсантам и студентам был задан вопрос: «Лично Вы участвуете в выборах?» В ходе исследования допускался выбор одной позиции ответа на данный вопрос (табл. 1).

Из табл. 1 видно, что с разной степенью частоты в выборах участвуют 58 % студентов и курсантов, это свидетельствует о том, что большинство молодых людей все-таки имеют опыт участия в выборах.

Напротив, 42 % студенческой молодежи не участвуют в выборах, чему есть разные причины. Одна из них связана с тем, что они проявляют без-

различие к политике, что является характерным признаком и для многих западных стран. Вторая причина заключается в том, что некоторая часть студенческой молодежи в силу своего возраста не успела участвовать или участвовала только один раз. Небольшая часть молодых людей всегда или часто участвуют в выборах, их доля составляет 26 %, что говорит о включенности в политику молодых людей. Примерно 32 % утверждают, что участвуют в выборах редко, что свидетельствует об ограниченном характере участия в политической жизни.

Сравнение электоральной активности курсантов и студентов показывает, что курсанты чаще участвуют в выборах – опыт участия имеют 78 % курсантов и 51 % студентов. Почти половина курсантов (44 %) участвуют всегда, среди студентов таких лишь 8 %. Никогда не участвует в выборах 22 % курсантов и 49 % студентов. Очевидна существенная разница в электоральной активности студентов и курсантов. Поверхностное объяснение этого может быть связано с традицией административного регулирования участия в выборах курсантов ведомственных вузов (мобилизованная форма участия). Однако анализ характеристик электорального сознания, представленный далее, показывает, что интерес и осознанность отношения к выборам у курсантов намного выше, чем у студентов.

Сравнение электоральной активности студентов ДВФУ и учащихся МГУ им. Невельского. При опросе несколько больший процент учащихся МГУ им. Невельского заявили об опыте участия в выборах по сравнению со студентами ДВФУ – 60 % и 56 % соответственно. Среди студенческой молодежи МГУ им. Г.И. Невельского участвуют в выборах 60 %, из них 28 % участвуют всегда, 13 % часто и 19 % участвуют в выборах редко.

В ДВФУ 56 % студентов участвуют в выборах, из них 6 % участвуют всегда, 5 % участвуют часто и 45 % редко. Такое различие говорит о том, что учащиеся МГУ им. Невельского активнее участвуют в выборах, чем студенты ДВФУ. Эта разница достигается в основном за счет более высокой активности курсантов. Сравнение показателей по группам «студенты» и «студенты ДВФУ» показывает, что студенты обеих вузов имеют примерно одинаковый уровень активности (табл. 1).

Таблица 1

Личное участие в выборах

«Лично Вы участвуете в выборах?»					
Вариант ответа	Студенческая молодежь в целом, %	Студенты и курсанты МГУ им. Г.И. Невельского, %	Студенты ДВФУ, %	Курсанты, %	Студенты, %
Да, участвую всегда	17	28 (28 чел.)	6 (6 чел.)	44 (22 чел.)	8 (12 чел.)
Да, участвую часто	9	13 (13 чел.)	5 (5 чел.)	10 (5 чел.)	9 (13 чел.)
Участвую редко	32	19 (19 чел.)	45 (45 чел.)	24 (12 чел.)	34 (52 чел.)
Нет, не участвую никогда	42	40 (40 чел.)	44 (44 чел.)	22 (11 чел.)	49 (73 чел.)

Участие в выборах различных уровней. В ходе исследования респондентам был задан следующий вопрос: «Если Вы принимали участие в выборах, то в каких?» На этот вопрос отвечали только те, кто принимали участие в выборах. В анкете в качестве вариантов ответов были перечислены выборы различных уровней.

Согласно ответам респондентов на первом месте в их электоральном опыте участие в выборах Президента России – 34 %, что говорит о значимости данных выборов для студенческой молодежи. Примерно 11 % участвовали в выборах в муниципальные органы власти, 8 % – в выборах губернатора края, 4 % участвовали в выборах депутатов Государственной Думы и лишь 1 % – в выборах депутатов Законодательного собрания. Такие невысокие показатели участия в сравнении с показателями участия в выборах президента, на наш взгляд могут иметь два объяснения: эти виды выборов менее важны для молодых людей, а также многие молодые люди просто не успели в них поучаствовать в силу возраста.

Отношение к институту выборов. Респондентам был задан вопрос: «Как Вы относитесь к политическим выборам?» Мнения респондентов распределились следующим образом: 37 % ответивших относятся к выборам положительно, 31 % отрицательно и 32 % нейтрально. Можно сделать вывод о том, что примерно равные доли студенчества «за», «против» и безразличны к выборам (табл. 2).

Сравнивая ответы курсантов и студентов, можно отметить, что для курсантов выборы – в большей степени положительное явление, нежели чем для студентов. Эти данные коррелируют с содержанием других ответов, например, на вопрос о том, какие чувства вызывают выборы, курсанты намного чаще заявляли о положительных эмоциях, связанных с выборами, и интересе к ним.

Если, как можно предположить, это следствие того, что с ними проводится патриотическая и просветительская работа, то нельзя не признать положительного воздействия таких форм работы на политическое сознание масс.

Оценка степени необходимости проведения выборов для России. В ходе нашего исследования мы стремились понять, видит ли молодежь вообще необходимость такого института, как выборы. Ока-

залось, что чаще всего нет. На вопрос: «Считаете ли вы проведение выборов необходимым для России?» только пятая часть студенческой молодежи ответила «Да, безусловно» – 19,5 %. Около половины дали половинчатые ответы – «скорее да» 17,5 %, и «скорее нет» – 31 %. Почти треть студенческой молодежи вообще считает, что в выборах нет необходимости – так ответили 32 % опрошенных.

При этом у курсантов отношение к выборам было намного положительнее, чем у студентов. Половина курсантов (50 %), считают проведение выборов безусловно необходимым для России. Еще треть ответили «скорее да» (30 %). И лишь каждый десятый курсант считает, что в выборах нет необходимости.

Среди студентов безусловно поддерживают выборы лишь 9 %. Считают, что они скорее не нужны, чем нужны, 38 %, а 40 % полагают, что в выборах нет необходимости.

Таким образом, большая часть опрошенных – 63 % не видит необходимости в проведении выборов, и, напротив, только 37 % считают проведение выборов необходимым для России. Интересно, что при опросе студентов Сибири, проведенном А.П. Воробьевым в 2011 г., степень их убежденности в необходимости выборов была существенно выше. Тогда 62 % томских студентов и 77 % студентов из Улан-Удэ отметили, что выборы как институт демократии необходимы [4].

Данные же нашего опроса свидетельствуют о том, что студенческая молодежь Владивостока в большинстве не видит смысла в институте выборов.

Отношение к региональным выборам. Для того чтобы определить отношение молодежи к региональным выборам, курсантам и студентам был задан вопрос: «Важны ли для Приморского края региональные выборы (выборы губернатора и депутатов Законодательного собрания края)?» В ходе исследования допускался выбор одной позиции ответа на данный вопрос. Исходя из ответов, 42 % студенческой молодежи считают, что для Приморского края региональные выборы важны. Напротив, 38 % молодых людей считают, что для Приморского края не имеют значения региональные выборы («скорее нет» 15,5 % и «нет, не имеют значения» 22,5 %). При опросе 20 % респондентов затруднились ответить на этот вопрос.

Таблица 2

Отношение к институту выборов

«Как вы относитесь к политическим выборам?»					
Вариант ответа	Студенческая молодежь в целом, %	Студенты и курсанты МГУ им. Г.И. Невельского, %	Студенты ДВФУ, %	Курсанты, %	Студенты, %
Положительно	37	47 (47 чел.)	27 (27 чел.)	60 (30 чел.)	30 (44 чел.)
Отрицательно	31	25 (25 чел.)	37 (37 чел.)	10 (5 чел.)	37 (57 чел.)
Нейтрально	32	28 (28 чел.)	36 (36 чел.)	30 (15 чел.)	33 (49 чел.)

Способы наделения властью глав регионов. Респондентам был задан следующий вопрос: «Как, на Ваш взгляд, должен приходиться к власти губернатор, глава региона?» В ходе исследования допускался выбор одной позиции ответа на данный вопрос либо допускался свой вариант. Но никто из респондентов не предложил иного варианта, чем предложенные варианты ответа. Данные ответов представлены в табл. 3.

Таблица 3

**Отношение студенческой молодежи
к разным способам наделения властью
главы региона**

«Как, на Ваш взгляд, должен приходиться к власти губернатор, глава региона?»			
Вариант ответа	Студенческая молодежь в целом, %	Курсанты, %	Студенты, %
Через прямые выборы губернатора (главы региона) населением	67	88 (44 чел.)	60 (90 чел.)
Их должны избирать депутаты региональных парламентов	2,5	4 (2 чел.)	2 (3 чел.)
Глав регионов должен назначать президент	30,5	8 (4 чел.)	38 (57 чел.)
Ваш вариант	—	—	—

Как очевидно, две трети опрошенных настаивают на прямых выборах главы региона. Еще треть выступает за назначение глав регионов президентом. При этом четко видно, что сторонников прямых выборов среди курсантов абсолютное большинство – 88 %, а среди студентов – 60 %. Это показывает, что курсанты намного выше ценят право граждан избирать региональные власти.

Необходимость для Приморья прямых выборов губернатора. Для конкретизации отношения к способам формирования власти в крае респондентам был задан следующий вопрос: «Как Вы полагаете, нужны ли Приморью прямые выборы (когда избирает народ) губернатора?» Ответы на данный вопрос показали, что 78,5 % поддерживают прямые выборы, и лишь 11,5 % респондентов считают, что прямые выборы не нужны. Если сравнить ответы на два вопроса о способах наделения властью глав регионов, то заметно, что во втором случае, когда было уточнено, что при прямых выборах избирает народ, и вопрос поставлен более конкретно, заметно больше респондентов высказались за прямые выборы (78,5 % против 67 %). У нас нет возможности сейчас детализировать причины этих различий, можно лишь предположить, что свою роль сыграло использование вместе с заимствованным из иной политической культуры понятием «прямые выборы» более привычной для россиян формулировки: «избирает народ». Само слово «народ», как мы по-

лагаем, имеет в нашей стране особый положительный смысл.

Оценка важности для региона выборов депутатов Законодательного собрания. Для определения уровня значимости выборов в региональный парламент респондентам был задан следующий вопрос: «Важны ли для края выборы депутатов Законодательного собрания края или от них можно отказаться?» Две трети опрошенных (69,5 %) считают, что выборы в региональный парламент в той или иной степени важны. Меньшая часть (14 %) высказали противоположное мнение. Немалая часть респондентов затруднились ответить – 16,5 %.

При этом среди курсантов больше тех, кто точно уверен, что выборы депутатов, безусловно, важны для края (46 против 28 %). Общий же уровень поддержки выборов краевых депутатов у курсантов и студентов примерно одинаков (74 % курсантов и 68 % студентов).

Необходимость муниципальных выборов. Респондентам был задан следующий вопрос: «Как Вы полагаете, нужны ли Приморью муниципальные выборы (мэров и депутатов муниципальных образований)?» В анкете допускался выбор одного ответа на данный вопрос.

Ответы показали, что для 66 % студенческой молодежи важны муниципальные выборы (мэров и депутатов муниципальных образований). Обратного мнения придерживаются 23 % опрошенных.

Таким образом, среди студенческой молодежи преобладает мнение о необходимости краевых и муниципальных выборов.

При этом уровень субъективной необходимости региональных и муниципальных выборов (69,5 % и 66 %) оценивается выше, чем необходимости выборов вообще (37 %). Для студенческой молодежи оказываются важнее региональные и местные выборы, чем федеральные.

Эмоциональное отношение к выборам. Для определения эмоциональной составляющей электоральной культуры курсантам и студентам был задан вопрос: «Какие чувства у Вас вызывают выборы в нашей стране?» Оказалось, что у студенческой молодежи выборы чаще всего вызывают равнодушие – 44 %. Лишь 25 % признались, что испытывают интерес к выборам.

Положительные эмоции (уважение, гордость и интерес) выборы вызывают лишь у 29,5 % опрошенных молодых людей. Это очень низкий показатель. Отрицательные эмоции (усталость, разочарование, злость) с выборами связывают 26,5 % респондентов. Преобладающим же является равнодушие – 44 %.

Сравнивая курсантов и студентов, видим, что интерес к выборам у курсантов выше, чем у студентов (табл. 4). Курсанты чаще интересуются политиче-

ской жизнью своей страны, а студенты больше проявляют равнодушие. Низкое количество положительных ответов по пунктам «гордость» и «уважение» показывает, что очень малое количество курсантов и студентов испытывают уважение к выборам (в целом по выборке всего 2 %). Приходим к выводу, что наши молодые люди в массе не гордятся таким демократическим институтом, как выборы.

Таблица 4

Эмоциональное отношение к выборам

«Какие чувства у Вас вызывают выборы в нашей стране?»			
Вариант ответа	Студенческая молодежь в целом, %	Курсанты, %	Студенты, %
Гордость	2,5 (5 чел.)	6 (3 чел.)	2 (2 чел.)
Уважение	2 (4 чел.)	4 (2 чел.)	2 (2 чел.)
Интерес	25 (50 чел.)	54 (27 чел.)	15 (23 чел.)
Равнодушие	44 (88 чел.)	16 (8 чел.)	54 (80 чел.)
Усталость	5 (10 чел.)	10 (5 чел.)	3 (5 чел.)
Разочарование	15,5 (31 чел.)	6 (3 чел.)	18 (28 чел.)
Злость	6 (12 чел.)	4 (2 чел.)	6 (10 чел.)
Свой вариант	—	—	—

Контакты молодежи с активистами общественно-политических движений. При анкетировании курсантам и студентам был задан вопрос: «Вступаете ли Вы в контакт с активистами общественно-политических движений?» Большая часть опрошенных – 68 % никогда не вступали в контакт с активистами от общественно политических движений. Напротив, 29 % респондентов ответили, что вступали в контакт с активистами редко, и лишь 3 % опрошенных вступали в контакт с активистами общественно-политических движений часто. Студенты чаще вступают в контакт с активистами от общественно-политических движений, чем курсанты (35 против 22 %).

Посещение собраний политических партий. Для определения уровня взаимодействия студенческой молодежи с политическими партиями респондентам был задан вопрос: «Посещаете ли Вы собрания политических партий?» Как показали ответы, 87,5 % студенческой молодежи никогда не посещали собрания политических партий, 9 % опрошенных редко посещали собрания политических партий, и только 3,5 % делали это часто. При этом опыт взаимодействия с партиями чаще есть у студентов, чем у курсантов (14 против 8 %).

Присутствие на встречах кандидатов с избирателями. На вопрос: «Посещаете ли Вы встречи кандидатов с избирателями?» 77,5 % учащихся ответили, что никогда не посещали встречи кандидатов с избирателями, 18 % опрошенных редко бывали на таких мероприятиях, и лишь 4,5 % часто посещали встречи с избирателями. Позицию «очень часто» не выбрал никто.

Удовлетворенность уровнем информированности о политике. Для определения уровня информированности о политике респондентам был задан следующий вопрос: «Испытываете ли Вы недостаток политической информации, чтобы сделать свой выбор?» Оказалось, что почти половина студенческой молодежи – 45 % испытывают недостаток политической информации, чтобы сделать свой выбор; 30 % не испытывают недостатка информации, еще 25 % затруднились с ответом. Следовательно, курсанты и студенты нередко испытывают нехватку политической информации, нужной для реализации своих возможностей.

Избирательная активность молодежи. При анкетировании респондентам был задан полуоткрытый вопрос: «Что, на Ваш взгляд, нужно для того, чтобы повысить избирательную активность молодежи?»

Отвечая на данный вопрос, 69,5 % опрошенных посчитали, что нужно «выдвигать молодых кандидатов с интересными программами». Еще 16 % выбрали вариант «проводить больше встреч с кандидатами». Примерно 12 % студенческой молодежи полагали, что для того, чтобы повысить активность молодежи, нужно привлекать студентов к избирательным кампаниям.

Если сравнивать курсантов и студентов, то студенты в большей степени считают, что для повышения избирательной активности молодежи «нужно проводить больше встреч с избирателями» (18 против 10 %), а курсанты чаще выбирали позицию «выдвигать молодых кандидатов с интересными программами» (20 против 9 %).

Среди своих вариантов ответов были такие: «выставлять реальных кандидатов с реальными действиями», «проводить честные выборы», «давать деньги молодым кандидатам (2 чел.)», «создавать логотипы с партиями».

В целом, как мы полагаем, данные свидетельствуют о невысокой информированности молодежи о политических событиях и низком контакте политиков с молодыми избирателями.

Мотивация электорального участия и абсентизма

Одной из непростых проблем электорального поведения является мотивация участия студентов в выборах и других политических мероприятиях. Поступки человека требуют достаточной мотивированности.

Мотивы участия в выборах. Для изучения мотивов участия студенческой молодежи в выборах курсантам и студентам был задан полуоткрытый вопрос: «Что побуждает Вас участвовать в выборах?» На этот вопрос отвечали только те, кто отметили ранее, что участвуют в выборах. При ответе на вопрос была возможность предложить свой вариант ответа, но ею не воспользовался никто из

респондентов. Обобщение ответов позволило выявить шесть значимых мотивов участия в выборах.

1. Среди мотивов участия на первом месте оказалось понятие долга – 25 % отвечавших выбрали ответ «Это мой долг как гражданина страны». При этом курсанты выбирали данный ответ чаще, чем студенты.

2. Ответ «Верю, что своим участием могу что-то изменить» дали 20,6 % респондентов.

3. Обозначили свой мотив участия в выборах как интерес 18 % участников опроса.

4. Для многих молодых людей оказался существенным такой мотив, как возможность поддержать своего кандидата: «Могу поддержать кандидата, в которого верю» – 14,6 %.

5. Еще один мотив – опасения злоупотреблений в ходе выборов. «Если я не приду, моим голосом воспользуются другие» – так ответили 13 % молодых людей.

6. На шестой позиции оказался ответ «Участвовал случайно» – 9,4 %.

Таким образом, для многих студентов и курсантов значимо понятие долга.

Есть и отрицательные мотивы голосования: 13 % опрошенных считают, что «если я не приду, моим голосом воспользуются другие», что свидетельствует об определенном недоверии к системе выборов.

Сравнивая студенческую молодежь МГУ им. Н.И. Невельского и Дальневосточного федерального университета, можно отметить, что для учащихся МГУ более значимы мотивы долга по сравнению со студентами ДВФУ (30 против 20 %), а для студентов ДВФУ весомее мотив веры в свою способность что-то изменить (28 против 15 %).

Мотив поддержки кандидата, пользующегося доверием, оказался равнозначным для учащихся двух вузов: его отметили 14 % имеющих опыт участия в выборах учащихся МГУ им. Н.И. Невельского и 16 % учащихся ДВФУ.

При этом учащиеся МГУ им. Н.И. Невельского чаще по сравнению со студентами ДВФУ голосуют, чтобы их голосом не воспользовались другие (17 и 10 %).

Как показал опрос, для части студентов и курсантов все еще значимо понятие долга. Какая-то часть молодежи верит, что своим участием они смогут что-то изменить или поддержать кандидата, в которого верят. Это говорит о том, что выборы у небольшой части активной молодежи все-таки ассоциируются с такими высокими гражданскими ценностями, как долг и уверенность в своей способности влиять на политику.

Сравнивая полученные нами результаты с данными проекта «Электоральная панель» ВЦИОМ 2011–2012 гг., можно отметить наличие в ответах

тех же мотивов участия в выборах [24]. При этом в опросе ВЦИОМ очень весомым оказался мотив пойти на выборы, «чтобы не воспользовались моим голосом». В нашем опросе данный мотив не был таким значимым. В опросе, проведенном А.П. Воробьевым в 2011 г. среди студентов вузов Бурятии и Томска, в качестве главного мотива фигурировало желание участвовать в решении общественных проблем (45 % в Томске и 39 % в Бурятии), на втором месте стоял мотив гражданского долга (26 и 36 % соответственно) [4].

Причины отказа от участия в выборах. Одной из основных проблем выборов является абсентеизм – отказ от участия в них. Среди видов абсентеизма можно выделить абсентеизм аполитичности и безразличия, более характерный для молодежи; абсентеизм недоверия к результатам, чаще присущий старшему поколению; абсентеизм-протест и случайный абсентеизм.

Для выяснения причин абсентеизма молодежи тем респондентам, которые не принимали участия в выборах, задавался вопрос: «По каким причинам Вы никогда не участвуете в выборах?»

Полученные ответы показывают, что основными причинами электоральной пассивности студенчества Владивостока являются отсутствие интереса и представление, что голоса молодежи ничего не изменят.

Главная причина, по которой студенческая молодежь МГУ им. Н.И. Невельского и ДВФУ не хочет участвовать в выборах, – отсутствие интереса (27,5 и 23 %). Примерно четверть молодых людей уверены, что их участие ничего не изменит (17,5 и 27 %). Не видят смысла участвовать в выборах соответственно 20 и 14 % учащихся.

Молодежь обозначила и ряд второстепенных причин неучастия. У некоторых, по их словам, нет возможности и времени этим заниматься (12,5 % учащихся МГУ им. Н.И. Невельского и 9 % студентов ДВФУ), другие отметили, что «не видят лидеров, за которыми можно было бы пойти» (10 и 7 %). Ряд молодых людей считают, что раз в стране есть президент, то он за все отвечает и их участия не требуется: «я доверяю президенту и считаю, что он сам решит все проблемы» (7,5 и 18 %).

Данные результаты по многим аспектам близки к результатам, полученным в ходе проекта «Электоральная панель» ВЦИОМ 2011–2012 гг. Тогда в ходе общероссийского опроса были выявлены причины неучастия в выборах студентов. Среди основных оказались уверенность молодых людей, что их участие ничего не изменит (25 %), убежденность в фальсификациях результатов выборов (16 %), отсутствие сильных партий (13 %), времени (12 %) и достойных лидеров (11 %) [24]. Похожие результаты были получены А.П. Воробьевым при опросах сибирских студен-

тов в преддверии избирательного цикла 2011 г. Среди основных мотивов неучастия указывались неверие в объективность выборов (на первом месте), отсутствие достойных кандидатов, представление, что участие в выборах ничего не решит [4].

В нашем опросе ярко прозвучала еще одна важная причина – отсутствие интереса.

Таким образом, по собственной оценке учащихся, основной причиной неучастия в выборах является незаинтересованность и отсутствие смысла.

В ответах проявляется и еще одна причина. Распространенность ответов типа «мое участие ничего не изменит», «у меня нет возможности» подразумевает неуверенность в своих силах.

Общие причины неучастия молодежи в выборах. Для дальнейшего прояснения мотивов абсентеизма мы задали учащимся косвенный вопрос: «Почему, по Вашему мнению, значительная часть молодежи не участвует в выборах?». На этот вопрос отвечали все респонденты.

Студенческая молодежь приводит причины неучастия, связанные с отсутствием интереса и смысла: «выборы вызывают безразличие, равнодушие», «не интересно», «нет смысла участвовать в выборах», «молодежи все равно, кто стоит у власти».

Многие респонденты высказали мнение, согласно которому молодежь не идет на выборы, поскольку результаты предreshены и к данному институту нет доверия: «нет веры в результат голосования», «все уже давно известно и решено», «все заранее спланировано».

Многие отмечают, что от них и их голоса ничего не зависит: «от одного голоса ничего не изменится», «выбор сделают другие, лень идти».

Некоторые респонденты связали неучастие молодежи в выборах с общей пассивностью и неосведомленностью молодых людей: «не понимают всю серьезность выборов»; «людям безразлично будущее своей страны», «халатное отношение к выборам», «из-за недостаточной осведомленности», «следуют за толпой, другие не участвуют в выборах, и я не буду».

Звучали и ответы, согласно которым студентам некогда или не за кого голосовать: «нет времени этим заниматься», «не поддерживаю ни одного из предложенных кандидатов».

Все это свидетельствует о незаинтересованности в политике, отсутствии установок на активное участие и, что в наибольшей степени вызывает сожаление, неуверенности в своих силах, неверии в свою способность повлиять на политику.

Намерение участвовать в выборах президента. В ходе анкетирования курсантам и студентам был задан следующий вопрос: «В 2018 г. состоятся выборы Президента России. Вы намереваетесь принять в них участие?» Почти половина (43 %) сту-

денческой молодежи намерены в 2018 г. принять участие в выборах президента (из них 18 % точно намерены принять участие, а 25 % скорее всего). При этом курсанты гораздо чаще, чем студенты, высказывают намерение участвовать в выборах (64 % курсантов против 43 % студентов). Напротив, 42 % ответивших молодых людей не пойдут на очередные выборы президента. Еще 15 % респондентов затруднились ответить на этот вопрос (среди курсантов таких не было ни одного, среди студентов не определились 20 %).

Сопоставляя эти данные с результатами электро-ального опроса ВЦИОМ в ходе предыдущего цикла выборов 2011–2012 гг., можно отметить, что полученные нами при опросе 2015 г. показатели намерения участвовать в выборах несколько ниже, чем были по России перед президентскими выборами 2012 г. Тогда незадолго до президентских выборов (01–07.2012 г.) о намерении участвовать в них заявляли 82 % студентов и учащихся в стране (32,5 % обязательно хотели принять участие, а 29,4 % скорее всего) [24]. Можно осторожно предположить, что в преддверии очередного цикла выборов интерес к ним молодежи ниже, чем в прошлый раз (табл. 5).

Таблица 5

Готовность участвовать в выборах Президента России

«В 2018 г. состоятся выборы Президента России. Вы намереваетесь принять в них участие?»			
Вариант ответа	Студенческая молодежь в целом, %	Курсанты, %	Студенты, %
Да	18 (36 чел.)	30 (15 чел.)	14 (21 чел.)
Скорее да	25 (50 чел.)	34 (17 чел.)	22 (33 чел.)
Скорее нет	17 (34 чел.)	20 (10 чел.)	16 (24 чел.)
Точно нет	25 (50 чел.)	16 (8 чел.)	28 (42 чел.)
Затрудняюсь ответить	15 (30 чел.)	–	20 (30 чел.)

Общие выводы и осмысление фактов

Данные эмпирического исследования позволяют нам сделать ряд выводов и обобщений.

Прежде всего, студенческая молодежь неоднородна как по своей общественной позиции, так и по отношению к институту выборов. По отношению к участию в выборах можно выделить две большие группы: первая проявляет электоральную активность, вторая пассивна. Большая часть студенческой молодежи уже имеет опыт участия в выборах, таких 58 %. Опыт участия в выборах президента имеют 34 % опрошенных, что свидетельствует о значимости данного типа выборов для молодежи.

Для классификации типов активности студентов в какой-то степени можно опираться на типологию политического участия М. Кааза и А. Марша, выделивших на основе уровня политической активности

пять групп (неактивную, конформистов, реформистов, активистов и протестную группу) [42]. В соответствии с этой типологией 40 % владивостокского студенчества можно отнести к группе неактивных, еще четверть – к конформистам, и лишь 20–30 % интересующихся политикой и регулярно участвующих в ней молодых людей – к более высоким типам участия, таким как реформисты и активисты.

Среди мотивов участия в выборах учащиеся чаще всего называют долг, интерес, надежду на то, что удастся что-то изменить или поддержать своего кандидата. Однако общий уровень интереса к выборам, показанный студенческой молодежью Владивостока, оказался намного ниже, чем общероссийские показатели, выявленные в ходе опросов 2011–2012 гг.

Главным аргументом неучастия в политике у молодежи выступают внешние причины. Очень большая доля ответов на вопрос о причинах неучастия в политике была связана с представлением о своей неспособности повлиять на события, отсутствием знаний, неверием в существующие политические силы и лидеров. Возможно, это свидетельствует о спаде интереса молодежи к политике, «обесмысливании» политического участия в глазах молодых россиян. Только треть опрошенных видит смысл в институте выборов. У большей части молодых людей просто нет существенной мотивации участия в выборах.

Основываясь на ответах, можно предположить также, что многие студенты не уверены в своих силах и возможностях в общественно-политической активности. Кроме того, они в целом мало доверяют ведущим политикам, кроме президента страны.

Такая низкая оценка своих возможностей молодежью, как мы полагаем, явно не соответствует объективной ситуации. Есть и закрепленные Конституцией РФ права на участие, есть и политические институты, представляющие интересы разных групп населения, и, наконец, легальные каналы политического и общественного участия.

Сравнение данных по электоральному сознанию курсантов и студентов показывает большую заинтересованность курсантов. Их позиция в отношении выборов как института намного более определенная, чем у студентов, а уровень активности на выборах также существенно более высок. Конгруэнтность между высокими показателями электоральной мотивации и активности курсантов позволяет говорить, что их активность во многом имеет внутренние, а не внешние (мобилизованное участие) причины. Эта часть студенческой молодежи отличается более четкой гражданской позицией и готова играть активную роль в политике. Значительная часть курсантов близка к типу политиче-

ской культуры участия (по Г. Алмонду и С. Вербе). Среди студентов преобладает подданный тип политической культуры, для которого свойственно наличие знаний о политике, но слабый уровень участия в ней, склонность подчиняться существующим властям. Вопрос отнесения студентов и курсантов к тем или иным типам политической культуры может быть поставлен нами в дальнейших исследованиях.

Анализ данных нашего опроса по многим аспектам показал существенные различия как в электоральном поведении, так и в электоральном сознании студентов и курсантов. Не исключено, что здесь играет свою роль не столько гендерный, сколько личностный фактор – на курсантские специальности решаются поступить далеко не все парни. Этот вопрос, как нам представляется, заслуживает дальнейшего изучения.

Данные опроса показывают, что большая часть студенческой молодежи испытывает нехватку информации, чтобы реализовать свои возможности участия в выборах. Но трактовка этого ответа может быть двоякой. Конечно, можно возложить ответственность за информирование молодежи на государство, систему образования и политические силы. Однако, как нам представляется, ответственность за свой уровень осведомленности и политической компетентности должна нести сама молодежь. Наличие большого количества каналов информации и публичных политических мероприятий дает много возможностей для поиска информации и политического участия. А вот пользоваться ли этими возможностями или нет – выбор самих молодых людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акулич, М.М. Избирательный процесс и студенческая молодежь: по материалам социологического исследования / М.М. Акулич, М.В. Батырева // Вестник Тюменского государственного университета. – 2009. – № 4. – С. 72–79.
2. Бетехина, А.В. Электоральное поведение молодежи: почему молодежь не ходит на выборы? / А.В. Бетехина, Н.В. Олухов // Вопросы управления. – 2012. – № 33. – С. 82.
3. Борисов, И.Б. Партии на выборах / И.Б. Борисов, С.Е. Заславский – М. : Европа, 2007. – 128 с.
4. Воробьев, А.П. Сравнительный анализ электорального поведения студенческой молодежи Томской области и Республики Бурятия / А.П. Воробьев // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 3 (19). – С. 152–161.
5. Воробьев, А.П. Электоральная активность студенческой молодежи / А.П. Воробьев // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – № 6. – С. 214–218.
6. Воробьев, А.П. Электоральный портрет студенческой молодежи г. Улан-Удэ накануне выборов: социологический анализ / А.П. Воробьев // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – № 6. – С. 48–53.
7. Высотина, К.А. Электоральное поведение студенческой молодежи / К.А. Высотина // Молодежь и выборы : мате-

риалы IV Межрегион. науч.-практ. конф. (Киров, 30 ноября 2012 г.) / отв. ред. А.Г. Поляков. – Киров, 2012. – С. 40–47.

8. Гельман, Г.Я. Третий электоральный цикл в России, 2003–2004 г. / Г.Я. Гельман, Г.В. Голосов. – М. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге. – СПб., 2007. – 296 с.

9. Горшков, М.К. Ценностные ориентации, нравственные установки и гражданская активность молодежи / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2010. – № 1. – С. 5–35.

10. Голосов, Г.В. Сфабрикованное большинство: конверсия голосов в места на думских выборах 2003 г. / Г.В. Голосов // Полис. – 2005. – № 1. – С. 108–119.

11. Голосов, Г.В. Демократия в России: инструкция по сборке / Г.В. Голосов. – СПб. : БХВ Петербург, 2012. – 208 с.

12. Гудина, Ю.В. Активность российских избирателей: теоретические модели и практика / Ю.В. Гудина // Полис. – 2003. – № 1. – С. 112–123.

13. Елисеев, С.М. Особенности политической толерантности студенчества / С.М. Елисеев, И.В. Устинова // Социологические исследования. – 2010. – № 6.

14. Зеленко, Б.И. Партии и выборы в современной России / Б.И. Зеленко. – М. : Современная экономика и право, 2003. – 235 с.

15. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации. – М. : Норма, 1999. – 842 с.

16. Информированность граждан, участие молодежи в выборах, местное самоуправление и волонтерство в центре внимания отечественной социологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rcoit.ru/technologies/sociology/sociologiya-i-rossiyskiy-izbir-process/inform-grajdan-otech-sociology.php>

17. Карпенко, О.М. Молодежь в современном политическом процессе в России : моногр. / О.М. Карпенко, И.А. Ламанов. – М. : Изд-во СГУ, 2006. – 560 с.

18. Киселев, В.О. Доверие к политическим институтам в России: опыт социологического мониторинга / В.О. Киселев // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2014. – № 6. – С. 51–89.

19. Князев, С.Д. Избирательный процесс в Российской Федерации: Понятие. Структура. Стадии / С. Д. Князев. – Хабаровск : РИОТИП, 2000. – 110 с.

20. Карпенко, Л.А. Краткий психологический словарь / Л.А. Карпенко, А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. – Ростов н/Д : Феникс, 1998.

21. Кынев, А.В. Партии и выборы в современной России. Эволюция и деволюция / А.В. Кынев, А.Е. Любарев. – М. : Либеральная миссия, Новое лит. обозрение, 2011. – 792 с.

22. Кынев, А.В. На подступах к федеральным выборам – 2016. Региональные и местные выборы в России 13 сентября 2015 года / А.В. Кынев, А.Е. Любарев, А.Н. Максимов. – М. : Либеральная миссия, 2015. – 568 с.

23. Лучин, В.О. Избирательное право России / В.О. Лучин. – М. : Юнити, 2008. – 671 с.

24. Мартынова, А.В. Мотивы участия/ не участия студентов и учащихся в выборах депутатов Государственной Думы РФ (2011 г.) и Президента РФ (2012 г.) / А.В. Мартынова // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2013. – № 4. – С. 137–149.

25. Медведев, Ю.С. Партийное выдвижение кандидатов в одномандатных округах на выборах в российские регио-

нальные законодательные собрания / Ю.С. Медведев // Полис. – 2006. – № 3. – С. 91–105.

26. Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. – М. : Институт социологии РАН, 2007. – 95 с.

27. Сорокин, О.В. Особенности формирования политического сознания современной российской молодежи / О.В. Сорокин // Власть. – 2007. – № 8.

28. Кузьмен, Р.В. Настоящее и будущее России в ценностных ориентациях и представлениях студенческой молодежи / Р.В. Кузьмен // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2013. – № 6. – С. 139–146.

29. О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» : федер. закон : [принят Гос. Думой 2 мая 2012 г. № 40-ФЗ] // Рос. газ. Федер. вып. – 2012. – 4 мая. – № 5772.

30. Очерки по истории выборов и избирательного права / под ред. Ю.А. Веденеева, Н.А. Богодаровой. – М. : Символ, 2002. – 692 с.

31. Паутова, Л.А. Корчагины и Че-Гевары поколения Next. Материалы исследовательского проекта «Новое поколение» [Электронный ресурс] / Л.А. Паутова. – М. : ФОМ, 2008. – Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/map/pressr221208>.

32. Пищулин, Н.П. Политическое лидерство и электоральный процесс / Н.П. Пищулин // Полис. – 1998. – № 3.

33. Политическая наука : слов.-справ. / сост. И.И. Санжаревский. – М., 2010.

34. Политологический словарь-справочник. – Ростов н/Д : Наука-Спектр, 2008.

35. Политология : слов. – М. : РГУ, 2010.

36. Садырова, М.Ю. Проблема избирательной активности российской молодежи / М.Ю. Садырова // Молодой ученый. – 2014. – № 3. – С. 667–669.

37. Самаркина, И.В. Функции молодежных структур политических партий: социализация или мобилизация / И.В. Самаркина // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – № 1. – С. 12–24.

38. Словарь практического психолога. – М. : АСТ, Харвест, 1998.

39. Чирун, С.Н. Политическая активность и политическое участие молодежи: проблемы и возможности / С.Н. Чирун // Философия, социология, политология. – 2010. – № 1. – С. 50–54.

40. Энциклопедический словарь. – М., 2009.

41. Betekhtina, A.V. Electoral behavior of the youth: why don't young people go to the polls? / A.V. Betekhtina, N.V. Olukhov // Вопросы управления. – 2012. – № 3. – С. 82.

42. Kaase, M. Political Action Repertory / M. Kaase // Political action: Mass Participation in Five Western Democracies / Ed. By S. Barnes, M. Kaase. – Beverly Hills, London, 1979.

43. Milbrath, L. Political Participation: How and Why Do People Involved in Politics / L. Milbrath. – Chicago, 1965. – 46 p.

44. Negel, J. Participation / J. Negel. – London, 1987.

45. The challenge of democracy. Government in America / Brief Edition E. Huff. – Houghton Mifflin Company, 1990.

46. Verba, S. Participation in America / S. Verba, N. Nie. – N.Y., 1972.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В СТРАТЕГИИ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НАЧАЛА XXI ВЕКА: В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Л.А. Моисеева

В.Ф. Печерица

Моисеева Любовь Андреевна – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных наук Дальневосточного государственного института искусств (г. Владивосток), заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

Контактный адрес: moiseeva.la@dvfu.ru

Печерица Владимир Фёдорович – доктор исторических наук, профессор кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток)

Контактный адрес: 1977edward@mail.ru

На значительном теоретическом и эмпирическом материале показана политическая и экономическая значимость проекта инновационного развития Дальнего Востока в условиях реализации стратегии интеграции России в «Тихоокеанский мир» АТЭС и АТР. Представлен анализ деятельности созданного «инновационного терминала» и ТехноРАТЭС в Приморском крае, призванных реализовать на базе «Основных положений концепции инновационной политики в ДФО» ключевые цели и задачи РФ в научно-технической сфере на долгосрочную перспективу в АТЭС. Выявлены причины невыполнения проекта с переходом на «кластерную» модель развития, которую сменил проект «опережающего» развития определённых территорий Дальнего Востока России с ориентацией предпринимателей на деятельность в сфере туризма и услуг.

Ключевые слова: инновационная политика, ТехноРАТЭС, Дальний Восток, Россия, интеграция, АТР.

Процесс устойчивого развития России связан с трансформацией экономики сырьевого доминирования в экономику инновационного типа, экономики новых технологий и знаний. Этот вывод российских учёных и политических лидеров основывался на том, что инновационному развитию страны нет альтернативы. Именно так определялась проблема Президентом РФ В.В. Путиным: «Сегодня инновационный прорыв для современной России – это реальное слагаемое быстрой модернизации страны. Инновационная политика должна стать одним из самых приоритетных проектов» [11].

Что же входит в понятие «инновации»? Инновации, по нашему мнению, включают прибыльное использование новшеств в виде новых технологий, видов продукции и услуг, организационно-технических и социально-экономических решений производственного, коммерческого, административного характера. Инновационный путь развития требует создания системы взаимодействия всех участников научно-инновационной деятельности и механизмов её функционирования, адекватных целям. Но главным звеном этой системы остаётся государство, новыми функциями которого являются:

- выработка инновационной политики, отражающей взаимные интересы науки, промышленности, инвесторов;

- определение научно-технических и технологических приоритетов в условиях ограниченности ресурсных средств;

- создание условий для эффективного функционирования инновационного рынка;

- бюджетное финансирование базисных инноваций, проведение крупномасштабных исследований, разработок и доведение их результатов до практического применения в промышленности.

Необходимо отметить, что Дальнему Востоку в стратегии инновационной политики отводилась особая роль, поскольку, являясь частью «Тихоокеанского мира», регион уже был определён как главное звено в интеграции России в АТР. Однако самым привлекательным для делового мира как стран АТЭС, так и всего АТР оставались природные богатства Дальнего Востока России, на долю которого приходится 38,7 % всей покрытой лесом территории страны (277,8 млн га); 81 % запасов золота и 30 % серебра РФ; значительные запасы вольфрама, сурьмы, бора, марганцевых и апатитовых руд и т.д. Высокий потенциал в области топливно-энергетических ресурсов (нефть, газ, уголь), богатство и разнообразие биологического сырья Японского и Охотского морей, крупных рек и озёр, насчитывающих свыше 150 ценных видов рыб [3: с. 5] и др., привлекали иностранных инвесторов, однако инвестиции их направлялись только в разработку и добычу этих природных богатств. В результате природно-ресурсный комплекс в общем объёме промышленного производства Дальнего Востока являлся определяющим и составлял по состоянию даже на 2011 г. более 60 % в большинстве дальневосточных субъек-

тов РФ. Вместе с тем отношение центра к самому отдалённому и проблемному региону страны оставалось не вполне адекватным сложившейся ситуации: на развитие, к примеру, Татарстана ежегодно выделялось 12 млрд руб., а на весь Дальний Восток, состоящий и сегодня из 9 самостоятельных субъектов РФ, – только 1 млрд руб. [5: с. 12–13].

В этих условиях могла действовать только модель «выживания», а не развития Дальневосточного федерального округа. Инновационная стратегическая политика могла обеспечивать перспективу «жизнеспособности» Дальнего Востока в условиях глобальных тенденций смещения Центра всемирной истории на Восток в XXI в., который объективно назван «Тихоокеанской эпохой».

Совет безопасности РФ в феврале 2004 г. отнес к числу высших приоритетов социально-экономического развития российского государства создание национальной инновационной безопасности. Важную роль в развитии современного общества стали играть экспертно-аналитические центры (think tank), которые называют также «мозговыми центрами» (МЦ), «мозговыми трестами», «фабриками мысли». В мире сложилась сегодня целая индустрия подобных центров, занимающихся исследованиями и представляющих консультационные услуги правительственным, общественным и частным структурам по широкому кругу проблем. Эксперты называют следующие причины растущей потребности в продукции МЦ: информационную революцию, потребность в своевременной, полной и оптимально концентрированной информации (т.е. предоставленной в нужное время и в нужной форме), в том числе об инновационных процессах. МЦ оказывают воздействие на принятие внутри- и внешнеполитических решений. Так, перед Вторым саммитом БРИКС, состоявшемся в Бразилии в апреле 2010 г., прошла конференция представителей «мозговых центров» четырёх стран, ставшая впоследствии регулярной. Учёные обмениваются мнениями и содействуют разработкам долгосрочных программ развития сотрудничества.

Целью долгосрочной программы Университета штата Пенсильвания (США) «Мозговые тресты и гражданские общества» стало обобщение данных на более чем 4,5 тыс. организаций, в том числе разрабатывающих и внедряющих инновации 126 стран. В развёрнутые справочники вошли данные о 6305 организациях, а по итогам 2010 г. – 6480 [31: р. 15].

По данным издания 2012 г., в КНР функционирует 425 МЦ. Регулярно стали публиковаться «Доклады о развитии» китайских think tanks, в которых показываются предпосылки интенсивного развития инновационной экономики Китая. В российской печати тема китайских «мозговых центров» освещается крайне слабо, что сдерживает осознание

причин неработающих российских программ на Дальнем Востоке на фоне набирающего мощь Китая.

Однако необходимо отметить, что, реализуя курс на инновационное развитие страны, Минпромнауки РФ организовало 10 Центров коммерциализации и трансферта технологий на базе ведущих вузов в различных регионах страны. Один из таких Центров начал функционировать в Дальневосточном государственном техническом университете с целью эффективной коммерциализации результатов исследований и разработок, их реализации в конкретных социально-экономических условиях. На базе ДВГТУ был образован Дальтехнопарк, директором которого стал А.В. Таскин. Приоритетным направлением работы Дальтехнопарка ДВГТУ стала разработка ресурсосберегающих и энергосберегающих технологий в различных производственных отраслях и переработка техногенных и бытовых отходов человеческой жизнедеятельности в г. Владивостоке.

Однако создание технопарков на базе ассоциации малых наукоемких предприятий преподавателями кафедр технических вузов шло сложно и трудно. Обучение преподавателей, ученых, студентов вопросам коммерциализации науки и технологий, технологического трансферта и инноваций не было развито; не была отработана организационно-историческая поддержка малых наукоемких фирм путем предоставления консалтинговых, информационных, менеджерских и других видов услуг.

К этому времени возникла и успешно развивалась тенденция модернизации традиционных университетов в предпринимательские. По этому пути в России пошла Ассоциация инженерного образования, разработавшая проект «Академический инновационный университет», на основании которого российские университеты приступили к разработке концепции «инновационных» университетов, «академических университетов» и «исследовательских университетов». Предпочтение было отдано трансформации в «Академический инновационный университет». Идею поддержали и на Дальнем Востоке России. ДВО РАН выступило соучредителем некоммерческого партнерства «Ассоциация: Тихоокеанский учебно-научный-инновационный комплекс (университетская модель)». Создание такой Ассоциации поддержали Председатель президиума ДВО РАН В.И. Сергиенко, полномочный представитель Президента РФ в Дальневосточном федеральном округе Б.К. Пуликовский, от имени администрации Приморского края В.В. Горчаков, ректор Дальневосточного государственного технического университета Г.П. Турмов [21: с. 26–31].

Основными принципами трансформации университетов были избраны: развитие инновационного образования с применением междисциплинарных

проблемно- и проектно-ориентированных технологий обучения; опережающая подготовка элитных специалистов на основе интеграции академического образования и научных исследований; формирование инновационной корпоративной культуры университета и внутренней конкурентной среды [4] и т.д.

Вместе с тем создание университетских комплексов Дальнего Востока было не только новым, но перспективным механизмом содействия развитию инновационных процессов в регионе. Руководители дальневосточных университетов (Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет, Дальневосточный государственный технический университет, Морской государственный университет им. Г.И. Невельского, Дальневосточный государственный университет экономики и управления и др.) подошли с пониманием к необходимости создания университетских комплексов с полным инновационным циклом – от фундаментальных научных исследований до производства и передачи в промышленность и социальную сферу наукоемких технологий и готовой продукции [10].

Необходимо отметить, что организаторами малых предприятий научно-технической сферы деятельности становились сами сотрудники технических университетов, отраслевых научных и академических технических институтов. Это были небольшие мобильные коллективы, которые успешно решали вопросы: новых технологий и средств механизации в строительстве («Эконом-коттедж»); технологий и оборудования для безотходной переработки древесины (НПО «Новые технологии»); внедрения полимерных материалов (НПП «Трибос»); разработки и внедрения лазерных технологий («Дальтехлазер») и др. Всего их было зарегистрировано в г. Хабаровске около 30, но и они были поставлены в такие же кредитные и налоговые условия, как и обычные торговые малые предприятия, хотя здесь были не сравнимы риски, длительность разработки и внедрения инноваций. Инновационные малые предприятия вынуждены были заниматься побочной деятельностью: заготовкой леса, торговлей (ИПО «Вежа», ООО «Новые технологии», ООО «Централь»), производством (ООО «Термия») или прекращать инновационные разработки [17].

Усилия университетов и ученых ДВО РАН по реализации инновационной политики положительно сказались в целом на развитии малого предпринимательства в субъектах РФ на Дальнем Востоке. Всего в Дальневосточном регионе было зарегистрировано в 2003 г. 41 тыс. малых предприятий, в том числе в Приморском крае – 16 тыс., Хабаровском – около 10 тыс., Республике Саха (Якутия) – около 3 тыс., Сахалинской области – 5 тыс., Амурской – 3,5 тыс., Магаданской области – 3 тыс.

В остальных субъектах этот показатель был значительно ниже.

Однако такой универсальный показатель, как количество малых предприятий на тысячу человек населения, в ДФО составлял всего 5,8, тогда как в Москве и Санкт-Петербурге их число достигало 21–22, в Европе – 30–40, в Японии – 70. Очевиден был и другой результат: число приобретенных предпринимателями изобретений составляло, к примеру, в Приморском крае – 39, а число предпринимателей, решивших ориентироваться на инновационную деятельность, составляло всего 29 чел. из 16 тыс. предпринимателей края [10].

Л.Н. Гумилев ввел особое понятие «дух предпринимательства», который он считал сочетанием способности к предпринимательской деятельности, предприимчивости как вида творчества и соответствующей пассионарности, определяющей активность человека в сфере его деятельности. Именно пассионарность, по мнению Л.Н. Гумилева, позволяет способность к предпринимательской деятельности превратить в действие – в предпринимательство [6]. Находим необходимым согласиться с замечанием Л.Н. Гумилева. Но во временных рамках нашего исследования при том, что в среде предпринимателей появился слой толковых, высококвалифицированных, хорошо разбирающихся в бизнесе людей, способных понять значение инновационных процессов в производстве, сопротивление общества их деятельности продолжало оставаться еще сильным.

Объяснение заключалось, на наш взгляд, в следующем: предприниматели начинали свою деятельность в переходный период, когда сохранялась заинтересованность в старых формах хозяйствования; дефицит опыта, множество бюрократических барьеров, социологическая необеспеченность перехода к инновационной модели хозяйствования, дешевая рабочая сила сохраняла возможность платить очень низкую заработную плату; оставались условия для вывоза сырья за пределы России, что делало невыгодным заниматься производством.

Необходимо подчеркнуть, что властные структуры регионального и муниципального уровней не торопились формировать инновационный «предпринимательский климат», считая, что проще купить технологии и оборудование за границей. Поэтому Дальнему Востоку был необходим региональный инновационный маркетинговый центр, призванный осуществлять постоянную работу по исследованию конкретных потребностей в разработках, организации и проведении рекламных кампаний в регионе и за его пределами, заключая договоры и устанавливая контакты. Идея образования Дальневосточного инновационного маркетингового центра принадлежит С.И. Иванченко, ректору Хабаровского государственного технического универ-

ситета, считавшего, что наличие такого центра позволит организовать инвестирование в наукоемкое производство и сформировать необходимый «инвестиционный климат». С этой целью было создано Дальневосточное инновационное агентство как межвузовский инновационный центр совместно с ДВО РАН. Директором стал А.А. Томских. В 2003 г. в его базе данных уже имелось более 200 инновационных разработок, однако востребовано из них было очень мало, так, из более чем 100 инноваций в рыбопереработке для средних и малых рыбопромышленных фирм, готовых к внедрению перспективных и экономичных технологий производства самых разнообразных видов продукции из минтая, медузы, терпуга и т.д., обладавших уникальными лекарственными свойствами для человека, остались практически не востребованными. Институт химии ДВО РАН разработал уникальную технологию, позволявшую получать питьевую воду высокого качества практически из любого пресноводного источника. Технологии производства сверхстойкого и сверхбелого пигмента для красителей – гистохрома кардиологического и гистохрома офтальмологического – и др. были только малой частью открывавшихся возможностей для предпринимателей Дальнего Востока. Вместе с тем идеальный вес инновационной промышленной продукции в российском экспорте к 2005 г. составлял менее 6 % [16: с. 68–69].

В это же время в кругах, ответственных за состояние экономики страны, определилась государственная политика перехода к инновационному развитию Дальнего Востока, отстававшему, по мнению японцев, от стремительно развивавшихся стран АТР на целую «технологическую эпоху». Определались три варианта стратегии на обеспечение импульса, способного дать инновационному развитию Дальнего Востока необходимое начальное ускорение:

- формирование прорывного инновационного цикла, берущего начало с инновационного супер-проекта, конкурентоспособного для мировых рынков и имеющего общенациональный характер;
- создание «кластера» инновационных технологий для постоянного формирования эшелонированного инновационного сектора в экономике;
- интеграция в глобальные инновационные цепочки – формирование транснационального модуля.

Поскольку основными дальневосточными субъектами РФ в государственной стратегии инновационной политики оставались Хабаровский и Приморский края, находим необходимым остановиться на них. Так, органы государственной власти Хабаровского края целенаправленно занялись формированием благоприятного инновационного климата на своей территории. Законом «Об инновационной

деятельности в Хабаровском крае» был определен переход от развития науки и научно-технической деятельности «вообще» к развитию инновационной деятельности. Прежде всего, было расширено правовое поле инновационной деятельности, что позволило предусмотреть в структуре краевого бюджета средства на формирование ее инфраструктуры, в которую вошли: «Некоммерческое партнерство "Дальневосточный региональный исследовательский научно-консультационный центр экспертизы"» (ДВ РИНКЦЭ); Дальневосточный инновационный центр; Хабаровский инновационно-аналитический центр; Дальневосточный координационный информационный центр; Центр маркетинга инноваций, три офиса коммерциализации технологий; Экономический совет при Губернаторе края; Технопарк при КнАГТУ; Хабаровский ЦНТИ; Хабаровское отделение ВОИР [22: с. 56].

Для реализации выстроенной инновационной стратегии Хабаровский край располагал достаточным научно-техническим потенциалом, который составляли 55 организаций, в их числе: институты трёх государственных академий наук – Российской академии наук (РАН), Российской академии сельскохозяйственных наук (РАСХН), Российской академии медицинских наук (РАМН), государственные высшие учебные заведения, отраслевые НИИ, проектные институты и бюро, научно-технические центры и предприятия научного обслуживания. В них было занято около 4 тыс. работников.

В крае работало более 300 докторов, более двух тысяч кандидатов наук, 55 % населения края имело высшее и среднее профессиональное образование. Численность аспирантов увеличилась в 7 раз и в 2005 г. составляла 1100 чел. По заявкам на изобретения край занимал в рейтинге регионов Дальневосточного федерального округа, по данным Роспатента за 2000–2004 гг., 1-е место, а в рейтинге субъектов РФ устойчиво занимал 5–10-е места [22: с. 55]. 27 золотых, серебряных и бронзовых медалей, 30 дипломов было получено за уникальные научно-технические работы на выставках в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, КНР, Республике Корея и др. [22: с. 57].

Таким образом, край располагал научным потенциалом и сформировавшейся инфраструктурой для решения всех проблем своего инновационного развития, тогда как Приморский край был поставлен перед выбором иных трёх вариантов инновационного развития, включавших интересы страны и ДФО с выходом на АТЭС и в целом на АТР:

- первый вариант – стратегия «разработнического» типа, где основная деятельность направлялась на производство инноваций, а регион должен был зарабатывать средства для своего развития на массовой их продаже;

- второй вариант – стратегия «производственно-го» типа: регион преимущественно должен был покупать инновации и массово их использовать для модернизации своих производящих секторов экономики. Валовой продукт региона должен был расти при этом за счёт инновационной составляющей;

- третий вариант – стратегия «посреднического» типа: регион ориентируется на обеспечение движения инноваций через его территорию, формируя свои доходы за счёт посреднической маржи за услуги по поддержанию высоких темпов и поступательного движения инноваций. В этом случае регион должен был ещё формировать и инновационные рынки.

Для Дальнего Востока был избран третий вариант, ориентированный на «посреднический» путь инновационной стратегии, сформулированный как «инновационный терминал» (innovative hub) – узел для поддержания высокой интенсивности движения инноваций [12: с. 4–7].

Ключевая стратегическая цель создания инновационного терминала заключалась в том, чтобы придать экономике региона новое качественное развитие через трансфер российских инновационных продуктов, разработок, технологий на рынки АЭТС, через улучшение условий для инновационного предпринимательства на российском и международном рынках и создание устойчивых преимуществ за счёт интенсификации научно-технического обмена. «Инновационный терминал» рассматривался как новая системообразующая структура АТЭС для создания своеобразного моста ЕС – Россия – АТЭС, которая должна была реализовывать следующие функции:

- сбор инновационных идей, объектов интеллектуальной собственности, имевших перспективу коммерциализации;
- анализ и учёт потребностей экономик региона АТЭС в инновациях, изучения рыночных тенденций;
- экспертизу проектных идей и проектов;
- подготовку инвестиционных проектов и передачу их малым инвестиционным компаниям;
- подготовку проектных команд;
- создание малых инновационных компаний и поддержку на первых стадиях их развития;
- логику процесса трансфера российских технологий в АТЭС и развитие бизнеса российских инновационных компаний на территории АТЭС [12: с. 6] и др.

Необходимо отметить, что образованная в начале 1989 г. на I конференции министров экономики и иностранных дел 12 стран АТР в Канберре по предложению премьер-министра Австралии Р. Холка, в 2006 г. АТЭС объединяла 21 экономику стран АТР. Её участниками являлись Австралия, Бруней, Вьетнам, Гонконг (как специальный адми-

нистративный район Китая), Индонезия, Канада, КНР, Республика Корея, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Папуа Новая Гвинея, Перу, Россия (с 1998), Сингапур, США, Таиланд, Тайвань, Филиппины, Чили, Япония. Страны АТЭС формировали более 50 % мирового ВВП (19 254 млрд долл. США), свыше 41 % объёмов внешней торговли в мире, в них проживали более 1/3 населения планеты (2,6 млрд чел.). АТЭС представляла самый динамично развивавшийся регион в мире, на который за последние 10 лет приходилось 70 % мирового экономического роста [2: с. 10–11].

Сохраняя формально консультативный статус, АТЭС фактически вскоре превратилось в механизм выработки региональных правил ведения торговли и инвестиционной деятельности. С помощью АТЭС страны были активно вовлечены в процессы интеграции, соединения для свободной торговли, формулирования принципов ведения бизнеса, которые становились совместной работой стран АТР. В 2006 г. в составе АТЭС было уже 11 рабочих групп. Так, рабочая группа по промышленной науке и технологиям определяла направления, часть из которых вошли в концепции инновационной политики Приморского и Хабаровского краёв. В их числе: связь исследований и инноваций; наращивание человеческого потенциала для научно-технической среды; расширение сотрудничества экономик АТЭС по наиболее важным технологиям XXI в.; формирование единства политики, науки и технологий; направление деятельности научного, технологического и инновационного секторов на решение экологических проблем и повышение качества жизни.

При разработке концепции инновационной политики Приморского края были учтены документы и других рабочих групп АТЭС: по развитию малого и среднего предпринимательства, по рыболовству, туризму, транспорту, телекоммуникации и информации [14: с. 4–11].

«Инновационный терминал» Приморского края рассматривался как связующее звено между давно состоявшейся Европой и стремительно набравшей темп «тихоокеанской» частью земного шара. Приморский край в течение многих лет уже занимался активной посреднической деятельностью, которая позиционировала край в качестве логистического центра мирового уровня, поэтому понятие «посреднической» инновационной стратегии означало, что в Приморском крае будут созданы «механизмы» и «инструменты» для обеспечения динамики движения инноваций, извлечение которых предполагало их внедрение, в том числе, и на территории Приморского края. Вместе с тем планировалась не только реализация в АТР произведённых на Дальнем Востоке инноваций, но и создание нового уровня отношений в инновационной сфере, в которую вовлекались сибирские, центральные и западные регионы.

С целью выражения общегосударственных интересов и создания в ДФО «инновационной среды» для развития высокотехнологичного и наукоёмкого производства был образован Совет по научно-технической и инновационной политике при полномочном представителе президента в ДФО тех лет Камиле Исхакове под председательством вице-губернатора Приморского края доктора технических наук, профессора В.В. Горчакова. Совет разработал в 2005 г. и представил к обсуждению в Администрации субъектов РФ на Дальнем Востоке документ «Основные положения концепции инновационной политики в Дальневосточном федеральном округе», в основу которого были положены ключевые цели и задачи Правительства РФ в научно-технологической сфере на перспективу. Из них были сформулированы главные направления для Дальневосточного федерального округа: обеспечить интересы инновационной интеграции в страны АТР, создав в регионе и в каждом субъекте Федерации недостающие элементы инновационной системы, чтобы войти и встроиться в федеральную инновационную систему и инфраструктуру.

Положение осложняли неравномерность территориального размещения отраслевых комплексов в регионе и невозможность создать полноценную высокоэффективную инновационную многоотраслевую инфраструктуру в силу малого человеческого, промышленного, научно-технического потенциала каждого отдельного субъекта Федерации в ДФО. Поэтому необходимо было: во-первых, налаживание партнёрских научно-методологических отношений с теми регионами, которые уже прошли первые шаги становления территориальной инновационной системы; во-вторых, подключение к федеральной и мировой информационной системе в области инновационного трансфера. Здесь реализовывались следующие шаги:

- создание в каждом субъекте ДФО электронных каталогов научно-технических разработок;
- размещение соответствующих технологических профилей на сайте <http://www.innovation.t-park.ru>;
- размещение в базе данных RTTN/RFR по адресу: www.rttm.ru (федеральный уровень) [14: с. 4–7];
- размещение в сети Innovation Relay Center по адресу: www.rfr-net.org.

Огромные и сложные новые задачи потребовали создания координирующего и организующего органа. Таковым стал Центр научно-технического и инновационно-технологического сотрудничества России и АТЭС (ТехноРАТЭС), созданный во Владивостоке по инициативе и при поддержке Федерального агентства по науке и инновациям. Созданный как элемент национальной инновационной системы, Центр был ответственен за сотрудничество России и АТЭС в научно-технической и инно-

вационно-технологических сферах, за создание реальных ценностей и возможностей:

- для расширения участия России в мировом интеграционном процессе;
- легальности и прозрачности научно-технического сотрудничества России и АТЭС;
- возможности участия российских учёных в современных, актуальных и востребованных исследованиях совместно с партнёрами из АТЭС;
- участия инвесторов в перспективных проектах с целью увеличения прибыльности акционерного капитала;
- возможности диверсификации ассортимента производимой продукции производственными предприятиями и стабильного, конкурентоспособного развития малого и среднего бизнеса.

При этом основной целью международной деятельности Центра являлась интенсификация активности российских научно-технических организаций, малого и среднего инвестиционного предпринимательства на рынках «тихоокеанского кольца».

Необходимо отметить, что поскольку форма общей организации структуры терминала была определена как холдинг, для него создавался инфраструктурный комплекс (рис. 1). Комплекс включал: инновационно-технологический центр; центр международного сотрудничества; учебный центр по подготовке инновационных менеджеров; коучинг-центр системы венчурного предпринимательства; международный бизнес-инкубатор; венчурный фонд; экспо-центр с постоянно действующей международной венчурной площадкой; конгресс-центр; центр трансфера технологий.

Рис. 1. Схема инфраструктурного комплекса

Источник. «Инновационный терминал» – как стратегия для Дальнего Востока России // Инновационное развитие. Азиатско-Тихоокеанский альманах. 2007. № 2. С. 4–5.

На это была направлена подпрограмма «Развитие Владивостока как центра международного сотрудничества в АТР», входившая в Основные положения концепции инновационной политики в Дальневосточном федеральном округе. При всех минусах инфраструктуры Владивосток представлялся идеальным местом для создания на тихоокеанском побережье страны крупного центра внешнеэкономического сотрудничества, сопоставимого с важнейшими международными центрами в АТРП, хотя всю инфраструктуру предстояло здесь создать практически с нуля. Речь шла об организации на базе Владивостока и ряда других муниципальных образований мегаполиса «Большой Владивосток» (скоростные дороги, качественное жильё, множество промышленных предприятий, Дальневосточный федеральный университет, рассчитанный на обучение 100 тыс. российских и иностранных студентов, театр оперы и балета, создание дальневосточного морского кластера и т.п.).

В России самыми крупными такими проектами являются: «Солнечная долина» в Челябинской области, «Большое Домодедово», «Академический» на юго-западе Екатеринбурга, «А-101» в Московской области, «Балтийская жемчужина» в Санкт-Петербурге.

Необходимо отметить, что центры АТЭС трансфера технологий к этому времени были созданы во многих странах АТР. Так, недалеко от Шанхая в г. Сучжоу расположено около 400 профессиональных агентов по оказанию услуг научно-техническому сектору, 7 центров стимулирования продуктивности, 1 научный институт технологий, 3 центра развития технологических рынков и технологий, 25 различных инкубаторов (парк научно-технических start-up-компаний, сервисный центр, центр start-up-бизнеса, научно-технические инновационные парки, 7 агентств по патентам и товарным знакам и т.д. Все они были объединены Центром АТЭС трансфера технологий во главе с директором Ифан Ван.

Экономика Сучжоу является одной из самых динамично развивающихся в Китае. Исходя из необходимости создания новых и развивающихся научно-технических городов, Центр АТЭС проводил анализ состояния научно-технологических посреднических агентств для Китая, чтобы определить стратегию их инновационного развития.

Китайское правительство выбрало инновационную политику, основанную на «кластерном» методе. Государственные кластеры и инкубаторы обеспечивали поддержкой высокотехнологические start-up-компании. Так как эти кластеры были тесно связаны с государственными НИИ и университетами, обладающими высокими технологическими возможностями, новые start-up-компании и новообразующиеся дочерние компании могли получать значительную технологическую поддержку [13: с. 58–59; 8: с. 62–64].

С учётом этого опыта во Владивостоке была создана коммуникационная площадка, на базе которой могли встретиться заинтересованные лица и начать общение. Портал, располагавшийся по адресу www.garces.ru, предлагал большое количество полезных и удобных функций как для разработчиков, так и для инвесторов. Структура портала включала в себя несколько уровней доступа для пользователей и предусматривала в своём составе базы данных разработок, инвесторов, инновационных агентов, включая формы для онлайн-регистрации, а также формы вывода информации потенциальным потребителям. Достаточно было только заполнить предлагаемую форму, соответствовавшую категории заинтересованного лица, для установления контакта с центром «ТехноРАТЭС». После этого становились доступными различные формы взаимодействия: экспертиза проектов и помощь в подготовке проекта для предоставления потенциальным инвесторам – для разработчиков; подбор прибыльного проекта – для инвесторов; выход на переговорный процесс – для заинтересованных в сотрудничестве организаций. Информационный отдел портала занимался регистрацией доменов и сопровождением Интернет-проектов.

Выполнять такого уровня работу могли высокообразованные специалисты, подготовленные в Дальневосточном государственном университете, Дальневосточном государственном техническом университете, Тихоокеанском государственном экономическом университете – ведущих вузах Приморского края. Такой уровень помощи инновационным предпринимателям соответствовал требованиям начала XXI в.

Однако многообещающие проекты на деле не опирались на ключевой хозяйственный механизм развития общества – предпринимательство, хотя основные функциональные характеристики предпринимательства присутствовали во всех концептуальных построениях теории предпринимательства – от метафизических до современных бихевиористических и психосоциальных [9: с. 23]. Вместе с тем более полутора веков назад В.И. Даль определил предпринимательство как готовность «...затевать, решаться использовать какое-либо новое дело, приступать к свершению чего-либо значительного» [7: с. 388]. В развитых странах предпринимательство ко второй половине XX в. уже опиралось на подтверждающую практикой концепцию, определявшую функции и значимость предпринимателей в стратегии инновационной политики. «Задача предпринимателей – реформировать и революционизировать способ производства путём внедрения изобретений, а в более общем смысле через использование новых технологических возможностей для производства новых товаров или

прежних товаров, но новым методом благодаря открытию нового источника или нового рынка готовой продукции – вплоть до реорганизации прежней или создания новой отрасли промышленности» [30: р. 72], – такой вывод сделал Й. Шумпетер.

Реализация инноваций – функциональная характеристика предпринимательства, изложенная и в других концепциях зарубежных и отечественных учёных. Так, шотландец Р. Кантилион выдвинул понятие «инновационного риска» [24: р. 53–58]. Й. фон Тюнен, представитель немецкой школы, считал «обоснованным доход предпринимателей за инновационный риск и предпринимательское искусство», поскольку в основе этого дохода лежит деятельность предпринимателя как новатора, внедрившего в производство новую технику и новейшую технологию [24: с. 53–58].

Идеи Й. фон Тюнена развил далее Дж.Л. Шэкл, выделив главную функцию предпринимателя – принимать решения в революционных инновационных изменениях в экономическом процессе [29]. Неоавстрийская школа (Ф.А. Хайе, Л. Мисес) [26; 28] и американский исследователь Л.М. Кизнер [27] считали, что в основе предпринимательской деятельности лежит социальный акт открытия новых, прибыльных возможностей, повышающих качество и уровень жизни всего общества.

Однако наиболее завершённое теоретическое обоснование значимости предпринимателей в реализации стратегии инновационной политики государства дал Й. Шумпетер. Хозяйственных субъектов, функцией которых является осуществление постоянных «новых колебаний» на рынке, Й. Шумпетер назвал предпринимателями, которые осуществляют на предприятии «созидательное разрушение» старого, оставаясь при этом главной фигурой в социальной структуре общества. Инновации он представлял как новую научно-организационную комбинацию производственных факторов, мотивированную предпринимательской активностью [30: р. 72].

Внимательное и постоянное изучение инновационных процессов стало стратегией предпринимателей развитых стран. Ориентация в мире научных открытий и разработок, подготовка персонала к непрерывному инновационному процессу предопределили потребность фирм в разработке своей «инновационной политики» и методики подготовки восприимчивости персонала к быстрым и непрерывным перестройкам. П. Друкер, американский специалист по инновациям, подчёркивал, что инновации – это «...особый инструмент предпринимателей, средство, с помощью которого они используют изменения как шанс для разного рода бизнеса» [25: р. 33].

Развитию среднего и малого бизнеса государства развитых стран уделяют особое внимание, поскольку именно этот бизнес обладает богатейшим инно-

вационным потенциалом: затрачивает средства, проводя инновационные работы, на одного учёного или инженера вдвое меньше, чем большой бизнес. Готовность к риску, гибкость, необходимые для динамичного обновления производства, делали предпринимателей заслуживающими кредитной, налоговой, информационной помощи от государства.

Казалось бы, что эти концепции зарубежных исследователей, подтверждённые практикой успешного развития и процветания экономик развитых стран Запада, а за ними и стран АТР, должны были учитываться при разработке и реализации стратегии инновационной политики на Дальнем Востоке России. На это было направлено и постановление Правительства РФ «Об условиях и порядке предоставления средств федерального бюджета, предусмотренных на государственную поддержку малого предпринимательства» от 22.04.2005 г. за № 249 [20]. На базе этого постановления был проведён Всероссийский конкурс регионов по двум направлениям: развитию системы кредитования малого предпринимательства и поддержке малых инновационных предприятий, ориентированных на экспорт. По итогам конкурса именно Приморский край был признан в числе победителей, а бюджету края было выделено 7,5 млн руб. из федерального бюджета для финансирования мероприятий, осуществляемых в рамках оказания государственной поддержки малого инновационного предпринимательства, поскольку в общем количестве организаций, действовавших на территории Приморского края, каждая третья являлась малой. Так, в строительстве работало 48,4 % малых организаций, в транспорте и связи – 35,1 %, в обрабатывающем производстве – 41,2 %. Вместе с тем численность работавших на малых предприятиях составляла 97 868 чел. (10 % от занятых в экономике края). Причиной низкого уровня занятости и самозанятости населения оставался недостаток квалифицированных кадров в предпринимательстве вследствие слабых знаний в грамотном ведении бизнеса, ещё не развитой системы образовательных программ в сфере предпринимательства. Поэтому 27,7 % от общей численности работающих на малых предприятиях были заняты в сферах оптово-розничной торговли и бытового обслуживания населения, 17,8 % – на обрабатывающих производствах, 15,4 % – в строительстве, 13,4 % – в транспортной отрасли и связи. В выпуске промышленной продукции наибольший вклад малого бизнеса приходился на производство бытовой техники, продуктов питания, продукции деревопереработки и стройматериалов¹.

¹ Подсчитано авторами на основании материалов текущего архива Комитета поддержки предпринимательства отдела развития экономики и внешних связей Администрации Приморского края за 2004–2005 гг.

Комитетом поддержки предпринимательства отдела развития экономики и внешних связей администрации Приморского края долгие годы руководила В.М. Евтушенко, по инициативе которой было определено приоритетное направление развития малого предпринимательства – развитие его в инновационной научной сфере. Для этого были разработаны методы стимулирования развития малого инновационного предпринимательства, ежегодно проводились конкурсы «Предприниматель Приморья», обеспечивалось льготное участие субъектов малого инновационного предпринимательства в проводимых на территории края выставках-ярмарках ООО «Дальэкспоцентр».

В 2006 г. определились результаты выполнения Программы содействия коммерциализации инноваций Фонда содействия развитию малых предприятий в научно-технической сфере (фонд Бортника), на новом этапе – программы «СТАРТ». Финансирование инновационных проектов за период 2004–2006 гг. получили 26 малых предприятий в объёме более 20,5 млн руб. [15: с. 8–9].

В рамках программы «СТАРТ» Инновационно-технологический центр Приморья ДВО РАН (ИТЦП) проводил обучающую Программу содействия коммерциализации инновационных идей, состоявшую из цикла лекций, семинаров и практических занятий по основам инновационного предпринимательства и бизнес-планирования. В центре внимания Программы была помощь «носителям» инновационных идей в поиске путей самореализации, приобретения навыков и знаний, необходимых для коммерциализации научных заделов вплоть до разработки бизнес-плана и организации собственного бизнеса. Приоритетным направлением Программы были еженедельные семинары-тренинги, которые проводились с ноября 2005 г. в Президиуме ДВО РАН.

В Программу были включены основные дисциплины, знакомство с которыми необходимо было для развития мотивации продвижения знаний на рынок новых технологий, а также комплексного решения проблем, возникавших на пути превращения инновационных идей в успешный бизнес. Прошедшие обучение принимали участие в конкурсе бизнес-планов программы «СТАРТ» и получали возможность финансовой поддержки Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере.

Процент «попадания» в программу «СТАРТ» составлял 25 %, т.е. практически каждый 4-й проект получал в первый год финансирования в размере 750 тыс. руб., предоставлявшееся на безвозвратной основе. Прошедшие по конкурсу программы «СТАРТ» имели также возможность получения услуг, необходимых для организации и развития нового бизнеса (юридические, образовательные,

информационно-технологические услуги, услуги по продвижению на рынок, помощь в поиске инвестора). Участвовать в обучающей программе могли представители любых организаций (любого возраста) – авторы инновационных идей, желающие получить знания и навыки по основам предпринимательства.

Таким образом, в начале XXI в. администрацией Приморского края были предприняты значительные усилия для разработки концепции инновационной политики и её реализации в крае. Была создана нормативно-правовая база, регламентировавшая развитие малого предпринимательства в Приморском крае и способствовавшая его становлению как инновационной модели хозяйствования: Закон «Об упрощённой системе налогообложения на основе патента для индивидуальных предпринимателей в Приморском крае» от 29.10.2005 г. № 292-КЗ); четыре постановления губернатора края С.М. Дарькина («О возмещении части процентной ставки по кредитам субъектов малого предпринимательства, полученных в кредитных организациях Приморского края» от 19.05.2005 г. № 106-лг; «О реестре субъектов малого предпринимательства в Приморском крае» от 23.10.2002 г. № 825; «О создании Совета по малому предпринимательству при губернаторе Приморского края» от 05.04.2002 г. № 205) и др. [15: с. 6–7]. Все они вместе с постановлениями Администрации Приморского края способствовали поддержке и развитию инновационной ориентации малого предпринимательства.

Исследование показало, что Администрация Приморского края осознавала специфику XXI в. и проводила политику на сокращение инновационного технологического отставания от стремительно развивавшихся стран АТР, становясь порталом технологии России в АТЭС.

В декабре 2006 г. на заседании Совета безопасности было принято решение по комплексному развитию Дальнего Востока. Для координации деятельности по социально-экономическому подъёму Дальнего Востока указом Президента РФ В.В. Путина от 29 января 2007 г. была создана Государственная комиссия во главе с председателем Правительства РФ М. Фрадковым. Заместителями председателя Государственной комиссии были назначены министр экономического развития и торговли РФ Г. Греф и полномочные представители Президента РФ в Дальневосточном и Сибирском федеральном округах К. Исхаков и А. Квашнин.

Главной задачей Государственной комиссии была эффективная интеграция этой огромной территории как в экономику России, так и в общемировые рынки. Важная роль в реализации этой задачи отводилась председательству России в АТЭС, на что заявка была озвучена на саммите АТЭС в Ха-

ное в ноябре 2006 г. Для проведения саммита АТЭС в 2012 г. был определён Владивосток, на что государством выделялось около 100 млрд руб. (весь бюджет края составлял 32 млрд руб.) [19: с. 7]. Сама подготовка к саммиту АТЭС и проведение более 100 запланированных мероприятий с участием влиятельных политиков, предпринимателей, финансистов, общественных деятелей должны были привлечь инвесторов к реализации концепции инновационной политики администрации Приморского края.

Конец XX – начало XXI в., оказавшись самым драматичным периодом для истории России, стали временем формирования новых функций государства, в том числе – функции развития инновационного предпринимательства. Анализ множества документов администраций Приморского, Хабаровского краёв и Амурской области показал полную зависимость действий региональных государственных властных структур от установок политической элиты верховной власти. Получив установку, нормативно-правовую основу и направление деятельности от Президента и Правительства РФ, властные структуры юга Дальнего Востока разрабатывали реальные инновационные программы, привлекая мощный научный, производственный и геополитический потенциал края или области.

Сравнительно короткая история формирования «инновационного климата» на юге Дальнего Востока дала возможность сделать вывод о возможности достойного вхождения в международные рынки АТЭС и АТР не поставщиком сырьевых богатств России, а равноправным партнёром. Выполнение программ стратегии инновационной политики с широкомасштабным вовлечением в этот процесс предпринимателей, ориентированных на внедрение научно-технических и технологический инноваций, отказ от закупок оборудования и новейших технологий за границей не поставили бы экономику целой страны в условия ускоренного поиска сроков и возможностей импортозамещения и производства собственной промышленной продукции. Однако изменившиеся внешние и внутренние условия потребовали сокращения инвестиций в инновационное развитие России и, в частности, Дальнего Востока, по состоянию на 2015 г. они значительно уступают развитым странам АТР и Европы, что отражено рис. 2 и 3.

С такой финансовой базой претендовать на солидное место Дальнего Востока в международном инновационном процессе трудно. Невозможно создать и нормальный инновационный климат в дальневосточных субъектах РФ, поэтому предприниматели, не имея инновационной поддержки, предпочли торговую сферу деятельности с ориентацией на краткосрочную окупаемость. Не составил исключения и Приморский край, где предприниматели ориентированы на туристскую сферу и сферу услуг.

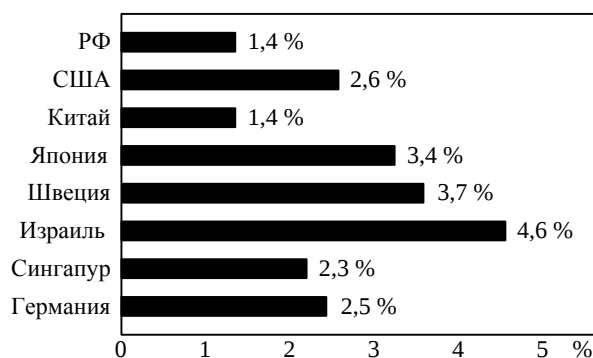

Рис. 2. Инвестиции в инновации по отношению к ВВП

Источник. НП «Центр Инноваций» // Дальневосточный капитал. 2015. № 11. С. 6.

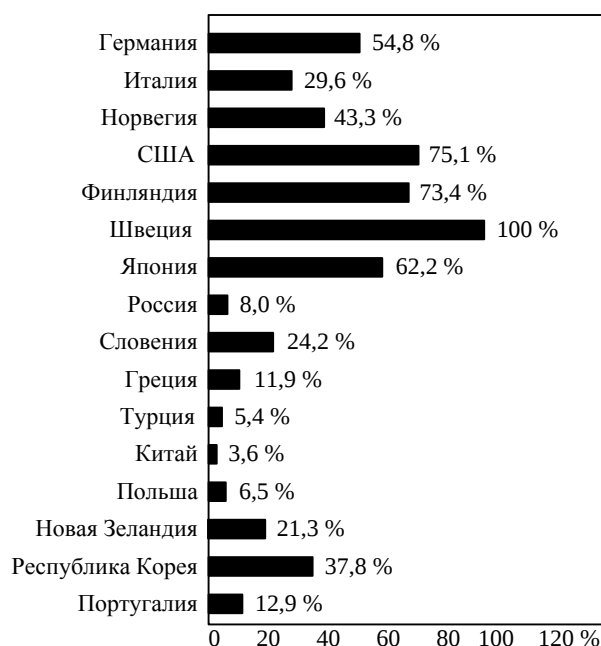

Рис. 3. Инвестиционная активность по странам, %

Источник. НП «Центр Инноваций» // Дальневосточный капитал. 2015. № 11. С. 6.

Стратегия инновационной политики на Дальнем Востоке уступила место «кластерной» стратегии, последняя – стратегии опережающего развития определённых 13 территорий субъектов РФ в ДФО. Такая стремительная смена «моделей» развития служит оправданием предпринимателей, которые продолжают вывозить за пределы России природные богатства и вкладывать средства только в их разработку.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдулов, А.Н.* Проблемы развития инновационной экономики в Российской Федерации / А.Н. Абдулов // Россия и современный мир. – 2004. – № 4. – С. 25–42.
2. *Алексейко, Л.Н.* Форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) / Л.Н. Алексейко // Инновационное сотрудничество. – 2006. – № 1. – С. 10–11.

3. Басаргин, В. Власть. Компетентно / В. Басаргин // Российская газета. Регион. – 2011. – № 221. – С. 5.
4. Верёвкин, Л.П. Инновационная деятельность: исследовательские результаты, производство, рынок / Л.П. Верёвкин // Вестник РАН. – 2003. – Т. 73. – № 2.
5. Воронцова, Н. В кругу лицензионных проблем / Н. Воронцова // Дальневосточный капитал. – 2011. – № 7. – С. 12–13.
6. Гумилёв, Л.Н. Энтосфера: история людей и история природы / Л.Н. Гумилёв. – М.: Экопрос, 1993. – 387 с.
7. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 3 / В.И. Даль. – М.: Терра, 1995. – С. 388.
8. Джоу, Янг Ким. Инновационная политика в области инновационного малого и среднего предпринимательства в 10 странах АТЭС / Джоу Янг Ким // Азиатско-Тихоокеанский альманах. – 2006. – № 2. – С. 62–64.
9. Дробышева, И. Будущее пока не наступило / И. Дробышева // Дальневосточный капитал. – 2007. – № 9. – С. 23.
10. Иванченко, С.И. Высшее образование как инновационная сфера / С.И. Иванченко // Дальневосточный капитал. – 2003. – № 10.
11. Из выступления В.В. Путина на Совместном заседании Совета безопасности и Президиума Госсовета в феврале 2004 г.
12. Инновационный терминал – стратегия для Дальнего Востока России // Азиатско-Тихоокеанский альманах «Инновационное развитие (THE ASIA PASIFIC ALMANAC "INNOVATIVE DEVELOPMENT")». – 2007. – № 2.
13. Ифан, Ван. Развитие научно-технологических посреднических структур Сучжоу (КНР) / Ифан Ван // Азиатско-Тихоокеанский альманах. – 2006. – № 2. – С. 58–59.
14. Коршенко, И.Ф. Инновационный терминал – стратегия Дальнего Востока России / И.Ф. Коршенко, В.В. Горчаков, Л.Н. Алексейко // Инновационное развитие. Азиатско-Тихоокеанский альманах. – 2007. – № 2.
15. Малое предпринимательство Приморского края // Малый бизнес: деловое партнёрство. Второй форум «Предпринимательство» в г. Владивостоке (15–17 ноября 2006 г.). – Владивосток, 2007.
16. Медведев, А. Иногда приходится маскировать инновационную деятельность / А. Медведев // Дальневосточный капитал. – 2005. – № 10. – С. 68–69.
17. Отчёт о научно-исследовательской работе № 15-32 // Разработка основных направлений развития инновационной деятельности в Хабаровском крае. – Хабаровск: Дальневост. филиал Рос. гос. ун-та инновационных технологий и предпринимательства, 2003. – 154 с.
18. Предпринимательство в конце XX в. – М., 1992. – 312 с.
19. Путин, В. В Дальний Восток нужно вкладывать деньги / В. Путин // Владивосток. – 2007. – 30 марта. – С. 7.
20. Российская газета. – 2005. – 23 апреля.
21. О задачах по созданию университетских комплексов как опорных звеньев региональной инновационной инфраструктуры / В.И. Сергиенко [и др.] // Роль науки, новой техники и технологии в экономическом развитии регионов: материалы Дальневост. форума с междунар участием. В 2 ч. Ч. 1. – Хабаровск, 2003. – С. 26–31.
22. Сокол, И.В. Наука и инновационное развитие в Хабаровском крае / И.В. Сокол // Дальний Восток: наука, экономика, образование, культура в XXI в. Опыт, прогноз: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (15–16 сентября 2005 г.). В 3 т. Т. 1. – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во Комс.-н/А. гос. пед. ун-та, 2005.
23. Шумпетер, Й. Теория экономического развития / Й. Шумпетер. – М.: Прогресс, 1982. – 453 с.
24. Cantillon, R. Essai sus la nature du commerce en general / R. Cantillon; Ed. and transl. by Higgs. – L., 1931. – P. 53–58.
25. Drucker, Peter F. Managing for results / Peter F. Drucker. – London, Sydney, 1992. – P. 33.
26. Hayek, F.A. New studies in philosophy, politics, economics and the history of ideas / F.A. Hayek. – L., 1978. – 180 p.
27. Kirzner, I.M. Perception, opportunity and profit: Studies in the theory of entrepreneurship / I.M. Kirzner. – Chicago, 1979. – 115 p.
28. Mises L. von. Human action: A treatise on economics / Mises L. von. – New Haven (conn), 1949. – 249 p.
29. Shackle, G.L.S. The nature of economic thought / G.L.S. Shackle. – Cambridge (Mass), 1966. – 173 p.
30. Shumpeter, J. Can Capitalism survives? / J. Shumpeter. – New-York: Harper Row, 1952. – P. 72.
31. The Global «Go to Think Tanks» 2010. The Leading Public Policy Research Organizations in the World / University of Pennsylvania. – Philadelphia, PA, USA, 2011, January 18.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ: ДЕСЯТЬ ЛЕТ ПЕРЕМЕН (2005–2015)

Ю.А. Павлов

Павлов Юрий Анатольевич – кандидат исторических наук, директор центра методической и научно-исследовательской работы Краевого государственного бюджетного учреждения «Государственный архив Хабаровского края» (г. Хабаровск).

Контактный адрес: pavlov.east@yandex.ru

В статье рассматривается социально-экономическое положение Дальнего Востока России в 2005–2015 гг. В основе анализа лежат материалы Федеральной службы государственной статистики. Полученные данные свидетельствуют о том, что за прошедшее десятилетие в регионе было сделано немало важных шагов в улучшении социально-экономической ситуации, однако при наличии положительных тенденций по ряду направлений есть еще много сложных и противоречивых явлений, которые сдерживают потенциал социально-экономического развития Дальнего Востока.

Ключевые слова: Дальний Восток России, Федеральная служба государственной статистики, социально-экономическое развитие, 2005–2015 гг.

Дальневосточный регион всегда имел большое значение для России. Вся история заселения и хозяйственного освоения восточной окраины была неразрывно связана с проводимой здесь государственной политикой. Дальний Восток исторически развивался под пристальным вниманием государства.

Дальний Восток занимает огромную территорию России, для которой характерно большое разнообразие и сложность природно-климатических и социально-экономических условий. Дальний Восток – один из немногих экономических районов страны, который располагается в пределах пяти ландшафтных зон (арктическая пустыня, тундра, лесотундра, лесная и лесостепная). Специалисты выделяют на его территории 38 физико-географических областей. Дальневосточные берега омываются водами шести морей. Природные условия Дальнего Востока очень контрастны, все регионы значительно различаются друг от друга по уровню развития экономики. Значительная часть Дальнего Востока относится к территориям с незавершенным хозяйственным освоением [20: с. 382–558; 7].

С 2000 г. административно Дальний Восток входит в Дальневосточный федеральный округ (ДФО). Сегодня ДФО – это 9 регионов: Республика Саха (Якутия), Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Камчатский край, Магаданская область, Сахалинская область, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ.

Современный Дальний Восток – территория с богатейшими запасами природных ресурсов – почти вся таблица Менделеева, с уникальной флорой и фауной. Здесь сосредоточено около половины геологических запасов угля, более трети запасов древесины страны. Биологические ресурсы в двухсотмильной морской зоне оцениваются в 25,8 млн тонн. Дальний Восток, добывая более 70 видов минерального сырья, занимает ведущее место в Рос-

сии по разработке месторождений алмазов, золота, олова, урана и других металлов, по улову рыбы, добыче морепродуктов. В регионе находится более 80 % общероссийских запасов и почти 100 % добычи алмазов, 92 % запасов и 100 % добычи олова, 33 % запасов и около 50 % добычи золота, 30 % запасов и более 50 % добычи серебра, 50 % запасов и 100 % добычи сурьмы, около 23 % запасов и 87 % производства вольфрамового концентрата. Добывается 100 % бора, 80 % плавикового шпата. Здесь сосредоточено более 20 % общероссийских прогнозных ресурсов углеводородов. Площадь лесного фонда составляет 55 % от общероссийского. Имеются различные виды строительных материалов, сырье для их производства. Рыбохозяйственный комплекс является крупнейшим в России, его доля в общероссийском вылове водных биологических ресурсов и выпуске пищевой рыбной продукции составляет более 65 % [2: с. 4].

Значение Дальневосточного региона в современных условиях не только не уменьшается, но все более возрастает. Этот процесс является объективным и закономерным. С одной стороны, наблюдается динамичное развитие Азиатско-Тихоокеанского региона, который становится «новым Средиземноморьем», с другой стороны, обострение политических отношений России со странами Европейского союза и США вынудило политическое руководство России активизировать восточное направление внешней политики.

В последнее время происходит переосмысление роли и значения восточных регионов страны. Перспективы дальнейшего развития этих территорий в последние годы стали объектом пристального внимания федерального центра, региональных властей, российских исследователей и экспертов. Были разработаны стратегии и программы развития для федеральных округов, регионов и отдельных отраслей

экономики. Научными центрами и независимыми экспертами подготовлены аналитические доклады, сделаны прогнозы, сформулированы предложения по приоритетам развития восточных территорий страны. Своеобразным логическим завершением этой тенденции стало выступление Президента России В.В. Путина с посланием к Федеральному собранию 2013 г., в котором он назвал социально-экономический подъем Сибири и Дальнего Востока важнейшим национальным приоритетом страны на весь XXI в.

Государство запустило крупные целевые программы по долгосрочному развитию востока страны; увеличило масштабы прямого и косвенного финансирования восточных территорий. Среди крупных мероприятий, реализованных и реализуемых на Дальнем Востоке в последние годы, можно отметить следующие: сооружение нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан», возведение моста на о. Сахалин и реконструкция БАМа, строительство космодрома «Восточный» и автодороги Чита – Хабаровск, возведение объектов для саммита АТЭС во Владивостоке, создание федеральных университетов во Владивостоке и Якутске, развертывание производства пассажирского самолета SSJ-100 в Комсомольске-на-Амуре.

С целью поддержки инфраструктурных проектов востока России в 2011 г. был создан Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона. Было инициировано формирование сети территорий опережающего развития со льготными налоговыми условиями, упрощенными административными процедурами, создаваемой для привлечения инвестиций, ускоренного развития экономики и улучшения жизни населения. В 2016 г. был принят федеральный закон № 119-ФЗ «О дальневосточном гектаре», регулирующий земельные, лесные и иные отношения, связанные с предоставлением гражданам Российской Федерации земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территории ДФО. Основная цель всех указанных мероприятий – ускоренное развитие Дальнего Востока, превращение его в конкурентоспособный регион с диверсифицированной экономикой и благоприятной социальной сферой.

При столь усиленном внимании государства к Дальнему Востоку вполне можно ожидать серьезных качественных изменений в социально-экономическом положении региона за последнее десятилетие. В связи с чем автор статьи планирует проследить изменение некоторых значимых социально-экономических показателей ДФО в 2005–2015 гг. Для этого были использованы материалы государственной статистики.

Материалы Федеральной службы государственной статистики (Росстат) позволят ответить на неко-

торые вопросы и увидеть эти изменения в динамике. Автором были использованы опубликованные тематические статистические сборники и справочники «Регионы России», «Федеральные округа: социально-экономическая статистика» [11; 12; 14–16], а также статистические материалы, размещенные на официальном сайте Росстата [19]. Все они указаны в списке литературы. Также автором были использованы обзорно-аналитические материалы российских экономистов по социально-экономическому положению ДФО [8; 9].

Проанализируем основные социально-экономические показатели развития ДФО в 2005–2015 гг. Одной из основных проблем дальневосточного региона является постоянный отток населения. Несмотря на все меры государственной поддержки в 2005–2015 гг. общая численность населения в ДФО снизилась с 6,4 млн до 6,2 млн чел. Одновременно с этим снизилась численность населения в трудоспособном возрасте с 4,2 млн до 3,7 млн чел. Миграционное сальдо остается отрицательным: число выбывших из региона превышает количество прибывших в него (табл. 1).

Таблица 1

Распределение числа лиц, прибывших в ДФО по направлениям передвижения, %

Категория	Годы		
	2005	2010	2015
В пределах региона	62,5	58,9	51,9
Из других регионов России	34,2	35,1	35,3
Из-за рубежа	3,3	6,0	12,8
Всего	100	100	100

Данные табл. 1 указывают, что миграционные процессы связаны, прежде всего, с перемещениями населения внутри ДФО (50–60 %), с притоком населения из других регионов России (34–35 %) и незначительным контингентом населения, прибывшего из-за рубежа (3–12 %). Причем число последних выросло в 4 раза и связано с прибытием в регион трудовых мигрантов из стран АТР и Средней Азии.

Таким образом, миграция для Дальнего Востока становится все более инокультурной. Программа добровольного переселения соотечественников из-за рубежа и из центра России также не имела успеха и продемонстрировала неэффективность в улучшении демографии. Желание вернуться на Дальний Восток было только среди не обустроенных на прежних местах жительства и малообразованных людей, в то время как высококвалифицированные, трудоспособные граждане стремились осесть в западных регионах страны. Особенно сложно привлечь трудовое население в отдаленные районы Дальнего Востока. Основная причина –

низкий уровень жизни и отсутствие элементарных удобств [6].

Новым явлением в динамике населения Дальнего Востока стало положительное значение естественного прироста населения. Намечилась некоторая тенденция нового репродуктивного подъема. Однако, несмотря на превышение числа рождений над уровнем смертности в последние годы, ситуацию в ДФО нельзя назвать стабильной. Пока это скорее хрупкое и уязвимое равновесие. Рассчитывать, что в перспективе численность населения Дальнего Востока будет увеличиваться благодаря естественному воспроизводству, весьма проблематично: пока местное сообщество балансирует на уровне простого воспроизводства населения (табл. 2).

Таблица 2

Показатели естественного движения населения ДФО в 2005–2015 гг.

Индикатор	Годы		
	2005	2010	2015
Родилось граждан	75631	83290	86549
Умерло граждан	100187	86845	78442
Итого	-24556	-3555	8107

Одним из важных индикаторов социально-экономической ситуации в регионе является ожидаемая продолжительность жизни. Сравним этот показатель с ситуацией в целом по России (табл. 3).

Таблица 3

Ожидаемая продолжительность жизни мужчин и женщин, лет

Терри- тория	Годы						Итого	
	2005		2010		2015			
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
РФ	58,9	72,5	63,1	74,9	65,3	76,5	+6,4	+4,0
ДФО	56,1	69,4	60	72,1	62,7	74	+6,6	+4,6

За прошедшее десятилетие в ДФО зафиксирован рост ожидаемой продолжительности жизни, что свидетельствует об улучшении системы здравоохранения и социального обслуживания. Однако достигнутый успех все же меньше аналогичных средних значений по стране.

Среднемесячная начисленная заработная плата выросла в ДФО с 11 347,9 до 42 877 руб., а размер месячной пенсии – с 2985,6 до 14 302 руб. Однако данное увеличение практически нивелируется неуклонным ростом потребительских цен. Весь Дальний Восток России по уровню стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг входит в число самых дорогих регионов страны.

Количество граждан, пользующихся льготами, осталось в ДФО практически неизменным: 1,3 млн (2005) и 1,2 млн (2015). Число семей, получавших субсидии по оплате услуг ЖКХ, сократилось с 378

до 141 тыс., также как число безработных – с 272 до 211 тыс. чел.

Однако при всех положительных тенденциях, зафиксированных статистикой, социальную ситуацию на Дальнем Востоке трудно назвать стабильной. Несмотря на то что доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума в ДФО снизилась более чем на 8 %, тем не менее регион имеет худшие показатели, чем в среднем по стране. В России за чертой бедности находится каждый десятый житель, на Дальнем Востоке каждый седьмой (табл. 4).

Просроченная задолженность по заработной плате в ДФО сократилась с 1 млрд (2005 г.) до 161 млн руб. (2010 г.). В период 2010–2015 гг. в условиях новой рецессии в экономике России и экономических санкций со стороны США и стран Евросоюза задолженность по заработной плате вновь начала расти (до 465 млн руб. в 2015 г.). Это обстоятельство может усилить социальную напряженность в регионе.

Таблица 4

Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума, %

Территория	Годы			Итого
	2005	2010	2015	
РФ	17,8	12,5	11,2	-6,6
ДФО	22,5	16,5	14,1	-8,4

Число общеобразовательных школ в ДФО в 2005–2015 гг. сократилось с 2853 до 2321, число вузов – с 49 до 38. Эти явления связаны с политикой по оптимизации сети образовательных учреждений, активно проводившейся Министерством образования и науки России на всей территории страны. Здесь, на Дальнем Востоке, эти реорганизации (слияния, присоединения, поглощения) так же, как в остальной России, сопровождались массовыми сокращениями работников образования, тем самым формируя еще один очаг социальной напряженности.

В сфере жилищного строительства ДФО в указанный период наблюдаются противоречивые тенденции. С одной стороны, увеличилось в абсолютных значениях число вводимого в строй жилья. Если в 2005 г. было введено 886,9 тыс. кв. метров жилья, то к 2015 г. 2164,7 тыс. кв. метров. С другой стороны, в вопросе ветхого и аварийного жилищного фонда ситуация в ДФО остается хуже, чем в среднем по России (табл. 5).

Это говорит о том, что уровень жизни населения в регионе ниже, чем в среднем по России. Кроме того, как показывает практика, на Дальнем Востоке у населения сильны патерналистские и иждивенческие настроения. Существует большая уверенность, что государство должно обеспечить местных жите-

лей работой, улучшить социально-культурные условия, помочь с приобретением жилья, предоставить другие дополнительные льготы.

Таблица 5

**Удельный вес ветхого
и аварийного жилищного фонда, %**

Категория жилищного фонда	Годы						Итого	
	2005		2010		2015			
	РФ	ДФО	РФ	ДФО	РФ	ДФО	РФ	ДФО
Ветхий	2,8	4,9	2,5	4,6	2,0	4,0	-0,8	-0,9
Аварийный	0,4	0,8	0,6	1,5	0,7	1,8	+0,3	+1,0
Всего	3.2	5.7	3.1	6.1	2.7	5.8	—	—

Все отмеченные выше показатели говорят о том, что социальная ситуация в регионе имеет неоднозначный характер. Из-за низкой плотности населения и рассредоточенности населенных пунктов по огромной территории ДФО на региональные и местные бюджеты ложится повышенная нагрузка на содержание административного аппарата и социальной инфраструктуры в удаленных районах и малочисленных поселениях. Бюджетные дефициты, в особенности муниципалитетов, остаются хронически нерешенной проблемой всего региона.

Обратимся к экономической ситуации, сложившейся в ДФО. В настоящее время вклад региона в экономику России остается недопустимо низким. Богатейшие ресурсы недр используются не более чем на 30 %. Более того, уже добытые ресурсы не проходят глубокой переработки, в результате готовый продукт имеет низкую добавочную стоимость. Объемы выпуска высокотехнологичной продукции пока остаются незначительными [22: с. 3].

Для российского Дальнего Востока характерны инфраструктурная неразвитость, отсталые технологии производства и доставки товаров, изношенность основных производственных фондов, низкий уровень вложений в основной капитал, недостаточность базы для производства и внедрения инноваций [1: с. 21]. Ниже (табл. 6) представлен ряд показателей, характеризующих экономическое развитие ДФО.

Таблица 6

**Экономические показатели ДФО 2005–2015 гг.,
% к общероссийским данным,**

Индикатор	Годы		
	2005	2010	2015
Добыча полезных ископаемых	6,2	11,3	12,8
Обрабатывающие производства	1,5	1,5	1,7
Производство и распределение электроэнергии, воды и газа	6,5	5,4	5,9
Объем производства сельскохозяйственной продукции	3,9	3,9	3,1
Оборот розничной торговли	4,1	4,0	4,4
Внешнеторговый оборот	4,5	4,7	5,1
Инвестиции в основной капитал	6,6	7,9	6,1
Иностранные инвестиции	11,1	9,3	2,3

Экономическая ситуация в ДФО полна контрастов и противоречий. С одной стороны, доля прибыльных предприятий увеличилась с 57 до 65,4 % (однако эти показатели ниже среднероссийских). С другой стороны, число малых предприятий в 2005–2015 гг. снизилось с 38,2 до 10,4 тыс. Малый бизнес – это локомотив экономики и один из показателей инвестиционной привлекательности территории. Однако в данном вопросе еще много нерешенных проблем: развитие малого бизнеса является одной из болевых точек региональной экономики.

Несмотря на декларирование повышенного внимания к Дальнему Востоку, объем финансовых ресурсов, вкладываемых в развитие экономики региона, в сопоставлении с федеральными округами заметно ниже. Инвестиции в основной капитал с 2005 по 2015 г. выросли в ДФО с 234 млрд до 885 млрд руб. В то время как объем иностранных инвестиций сократился с 5,9 млрд до 3,9 млрд долларов. В 2015 г. в ДФО сохранилась отрицательная динамика инвестиционной активности, зафиксированная еще в 2012 г., в связи с окончанием крупных инвестиционных проектов. Последнее обстоятельство также объяснимо экономическими санкциями, наложенными США, странами Евросоюза и их союзниками по АТР. По данным Центрального Банка России, 2015 г. стал одним из самых провальных с точки зрения привлечения иностранных инвестиций [10].

Стоит отметить, что иностранный капитал очень осторожно выбирает сферы своего приложения в дальневосточной экономике, в основном отдавая предпочтение «сырьевым» проектам и оставляя без внимания предложения о сотрудничестве в обрабатывающих отраслях. Если в российской экономике в сырьевой сектор направляется около 20 % иностранных инвестиций, то в дальневосточной экономике – более 90 % [13: с. 9].

Во внешнеторговом обороте ДФО наблюдаются положительные тенденции. С 2005 по 2015 г. он вырос с 10,4 млрд до 20,2 млрд долларов, экспорт стабильно превышает импорт. Однако до сих пор сохраняется модель узкой экспортно-сырьевой специализации Дальнего Востока. Экономика региона по-прежнему ориентирована на вывоз за рубеж либо необработанного сырья, либо сырья на начальной стадии его обработки.

К трем ведущим отраслям экономики региона относится: добыча полезных ископаемых, заготовка древесины, промысловая добыча рыбы и морских биоорганизмов. Однако «сырьевая» экономическая модель не может обеспечить ни высоких темпов роста благосостояния населения, ни социальной стабильности, ни международной конкурентоспособности российских предприятий, а значит, и надежных основ для национальной безопасности России [1: с. 23].

Остро стоит вопрос о продовольственной безопасности ДФО. Речь идет о недостатке возможностей собственного сельскохозяйственного производства для того, чтобы обеспечить население продовольствием, а промышленность – необходимым сельскохозяйственным сырьем. В настоящее время ДФО обеспечивает за счет внутренних ресурсов менее 15 % потребностей в продовольствии. Так, например, объем производства зерновых культур на Дальнем Востоке весьма незначителен и не превышает 0,5 млн тонн при существующих потребностях как минимум в 20 раз больших [5: с. 61].

Ведение сельского хозяйства в ДФО затруднено вследствие сложных природно-климатических условий и низкого плодородия земель. Все регионы округа расположены в зоне рискованного земледелия. Сельскохозяйственные угодья занимают 1,5 %, а пашня лишь 0,5 % территории округа [2: с. 6].

Ситуация, несомненно, усугубляется огромными размерами и чрезвычайной неравномерностью регионального развития страны. В настоящее время всего 14 из 83 субъектов Российской Федерации (без Крыма и Севастополя) являются нетто-производителями продовольствия, остальные 69 выступают в роли нетто-потребителей. При этом сегодня для многих регионов Сибири и Дальнего Востока экономически выгодней закупать продовольственные продукты, например в КНР, чем везти их из Европейской части России. Причина – отсталая транспортная инфраструктура и сильно завышенные тарифы на железнодорожные грузоперевозки.

Причем некоторые аналитики считают, что Дальний Восток должен сам себя обеспечивать продовольствием. По их мнению, в Амурской области, Еврейской автономной области и некоторых районах Приморского края находятся богатые плодородные земли, позволяющие при интенсификации ведения сельского хозяйства не только прокормить 6-миллионное население ДФО, но и экспортировать экологически чистую продукцию за рубеж [1: с. 23].

Другие, наоборот, считают такую идею утопичной, так как стремление регионов к продовольственному самообеспечению противоречит их общественному разделению труда и региональной экономической специализации. Традиционно регионы дифференцируются на производящие (вывозящие продукты питания, а также самообеспечиваемые) и потребляющие (ввозящие) продовольствие [4; 17; 18].

Подводя итоги всему изложенному, можно отметить, что социально-экономическая ситуация в Дальневосточном регионе в прошедшее десятилетие была сложной и противоречивой. С одной стороны, наблюдалось усиление внимания федерального центра к социально-экономическому освоению российских восточных окраин. Громкие поли-

тические декларации сопровождались разработкой новых программ и проектов, которые были призваны «ускорить», «улучшить» и «модернизировать». С другой стороны, в реальности не все получилось. Сухие цифры статистики не обманешь.

У некоторых политических экспертов складывается мнение, что все попытки привлечения внимания к Дальнему Востоку в последние годы носили импульсивный, спонтанный характер, делались для создания внешнего эффекта, подновления имиджа отсталого региона. Невозможно несколькими законодательными актами запустить экономическую активность и привлечь инвесторов в регион, в котором это не удалось сделать за последние двадцать лет. Недостаточно объявить остров Русский территорией опережающего развития и ждать там инвестиционного бума; построить университет и предвкушать быстрое улучшение человеческого капитала; объявить Владивосток свободным портом и предполагать резкое увеличение его загрузки. Не стоит ожидать и того, что 5–6 ТОРов, даже если они сработают, как изначально задумывались, кардинально преобразят лицо Дальнего Востока России [3: с. 9].

Многие жители региона уверены, что повышенное внимание Москвы к Дальнему Востоку – лишь временное явление, пока экономические отношения с Западом обострены. Российское руководство вынуждено сегодня уделять столько внимания своим восточным территориям, поскольку активно занимается развитием экономических и культурных связей со своим соседом, КНР. Однако федеральному центру пока не хватает убедительности в преподнесении того, что есть цель, а что – средство. Граждане, проживающие в регионах Дальнего Востока, вряд ли уверены в том, что они – цель, а не средства государственной политики [21: с. 70].

При любых инвестициях в развитие этого региона серьезный экономический результат не может быть получен, если население рассматривает свое пребывание в нем как временное и их интересы лежат вне региона. В этом случае отпечаток «временности» будут носить все экономические проекты, которые не только реализуются на Дальнем Востоке, но еще только принимаются к осуществлению [6: с. 6].

Прошедшее десятилетие ознаменовалось для Дальнего Востока России множеством программ и проектов, было сделано много новых шагов в направлении социально-экономического развития территории, но этого явно недостаточно, чтобы регион стал локомотивом российской экономики в XXI в. и придал ей новый импульс развития. Материалы Федеральной службы государственной статистики убедительно свидетельствуют о том, что при всех положительных явлениях за прошедшее десятилетие в регионе существует еще немало не-

решенных задач. Чтобы их устранить, потребуется немало времени и усилий не только федеральных и региональных властей, но и всех социальных институтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Александрова, М.В.* Социально-экономическое положение Тихоокеанской России и перспективные направления сотрудничества с КНР / М.В. Александрова // Аналитический вестник Совета Федерации. – 2014. – № 8. – С. 21–29.
2. *Ишаев, В.И.* Дальневосточный вектор России / В.И. Ишаев. – СПб. : Изд-во СПбУУЭ, 2012. – 79 с.
3. *Караганов, С.А.* Поворот на Восток: итоги задачи / С.А. Караганов, И.А. Макаров // Журнал Сибирского федерального университета. – 2015. – № 8. – С. 6–10. – (Сер. Гуманитарные и социальные науки).
4. *Колесняк, А.А.* О неправомерности распространения на регионы задачи обеспечения своей продовольственной безопасности / А.А. Колесняк, А.В. Колесняк // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2009. – № 9. – С. 80–83.
5. *Котилко, В.В.* Проблемы обеспечения продовольственной безопасности Сибири и Дальнего Востока: возможности кластерного подхода / В.В. Котилко, А.Г. Фарков // Государственный советник. – 2013. – № 3. – С. 58–68.
6. *Мотрич, Е.Л.* Роль миграции в динамике численности и составе населения Дальневосточного федерального округа / Е.Л. Мотрич // Региональные проблемы. – 2015. – Т. 18. – № 3. – С. 6–14.
7. *Павлов, Ю.А.* Дальний Восток России как образ: пространство контрастов и противоречий / Ю.А. Павлов // Дальний Восток: стратегия и тактика развития имиджа региона : материалы регион. науч. конф. – Хабаровск : Изд-во ДВГГУ, 2009. – С. 179–185.
8. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2010 г. / О.М. Прокапало [и др.] // Пространственная экономика. – 2011. – № 2. – С. 54–91.
9. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2015 г. / О.М. Прокапало [и др.] // Пространственная экономика. – 2016. – № 2. – С. 123–157.
10. Прямые иностранные инвестиции в Россию в 2015 г. рухнули на 92 % [Электронный ресурс] // Интерфакс, 2016. – 21 янв. – Режим доступа: www.interfax.ru/business/490758 (дата обращения: 10.10.2016).
11. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2015 : стат. сб. – М. : Росстат, 2015. – 672 с.
12. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015 : стат. сб. – М. : Росстат, 2015. – 1266 с.
13. *Рудько-Силиванов, В.В.* Интеграция российского Дальнего Востока со странами АТР: состояние, проблемы, перспективы / В.В. Рудько-Силиванов // Деньги и кредит. – 2012. – № 10. – С. 7–11.
14. Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в 2005 году. – М. : Росстат, 2006. – 77 с.
15. Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в 2010 году. – М. : Росстат, 2010. – 82 с.
16. Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в 2015 году. – М. : Росстат, 2016. – 84 с.
17. *Сухомиров, Г.И.* Условия и тенденции развития сельского хозяйства Дальневосточного федерального округа / Г.И. Сухомиров // Пространственная экономика. – 2011. – № 1. – С. 81–92.
18. *Тютюнник, В.В.* Продовольственная независимость региона / В.В. Тютюнник // Пространственная экономика. – 2016. – № 2. – С. 168–182.
19. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] : офиц. сайт. – Режим доступа: www.gks.ru (дата обращения: 10.10.2016).
20. Физико-географическое районирование СССР. Характеристика региональных единиц / под ред. Н.А. Гвоздецкого. – М. : Изд-во МГУ, 1968.
21. *Чечевишников, А.Л.* Восточный вектор российской политики и перспективы развития Дальнего Востока Сибири / А.Л. Чечевишников // Международные процессы. – 2014. – Т. 12. – № 1–2. – С. 51–75.
22. *Штыров, В.А.* Роль Дальнего Востока и Байкальского региона в развитии России / В.А. Штыров // Аналитический вестник Совета Федерации. – 2014. – № 8. – С. 3–6.

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СУДЬБУ СТРАНЫ

Р.Е. Селеверстов

Селеверстов Роман Евгеньевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: 26011973@list.ru

В статье анализируются особенности российского менталитета и факторы, под влиянием которых шло его формирование: географическое положение страны, конфессиональный выбор Руси, монгольское нашествие, авторитарная система государственности. Анализ исторического развития России показывает, что многие черты российского менталитета обнаруживают свою живучесть и воспроизводятся в различных, подчас неконструктивных и даже опасных формах. Вот почему более эффективны и успешны те стратегии социально-экономического развития, которые учитывают специфику российского менталитета.

Ключевые слова: менталитет, самосознание, стихийность и противоречивость русской души, природно-географический фактор, конфессия, западничество, славянофильство, евразийство.

Ситуация, сложившаяся в начале XXI в. в российской общественной жизни, диктует необходимость переосмысления ценностных приоритетов, с которыми человек подходит к постижению исторического прошлого и прогнозированию будущего. Именно поэтому возникает необходимость новой рефлексии социально-философских проблем, поиска парадигм, способных объяснить развитие исторического процесса, учитывающих изменившуюся реальность, а также соответствующих ценностно-целевым ориентирам, приемлемым для всего человечества. В этой связи нам представляется актуальным анализ вопроса о своеобразии российского менталитета и его влиянии на судьбу страны. Учет специфики российского менталитета позволит не только раскрыть некоторые еще не выявленные механизмы развития России, но и более эффективно определить стратегию дальнейшего развития страны.

Итак, какие же черты российского менталитета находят свое отражение в утопических проектах, способных, как показала история, воплощаться в жизнь в предельно неконструктивных и даже опасных формах? Какие факторы русской жизни обусловили их формирование?

Поскольку до сих пор понятие «менталитет» недостаточно эксплицировано, воспроизведем кратко историю его становления.

Впервые, как известно, термин «менталитет» был введен американским философом Р. Эмерсоном в 1856 г. при рассмотрении и изучении им метафизического значения души как первоисточника ценностей и истин. Вскоре это понятие стало использоваться в психологии, а также в философии неокантианцами, феноменологами, психоаналитиками. Элементы примитивного менталитета изучались сначала в этнологии, а впоследствии наиболее полно в социологии Э. Дюркгейма [8].

Далее Л. Леви-Брюль, продолжая исследование первобытного менталитета, сравнивает его с современным: мышление первобытных народов он называет пралогическим, а современных – логическим. Пралогическое мышление, по его мнению, магически связано с предметами внешнего мира, вследствие чего оно подчиняется не законам логики, а принципу тождества. Магия, сны, видения, игра – вот основные составляющие первобытного менталитета. Современный менталитет Леви-Брюль характеризует как логический, организованный и рациональный [11: с. 71, 302].

В работах Э. Фромма синонимом понятия «менталитет» является понятие «социальный характер». Идеи, по мнению Э. Фромма, становятся ощутимой силой в обществе лишь в том случае, когда отвечают потребностям данного социального характера [17: с. 332–335]. Основные проблемы коллективного менталитета разрабатывает основатель французской школы «Анналов» Л. Февр. Он подчеркивает, что менталитет выходит к бессознательным глубинам психики: привычки и установки, навыки и эмоциональная жизнь наследуются социумом от прошлых поколений без четкого осмысления этого [16: с. 97–112].

Из психоаналитиков анализу менталитета особое внимание уделяет К. Юнг. Называя менталитет «коллективным бессознательным», он рассматривает его как память поколений, с которой человек рождается. В своей сущности содержание коллективного бессознательного не является индивидуальным приобретением и состоит из архетипов, организующих психический опыт индивида и определяющих его самосознание [19: с. 41–49].

Было бы несправедливым недооценивать вклад русских мыслителей в разработку этого понятия. Так, русский философ Л.П. Карсавин дал философ-

ское осмысление менталитета за десять лет до школы «Анналов». Под менталитетом он понимает «состояние общественного сознания, духовную жизнь человека, в том числе и не всегда осмысляемые, но выражающие себя в поведенческих формах подсознательные рефлексy» [21: с. 40]. Согласно его мнению, каждая коллективность и каждый относящийся к ней индивид обладают, если воспользоваться современной терминологией, той «общей картиной мира», той системой ценностей и «умственных привычек», которые моделируют их социальную практику и повседневную жизнь.

Известный социолог П. Сорокин вводит понятие «культурный менталитет». Он пишет: «Каждый тип культуры имеет свою собственную ментальность; собственную систему знаний; философию и мировоззрение, свою религию и стандарты "святости"; собственное представление о том, что правильно и неправильно; форму искусства и литературы; собственную мораль; законы, нормы поведения; доминирующие формы социальных отношений; собственно экономическую и политическую организацию; и, наконец, свой собственный тип человеческой личности с особым менталитетом и поведением» [13: с. 16].

Некоторые русские философы считают, что синонимом менталитета является самосознание, а, скажем, Н.А. Бердяев полагал более уместным говорить о «национальном характере».

Отечественный философ И.К. Пантин считает, что в менталитете нации откладывается ее исторический опыт, перипетии ее формирования и развития. «Менталитет, — пишет он, — это своеобразная память народа о прошлом, психологическая детерминанта поведения миллионов людей, верных своему исторически сложившемуся "коду" в любых обстоятельствах, не исключая катастрофические» [12: с. 30].

А.Я. Гуревич отмечает, что понятие менталитета до известной степени заменимо понятием «картина мира». Но картина мира — это в значительной степени осознанное представление, зафиксированное в конкретных произведениях культуры, а менталитет не рефлексирован сознанием, а в большей степени переживается (эмоционально) и реализуется (поведенчески). Вряд ли тот или иной человек способен ответить на вопрос: «Какова твоя картина мира?» Между тем именно картина мира, включающая в себя, в частности, представление о личности и ее отношении к социуму, о свободе, равенстве, о праве и труде, о ходе истории и ценности времени, именно эта картина мира, унаследованная от предшествующих поколений и непременно изменяющаяся в процессе общественной практики, лежит в основе человеческого поведения [7: с. 454–455].

Анализ проблемы менталитета выводит также на проблему соотношения традиции и модерности.

Интерпретируя понятие традиции, итальянский философ В. Страда видит в ней устойчивые, неизменные, укорененные в повседневной практике нормы и установки, которые передаются из поколения в поколение и на которых основывается духовная, социальная и культурная жизнь общества. Именно традиция сохраняет уникальность народов, этносов, общностей, обеспечивает их существование в унифицирующемся и модернизирующемся мире. Ценности традиций носят локальный характер. А потому существование исключительно в рамках традиции ограничивает, а порой элиминирует возможность совершенствования и человека, и социума. Развивающееся общество может избежать радикальных утопических экспериментов и революций лишь в том случае, если ценности традиционализма органически сочетаются с ценностями модерности. В. Страда под модерностью понимает выработанные в ходе европейской истории последних веков нормы правового поведения, основанные на либеральных ценностях, которые, в отличие от ценностей традиционных, носят общечеловеческий характер [14: с. 58–59].

Нам представляется, что менталитет является более широким понятием по отношению к традиции, он в значительной степени определяет ее. Проведенный анализ позволяет определить менталитет как совокупность устойчивых жизненных установок и моделей поведения субъекта, формирующихся в процессе исторического развития.

Благодаря историческому выбору России в пользу социалистической идеи, проблема менталитета русской и других культур в советский период господства коммунистической идеологии не только не решалась, но и вовсе не ставилась. Между тем именно для российской истории принципиально важно исследовать глубинные, трудно рефлексированные структуры, комплексы, побуждения, представления, сформировавшиеся в глубине веков, но сохраняющие свою действенность и актуальность до настоящего времени.

Рассуждая о специфике российского менталитета, П.Я. Чаадаев характеризовал ее следующим образом: «Это все еще хаотическое брожение предметов нравственного мира, подобное тем переворотам в истории земли, которые предшествовали образованию нашей планеты в ее теперешнем виде» [18: с. 20]. Иными словами, это господство неупорядоченных стихий, хаоса, не претворенного в космос, или, еще точнее, неструктурированность общественной и духовной жизни. Такова роль России в раскладе мировых сил, полагал Чаадаев. В роли же начала гармонизирующего, нашедшего равновесие и порядок, выступает, по мнению русского философа, Западная Европа, выработавшая за долгие годы цивилизованные нормы существования, «идеи долга, спра-

ведливости, права, порядка». Со времени Чаадаева это противопоставление стало постоянным в русской мысли: российской стихийностью то гордились, в противовес европейскому «мещанскому порядку», то ее боялись.

Что же такое русская стихийность? Где ее корни? И повлияла ли эта черта русского характера на историческую судьбу страны?

Понятие «стихийность» в русской историософии находится в ряду таких понятий, как хаос, варварство, дикость и противостоит понятиям «космос», «культура», «цивилизация», «просвещение». Так, Н.А. Бердяев писал, что «...в русской земле, в русском народе есть темная, в дурном смысле иррациональная, непросветленная и не поддающаяся просветлению стихия... Эта темная русская стихия реакционна в самом глубоком смысле слова. В ней есть вечная мистическая реакция против всякой культуры, против личного начала, против прав и достоинства личности, против всяких ценностей» [1: с. 269].

Но, к сожалению, даже наиболее яркие мыслители, предупреждая о грядущих бедах и катастрофах, связанных с этой русской стихийностью, не сумели найти противоядия против нее. И к Октябрю в конечном счете привели не только «революционные бесы», но и многие течения русской мысли, пытавшиеся в самой народной стихии найти позитивную основу строительства «нового мира» (от идей общинности и православной богоизбранности у славянофилов до апологетики разбоя и все той же общинности у Бакунина и Нечаева). В результате сила народного духа обращалась не на самосозидание, что исключает самоупоенность, предполагает самокритику, самодисциплину и самодеятельность, а на разрушение всего непонятого и чуждого этой стихии. По мнению русского философа Б.П. Вышеславцева, переживание хаоса и ощущение его как основы миропорядка свойственно русской душе, и именно из этого хаоса выплескиваются стихии, подобные Октябрьской революции [5: с. 5].

Каковы же основания этой стихийности? Наш отечественный ученый В.К. Кантор считает, что стихийность как сущностная черта русской души связана с недостаточной разработанностью славянской мифологии, не знавшей космогонических мифов с их главной темой – преобразованием хаоса в космос, не знавшей культурного героя, освобождающего мир от чудовища и цивилизующего землю [9: с. 31].

Н.А. Бердяев, размышляя в своих работах о двойственности, противоречивости, антиномичности русской души, объясняет их столкновением и противоборством в русской жизни восточного и западного элементов. Он пишет в «Русской идее»: «Можно открыть противоположные свойства в русском народе: деспотизм, гипертрофия государства и

анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядовое и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвалство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт. Подобное совмещение двух противоположных начал – языческо-дионисийской стихии и аскетически-монашеского православия – оборачивалось, с одной стороны, размытостью границ между крайностями мировоззрения, поведения, с другой, было чревато расколом – формой внутреннего освобождения и в то же время напряженных духовных и социальных исканий» [2: с. 44]. Эти размышления Н.А. Бердяева интересны с точки зрения рассматриваемой нами проблемы. Промежуточное положение России между Европой и Востоком во многом определяет специфику ее менталитета.

Процесс становления самосознания в России в основном начинается после принятия христианства. В России православное христианство выполняло мифообразующую роль, внося в сознание крестившихся жителей Руси основные понятия о Добре, Зле, сотворении мира, преодолении Хаоса. Как известно, Русь приняла христианство от Византии. С тех пор не раз спорили о злобности или благотворности этого выбора, объясняя все недостатки российского развития именно конфессиональной формой христианства – православием, с его цезарепапизмом, несамостоятельностью церкви и ее подчиненностью светской власти.

Сегодня многие исследователи оценивают конфессию как фундаментальный фактор, определяющий тип цивилизации. Так, И.Г. Яковенко считает, что конфессия интегрирует локальное многообразие культур вокруг фундаментальных ценностей. Концепция бесконечного – Творца – представляется сущностной формой саморефлексии, самообнаружения широкой ментальной и психологической общности. В договоренности по поводу высших ценностей преодолеваются локальные различия. Конфессия живет, по его мнению, в диалектическом единстве с традиционной культурой региона, структурирует ее и одновременно испытывает на себе ее обратное воздействие.

И.Г. Яковенко, исходя из конфессионального выбора Руси, обращает внимание на то, что христианство западного, католического образца сформировало троичную модель Вселенной, в которой космос предстал в виде трех сфер – божественной, дьявольской и промежуточной (человеческой), которая и создавала реальное культурное пространство свободы во всех ее проявлениях, пространство самореализации человека и социально-культурного

процесса. В отличие от западно-христианской модели космоса византийская модель, заимствованная православием, состоит из двух зон – небесной (сакральной) и низменной (дьявольской), что придает культуре фундаментальную незавершенность, и традиционное сознание творит ту самую третью зону для себя и своих близких, которая не дана ему в изначальной архетипической модели вселенной. Причем сознание творит по законам идеального, так как в российском космосе нет места для собственно человеческой природы, нет людей с их достоинствами и недостатками, а есть святые и страшные грешники, злодеи и добры молодцы [20: с. 47–56]. Таким образом, утопизм, стремление к построению Царства Божия на земле, эта постоянно произрастающая в русской жизни тенденция, обуславливается спецификой русской культуры, характерными чертами византийского православия, нашедшими отражение в двоичной модели Вселенной. Эта модель не оставляла места для собственно человеческой природы, для нормального государственного устройства, пусть и несовершенного, но достойного человека, и потому не ставящего перед собой целей переустройства общества для достижения нового социального идеала.

Анализируя влияние социокультурных факторов на формирование русского утопического сознания, следует также отметить, что Россия, находясь между Востоком и Западом, постоянно стояла перед проблемой выбора между традиционными и модернистскими ценностями. И если славянофилы в своих утопиях надеялись преобразовать Россию, опираясь на силу традиции, то западники больше рассчитывали на творческое заимствование опыта европейских стран. Но в России формируется свое, отличное от Запада, понимание статуса власти, статуса личности, моделей государственности, что обусловило её специфику и особенности исторического развития.

На Западе в ходе переосмысления традиций римского права складывается жесткая, корпоративная общественная система. В ней каждый член общества, принадлежа определенной корпорации, обретает совокупность законных, а потому нерушимых прав, обязанностей и свобод. Постепенно эти права расширялись, и европейский человек вычленялся из своего корпоративного, социального контекста и превращался в автономную личность. Совсем иной характер принимает развитие на Востоке. Здесь складывается культура, в которой человек изначально был растворен в социальном абсолюте. Невычлененность личности – одна из существенных характеристик византийского социокультурного организма. Подавление неизбежных тенденций к автономизации личности здесь пронизывает основание и все уровни культуры.

Параллельно на Западе и Востоке складываются различные модели социальной регуляции. В Западной модели фундаментом социальной регуляции становится право: право предстает как высшая социальная ценность, и все социальные группы и властные структуры существуют в его рамках. В византийской же модели в основание социальной организации положена иерархия, т.е. власть. Власть тоже порождает право, но, будучи источником права, она находится вне права и над правом.

Невычлененность личности из социального абсолюта в немалой степени способствовала тому, что на русской почве легко прижился материалистически эксплицированный социализм, низводящий до предела человеческую личность. Для формирования самостоятельной личности необходимо воспитание народа в духе внутренней свободы. В России же – стране верхушечных переворотов и «революций сверху» – всегда больше думали о преобразовании лишь внешних условий.

С другой стороны, в нашей стране не сформировалось гражданское общество, так как основой его могла быть лишь независимая самостоятельная личность. Россия же, как писал русский мыслитель П.Б. Струве, вошла в XVIII в. «...без всякого участия общества в делах государства. Она была государством, в котором царила единая воля Монарха и только она. В этом таилась для государства величайшая опасность, которая раскрылась лишь в конце XIX века, когда созрели глубочайшие противоречия, обусловленные фактом существования в России в течение веков государственной формы неограниченной монархии» [15: с. 25].

Не способствовало становлению личного самосознания русского человека в эпоху выхода из средневековья и состояние нереформированности православия. Со времени победы над нестяжателями русская православная церковь стала государственной. Даже косметическая корректировка церковного учения в середине XVII в. в России происходила по инициативе верхов.

Между тем на Западе протестантизм явился духовной предтечей капитализма, и в ходе Реформации религиозная этика мирского аскетизма постепенно превратилась в хозяйственную этику капитализма. На место внемирской аскезы, связанной с монастырским послушничеством, была поставлена внутримирская аскеза, главным содержанием которой являлся труд. Профессия с этой точки зрения представлялась чем-то вроде кельи, выйти из которой человек не только не мог, но и не хотел. Идея личной годности была воспитана у народа посредством утверждения хозяйственной деятельности как общественного служения и исполнения нравственного долга.

Конечно, трудовая этика могла возникнуть и на православном фундаменте, поскольку православие также обладает необходимым потенциалом для воспитания личности. В частности, С.Н. Булгаков отмечал связь русского капитализма со старообрядчеством, из рядов которого вышли многие российские промышленники и предприниматели. Он подобрал даже русский аналог западной «внутримирской аскезы» – так называемое «послушание» [4: с. 59]. Но в России все же не была выработана культура труда, не сформировалась трудовая этика.

Почему так случилось? Думается, что причин для этого было много и одна из них – это влияние природно-географического фактора на характер народа. Безусловно, придавать этому фактору излишне большое значение неправомерно, однако нельзя и не признать, что геополитические и природные условия играют важную роль в формировании цивилизации и ее менталитета. Великий русский историк В.О. Ключевский не случайно свой «Курс русской истории» начинает с анализа русской природы и ее влияния на историю русского народа: именно здесь, полагает он, закладываются начала национального менталитета и национального характера русских, противопоставивших «капризу природы» «каприз собственной отваги», знаменитый «великорусский авось» [10: с. 105].

Аналогичны размышления Н.А. Бердяева, который считает, что есть соответствие между необъятностью, безграничностью, бесконечностью русской земли и русской души, между географией физической и географией душевной. В душе русского народа есть такая же необъятность, безграничность, устремленность в бесконечность, как и в русской равнине. Русскому народу трудно было овладеть этими огромными пространствами и оформить их, поэтому ему присуща огромная сила стихии и сравнительная слабость формы. Он не был народом культуры по преимуществу, как народы Западной Европы, он был более народом открытий и вдохновений, он не знал меры и легко впадал в крайности. У народов Западной Европы все гораздо более детерминировано и оформлено, все разделено на категории и конечно. Не так у русского народа, как менее детерминированного, как более обращенного к бесконечности и не желающего знать распределения по категориям [3: с. 8].

Таким образом, в силу природных условий русский человек не мог выработать свойственной для Европы привычки к ровному, размеренному труду, а приучился к чрезмерному кратковременному напряжению сил на короткое время, к которому не способен ни один народ в Европе. Это в значительной степени предопределило традиционную русскую веру в «преображение», в чудо, в возможность изменить действительность путем кратко-

временного напряжения всех жизненных сил и обусловило упрощенное видение мира, способствовавшее вере в осуществимость утопических экспериментов.

В то же время сложные природные условия порождали у крестьянина скепсис по отношению к собственным усилиям и заставляли дорожить общиной как нормой социальной организации, позволяющей выжить. Заметим, что с верой в возможное преобразование жизни всегда сочеталась вера в то, что оно может быть достигнуто не отдельным человеком, а коллективно, «всем миром». Традиционная общинная психология, глубоко укоренившаяся в русском менталитете, также способствовала формированию некоторых форм утопического сознания.

Говоря о своеобразии исторического развития России, никак нельзя обойти вниманием и тот факт, что Восток и Запад на протяжении веков отрабатывали разные модели государственности.

Позитивным направлением процесса формирования государственности в Европе было создание национальных государств. Европейская культура сопротивляется целостной и устойчивой реализации имперской модели. Возникшие в Европе империи – империя Каролингов или Священная Римская империя Оттонов – носили эфемерный характер.

На Востоке же империя становится логическим завершением православной парадигмы. Длительное время православный мир имел имперский центр и периферию, которая политически и культурно тяготела к центру. Константинополь осознавал себя как вселенскую империю, обнимающую весь культурный космос. Падение Византии нарушило эту картину. Однако православный мир, стремясь восстановить свою структуру, выдвинул идею нового имперского центра – Москвы. И хотя турецкий напор на Европу длился примерно двести лет, постепенно, по мере оттеснения турок, роль империи, противостоящей Европе, перешла к России.

Именно эта заимствованная у Византии парадигма с ее имперской идеей определяла характер российских национальных интересов. Отсюда активное участие России в европейских делах, постоянное движение на Восток, стремление присоединить любую из возможных территорий и расширить сферы влияния. Эта имперская идеология, став одним из источников мессианства, идей панславизма Н.Я. Данилевского, евразийских утопий, наложила отпечаток на историю России.

Затруднительность становления в России самостоятельного, независимого типа личности, способной усвоить и впитать в себя не утопическую, а реалистическую картину мира, связана не только со сложившейся в православии парадигмой мироустройства, не только с природно-географическим фактором, но и с влиянием монголо-татарского завоевания,

которое содействовало консервации традиционности русского общества. В последние годы среди историков и философов оживились споры о характере воздействия этого события на судьбу России.

Еще П.Я. Чаадаев, размышляя о ключевых событиях русской истории, приходит к интересному выводу о том, что наша история начинается призывом чуждой расы к управлению страной [18: с. 302]. Правление варягов задавало европейское направление русской жизни, обусловило корректировку российского пути по западному образцу. Принятие христианства подкрепило движение России в сторону Европы, тем более что оно произошло до официального разделения христианской церкви, до Схизмы. Владимир должен был выбирать из разных вер, и поскольку язычество показало свою несостоятельность, он выбрал христианство. Заметим, что у других народов такой возможности выбора не было. А Русь, находясь на границе Европы и Азии, где сталкивались не только разные народы, но и разные религии, могла выбирать. И обращение к Византии не было случайностью. В X в. византийское христианство, отточенное в философской школе античности, было более разработанным и утонченным, чем римское. Для византийцев интеграция в римский христианский мир означала бы переход на более низкую ступень цивилизации. Но дело не только в этом. Культурой Руси могли быть усвоены лишь такие ранее неизвестные понятия и принципы, значение которых не противоречило сложившейся к этому времени национальной психологии и освященной традицией обычаям. Согласно летописи русские послы в немецких храмах «красоты не видели никакой». А в византийской литургии было нечто созвучное эстетическим чаяниям русских, высказанное на знакомом языке красочного обряда.

Таким образом, выбор православия Киевской Русью был вполне обоснован, и в последующие два столетия после Крещения она переживает безусловный социальный, культурный и духовный подъем.

Но почему же тот давний поворот к Европе не включил наше отечество в ряд западных благоустроенных стран – с правами личности, свободой жизнеповедения и мысли, активного созидательно-го труда, трудовой этики?

К несчастью, история оказалась мачехой для Руси. Одно из достаточно влиятельных и процветающих государств средневековой Европы было сокрушено нашествием Степи. Татаро-монгольское завоевание стало самой грандиозной катастрофой в нашей исторической судьбе. Чудовищные последствия степного владычества трудно до конца выявить и оценить. Тем не менее евразийцы (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский) и их современные последователи (Л.Н. Гумилев)

отстаивают мысль о том, что это владычество имело благотворное влияние и что Степь спасла Россию от Европы. Главные идеи евразийцев немногочисленны и несложны. Во-первых, они полагают, что господство татар было в русской истории не деструктивным, а конструктивным, не отрицательным, а положительным фактором, который помог сохранить самобытность русской души. Монголы якобы не только не разрушили формы русской жизни, но очень полезно их дополнили, дав России школу администрации, финансовую систему, организацию почты и многое другое. Во-вторых, монголы, по их мнению, внесли существенный вклад в сам тип русской державы, в русское государственное сознание, ибо Русь стала прямой преемницей державы Чингисхана, а монгольская государственная идея превратилась в православно-русскую. В-третьих, туранский (монголо-татарский) элемент вошел в русский этнос, причем настолько, что считать русских славянами уже нельзя.

Более того, Л.Н. Гумилев, например, убежден, что Россия переняла военную традицию Чингисхана, которая до XV в. была наиболее совершенной от Атлантики до Тихого океана, так как монголы принимали к себе на службу любых смелых и верных воинов. Именно такими «пассионариями» из числа православных литовцев, языческой мордвы и монголов-несториан была укомплектована русская армия, одержавшая победы на Куликовом поле, на Шелони и под Смоленском [6: с. 22–23].

На наш взгляд, доводы Л.Н. Гумилева, несмотря на их оригинальность, не совсем адекватны исторической реальности. Нам представляется более обоснованной точка зрения отечественного исследователя В.К. Кантора, которому удалось убедительно раскрыть негативные последствия татаро-монгольского нашествия [9: с. 26–41]. Татарское завоевание было сломлено, но последствия его не преодолены и сегодня: они оказали влияние на российский менталитет, породив такие его черты, как психологическое неприятие частной собственности, идущее от так называемого монгольского права на землю, безграничный произвол власти, несамостоятельность церкви, политический и психологический изоляционизм, отсутствие самостоятельной независимой личности, отречение народа от своих прав в пользу власти. Как уже отмечалось, способность к отречению наш народ проявил, призывая чуждую расу к управлению страной. Эта склонность, возможно, и помогла пережить татарское вторжение, но именно оно приучило нас ко всевозможным формам повиновения. Отдав свои права верховной власти, русский народ привык рассчитывать только на ее инициативу.

В конечном счете в России всегда все решала верховная власть. Лишенный прав и законов народ

приучался добиваться всего силой волевого решения, прихоти, произвола. Юридические формы кажутся ему бессильными. Но произвол не обладает творческой силой и часто оборачивается анархией.

Говоря о влиянии монгольского нашествия на формирование русского менталитета, следует отметить, что именно оно впервые опустило «железный занавес», отделивший Россию от Европы. В течение десятилетий происходил своеобразный симбиоз завоевателей и завоеванных, благодаря которому сформировался взгляд на Западную Европу как на чуждый мир. Европейское трудолюбие и прилежание, без которых невозможна была победа модерности, были высмеиваемы и презираемы за их мелочность и «бездуховность». Степь отучила наших предков трудиться на самих себя, ибо по монгольскому государственному праву вся земля, находящаяся в пределах владычества хана, была его собственностью. А московские самодержцы переняли не только монгольские принципы управления, но и монгольское право на землю.

Таким образом, в ходе исторического и социокультурного развития России сформировались черты русского менталитета, обуславливающие своеобразие России. Предпринимая попытку разобраться, какие факторы русской жизни оказали влияние на формирование менталитета, легко поддаться соблазну увидеть их либо в географическом положении страны, либо в конфессиональном выборе Руси, либо в монгольском нашествии, либо в авторитарной системе государственности. По нашему мнению, неправомерно преувеличивать роль какого-то одного из вышеуказанных факторов: приблизиться к истине можно, лишь учитывая их взаимодействие и взаимовлияние. Менталитет как бы вбирает в себя в опосредованной форме все перечисленные выше факторы.

Нам представляется, что при определении стратегии дальнейшего развития России и путей выхода из переживаемого ныне кризиса важно учитывать особенности российского менталитета, понимаемого как совокупность устойчивых жизненных установок и моделей поведения, сформировавшихся в процессе исторического развития. Лишь стратегии, формулируемые через призму менталитета, позволят, с одной стороны, раскрыть еще не выявленные механизмы развития России, а с другой стороны, предотвратить практику социального экспериментирования, ведущую к негативным, а иногда и к трагическим последствиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев, Н.А. Судьба России / Н.А. Бердяев // Бердяев Н.А. Русская идея. Судьба России. – М. : Сварог и К, 1997. – С. 222–532.
2. Бердяев, Н.А. Русская идея / Н.А. Бердяев // Бердяев Н.А. Русская идея. Судьба России. – М. : Сварог и К, 1997. – С. 4–221.
3. Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев. – М. : Наука, 1990. – 220 с.
4. Булгаков, С.Н. Героизм и подвижничество / С.Н. Булгаков // Булгаков С.Н. Вехи. Из глубины. – М. : Правда, 1991. – С. 31–71.
5. Вышеславцев, Б.П. Русская стихия у Достоевского / Б.П. Вышеславцев. – Берлин, 1923. – 135 с.
6. Гумилев, Л.Н. Заметки последнего евразийца / Л.Н. Гумилев // Наше наследие. – 1991. – № 3. – С. 20–37.
7. Гуревич, А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов» / А.Я. Гуревич. – М. : Индрик, 1993. – 327 с.
8. Дюркгейм, Э. Немецкий менталитет и война. Германия превыше всего / Э. Дюркгейм. – СПб., 1916. – 173 с.
9. Кантор, В.К. Стихия и цивилизация: два фактора «российской судьбы» / В.К. Кантор // Вопросы философии. – 1994. – № 5. – С. 26–41.
10. Ключевский, В.О. О русской истории / В.О. Ключевский. – М. : Просвещение, 1993. – 574 с.
11. Леви-Брюль, Л. Первобытное мышление / Л. Леви-Брюль. – М. : Атеист, 1930. – 337 с.
12. Российская ментальность (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 1994. – № 1. – С. 25–53.
13. Сорокин, П.А. Социологические теории современности / П.А. Сорокин. – М. : ИНИОН, 1992. – 218 с.
14. Страда, В. Западничество и славянофильство в обратной перспективе / В. Страда // Вопросы философии. – 1993. – № 7. – С. 51–65.
15. Струве, П.Б. Размышления о русской революции: Фрагменты из работ / П.Б. Струве. – М. : Республика, 1991. – 62 с.
16. Февр, Л. Бои за историю / Л. Февр. – М. : Наука, 1991. – 629 с.
17. Фромм, Э. Душа человека / Э. Фромм. – М. : Аст, 1998. – 664 с.
18. Чаадаев, П.Я. Философические письма / П.Я. Чаадаев // Чаадаев П.Я. Сочинения. – М. : Правда, 1989. – С. 15–138.
19. Юнг, К.Г. Тэвистокские лекции. Аналитическая психология: ее теория и практика / К.Г. Юнг. – Киев, 1995. – 217 с.
20. Яковенко, И.Г. Православие и исторические судьбы России / И.Г. Яковенко // Общественные науки и современность. – 1994. – № 2. – С. 47–56.
21. Ястребицкая, А.Л. История культуры. Лев Платонович Карсавин: у истоков исторической антропологии в России / А.Л. Ястребицкая // Диалог со временем: историки в меняющемся мире. – М. : Наука, 1996. – С. 33–42.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

С.А. Сидоров

Сидоров Сергей Александрович – доктор политических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Дальневосточного института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста РФ) (г. Хабаровск).

Контактный адрес: sidorov1061@yandex.ru

В настоящем исследовании автор отмечает, что дальневосточный регион является территорией соприкосновения геостратегических интересов крупнейших стран мира. Международное сотрудничество в рамках регионального пространства – эффективное поле реализации национальных интересов Российской Федерации. В нынешних условиях «ядром» концепции развития Дальнего Востока является создание в регионе территорий опережающего социально-экономического развития. Создание территорий со специальным режимом предпринимательской деятельности – одно из эффективных правовых средств государственного регулирования экономики.

Ключевые слова: Дальневосточный регион, регионализм, глобализация, международные связи, ТОРы, координация, сотрудничество.

Отличительной чертой современного российского федерализма и «нового регионализма» является стремление регионов к расширению собственной самостоятельности на международной арене, феномен своего рода фрагментации внешней политики, когда руководство субъектов Федерации устанавливает прямые связи на международной арене и тем самым как бы нарушает прерогативы суверенного государства.

В свою очередь, государство стремится к гармонизации интересов центра и регионов в сфере внешней политики, а также модернизации действующего законодательства в соответствии с новыми политическими реалиями.

Следует заметить, что российский Дальний Восток является зоной соприкосновения геостратегических интересов крупнейших стран мира. Крайнее положение многих территорий способствует экономическому обособлению от России, реализации выгодных отношений с соседними государствами. Вместе с тем такое экономическое благополучие ослабляет связи с другими регионами страны.

Формирование новой государственной политики России на Дальнем Востоке идет под влиянием экономических и политических условий. Причем решающее значение имеет то, что центр мирового развития перемещается в Азиатско-Тихоокеанский регион. На восточных границах России существуют огромные и удобные для связей рынки: США, Японии, Китая, Южной Кореи, Индии и других стран. Современные тенденции перераспределения сил на международной арене характеризуются неравномерностью развития наций, борьбой за лидерство, желанием некоторых стран иметь больше жизненного пространства и ресурсов. Необходимо подчеркнуть, что национальное государство, будучи слиш-

ком сложной структурно-функциональной единицей, не способно быстро и эффективно реагировать на новые реалии, порождаемые общемировыми процессами – глобализацией и регионализацией.

В настоящее время международные связи стали более разнообразны, а перечень участников международного общения существенным образом расширился. На первое место выходит регион как структурно-территориальная единица государства. Международное сотрудничество в рамках регионального пространства становится наиболее эффективным полем реализации национальных интересов. Однако чтобы реализоваться именно в этом качестве, регион должен обладать определёнными объективными и субъективными предпосылками. Регион должен иметь достаточно широкие полномочия в области международного сотрудничества, и соответственно идеальной формой его развития в этом направлении является федерация. Прежде всего, он должен иметь закреплённую законодательством возможность принимать политические решения в пределах своего ведения. В условиях негативных макроэкономических и внешнеполитических тенденций необходимо максимально оградить регионы от чрезмерного государственного вмешательства [3]. Причем, по мнению канадского исследователя Пьера Сольдатоса, в государствах федеративного устройства нельзя избежать конфликта между центральной и местной властью по следующим причинам:

- прагматической: потребности внутренних дел ведут к выходу за их рамки;
- асимметрии субнациональных факторов и соответственно их статусов и интересов;
- несовершенству конституционных систем: «центр» подавляет и блокирует региональные политики, что вызывает центробежные тенденции;

– финансовой: субнациональные факторы стремятся минимизировать свои отчисления в бюджет государства;

– неизбежной в условиях глобализации административной децентрализации управления [13: с. 310].

Снижение конфликтности во взаимоотношениях федеральных и региональных властей лежит в прямой плоскости с достижением консенсуса и согласованности действий по устойчивому развитию как государства, так и его регионов.

Для Российской Федерации обеспечение устойчивого развития напрямую взаимосвязано с достижением стратегической цели. В соответствии с Конституцией РФ основной стратегической целью является функционирование социально ориентированного государства с устойчивой, динамично развивающейся экономикой в едином государственном пространстве. В современных условиях для достижения основной стратегической цели необходимо обеспечить решение таких важных первоочередных задач, как:

1) повышение эффективности, самодостаточности, конкурентоспособности экономики на основе ее диверсификации, устойчивого экономического роста и улучшения делового и инвестиционного климата;

2) снижение уровня дифференциации доходов населения и ликвидации бедности;

3) повышение экологической ответственности и энергоэффективности экономики;

4) повышение качества и эффективности государственного управления [4: с. 20–21].

Вся история освоения и развития российского Дальнего Востока неразрывно связана с активной государственной политикой. Отказ государства в начале 90-х гг. XX в. от своих обязательств и вообще от проведения какой-либо акцентированной экономической политики на Дальнем Востоке привел к катастрофическим последствиям. Если в начале 90-х гг. XX в. вывоз продукции в другие регионы страны составлял 75 % регионального выпуска, а доля экспорта – только 6 %, то во второй половине 90-х гг. XX в. в результате кризиса, невостребованности дальневосточной продукции и сжатия национального рынка доля вывоза на национальный рынок сократилась до 10 %, доля внутрирегионального потребления составила 75 %, а доля экспорта увеличилась до 15 % [12: с. 69].

Практика показала, что кризис и последующая экономическая стагнация были здесь более длительными и глубокими, чем в среднем по России. К примеру, к 2002 г. промышленный потенциал Дальнего Востока уменьшился по сравнению с 1991 г. на 46,2 % (против 35,1 % – по России), объем валовых инвестиций сократился на 69 % (против 66,8 % – по России). Эти и другие особенности

постсоветской России вызвали необходимость формирования новых представлений о содержании региональной политики, направленной на устойчивое развитие Дальнего Востока [12: с. 70–71].

Отметим, что форсированное развитие региона, продолжительное время находившегося в состоянии социально-экономической «деградации», представляется объективно невозможным без реализации внешних связей и тесного сотрудничества с приграничными странами АТР. Однако для внешних связей Дальневосточных субъектов РФ в настоящее время характерны фрагментарность и несистемность. Они нередко слабо контролируются и нерациональны.

Достижение цели по расширению и повышению эффективности внешних связей дальневосточных субъектов РФ невозможно без скоординированного и систематизированного взаимодействия федеральных и региональных властных структур, модернизации российского законодательства, а также построения эффективной модели сотрудничества дальневосточных субъектов РФ со странами АТР.

Современная институциональная модель сотрудничества субъектов ДФО со странами АТР состоит из трёх уровней:

– межправительственного уровня (Российско-Американская Президентская комиссия, Российский национальный комитет по Тихоокеанскому экономическому сотрудничеству; Российско-Китайская постоянная рабочая группа по приграничному и межрегиональному торгово-экономическому сотрудничеству российско-китайской подкомиссии; Российско-Японская Межправительственная комиссия по торгово-экономическим вопросам; Российско-Корейская Межправительственная комиссия по экономическому и научно-техническому сотрудничеству и др.);

– уровня региональных органов власти (Ассоциация региональных администраций стран Северо-Восточной Азии; Постоянная смешанная комиссия «Дальний Восток России – Хоккайдо»; Российско-Китайский координационный совет по межрегиональному и приграничному сотрудничеству; Российско-Японская инициативная рабочая группа по региональному сотрудничеству; Комитет по Дальнему Востоку и Сибири Российско-Корейской Межправительственной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству и др.);

– уровня деловых кругов (Российско-Китайский деловой совет; Корейско-Российский деловой совет).

Процессы формирования институтов, обеспечивающих развитие приграничного сотрудничества дальневосточных субъектов РФ, начались ещё на рубеже XX–XXI вв., однако в последние годы они значительно активизировались.

На межправительственном уровне с 1998 г. осуществляет деятельность Постоянная рабочая группа (ПРГ) по приграничному и межрегиональному сотрудничеству, во главе которой стоят заместитель министра экономического развития РФ и заместитель министра коммерции КНР. В задачи ПРГ входят: принятие рекомендаций и разработка мероприятий, направленных на развитие межрегионального и приграничного торгово-экономического сотрудничества между Россией и КНР на принципах равенства и взаимной выгоды; координация деятельности организаций обеих стран в сфере приграничного торгово-экономического сотрудничества; изучение и обобщение опыта сотрудничества, обсуждение и согласование форм дальнейшего расширения межрегиональных и приграничных торгово-экономических связей. Ежегодные заседания ПРГ проходят поочередно в КНР и России.

Российско-японский диалог по вопросам развития приграничного сотрудничества дальневосточных субъектов РФ с Японией с 1995 г. проходил в формате Подкомиссии по вопросам экономических отношений с Дальневосточным регионом РФ, которая в 2008 г. реорганизована в Подкомиссию по межрегиональному сотрудничеству Российско-Японской Межправительственной комиссии по торгово-экономическим вопросам.

Несмотря на сокращение товарооборота между Дальним Востоком и Японией, снижение инвестиционной активности японских инвесторов и некоторое охлаждение в двусторонних отношениях между странами в 2014–2015 гг., японские инвесторы продолжают искать на дальневосточной территории привлекательные инвестиционные проекты. Так, в 2016 г. в г. Хабаровске в ходе работы Подкомиссии по межрегиональному сотрудничеству Российско-Японской Межправительственной комиссии по торгово-экономическим вопросам японскими инвесторами были обозначены основные направления, по которым они наиболее заинтересованы в развитии сотрудничества, к ним были отнесены проекты в аграрной, строительной, энергетической отраслях, транспортной логистике, экологии и медицине. Особое внимание представители японской делегации уделили аграрным проектам на территории Хабаровского края и Амурской области, в том числе и реализации проекта по круглогодичному выращиванию овощей с участием российско-японской компании JGC Evergreen на базе ТОО «Хабаровск» [11]. Более того, в ходе визита В.В. Путина в Японию было подписано соглашение о сотрудничестве в области градостроительства при поддержке жизненной среды и региональной экономики с использованием в качестве «пилотных городов» Владивостока и Воронежа». Минприроды РФ заключило с японскими коллегами меморандум

о сотрудничестве в сфере геологии и недропользования, а Министерство промышленности и торговли России – меморандум о сотрудничестве по определению списка российских предприятий, принимающих участие в реализации двусторонних инициатив: «Диагностика производительности российских предприятий» и «Подготовка кадров в смежных отраслях». Кроме того, сотрудничество охватывает проекты в сфере увеличения продолжительности жизни и здравоохранения, открытие амбулаторного реабилитационного центра на Дальнем Востоке, в педиатрии и профилактике сердечных и онкологических заболеваний [2].

Премьер-министр Японии Синдзо Абэ на форуме «Российско-японский бизнес-диалог» в Федерации экономических организаций страны заявил, что визит Путина стал историческим событием, который поднимает отношения на новую ступень. Свыше 80 межправительственных, межведомственных и корпоративных документов о сотрудничестве подписано в рамках визита в Японию Президента РФ Владимира Путина. Итоги визита внесут свой вклад в обеспечение стабильности региона.

Необходимо подчеркнуть, что вот уже на протяжении двадцати лет Дальневосточные субъекты РФ принимают активное участие в деятельности Ассоциации региональных администраций стран Северо-Восточной Азии (АРАССВА)*. В рамках АРАССВА в 2004 г. создан подкомитет по приграничному сотрудничеству, который занимается координацией и урегулированием всего спектра вопросов, касающихся приграничного торгово-инвестиционного сотрудничества, создания локальных приграничных торговых зон и комплексов, обеспечения работы пунктов пропуска, решения трансграничных экологических проблем и т.д.

В настоящее время в целях расширения связей между регионами Северо-Восточной Азии в рамках АРАССВА ежегодно проводится около 20 обязательных мероприятий (заседания подкомиссий, Международный форум АРАССВА, заседания Секретариата и Генеральной Ассамблеи АРАССВА). Несмотря на то что деятельность АРАССВА носит в основном рекомендательный характер, нельзя не отметить её важную роль в процессе интеграции дальневосточных субъектов в СВА и расширения регионального сотрудничества. Многочисленные

* АРАССВА является организацией поддержки регионального сотрудничества, в которую на основе членства входят субъекты шести стран (области, республики, провинции, префектуры, аймаки, города-метрополии и т.д.), объединенные общей целью совместного развития региона СВА. С момента основания Ассоциации в 1996 г. ее членами стали 73 региональные администрации из КНР, Японии, Республики Кореи, Монголии, КНДР и РФ с общей численностью населения 473,4 млн чел.

контакты в рамках её деятельности (в 2014 г. с участием АРАССВА проведено 77 мероприятий, из них 8 на территории Дальнего Востока РФ) [10] активно используются российскими регионами для установления и налаживания внешних связей в области экономики, культуры, образования, спорта, экологии, туризма и сельского хозяйства, а также для ознакомления иностранных партнеров с перспективами инвестиций в экономику Дальнего Востока России.

В ноябре 2014 г. в целях развития российско-китайского сотрудничества на уровне регионов был создан Межрегиональный совет в составе Российско-Китайского комитета дружбы, мира и развития. В состав Совета входят руководители практически всех российских регионов, китайская часть Совета включает в себя крупнейшие регионы КНР, в том числе города центрального подчинения Пекин, Шанхай, Чунцин. Основным положительным моментом для Дальнего Востока России в деятельности Совета следует считать не столько продвижение различных российских экономических проектов, сколько их экспертную оценку и адаптацию к китайскому инвестиционному рынку, что помогает сократить финансовые и временные затраты в сотрудничестве с КНР. При активной поддержке Межрегионального совета в Приморском крае, например, реализуется ориентированный на экспорт в КНР проект по созданию крупного молочного предприятия. Кроме того, Совет активно поддерживает некоммерческий журнал «Россия и Китай», ведутся переговоры о запуске проекта межрегионального сотрудничества в области классической музыки, чтобы лучшие российские региональные классические оркестры могли выступать в регионах КНР [9].

Некоторые крупные российские компании с активами на Дальнем Востоке принимают активное участие в продвижении сотрудничества с партнерами из соседних государств. Так, ГК Петропавловск, Восточная энергетическая компания, Группа «Сумма», ПАО «Мечел» входят в состав Российско-Китайского делового совета, осуществляющего свою деятельность с 2004 г. В настоящее время в состав Совета входит более 80 крупнейших российских предприятий, ассоциаций и объединений предпринимателей, ведущих бизнес с Китаем.

Институциональная модель сотрудничества субъектов ДФО со странами АТР подразумевает активное взаимодействие и координацию между организациями различного уровня. Так, в июне 2016 г. делегация Российско-Китайского делового совета принимала участие в третьем заседании Межправительственной Российско-Китайской комиссии по инвестиционному сотрудничеству, на котором рассматривались такие крупные инвестиционные проекты, как: строительство высокоско-

ростной магистрали «Москва – Казань», создание агропромышленного кластера в Приморском крае, возведение газохимического комбината в Амурской области, освоение Удоканского медного месторождения в Забайкальском крае, развитие деревообрабатывающего комплекса в Хабаровском крае. Всего в ходе заседания было рассмотрено 66 совместных инвестиционных проектов с общим объемом капиталовложений около 90 миллиардов долларов.

Как уже отмечалось ранее, «ядром» концепции развития Дальнего Востока является создание в регионе территорий опережающего социально-экономического развития. В этой связи особая роль в развитии приграничного сотрудничества субъектов ДФО со странами АТР отведена Федеральному закону «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» (далее – Закон), который регламентирует основные правовые аспекты создания и функционирования ТОРов. Анализ положений Закона не позволяет сделать однозначный вывод о том, каким образом предполагается практическая реализация ТОРов.

Так, осенью 2014 г. в ходе обсуждения данного законопроекта в Общественной палате РФ представители предпринимательского сообщества Дальнего Востока обратили внимание на тот факт, что ТОРы, по замыслу авторов Закона, создаются не для тех, кто уже работает в регионе, а только для тех, кто еще только может прийти в эти территории. При этом отсутствует ясность в вопросе: кто именно придет и с какими намерениями, так как положения законопроекта свидетельствуют о неопределенности относительно доли иностранных инвестиций и рабочей силы [1: с. 71].

В этом контексте можно предположить два варианта развития событий.

Первый: в силу ограниченности трудовых ресурсов реализация положений Закона приведет не к росту социально-экономических показателей и инвестиций в регионе, а лишь к их территориальному перераспределению. Производство в пределах ТОРов будет развиваться; тогда как предприятия на остальной территории Дальнего Востока придут в еще больший упадок ввиду их неконкурентоспособности по отношению к предприятиям, действующим на льготных условиях хозяйствования (в ТОРах).

Второй: при акцентировании на привлечении к реализации ТОР иностранных инвесторов и иностранной рабочей силы. Этот вариант, конечно, даст заметный эффект для экономических показателей региона, однако и здесь есть свои особенности. Ввиду неблагоприятной демографической ситуации в Дальневосточном регионе присутствие значительного количества иностранцев будет негативно восприниматься населением, тем более если они начнут занимать преобладающее место как

среди работодателей, так и среди работников. Также негативный отпечаток накладывает потенциальная возможность получения иностранными инвесторами безграничного доступа к природным богатствам региона.

Следует отметить, что в своей основе после обсуждения в Общественной палате РФ и прохождения чтений в Государственной думе РФ Закон изменений практически не претерпел и все названные выше сомнения остаются неустранимыми.

Закон предполагает новый институт развития – ТОР, но при этом его положениями не регламентируется сущностное и целевое отличие ТОР от иных уже действующих в России институтов развития – особых экономических зон (ОЭЗ) и зон территориального развития (ЗТР). Кроме того, утверждение о том, что ТОР – это специфическая форма института развития территорий Дальневосточного региона, тоже не находит своего подтверждения в положениях Закона. Закон не предусматривает особенностей экономики Дальнего Востока, определяющих выбор именно этого вида института развития. Кроме того, в соответствии со статьей 34 Закона через три года после его принятия ТОРы помимо Дальневосточного региона и наиболее проблемных моногородов могут создаваться и в других субъектах РФ.

Вместе с тем, несмотря на отсутствие правовой регламентации отличия ТОРов от иных институтов развития, их однозначно нельзя считать просто реинкарнацией «бренда» ОЭЗ, несколько поблекшего на фоне фактического отсутствия прогнозируемых показателей в привлечении инвестиций в экономику России после 10 лет своего существования. Так, реализация ТОРов предполагается по конкретному виду экономической деятельности, базирующейся на кластерных системах, а не случайного набора предприятий. Кроме того, ТОРы ориентированы преимущественно на экспорт и имеют более гибкую систему налогового льготирования их резидентов [6: с. 142–143].

Однако в ходе реализации проектов ТОРов действия федеральных властей приводят к «сдвигам» в их экономической специализации. Так, в соответствии с постановлением Правительства РФ от 21.08.2015 г. № 875 «О создании территории опережающего социально-экономического развития "Белогорск"» [7] в перечень видов экономической деятельности ТОР агропромышленной специализации включены: обработка древесины, производство бумаги, производство кокса и нефтепродуктов, производство химических веществ, производство резиновых и пластмассовых изделий, производство табачных изделий, производство автотранспортных средств и другие виды деятельности, не имеющие ничего общего с заявленной агропромышленной специализацией ТОР.

Учитывая законодательно закреплённые значительные налоговые льготы, влияющие на недополучение налоговых доходов регионами, крайне важно определять в постановлении Правительства Российской Федерации о создании ТОР основные виды экономической деятельности резидентов, связанные со специализацией ТОР и являющиеся приоритетными для конкретного региона в соответствии с его стратегией развития, которые будут иметь право на налоговые льготы.

По нашему мнению, одним из основных пробелов в действующем Законе следует считать отсутствие стимулов к мультипликативному распространению позитивного социально-экономического эффекта от реализации ТОР на остальную территорию Дальневосточного региона, фактическую изоляцию резидентов ТОР от остальных предприятий Дальнего Востока. Логика построения положений Закона предполагает исключительно макроэкономический эффект, достигаемый именно за счет самих ТОРов. Так, Закон вместо того, чтобы стимулировать территориальное распространение позитивных социально-экономических тенденций, фактически исключает кооперационные связи резидентов ТОР с остальными предприятиями региона, осуществляющими свою деятельность вне ТОР. В соответствии со статьей 12 резиденты территории опережающего социально-экономического развития не вправе иметь филиалы и представительства за пределами территории опережающего социально-экономического развития. Кроме того, это положение фактически ограничивает возможность расширения внешних связей российских резидентов ТОР с сопредельными государствами АТР, что препятствует достижению заявленной федеральным центром цели азиатского вектора внешней политики – интеграции России и, в частности, Дальнего Востока в Азиатско-Тихоокеанский регион.

Ещё одним из недостатков Закона является чрезмерная конкретно-регулятивная нагрузка, падающая на подзаконные нормативно-правовые акты Правительства Российской Федерации, которые не имеют такой же, как при разработке законодательных актов, степени общественного и парламентского контроля. Так, например, статья 9 Закона, регулирующая один из наиболее сложных и проблемных вопросов, связанных с земельно-имущественными отношениями, которые могут возникнуть по поводу создания ТОР, предусматривает, что земельные участки, здания, строения, сооружения, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, передаются на праве собственности или аренды в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

В настоящее время реализация проектов ТОРов не находит своего отражения в основном програм-

мно-целевом документе, регулирующем развитие Дальнего Востока на перспективу до 2025 г. Так, в соответствии с положениями Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. условием успешной реализации является комплексное, системное и синхронное взаимодействие государства, бизнеса и общества на принципах государственно-частного партнерства в реализации ключевых инвестиционных проектов, в первую очередь на территории опережающего экономического роста. Даже если учесть, что понятия «территория опережающего социально-экономического развития» и «территория опережающего экономического роста» тождественны, оно не фигурирует в остальных положениях Стратегии, определяющих цели, задачи, механизмы и пути социально-экономического развития Дальнего Востока. Таким образом, фактически отсутствует экономическая программа формирования и деятельности этого института развития.

Статья 33 Закона предусматривает, что в целях опережающего социально-экономического развития Дальнего Востока, привлечения инвестиций в создание новых и модернизацию имеющихся производственных предприятий разрабатывается и принимается программа развития инвестиционной и предпринимательской деятельности для каждого субъекта Российской Федерации.

В настоящее время из шести дальневосточных субъектов РФ (Хабаровский край, Приморский край, Республика Саха (Якутия), Чукотский автономный округ, Амурская область, Камчатский край), в которых Правительством РФ утверждены и реализуются 9 ТОРов, только в государственную программу Хабаровского края «Улучшение инвестиционного и делового климата Хабаровского края» включены положения, определяющие место и роль ТОР как инструмента социально-экономического развития Хабаровского края [8]. Так, в соответствии с положениями госпрограммы Хабаровского края формирование в крае международной зоны опережающего социально-экономического роста, в том числе и путём создания и развития ТОР, является одной из основных задач, решение которой будет способствовать улучшению инвестиционного и делового климата края. К показателям эффективности Программы относятся:

- объем осуществленных частных инвестиций в реализацию инвестиционных проектов резидентами ТОР;

- количество реализуемых инвестиционных проектов в ТОР.

В перечень основных мероприятий Программы включены положения, предусматривающие разработку дорожных карт (планов-графиков создания объектов инфраструктуры), реализуемых ТОР «Хабаровск» и ТОР «Комсомольск».

В настоящее время с момента принятия Федерального закона «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» прошло уже около двух лет, однако субъектами ДФО РФ до сих пор не подготовлены программы, определяющие место и роль реализуемых на их территории проектов ТОР в системе развития инвестиционной и предпринимательской деятельности. Необходимость их скорейшей разработки продиктована не только решением задачи модернизации региональной экономики, но и выравниванием уровней социально-экономического развития регионов РФ.

Федеральным центром и региональными властями на международных экономических форумах, ЭКСПО, а также в ходе личных встреч реализуемые проекты ТОРов представляются как ориентированные на экспорт и привлекательные для иностранных инвесторов экономические проекты. ТОРы, безусловно, вызывают интерес в первую очередь у иностранных компаний из стран АТР, так как создание территорий со специальным режимом предпринимательской деятельности является одним из эффективных правовых средств государственного регулирования экономики и хорошо зарекомендовало себя в странах АТР, в особенности в Китае. В 2005–2014 гг. средние темпы прироста экономики в странах, где функционировали такие зоны, во много раз опережали общемировые средние темпы прироста.

Среди проектов, в которых заинтересованы иностранные компании, всё больший интерес вызывает производство на Дальнем Востоке экологически чистой сельскохозяйственной продукции. Кроме того, инвесторы из стран АТР высказывают свою заинтересованность в следующих проектах: создании заводов по производству строительных материалов (кирпич, цементный клинкер, металлоконструкции), нефтеперерабатывающего завода в Амурской области, горно-добывающего производства на Чукотке мощностью более двух миллионов тонн угля в год, современного тепличного комплекса в Хабаровске, чаеразвесочной фабрики, производства термической одежды.

Одной из задач создания ТОРов является обеспечение экспортной направленности проектов, которые будут задействованы в международных связях дальневосточных субъектов РФ, однако экспортный потенциал имеется лишь у нескольких промышленных ТОРов. Значительное число проектов имеет локальный характер и рассчитано на локальный сбыт продукции. Это относится и к сельскохозяйственным проектам, и к производству строительных материалов, и к иным проектам, не затрагивающим область эксплуатации минеральных и топливно-энергетических ресурсов [5: с. 569–585].

Поэтому при отборе резидентов ТОРов необходимо предпочтение отдавать инвесторам, ориентированным на выпуск конкурентоспособной продукции, соответствующей международным требованиям.

Таким образом, решение проблемы интенсификации внешних связей Дальнего Востока лежит в одной плоскости с повышением социально-экономических показателей Дальневосточных субъектов РФ. В этой связи необходимо найти путь реализации проектов ТОРов, позволяющий повысить конкурентоспособность и инвестиционную привлекательность всей экономики Дальнего Востока, а не только самих ТОРов. Также необходимо определить конкретные пределы и механизмы участия инвесторов из стран АТР в реализации проектов ТОРов и задействовать все имеющиеся возможности сформировавшихся институтов международного сотрудничества субъектов ДФО РФ со странами АТР.

Структура развития сотрудничества Дальнего Востока со странами АТР должна предусматривать пути перехода к таким современным формам делового взаимодействия, как инвестиционное сотрудничество и производственная кооперация, развитие зон приграничной торговли на основе формирования соответствующей нормативно-правовой базы, создание транспортно-логистической инфраструктуры, отвечающей заявленным планам развития Дальнего Востока как крупного транспортного узла между АТР и другими регионами мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бухвальд, Е.М. Территории опережающего развития: падение или иллюзия? / Е.М. Бухвальд, О.Н. Валентик // Этап: экономическая теория, анализ, практика. – 2015. – № 2. – С. 73.
2. Визит Путина в Японию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wordyou.ru/189038-vizit-putina-v-yaponiyu-poslednie-novosti-segodnya-16-dekabrya-2016-itogi-video.html> (дата обращения: 20.12.2016).
3. Выступление В.В. Путина на открытии Всемирного экономического форума в Давосе в январе 2009 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.premier.gov.ru/visits/world/95/1921.html?tab=videosten>.
4. Горбунов, Н.М. Проблемы устойчивого развития регионов Дальнего Востока / Н.М. Горбунов // Власть и управление на Востоке России. – 2015. – № 2. – С. 20–21.
5. Кашина, Н.В. Территории опережающего развития: новый инструмент привлечения инвестиций на Дальний Восток России / Н.В. Кашина // Экономика региона. – 2016. – Т. 12. – Вып. 2. – С. 569–585.
6. Лукина, Т.С. Стратегии формирования территории опережающего развития / Т.С. Лукина, О.Ю. Патласов // Вестник Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии. – 2015. – № 3. – С. 142–143.
7. О создании территории опережающего социально-экономического развития «Белогорск» [Электронный ресурс] : постановление Правительства Российской Федерации от 21 августа 2015 г. № 875 // СПС «КонсультантПлюс» / Компания «КонсультантПлюс».
8. Об утверждении государственной программы Хабаровского края «Улучшение инвестиционного и делового климата Хабаровского края» и о признании утратившими силу отдельных нормативных правовых актов Правительства Хабаровского края [Электронный ресурс] : постановление Правительства Хабаровского края от 19 дек. 2014 г. № 495-пр // Официальный интернет-портал нормативных правовых актов Хабаровского края. – Режим доступа: http://laws.khv.gov.ru/pdf/пп_00495_19122014_000.pdf?v=0,6056349 (дата обращения: 10.10.2016).
9. Россия и Китай [Электронный ресурс] : офиц. сайт Азиатского иллюстрированного обозрения. – Режим доступа: <http://www.ruchina.org/china-article/china/1066.html> (дата обращения: 15.08.2016).
10. Ассоциации Региональных Административных стран Северо-Восточной Азии. [Электронный ресурс] : офиц. сайт. – Режим доступа: <http://www.neargov.org/ru/> (дата обращения: 05.09.2016).
11. Минвостокразвития России [Электронный ресурс] : офиц. сайт. – Режим доступа: http://minvr.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=4414 (дата обращения: 15.09.2016).
12. Текущий архив Правительства Хабаровского края. – Ф. 881. – Оп п/х. – Д. 8.1. – С. 68–71.
13. Цыганков, П.А. Теория международных отношений : учеб. пособие / П.А. Цыганков. – М. : Гардарики, 2003. – 310 с.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ МОДЕЛЬ МЕДИАЦИИ, ЕЁ ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

С.М. Марков

Марков Сергей Михайлович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Дальневосточного государственного медицинского университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: ser_mark@mail.ru

Цель медиации – примирение или мировое соглашение через переговоры с участием третьей стороны (медиатора). Как правило, в этой роли выступают негосударственные (некоммерческие) институты. На Дальнем Востоке России практикуется школьная и семейная медиация (Республика Саха), медиация в социальной работе (Иркутск), арбитраж и третейский суд в остальных регионах. Предлагается для развития института дальневосточной медиации создать в Хабаровске учебно-методический центр медиации на базе ведущих университетов.

Ключевые слова: альтернативное разрешение споров, медиация, арбитраж, примирение, мировое соглашение, Дальний Восток, дальневосточный учебно-методический центр медиаторов, Хабаровск.

Примирительные процедуры урегулирования конфликтов (споров) применялись с древнейших времён. Участие посредника в разрешении конфликтов всегда воспринималось в общественном сознании как менее затратная, безопасная и к тому же более эффективная и быстрая альтернатива вооружённым и силовым методам. В роли первых медиаторов выступали жрецы, шаманы, старейшины, вожди нейтральных кланов. В некоторых африканских странах и по сей день обращение к шаманам для разрешения конфликтов считается более выгодным по сравнению с правосудием, так как в этих традиционных обществах часто судебные иски рассматриваются до 5 лет.

В Древней Руси внутренние конфликты, междоусобные войны и распри также было принято разрешать через посредников. Впервые упоминание о мировом соглашении как альтернативной форме разрешения конфликтов встречается в Новгородских берестяных грамотах. Эти сведения стали доступными благодаря археологам А.В. Арциховскому, В.А. Янину (первая берестяная грамота была обнаружена 26 июля 1951 г.). Встречаются упоминания о примирительных процедурах в Псковской Судной грамоте 1397 г. Примирение было нормой русского права в Новгородской Судной грамоте 1471 г., Псковской Судной грамоте 1467 г., Соборном Уложении 1649 г. Мировая сделка по древнерусскому законодательству заключалась практически по всем спорам, включая уголовные. В дальнейшем мировое соглашение стало прерогативой гражданского правосудия.

Один из видов досудебного правосудия – целование креста на Судной грамоте (Уставе). Тот, кто отказывался целовать крест перед судебным разбирательством, признавался виновным. Без целования креста суд не начинался. Целование креста следует рассматривать двояко: 1) как присягу; 2) как соглашение на мировую сделку. В Новгороде была даже особая судебная пошлина – «бессудный рубль», т.е. пошлина за внесудебное вынесение судебной грамоты. Стоила она гораздо дешевле судебной пошлины. Посадник, тысяцкий и всякий другой судья получали от судного рубля по 7 денег, а от бессудного по 3 деньги. Судопроизводство по гражданским делам стоило для судей 7 денег, бессудное – 3 деньги. По уголовным делам соответственно 4 и 2 гривны. Тяжущиеся за примирение платили меньшую судебную пошлину. При этом судебные расходы в Новгороде были значительными: 1) стоили дорого, 2) были разнообразными, вплоть до вызова свидетелей до 100 вёрст и более. К тому же судебные разбирательства, в том числе из-за сложных судебных процедур, были длинными. Отнюдь не случайно Новгородская судная грамота 1471 г. специально их ограничивает по времени. Более подробно примирительные процедуры Древней Руси рассматриваются нами в других статьях [7; 8].

Интересно также вспомнить для иллюстрации выдвинутой дальневосточной модели медиации созданные по инициативе Екатерины II губернские совестные суды, которые просуществовали с 1775 по 1862 г. Совестные суды рассматривали гражданские споры и некоторые уголовные правонарушения, в частности, между родителями и детьми, пре-

ступления, совершаемые малолетними и невменяемыми. Иные конфликты рассматривались ими в порядке добровольного обращения и по обоюдному согласию.

Следует упомянуть до сих пор малоисследованные предложения по созданию института посредничества Г.Р. Державина. На основе поручения императора Александра I в 1803 г. он составил Устав третейского суда, состоящий из 103 статей, в целях способствования примирительным процедурам, в котором, в частности, указал: «Почель я за полезное третейский судъ соединить съ совѣстнымъ, дабы, одинъ другимъ дополнивъ, дать ищущимъ правосудіа скорое, справедливое и окончательное рѣшеніе... Я сочинилъ уставъ третейскаго совѣстнаго суда...»

Я всемѣрно старался дать суду сему такое дѣйствіе, чтобы посредствомъ его не токмо прекращались тяжбы полюбовно, но чтобы, водворяя общественное спокойствіе и укрѣпляя взаимно миръ и согласіе, могъ онъ споспѣшествовать даже къ исправленію самыхъ нравовъ и ко внушенію гражданскихъ добродѣтелей, безъ коихъ никогда слабый не будетъ защищенъ сильнымъ, ни бѣдный не найдетъ помощи въ богатомъ» [2: с. 352]. Источником проекта послужила статья «О третейском суде» Соборного уложения 1649 г. Социально-исторической предпосылкой – демократизация частной жизни россиян. Сам Г.Р. Державин в преамбуле проекта отметил, что он направлен «против гнусного лихоимства судей и ради торжества нового правосудия», а также подчеркнул, что «...даже изложение яснейших законов не уничтожит всех ябед (тяжб), доколе не будет преподано надёжное средство к пресечению тяжб в самом их начале» [2: с. 351]. Н.Н. Карамзин, давая оценку этому проекту, отметил: «Благоразумные советы и посредничество лиц, удостоенных общественной доверенности, могли бы устранять или в начале прекращать многие судебные дела способом примирения» [3: с. 183].

По мнению Державина, основным принципом третейского суда должна стать добровольность и состязательность. Цель – разгрузить государственную судебную систему. Проект Державина не был реализован, по крайней мере, в центре России. Но, что характерно, третейские суды появились на окраинах Российской империи – на Кавказе и Сибири. Достаточно напомнить известный исторический факт: первые Думы были созданы отнюдь не в Москве и Петербурге, а по проекту М.М. Сперанского (1772–1838) в Сибири. Просуществовали они около 70 лет. Для нашего исследования проект Державина интересен тем, что в нём предлагалось совместить третейские суды с совестными, и то, что эти новые суды должны были выступать в роли негосударственных институтов примирительного характера.

Проект Державина напрямую относится к нашей теме, так как в мировой практике арбитраж, третейский суд и медиация как термины социальной этики имеют близкое содержание, но не в современной России. Например, Международный арбитражный суд в Гааге и есть третейский суд, точнее Постоянная палата третейского суда (сокращённо – ППТС). Опять-таки не следует путать его с Международным судом ООН, тем более с Международным уголовным судом ООН, хотя их офисы и находятся в одном здании во Дворце мира в столице Нидерландов.

Первые Думы появились у бурят в 1822 г. В законодательном плане они руководствовались Уставом об управлении инородцами 1822 г., разработанным М.М. Сперанским. Сибирские Думы работали с первой четверти XIX в. Как правило, их история начинается с 1824 г. и заканчивается в конце XIX в., т.е. их общая история – это 70 лет!

Так было надо для сибирских народов и императорской власти. И как институты (так и хочется употребить словечко, тянется мысль к современности – гражданского), но не будем злоупотреблять вашим доверием и скажем честно: общества сибиряков (якутов, бурят, русских), они успели сыграть свою гражданскую роль в становлении российской государственности на территории Сибири. Сибирские Думы занимались хозяйством, культурным просвещением, народным бытом русских крестьян и местных аборигенов тюрко-монголоязычных народов. Самое важное, сибирские Думы выступили в роли социальных институтов гражданского общества, которые способствовали возникновению и развитию общеобразовательных учреждений, больниц, школ, театров, распространению христианства, строили дороги, церкви, открывали библиотеки, т.е. выделяли, выражаясь современным языком, средства из местных бюджетов на строительство и развитие социально-экономической и культурной инфраструктуры. Кроме всего прочего, в обязанность Дум входила благотворительность и урегулирование социальных конфликтов. Кстати, и контроль за расходованием выделяемых средств они тоже осуществляли. Но, правда, и «сибирские гектары», т.е. самые доходные промысловые участки сибирской тайги, издревле находившиеся в общинном владении Думы, разделили между новыми аристократами, выполняя государственную волю монарха и уже появившейся российской буржуазии.

В начале XIX в. в России была создана и эффективно работала целая система негосударственных третейских судов для разрешения коммерческих споров, в которые избирались представители купечества 1-й и 2-й гильдии. При этом нейтральный посредник в их составе назывался медиатором. Главная задача этих судов заключалась в том, чтобы добиться от

спорящих согласия на мировое соглашение на основе обычного права и купеческой этики.

В Советском Союзе третейские суды были прикреплены к Торгово-промышленной палате, т.е. их статус был по своей сути негосударственным (сфера их деятельности – международные коммерческие споры). Возвращаясь обратно в российскую историю, вспомним, что и мировые суды во второй половине XIX в. были негосударственными органами. Во главе их обычно находился председатель дворянского собрания на общественных началах.

Во времена Советского Союза функции медиаторов выполняли партком, комсомол, профсоюз и другие общественные организации. Но раскрывать их медиативные задачи мы не собираемся, по крайней мере, в данной работе. Обратим лишь внимание, что даже в эпоху тотального идеологического контроля и плановой экономики властным структурам требовались профессиональные посредники, да и добровольные помощники для профилактики и разрешения социальных конфликтов, и не только в рамках государственной политической системы, но и в урегулировании корпоративных конфликтов в духе уважения законов и авторитетов, ранее их называли производственными и нравственными.

Подчеркнём, официальной должности медиатора в штатном расписании не было и быть по определению не могло, но их функции выполняли другие работники. Вот что вспоминает писатель В.Г. Слипечук в своих очерках «Негатив» (М., 2011) о своей нештатной работе «медиатора» в Дальневосточном морском пароходстве в 80-е гг. XX в. Разруливать, т.е. заниматься профилактикой и разрешением конфликтов на море, обязан был первый помощник (резервный) Морского пароходства с официальным статусом «резервный», неофициальным – посредник, или переговорщик. Таких «посредников» на весь Дальний Восток было трое: по одному в Петропавловске-Камчатском, Южно-Сахалинске и в Находке Приморского края, где и работал будущий писатель-фантаст. Партком Управления Дальневосточного морского пароходства отправлял медиаторов-посредников на корабли разруливать конфликты, где дисциплина, мягко говоря, вызывала тревогу, т.е. где команда была на грани бунта или уже взбунтовалась. Подобные конфликты В.Г. Слипечук в своих очерках называет «чрезвычайными обстоятельствами», которые на море, дальневосточники это хорошо знают, имеют место постоянно. В обязанность резервного помощника капитана входило урегулирование конфликта с целью достижения мирового соглашения, примирения или консенсуса (последний термин ранее не употреблялся). Ибо решение спора по формуле «закона» в чрезвычайных обстоятельствах редко приводит к успеху общего дела, а по «спра-

ведливости» приводит конфликтную ситуацию к примирению или консенсусу, пусть даже временному, либо к смягчению острых противоречий.

Выбранные эти два исторических примера мы рассматриваем как событийные исторические факты (в гегелевском и хайдеггеровском понимании), свидетельствующие о зарождении и наличии в недрах русского и советского общества социокультурных традиций разрешения конфликтов через посредников-медиаторов без обращения к официальным органам власти. Пусть даже их официальный статус в те времена именовался иначе. Но идея медиативных соглашений присутствовала в политической, общественной жизни и властных структурах.

В настоящее время в России и на Дальнем Востоке, в том числе, социальные институты приобретают негосударственный статус (институты гражданского общества, международные и национальные институты, НКО, т.е. некоммерческие организации). Так, арбитраж, медиация, третейский суд, мировой суд входят в общественные (негосударственные) институты, хотя их нормы регулируются государственными органами и законодательством. Впрочем статус мирового судьи, в отличие от мирового суда, определяется законом о судебной системе, т.е. это обыкновенный оксюморон: мировой суд – общественная организация, а мировой судья – государственный чиновник!

В России это Федеральные законы о судебной системе, арбитраже, третейском суде, медиации и новый закон ФЗ № 382-ФЗ от 29.12.2015 г. «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в РФ», который вступил в законную силу с 1 сентября 2016 г. [11]. Уже сам по себе этот важный юридический документ свидетельствует, что в институционализации мирового суда, арбитража и медиации мы возвращаемся к державинского проекту альтернативного правосудия, делая акцент на развитие институтов гражданского общества.

Новый закон взбудоражил общественное мнение. По поводу объединения арбитража и третейского суда, а главное, на какой базе и условиях должно состояться это объединение, обществоведы разделились на «за» и «против». В дискуссию сегодня мы вдаваться не будем, но отметим, противники представляют собой реальные политические силы. Так что политическая борьба вокруг нового закона обещает стать остросюжетной.

Для нас важно в настоящей работе отметить, что в нашей трактовке медиация как альтернативный институт урегулирования социальных конфликтов и споров через нейтральных посредников входит в так называемую сферу влияния постклассической научной парадигмы, появившейся на исторической арене в 80–90-е гг. XX в. Это парадигма американских нобелевских лауреатов в области экономиче-

ской социологии Д. Норта и Дж. Нэша. Социологи, как и экономисты, тоже попали под её влияние. Среди юристов отметим позицию главного редактора журнала «Третейский суд» Г.В. Севастьянова, который отстаивает арбитраж/третейский суд как негосударственный институт, т.е. альтернативный.

В качестве методологической базы мы используем неклассическую теорию институтов, в том числе лауреата Нобелевской и Абелевской премий Джона Нэша (2015), присужденных за его вклад в математическую теорию переговоров и моделирование альтернативных методов урегулирования конфликтов (споров) посредством нелинейных уравнений. Примечательно, что работа Нэша «Некооперативные игры с двумя участниками» впервые была опубликована в 1953 г., однако получила широкую известность лишь в 90-е г. прошлого столетия. Это важно подчеркнуть, так как в современном российском общественном сознании, к сожалению, философы и социологи не уделяют должного внимания изучению неосновных институтов, в том числе альтернативных, считая их исследование прерогативой юристов, а не обществоведов. В результате место и функции медиации в правовой системе и гражданском обществе с философской, социологической, да и с юридической точек зрения в гуманитарных науках однозначно определить невозможно, ибо методологический разлад сказывается на чистом механическом перечислении АРС, без чётко отработанной классификации. На практике же просто происходит заимствование зарубежных моделей по аналогии, что можно встретить практически во всех протоколах Союза медиаторов Дальнего Востока.

В этой связи представим своё понимание альтернативных институтов в контексте Федерального закона России № 193-ФЗ от 27.07.2010 г. «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», вступившем в законную силу с 1 января 2011 г. Прошедшие шесть лет как раз знаменовались внедрением процедуры медиации в российское общество, в том числе в образовательное пространство вузов Дальнего Востока. Так, учебные курсы по медиации (вариативные, элективные или по выбору) включены в учебные планы Дальневосточного федерального университета, Тихоокеанского государственного университета и Дальневосточного филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы. Но этого все равно недостаточно для распространения медиации в Дальневосточном федеральном округе. В целом отметим наличие интереса к медиации в студенческой среде, в отличие от преподавателей. Об этом свидетельствуют сборники научных студенческих работ, посвященных альтернативному правосудию, а пре-

подавательских сборников нет. Итак, имеет ли медиация перспективы для современной России и Дальнего Востока?

Альтернативные институты – это различного рода способы разрешения конфликтов (в юридическом контексте – споров) через переговоры (основной институт), посредничество, третейский суд или арбитраж, мировой суд, товарищеский суд или суд чести, мини-суд (что-то вроде корпоративного суда), частный трибунал, омбудсмен и др. По статусу в иерархии судебной системы их делят на досудебные, внесудебные и судебные согласительные (примирительные) процедуры. Под альтернативными методами, т.е. неюридическими, мы будем понимать всевозможные посреднические способы урегулирования конфликтов через переговоры. Ядром же всех альтернативных методов выступает медиация (*mediation*), или посредничество. Главная цель медиации – найти пути к примирению сторон, как говорят швейцарские медиаторы, «добиться полюбовного разрешения спора». Если кратко – это досудебное, внесудебное и судебное урегулирование (разрешение) социальных и правовых конфликтов. В странах Евросоюза, США, Австралии совокупность этих методов называют альтернативными формами разрешения правовых конфликтов, или *Alternative Dispute Resolution (ADR)*, а в России, Китае, Украине, Казахстане, Белоруссии – альтернативным разрешением споров (АРС).

Классическое определение медиации дано в законе о медиации США. «Медиация – это процедура, в которой беспристрастная третья сторона содействует общению и ведению переговоров между сторонами для достижения ими соглашения по спору» [9: с. 254]. Но в классическом виде медиация уже нигде в мире не встречается. Она институализировалась в комбинированные или гибридные формы. В целом развивается по двум направлениям: 1) в рамках действующей правовой системы и 2) открытом (гражданском) обществе и применяется в досудебной, судебной, внесудебной практике урегулирования конфликтов (споров).

В правовой системе: частный суд (*private/special judging*), арбитраж (частный договорной арбитраж), «арбитраж с последним предложением» (*final offer arbitration*), медиация-арбитраж (*mediation/arbitration*), судебный арбитраж (*court-annexed arbitration*), независимая оценка спора (*neutral case evaluation*), упрощённый суд присяжных (*summary jury trial*). В гражданском обществе: посредничество, переговоры, медиация/процедура, мини-суд (*mini-trial*), согласительные процедуры (*facilitative*), омбудсмен (*ombudsman*). В мировой практике и зарубежной дальневосточной культуре омбудсмен не ограничивается правами человека. Так, если в России омбудсмен – это «уполномоченный по правам че-

ловека», согласно закону от 1997 г., то в мире это посредник-примиритель в разных сферах, в том числе по коммерческим спорам. Кроме омбудсмена, в последнее время актуализировались комбинированные формы, например, медиация/арбитраж/третейский суд или арбитраж/медиация и др. Так, частный суд как медиативная процедура иногда становится формой урегулирования споров гражданского общества, например в процедуре разрешения корпоративных споров.

В качестве примера медиации гражданского общества приведём «Медиацию методом Сократа» М. Олсена (Michael W. Olsen) [14]. Это диалоговая форма медиации, целью которой является достижение справедливого решения. Но это скорее всего не форма, а метод медиации, в буквальном смысле. Кстати, главная премия, присуждаемая лучшему медиатору, в Германии называется премией Сократа. В 2013 г. её получила австрийский медиатор психотерапевт Герда Мета (доктор философии), руководитель проекта продвижения обучения медиации и психотерапии (семейная медиация) в Австрии, Германии, России, Сербии, Румынии, Латвии, Индии. Медиация и психотерапия – это и метод, и отдельное направление типа спортивной, семейной медиации для лиц с ограниченными возможностями при разрешении трудовых споров.

В российской правовой системе альтернативное разрешение споров, как уже отмечалось, однозначно не определено. Сказанное не относится к судебному примирению и мировому соглашению. Дело в том, что арбитраж в России – орган государственной власти (судебной), хотя в Конституции РФ он определяется как негосударственный суд, т.е. как институт гражданского общества. Этим объясняются многочисленные коллизии нашей правовой системы на международном уровне. Яркий пример – дело ЮКОСа в Международном арбитраже, которое рассматривалось в 2005–2014 гг. в гаагском третейском суде, т.е. медиаторами негосударственного правосудия. По уставу гаагского третейского суда (арбитража) представители сторон и судьи не должны быть государственными чиновниками. В России таковых не нашлось. Правительству России пришлось нанимать американских медиаторов-арбитражников (адвокатов). И судья от ответчика тоже оказался американцем, а в качестве главного третейского судьи выступил канадец (по договорённости тяжущихся сторон). В результате терминологической неразберихи представителями Правительства РФ оказались американцы. Но это не означает, что они были нашими антагонистами. В противном случае их деловая карьера оказалась бы подорванной навсегда. Недавно в Окружном гаагском суде, как следует из СМИ, процедурные решения гаагского арбитража по делу ЮКОСа (так

называемая Энергетическая хартия) были пересмотрены, но не само арбитражное решение, которое является окончательным и пересмотру (апелляции) не подлежит.

Медиацию следует рассматривать в широком смысле и узком. В широком смысле медиация – это урегулирование конфликта через нейтрального посредника (официального или неофициального), применяемое во всех сферах общественной жизни, в том числе государственно-правовой. Везде, где есть человек и человеческие взаимоотношения, применяется медиация в целом или, по крайней мере, её отдельные элементы. В узком значении медиация – это особый метод (и даже стиль жизни и поведения посредника) оказания посреднических услуг конфликтующим сторонам, заключающийся в поиске взаимовыгодного соглашения и предоставлении квалифицированной консультативной помощи через переговоры с участием третьей (нейтральной) стороны.

Цель медиации – добровольное, конфиденциальное, конструктивное содействие в урегулировании конфликта (спора) через переговоры с участием третьей стороны (медиатора). Медиатор – помощник-консультант (арбитр), но не судья-администратор, тем более не регулировщик конфликтной ситуации. Медиатор – посредник, и его роль определяется нейтральной позицией ко всем участникам переговоров. Он создаёт условия для взаимоприемлемого разрешения конфликта (спора), но не разрешает конфликт, тем более в чью-либо пользу. Он организует рациональные и иррациональные коммуникации между переговорщиками, создаёт психологически комфортную атмосферу для переговоров. Медиатор помогает найти справедливые нормы для будущего разрешения конфликта.

Основные принципы медиации излагаются в ст. 3 Федерального закона о медиации (процедуре медиации): «Процедура медиации проводится при взаимном волеизъявлении сторон на основе принципов добровольности, конфиденциальности, сотрудничества и равноправия сторон, беспристрастности и независимости медиатора» [10].

В настоящее время медиация в европейских странах и России стала фактом государственных и гражданских правоотношений. В сфере оказания медиативных услуг работают в основном частные компании (некоммерческие или саморегулируемые организации), но аккредитованные и имеющие соответствующие сертификаты на право разрешать конфликты (споры) во внесудебном порядке. Это значит, что медиаторы (посредники), занимающиеся посреднической деятельностью на профессиональной основе, обязаны иметь высшее профессиональное образование и пройти обучение на курсах подготовки медиаторов.

Сегодня медиация распространилась и внедрилась в правовую и общественную практику почти во всех развитых странах: от Северной Америки до Европы, от Японии и Дальнего Востока до Австралии и мусульманского Востока в виде профессионального содействия третьей стороны в поисках компромиссного соглашения как на международной арене, так и в обыкновенной бытовой сфере. В качестве примера можно привести российских военных переговорщиков по примирению конфликтующих сторон в Сирии. Медиация легко адаптировалась к христианской и мусульманской культуре, её приняли в буддийской религии и конфуцианстве. Все религии мира (мусульманство, христианство, буддизм, конфуцианство) признают медиацию как таковую, лишь называя её разными словами. Например, в японских судах практически не рассматриваются гражданские иски. Японцы предпочитают разрешать споры полюбовно на основе правила «гири». Японцы обращаются в суд лишь в крайнем случае. Лишь 10 % гражданских споров разрешаются в суде. Не случайно в Японии очень мало адвокатов. Кстати, в японском парламенте и депутаты в основном без юридического образования. Формулировки законов преднамеренно записываются расплывчато и неопределенно, как бы на все случаи жизни. Поэтому без философии мирового соглашения их практически прочитывать невозможно.

По оценкам Международной ассоциации фондов мира с консультативным статусом ЭКОСОС ООН (до 1992 г. – Советский фонд мира) и Федерации мира и согласия, опубликованных на сайте ООН, в странах АТР за 2015–2017 гг. число споров по международным и гражданским искам составило более 5 тысяч. Из них только 3 % были разрешены в судах разной юрисдикции, остальные урегулировались с помощью медиаторов или неофициальных переговорщиков. Это свидетельствует о значимости процедуры медиации и примирения в международных отношениях АТР. Отдельно китайской модели медиации мы посвятили несколько работ, в том числе опубликованных на страницах журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» [6: с. 170–175]. Отметим лишь, что опыт наших соседей в области альтернативного правосудия может оказаться полезным и для российского Дальнего Востока, если он получит достаточное освещение в СМИ.

Вместе с тем для многих, особенно россиян, медиация представляет собой совершенно новое явление. Так, например, на территории российского Дальнего Востока и, в частности, в Хабаровске медиация в узком смысле слова не применяется. И сегодня многие дальневосточные юристы, социологи, да и психологи знакомы с медиацией лишь на

поверхностном уровне, а термин иностранного происхождения «медиация» путают с «медитацией». Так, в новом ФГОС 2016 г. по специальности 37.05.01 «Клиническая психология» специализация «Клинико-социальная реабилитация и пенитенциарная психология» в формулировке профессиональных задач и компетенций авторы текста допустили обыкновенную орфографическую ошибку: «Выпускник, освоивший программу специалитета, готов решать... и обладать компетенцией: способностью и готовностью к использованию технологией восстановительного правосудия, навыков *медитации* (выделено мной. – С.М.) в условиях конфликта и правозначимых ситуациях (ПСК-6.5)» [12]. Теперь психологи начнут на практике отрабатывать в студенческой среде и образовательном пространстве профкомпетенцию по медитации в условиях конфликта и правозначимых ситуациях. Хорошо, если ограничатся медитацией «слегка изменённого сознания (психики)» с привлечением шаманов, но уже встречаются рекомендации о применении техники медитации в онкологии и при лечении психосоматических болезней. Так рождаются лже- и псевдонауки, в частности в клинической психологии. В Якутске в СВФУ на официальном сайте уже появилась информация о новой компетенции в клинической психологии. Возможно, и в Хабаровске откроем институт шаманов или буддистов. И последнее, медиация никак не обозначается в массовом общественном сознании дальневосточников, а ведь медиация как раз рассчитана именно на широкие массы людей и гражданское общество. Тем не менее есть и положительные истории.

Яркими примерами институционализации медиации на Дальнем Востоке России являются Иркутск и Якутск, представившие две её модели: 1) в сфере социальной работы и 2) школьной медиации.

В Иркутске институты медиации начали функционировать с 2010 г. в формате Иркутского центра образовательных и медиационных технологий (Иркутский центр медиации) при ИГУ на базе юридического института, Байкальского государственного университета экономики и права, Восточно-сибирского филиала Российского университета правосудия, Иркутского государственного лингвистического университета. В 2011 г. открылась АНО «Медиация. Психология. Право» [5]. В 2013 г. была создана Байкальская лига медиаторов, целью деятельности которой стало объединение медиаторов региона, развитие медиации, выработка единого подхода к пониманию медиации, контроль за соблюдением стандартов и правил проведения процедуры медиации. Этот коллегиальный подход дал возможность реализовать проект АРС эффективно и быстро, а также апробировать на практике все возможные варианты медиации и выбрать из них наиболее вос-

требуемые в данном регионе. Впоследствии оказалось, что для Иркутска и Байкальского региона это медиация в сфере социальной работы.

Следует особо выделить поддержку внедрения медиации со стороны административной власти региона. Медиация в Байкальском регионе получает поддержку от органов исполнительной власти, в частности Министерства социального развития, опеки и попечительства Иркутской области, Министерства образования Иркутской области, Уполномоченного по правам ребенка в Иркутской области С.Н. Семеновой, а также Общественной палаты Иркутской области. Как показывает ситуация в других регионах Дальнего Востока, в частности в Приморском крае и Хабаровске, без моральной поддержки со стороны региональной власти медиация внедряется в гражданское общество медленно.

В 2013–2014 гг. в Иркутской области были реализованы два социально значимых проекта в развитии институтов гражданского общества: а) «Каждому равные возможности в защите своих прав: кабинет медиатора»; б) «Путь к согласию...». Проекты позволили продолжить дальнейшее внедрение процедур медиации, создание служб школьной медиации, обучить специалистов, работающих с населением, медиативным технологиям, осуществить подготовку медиаторов не только в Иркутской области, но и в Республике Бурятия и Забайкальском крае.

В 2015–2016 гг. данная работа осуществлялась в рамках проектов: «Тоже мама!» (проект предусматривает проведение процедур семейной медиации); «Ресурсный центр восстановительного правосудия» (создание комплексной системы защиты и обеспечения прав и интересов детей и дружественного к ребенку правосудия на территории Иркутской области); «Мир в семье!» (проект направлен на работу с замещающими семьями, в том числе на проведение процедур семейной медиации).

Все реализуемые проекты предполагают обучение медиативным технологиям специалистов и сотрудников органов государственной и муниципальной власти, в рамках которого слушатели знакомятся с сущностью процедуры медиации, осознают возможности её применения в своей профессии. Практика деятельности и анализ проводимых мероприятий обобщаются в учебно-методических изданиях и публикациях. В Иркутской области ежегодно проводятся научно-практические конференции, круглые столы, призванные привлечь внимание к институту медиации, способствующие её популяризации, а также позволяющие обсудить существующие проблемы на пути её внедрения в качестве института гражданского общества.

В Республике Саха (Якутия) медиация утвердилась в виде модели школьной медиации и частично медицинской медиации, т.е. в здравоохранении.

С 2011 г. в Якутии начал работать проект «Служба примирения в школе» для директоров школ и учителей на базе центра Северо-восточного федерального университета, филиала БГУЭП в г. Якутске и Центра медиации при Торгово-промышленной палате и Северо-Восточном федеральном университете. При создании института школьной медиации в Республике Саха руководствовались методическими рекомендациями Минобрнауки РФ от 18.11.2013 г. № ВК-844/07 «Об организации служб школьной медиации в образовательных организациях». В этом письме речь идёт и о вузах, но дальневосточных высших учебных заведений медиация пока не касается. Вузы ожидают, как всегда, приказа министра образования, зарегистрированного в Минюсте России.

В настоящее время в Якутии Школы примирения успешно работают не только в городах (Якутск, Нерюнгри, Мирный, Алдан), но и в отдалённых районах республики. В Якутске медиаторы работают в 9 школах. 70 процентов разбираемых ситуаций составляют конфликты между учениками, 13 – «ученик – учитель», 10 – «ученик – родитель», 3 – «родитель – учитель». Интерес к школьной службе примирения постоянно растёт.

В Якутске хорошо зарекомендовала себя медиация в арбитражном процессе. На сайте Арбитражного суда Республики Саха (Якутия) представлена исчерпывающая и в доступной для всех форме информация о примирительных процедурах, предусмотренных АПК России, применяемых в Якутии. На сайте также представлен адрес якутского НП «Дальневосточный центр медиации и права», список медиаторов-арбитражников из 12 специалистов и их контакты.

Как и в Иркутске, в Якутии Центр медиации проводит семинары, тренинги, конференции, круглые столы, курсы по подготовке профессиональных медиаторов. Так, только в апреле 2016 г. были проведены семинары-тренинги с приглашением специалистов из Москвы и Иркутска на базе филиала БГУЭП в г. Якутске и СВФУ «Медиация – переговоры в ситуации конфликта», «Медиация в школе», «Омбудсмен как медиация», «Медиация в здравоохранении». Интерес представляет, пожалуй, для внедрения медиации в Дальневосточный регион семинар, проведенный в рамках конкурса молодых врачей «Профессия – жизнь» на базе медицинского института СВФУ (зав. кафедрой общественного здоровья и здравоохранения д.м.н., профессор Н.В. Саввина и к.ю.н., доцент А.А. Степанова). Его цель – ознакомление медицинских работников с медиацией как средством разрешения конфликтной ситуации «врач–пациент» на этапе внесудебного, досудебного разрешения споров с целью достижения мирового соглашения. На семинарах и тренингах в

Центре медиации Якутии основательно и подробно рассматривают: законодательное введение на территории РФ и ДВ новой профессии «медиатор»; образовательные стандарты освоения данной профессии; законодательную базу введения медиации в пространство школы; этапы вхождения медиации в пространство образовательного учреждения и другие важные вопросы процедуры медиации [4: с. 48–52]. Следует взять на заметку и поддержку якутской модели медиации со стороны Законодательного собрания (Ил Тумэн) Республики Саха и персональную роль куратора-депутата О.В. Макиенко. Всё это важно и требует повторения, как нам представляется, и в других регионах Дальнего Востока при поддержке властей и Общественных палат.

В других же регионах Дальнего Востока, включая Хабаровский и Приморский субъекты России, институт медиации практически не работает. Интерес к её процедуре сначала вроде бы появился после проведения в мае 2012 г. во Владивостоке Первой Дальневосточной конференции «Медиация – инструмент урегулирования конфликтов в обществе» (Владивостокский государственный университет экономики и сервиса), но затем исчез. Видимо, не нашлось в нашем крае инициативных сторонников АРС, а главное, де-факто отсутствует поддержка со стороны власти и Общественной палаты. Тем не менее в Хабаровске в 2013 г. все-таки был зарегистрирован «Союз медиаторов ДВ», членами

которого в настоящее время являются юристы-медиаторы Дальнего Востока и Забайкалья. С 1 января 2015 г. при Арбитражном суде Хабаровского края открылась комната примирения, в которой осуществляется разбирательство по делам, рассматриваемым Арбитражным судом Хабаровского края, пришедшим к соглашению о проведении процедуры медиации (п. 3.2 Порядка работы комнаты примирения в Арбитражном суде Хабаровского края). В списке аккредитованных медиаторов Союзом ДВ медиаторов числятся 49 специалистов. В основном это бывшие арбитражные управляющие, переквалифицированные в медиаторы в ускоренном (дистанционном) режиме («за неделю») через курсы повышения квалификации на базе филиала Российского правового университета при Минюсте РФ и с применением исключительно дистанционных технологий. Отметим, что Министерство образования и науки России отводит на подготовку профессиональных медиаторов 576 академических часов за три модуля. Первый (базовый) модуль «Медиация. Базовый курс» всё равно оценивается в 120 академических часов. Выделяя значимость этого события для Хабаровска, отметим и главный недостаток Союза медиаторов: в свои ряды они принимают исключительно юристов. В результате осталь-

ные медиаторы остаются «за бортом» институтов примирения. Это медиация школьная, семейная, спортивная, медиация в медицине и здравоохранении, омбудсмен для лиц с ограниченными физическими возможностями, например при трудоустройстве и разрешении трудовых споров и др.

В Хабаровске, Приморском крае, на Камчатке, Сахалине и в других регионах Дальнего Востока прижилась модель «арбитраж/медиация», в дальневосточном варианте – «арбитражная медиация». Её основные направления: 1) мировое соглашение (ст. 139–142 АПК РФ); 2) отказ от иска (ч. 2, ст. 49 АПК РФ); 3) признание иска и требований (ч. 3, ст. 49 АПК РФ), признание фактических обстоятельств дела (ст. 70 АПК РФ); 4) заключение соглашения о признании обстоятельств дела (ст. 70 АПК РФ). Это гражданские правоотношения, административные и иные правоотношения, как указывается в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации. В соответствии с Арбитражно-процессуальной парадигмой Российской Федерации стороны могут примириться на любой стадии арбитражного процесса и при исполнении судебного акта. С методологической точки зрения примирительный акт вытекает из ст. 138 АПК РФ «Примирение сторон»: «Стороны могут урегулировать спор, заключив мировое соглашение или применяя другие примирительные процедуры, в том числе процедуру медиации» [1]. Более того, как и в Великом Новгороде, государственная пошлина с примирителей не взимается, а примирение стоит гораздо дешевле и проходит конфиденциально.

Все попытки объединиться с другими видами медиации в настоящее время не увенчались успехом. Предложения со стороны Союза медиаторов внедрить медиацию, даже как просветительскую, в государственные и муниципальные органы власти есть, но они оказываются безответными. И причиной тому является, на наш взгляд, отсутствие на юге Дальнего Востока учебно-методического центра, наподобие Центра медиации Якутска и Иркутска, который взял бы на себя проведение конференций, круглых столов, публичных диспутов (дебатов) по процедуре вхождения медиации в гражданское общество. Да и дальневосточные СМИ достоинства и преимущества медиации не освещают! К сожалению, методические рекомендации и учебно-методические пособия по примирительным процедурам, запланированные Союзом ДВ медиаторов на совместном заседании с Советом муниципальных образований Хабаровского края 28.12.2015 г., так и не появились в печати и электронном виде. А свои учебные пособия по медиации Центр медиации и права Ц.А. Шамликашвили (Москва) и Федеральный институт медиации (Москва) даже слушателям учебных курсов бесплатно не выдают.

В Хабаровском крае появилась Школьная служба медиации в соответствии с приказом министра образования и науки Хабаровского края А.Т. Кузнецовой № 532 от 19.03.2015 г. «О создании служб медиации в образовательных организациях края». По крайней мере, формально они приступили к работе с 1 сентября 2016 г. Школьные службы примирения открылись и в других регионах Дальнего Востока. И их очень много вдруг стало. Однако в их составе числятся отнюдь не медиаторы, тем более профессионалы, а учителя музыки, БЖД и астрономии, в редких случаях психологи, так как полноценные ставки психологов в штатных расписаниях так и не появились. Директора школ посчитали, что астрономия ближе всех по духу относится к медиации. Но самое главное, что у новоявленных астрономов-медиаторов нет ни сертификатов, ни дипломов, как того требует ФЗ № 193 о медиации!

Следует отметить и особо подчеркнуть попытки Союза ДВ медиаторов наладить международные связи с медиаторами АТР. Речь идёт о создании *международной палаты медиаторов-адвокатов* стран Северо-Восточной Азии (ДВ регион России, Китай, Япония, Южная и Северная Кореи, Монголия), или МПМА, с целью организации квалифицированной помощи в разрешении региональных коммерческих и торговых конфликтов по аналогии с Ассоциацией медиаторов США (Association of Attorney-Mediators, Director Brenda Rachuing; сокращенно – ААМ) [13]. ААМ работает с 1989 г. как ассоциация профессиональных юристов (переговорщиков-медиаторов), занятых в области негосударственного урегулирования международных коммерческих и торговых споров (АРС).

Однако членство в ААМ обеспечивает не диплом, а солидный членский взнос в валюте. Кроме членского взноса, претендент должен: а) пройти практику по программе Minimum Continuing Legal Education, или MCLE Rules 2014 г. (не менее 5 процедур в течение 3 лет); б) представить поручительство трёх юристов-медиаторов ААМ; в) пройти обязательную стажировку в ААМ под руководством опытного переговорщика-медиатора и, разумеется, г) согласиться на обучение по программе ААМ, сертифицированной директором Brenda Rachuing. Обучение по программе MCLE можно, конечно, получить в дистанционной форме, в российском аспекте – это обыкновенное непрерывное образование. Но вот что касается обязательных стажировок, то здесь перспективы не радужные. Так что желание Союза ДВ войти в состав Международной ассоциации медиаторов должно быть формально обеспечено финансами, и только после выполнения этих условий наших дальневосточных медиаторов допустят к вступительным испытаниям в членство ААМ.

Китайский вариант ААМ – это МПМА (директор пекинской юридической компании «Новый мост» Ян Синцюань). Правда, есть и другие китайские юридические фирмы, перечень которых можно найти на сайте посольства России в Пекине. Китайская модель ААМ включает в свой состав медиаторов-переговорщиков КНР, Гонконга, Южной Кореи, Владивостока (ДВФУ). Но и здесь претенденты обязаны пройти перед вступительными экзаменами стажировку в Швейцарии (Женева) в Институте мира или в лондонском филиале палаты мира, Австрии (Вена) в ЮНСИТРАЛе, а также в штаб-квартире ВТО. В результате процедура вступления дальневосточных медиаторов в МПМА забуксовала. Тем более у медиаторов, занимающихся социальной работой, спортивной, школьной, семейной и медицинской медиацией шансы пройти в международную ассоциацию явно обнуляются.

Вместе с тем кое-какие результаты есть. Так, за 2013–2017 гг. подготовлено и направлено работать в ДФО более 50 медиаторов, получивших образование по программе «Медиация. Базовый курс», в том числе 32 медиатора прошли курс профессиональных медиаторов и получили соответствующие дипломы. Ведётся просветительская работа в арбитражных судах и в предпринимательской среде, во всех субъектах ДФО созданы отделения Союза. Однако для эффективной работы требуется, на наш взгляд, организация учебно-методического центра медиации на базе нескольких вузов, по аналогии с Иркутском, и расширение состава участников (членов) Союза за счёт медиаторов не юристов. В качестве аналога можно взять Якутский центр медиации при СВФУ. Возможно, внутри этого центра державинский проект Устава третейского суда и переведут на современный русский язык! И уже это будет значимым для развития дальневосточной модели медиации, а не калифорнийский «устав» ААМ.

В заключение отметим, внедрение медиации в общественную сферу Дальнего Востока и гражданское общество – это дело времени и вопрос чести креативно мыслящих юристов и обществоведов хотя бы потому, что важнейшая функция альтернативных методов (медиации) – развитие и распространение консенсусного сознания в обществе и гражданской морали.

Конечная цель закона о медиации – разгрузить правоохранительные органы, прежде всего судебную систему, освободить её от несвойственных ей функций и передать значительную часть методов урегулирования конфликтов в гражданское общество. В первую очередь в арбитраж открытого общества и третейский суд. И в результате получить экономию бюджетных ресурсов, разрушить монополию юристов, оптимизировать нагрузку судов общей юрисдикции, арбитражных и третейских

судов, институализировать человеческий капитал гражданского общества Дальневосточного федерального округа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон : [принят Гос. Думой 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 19.12.2016 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017 г.)] // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] / Компания «КонсультантПлюс».
2. *Державин, Г.Р.* Проект устава третейского совестного суда. Доклад Его Императорскому величеству (с приложениями) / Г.Р. Державин // Сочинения. В 9 т. Т. 7. – СПб. : Изд. Имп. Акад. наук, 1872. – С. 349–376.
3. *Карамзин, Н.Н.* Третейский суд по мнению Державина / Н.Н. Карамзин // Журнал Министерства юстиции. – 1862. – Т. 13. – Кн. 7. – С. 177–193.
4. *Львова, О.И.* Модель социального проекта «Школьные службы примирения» в Республике Саха (Якутия) / О.И. Львова // Опыт работы школьных служб примирения в России : сб. материалов. – М. : Центр «Судебно-правовая реформа», 2014. – С. 48–52.
5. *Марков, С.М.* Медиация как социокультурная модель модернизации российской правовой системы (на примере Иркутска) / С.М. Марков // Известия Иркутского гос. ун-та. – 2011. – № 2 (7). – С. 102–112. – (Сер. «Политология. Религиоведение»).
6. *Марков, С.М.* Китайская модель медиации и арбитража трудовых споров: философско-юридический аспект / С.М. Марков // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2015. – № 3 (47). – С. 170–175.
7. *Марков, С.М.* Некняжее судебное право Великого Новгорода XI–XIII веков (альтернативный взгляд): историография и методология / С.М. Марков // История государства и права. – 2016. – № 17. – С. 53–58.
8. *Марков, С.М.* Судебное право вечевой Новгородской республики XI–XIII веков: история медиации Древней Руси / С.М. Марков // Известия Иркутского гос. ун-та. – 2016. – Т. 18. – С. 144–155. – (Сер. «Политология. Религиоведение»).
9. Типовые правила поведения медиаторов США 2005 г. // Ковач К.К. Медиация: краткий курс : пер. с англ. Е.И. Носырева [и др.]. – 2-е изд. – М. : Инфотропик Медиа, 2013. – С. 253–261.
10. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : федер. закон РФ : [принят Гос. Думой 27.07.2010 г. № 193-ФЗ] // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] / Компания «КонсультантПлюс».
11. Об арбитраже (третейском разбирательстве) в РФ : федер. закон : [принят Гос. Думой 29.12.2015 г. № 382-ФЗ] // Третейский суд. – 2016. – № 11. – С. 31–66.
12. Федеральный образовательный стандарт высшего образования по специальности 37.05.01 «Клиническая психология» (уровень специалитета) от 12.09.2016 г. № 1181 (зарегистрирован в Минюсте России 26.09.2016 г. № 43809) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] / Компания «КонсультантПлюс».
13. Association of Attorney-Mediators / Director Brenda Rachuing [Electronic resource]. – URL: <https://www.attorney-mediators.org>
14. *Olsen, M.W.* Mediation saves Socrates / M.W. Olsen // American Journal of Mediation (Washington & Lee Law School). – 2009. – Vol. 3. – P. 65–83.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕМЕЦКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ ФРИДРИХА АВГУСТА ЛЮДОРФА НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 50–70-Х ГОДАХ XIX ВЕКА

Е.Г. Молчанова

Молчанова Елена Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: lenmolch@mail.ru

Статья посвящена деятельности немецкого предпринимателя Фридриха Августа Людорфа на Дальнем Востоке России в середине XIX в. Особое внимание уделено его предпринимательской, общественной, благотворительной деятельности. Рассматривается также вклад этого предпринимателя в развитие региона.

Ключевые слова: немецкое предпринимательство, история Дальнего Востока России, проекты развития Дальнего Востока России.

В середине XIX в. начинается заселение и освоение Приамурья Российской империей. Под руководством генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева были осуществлены сплавы и на берегах Амура основаны первые села и военные посты. Сюда были отправлены войска, казаки, приехали чиновники и первые крестьяне-переселенцы. Встал вопрос о снабжении поселенцев продовольствием, промышленными товарами, строительными материалами, снаряжением для флота и т.д. Организовать снабжение силами только российских купцов не удалось. Основная сложность состояла в том, что товары в 50–70-х гг. XIX в. приходилось доставлять из центральной части России сухопутными сибирскими дорогами. Такая доставка была очень длительной и дорогостоящей. Состоятельные сибирские купцы предпочитали вкладывать свои средства в более прибыльные отрасли, нежели амурская торговля, например в золотопромышленность.

В связи с этим российское правительство было вынуждено прибегнуть к помощи иностранных предпринимателей, которые могли доставлять товары на Дальний Восток более дешевым морским путем. Для этого властями были предприняты меры поощрения деятельности иностранных предпринимателей. Положениями Амурского комитета, высочайше утвержденными 1 ноября 1856 г. и 4 ноября 1857 г., устанавливалось порто-франко в портах Приамурского края. В 1860 г. право беспощинной торговли распространилось на порты Приморской области [9: Оп. 9. Д. 169. Л. 1,8]. Указом Александра II от 7 июня 1860 г. иностранным предпринимателям предоставлялись те же льготы на ведение торговых и промышленных операций, которыми пользовались российские граждане [12: Оп. 1. Д. 495. Л. 7].

В первые годы после окончания Крымской войны доступ в Приамурье английским и французским купцам был закрыт. Российские власти в 50–60-х гг.

XIX в. были готовы допустить к торговле на Амуре американских коммерсантов. Доброжелательно они относились и к деятельности немецких предпринимателей.

Для Германии в XIX в. был характерен высокий уровень эмиграции. Это было связано с тем, что в германских государствах развивались капиталистические отношения, разорялось большое количество крестьян, ремесленников и мелкой буржуазии, которые часто не находили применения своим силам на родине. Немцы разъезжались по разным уголкам земного шара в поисках заработка, рынков сбыта. Некоторые из них решили попытать свое счастье в Азии. И вскоре немцы стали играть заметную роль в этом регионе. По размерам торговли с Китаем германские государства уже в 60-х гг. XIX в. обогнали Францию и заняли третье место после Англии и США [4: с. 239]. Однако в Китае немецкие коммерсанты часто сталкивались с сильной конкуренцией с представителями других иностранных держав.

В середине 50-х гг. XIX в. появилась информация о том, что открываются возможности предпринимательской деятельности на Дальнем Востоке России, стало известно и о льготах, предоставляемых иностранным предпринимателям в этом регионе. Некоторые немцы решили перенести сюда свой бизнес. Проникновение иностранных коммерсантов на российский Дальний Восток начиналось через Николаевск-на-Амуре. Одним из первых агентов, посланных сюда немецкими фирмами в 1856 г., был Фридрих Август Людорф. Он был молодым, но уже достаточно опытным коммерсантом.

Людорф родился в 1834 г. в прусском городе Эберфельде. После учебы в школе стал приказчиком и по торговым делам разъезжал по всей Европе. Уже в возрасте 19 лет он отправился в дальнее путешествие в Америку, посетил Монтевидео, Бу-

энос-Айрес, Лиму, Сан-Франциско, Сандвичевы острова. Осенью 1854 г. приехал в Гонконг. В апреле 1855 г. он был принят на работу в местный филиал гамбургской фирмы «В. Пусто и К^о» (W. Pustau & Co) в качестве торгового агента. Его первым поручением стала доставка из Гонконга в японский порт Хакодате 100 тонн угля и 200 тонн немецких товаров (винтовки, подзорные трубы, часы, ткани, посуда, сахар, спиртные напитки и др.). Для этого был зафрахтован бременский бриг под американским флагом «Грета». Фридрих Август Людорф должен был реализовать данные товары или обменять их на японские. В то время это было непростым делом, так как Япония только что была открыта для иностранцев и местные власти продолжали чинить препятствия для торговли. Предприниматель сумел преодолеть все сложности, совершил необходимые сделки и реализовал товары. Он оставался в Японии до 1856 г. В ходе своей поездки вел дневник, который был издан в 1857 г. под названием «Восемь месяцев в Японии» [22]. Примечателен тот факт, что бриг «Грета», на котором Ф. А. Людорф доставил товары в Японию, на обратном пути вывез часть экипажа погибшего во время землетрясения и цунами фрегата «Диана», на котором в Японию прибыла для русско-японских переговоров делегация во главе с Е.В. Путятиным¹ [22; 16: с. 179].

В 1856 г. Ф. А. Людорф прибыл в Николаевск-на-Амуре в качестве торгового представителя немецкой фирмы «В. Пусто и К^о» [11: Оп. 1. Д. 74. Л. 10, 39, 50]. С 1859 г. представлял известную германскую торговую компанию «Годефроя и К^о» [21: с. 106]. В это время Николаевск быстро развивался. В 1855 г. сюда из Петропавловска-Камчатского была переведена военно-морская база России на Тихом океане. В 1856 г. он стал центром Приморской области. Если в 1857 г. население Николаевска было около 1500 чел., то через семь лет оно уже составило 4017 чел. [2: с. 87], а в 1868 г. в городе проживало 5314 чел. В то время это было больше, чем в каком-либо другом населенном пункте юга Дальнего Востока [8: с. 37]. По описанию Ф. А. Людорфа, в 60-х гг. XIX в. в городе было 2 церкви, 3 учебных заведения, 10 магазинов, офицерский клуб, морской госпиталь 1-го класса, городской сад, библиотека с 5000 томов, телеграф [3: с. 213–214]. Торговля Николаевска находилась преимущественно в руках иностранных купцов, доставлявших заграничные товары морским путем. Американский журналист и путешественник Томас Нокс, посетивший Николаевск в 1867 г., писал: «Я провел утро с мистером Чейзом и некоторыми другими

иностранцами купцами и членами их семей. Наиболее известный из них немец Людорф, прибывший сюда еще в 1856 г. и создавший здесь серьезный бизнес. Миссис Людорф последовала за своим мужем в 1858 г. и стала первой иностранной леди в Николаевске» [18: с. 113]. Позже в честь своей жены предприниматель назовет пароход «Эмма Людорф» [5: с. 69].

Николаевск в то время играл роль ввозного порта и центра транзитной торговли. Сюда на морских судах доставлялись товары, которые затем перегружались на речные суда и баржи и доставлялись по Амуру в другие населенные пункты. В 1861 г. Ф. А. Людорф начал собственный бизнес, приобрел два парохода «Николай» и «Адмирал Казакевич», которые перевозили товары и пассажиров по Амуру. Он был одним из первых иностранцев, кто начал постоянную торговлю в амурских селениях. Его обороты в Приамурье достигли к концу 60-х гг. XIX в. 800 тыс. руб. [13: Оп.1. Д. 10. Л. 1; 34], что составило около 30 % от всего объема товарооборота региона [7].

В 60-х – начале 70-х гг. XIX в. Ф. А. Людорф осуществлял банковские операции в Николаевске, что значительно улучшало условия ведения бизнеса в Приамурье. Военный губернатор Приморской области И. Фуругельм писал в своем представлении генерал-губернатору Восточной Сибири от 31 августа 1871 г. «Как самый богатый и влиятельный негоциант Николаевска он пользуется известностью и за границей, потому денежные переводы иностранных купцов делаются исключительно на дом Людорфа» [13: Оп.1. Д. 10. Л. 35].

Фридрих Август Людорф неоднократно предпринимал попытки организовать разработку природных ресурсов Дальнего Востока. В начале 1860-х гг. он пытался создать компанию для разработки сахалинского угля и заготовки леса под названием «Компани Гаджи-Бай». Однако эти планы не удалось воплотить в жизнь. Устав общества был представлен на утверждение в Санкт-Петербург в Министерство внутренних дел, но столичные чиновники потребовали внести исправления в него. В силу того что в то время на переписку между Николаевском и Санкт-Петербургом было необходимо, по крайней мере, 8 месяцев, Ф. А. Людорф отказался от дальнейших планов учреждения компании. В своих письмах и статьях он неоднократно обращал внимание российских властей на необходимость либерализации условий бизнеса в регионе [3: с. 225–226]. В начале 70-х гг. XIX в. Ф. А. Людорф был владельцем золотого прииска на острове Аскольд в Уссурийском крае. Однако этот прииск не стал прибыльным предприятием [12: Оп. 1. Д. 98. Л. 337].

В 1862 г. Ф. А. Людорф был назначен неофициальным торговым агентом города Гамбурга и

¹ Однако «Грета» была захвачена английским военным кораблем, доставлена в Гонконг, а русские моряки пробыли в плену до окончания Крымской войны.

Пруссии на российском Дальнем Востоке. Он посылал донесения обо всем, что происходило на Амуре, прусскому королевскому правительству и управлению иностранных дел вольного города Гамбурга [2: с. 85]. В 1876 г. германский поверенный в делах в Санкт-Петербурге обратился в Министерство иностранных дел с просьбой позволить Ф. А. Людорфу исполнять обязанности германского коммерческого агента в Николаевске-на-Амуре. Данная просьба российским правительством была удовлетворена, Ф. А. Людорф получил право поднимать флаг. На время отсутствия его обязанности выполнял Рудольф Келлер [10: Оп. 4. Д. 398. Л. 1].

На российском Дальнем Востоке Ф. А. Людорф вел активную работу по сбору сведений о географии, природных ресурсах региона, транспортных путях, возможностях развертывания здесь бизнеса, отношении российских властей к иностранному предпринимательству. Об этом свидетельствуют его сообщения, опубликованные в конце 50–60-х гг. в Германии. В частности, в 1858 г. во «Всеобщем обозрении новейших географических исследований» были напечатаны записки Ф. А. Людорфа под заголовком: «Описание значения русского владения рекой Амур, и путешествие от устья Амура до Москвы (7 октября 1857 г. до 17 декабря 1858 г.)». Он так характеризовал условия в Николаевске-на-Амуре, созданные российскими властями для иностранных предпринимателей: «Русское правительство действительно делает все, что в его силах, чтобы способствовать развитию торговли на Амуре. Купцам бесплатно предоставляются земельные участки для строительства домов и магазинов. Им выделяются люди для разгрузки пароходов, строительства зданий и транспортировки товаров. Они освобождены от налогов, ни в коей мере не обременены, и живут там гораздо приятнее, чем во многих государствах нашей благословенной Германии». В этой статье Людорф описывает не только условия Приамурья. Он указывает на то, что выгоднее было бы доставлять иностранные товары не в Николаевск-на-Амуре, а в порт Де-Кастри, который доступен для судов в течение восьми месяцев, и целесообразно соединить этот порт железной дорогой с одним из населенных пунктов Приамурья [17: с. 334].

Проявлял Ф. А. Людорф интерес и к природе Дальнего Востока. Коллекционирование бабочек, птиц, растений и других представителей флоры и фауны было в Европе того времени модным занятием в среде состоятельных людей. Это было время бурного развития систематического накопления знаний в энтомологии, а Германия являлась ее центром. На территории российского Дальнего Востока европейцы могли свободно и безопасно исследовать богатую и экзотичную маньчжурскую фауну. Это был один из тех случаев, когда коммерция

и наука, к обоюдной выгоде, шли рядом. Коллекционирование приносило доход, так как собираемые материалы охотно приобретали исследователи и музеи Европы. Поэтому некоторые из прибывших на российский Дальний Восток предпринимателей вкладывали средства в изучение природного мира региона и собирали коллекции. Одним из них был и Фридрих Август Людорф. В его честь был назван восточно-азиатский род ранневесенних парусников (чешуекрылых) – людорфий² [6: с. 5, 6]. Он занимался изучением и коллекционированием не только насекомых. Фридрих Август Людорф преподнес в дар Александру II «великолепно набитую группу из двух тигров с Амура». В свою очередь, император в 1874 г. передал чучела тигров в Зоологический музей Академии наук, где эти экспонаты получили высокую оценку [14: с. 82, 83].

Досконально изучив местные условия, географию, природные ресурсы, имея серьезный опыт предпринимательской деятельности, Ф. А. Людорф предлагал российским властям собственные планы экономического развития дальневосточного региона. В статьях, опубликованных в российской и иностранной прессе, он доказывал необходимость открытия реки Сунгари для свободной торговли с населением Маньчжурии. В 1868 г. он писал: «Вопрос об открытии Сунгари для торговли становится для развития Амурского края жизненным. Население Амура вместе с туземцами составляет 30 000 чел. При таком малом населении нельзя мечтать об успешном увеличении торговых оборотов и благосостояния края. Между тем, как торговые отношения с 1,5 млн. населением Маньчжурии оказали бы самое благоприятное влияние на весь Амурский край, быстро оживив его промышленность и торговлю» [20: с. 328]. Он призывал российские власти начать переговоры с китайским правительством по этому вопросу. Конечно же, разрешение плавания по Сунгари российским судам, посредством которых могла осуществляться торговля иностранными товарами, позволило бы значительно увеличить обороты как самого Фридриха Августа Людорфа, так и других предпринимателей. Однако доступ в реку Сунгари для российских торговых судов был открыт только в конце XIX в.

За время пребывания на российском Дальнем Востоке Ф. А. Людорф хорошо изучил регион, познакомился с местными традициями, что способствовало успеху его бизнеса. Военный губернатор Приморской области так его характеризовал: «Отлично знаком с нашими обычаями и законами, знает русский язык ... занимал даже должность по выборам городского общества» [13: Оп. 1. Д. 10. Л. 24].

² Людорфия Пуцилло (лат. *Luehdorfia puzilloi*) – дневная бабочка семейства «Парусники».

Немецкие предприниматели, работавшие на Дальнем Востоке России, принимали активное участие в городском управлении. В то время в условиях слабо освоенного края, где не было развито транспортное сообщение и регулярное снабжение необходимыми товарами, ценились их деловые качества, экономическая состоятельность, возможности. В 1865 г. Ф. А. Людорф занял должность городского старосты Николаевска-на-Амуре сроком на один год. Однако уже 29 ноября 1865 г. Военный губернатор Приморской области И. Фуругельм предложил ему остаться в этой должности и в последующие годы. Солидное торговое и пароходное дело, которое имел этот предприниматель на Амуре, его деловые качества позволяли успешно исполнять свои обязанности. И. Фуругельм в представлении генерал-губернатору Восточной Сибири от 31 августа 1871 г. отмечал, что со вступлением Ф. А. Людорфа в должность городского старосты вид города стал улучшаться [13: Оп. 1. Д. 10. Л. 23, 34]. В 1865 г. он стал членом попечительного совета Николаевского женского училища. За годы работы в этом совете пожертвовал на нужды учебного заведения 8 тыс. руб. Кроме того, Фридрих Август Людорф избран директором Приморского областного попечительного о тюрьмах комитета [13: Оп. 1. Д. 10. Л. 25, 34, 35], а также членом Пожарного комитета города Николаевска. Он принимал активное участие в жизни лютеранской общины города и в 1867 г. занял пост ее вице-президента [15: с. 31].

Необходимо отметить, что для коммерсантов в России благотворительность была главным средством повышения общественного статуса, что было крайне необходимо для обеспечения стабильности их бизнеса, получения благоприятных условий для успешной предпринимательской деятельности. Солидные иностранные предприниматели, в том числе и Ф. А. Людорф, приспосабливались к российским условиям и занимались благотворительностью. Это позволяло им получать правительственные награды и чины. Иногда даже формулировки при награждении орденами говорили сами за себя: «за заслуги по тюремному ведомству», «за усердную службу по ведомству народного просвещения» и т.д. Ордена и чины давали право на почетное гражданство и даже получение дворянского звания. 14 декабря 1866 г. Ф. А. Людорф обратился к генерал-губернатору Восточной Сибири с просьбой о присвоении ему почетного звания коммерции советника. Обладатели этого звания имели право пользоваться титулом «ваше высокоблагородие», приглашались на совещания «по делам торговли и промышленности» и могли причисляться к потомственным почетным гражданам. В деловой среде этот особый статус пользовался популярностью как свидетельство признания заслуг. Сам Людорф объ-

яснял стремление получить это звание тем, что это «...сделает поощряющее и благое впечатление на остальной торговый мир...» и «...может иметь хорошее влияние на коммерческие отношения на Амуре» [13: Оп. 1. Д. 10. Л. 8]. Однако ходатайство Ф. А. Людорфа было оставлено без удовлетворения. Возможно, это произошло потому, что за время пребывания на российском Дальнем Востоке он дважды находился «под судом» и даже четыре месяца провел в тюрьме за «нанесение обиды чиновнику Сушко-Неслодовскому и мещанину Кравецкому». Это, конечно же, было препятствием для получения столь высокого звания. После отказа в получении звания коммерции советника Людорф начал добиваться награждения орденом Станислава II степени, и даже нашел в этом вопросе высокопоставленных покровителей [13: Оп. 1. Д. 10. Л. 16, 35, 37, 45].

Безусловно, Ф. А. Людорф был одним из самых солидных и влиятельных предпринимателей в Приморье в 50–70-х гг. XIX в. Однако завершилась его коммерческая карьера на Амуре весьма печально. В 1872 г. он создал Восточно-Сибирское торговое товарищество. Его акционерами стали немецкие, английские, американские и российские предприниматели. Капитал компании составлял 1 млн талеров. Ее резиденция находилась в Гамбурге. Согласно проекту Людорфа предполагалось открыть торговые дома в крупнейших населенных пунктах, создать собственный флот для доставки товаров на российский Дальний Восток, организовать добычу золота и других полезных ископаемых. Однако несмотря на имевшийся солидный капитал, воплотить в жизнь эти планы Ф. А. Людорф не сумел. В 1875 г. предприятие обанкротилось, а его акционеры потерпели серьезные убытки. Несмотря на неудачу в 80-х гг. XIX в., он пытался создать еще одну акционерную компанию для торговли на российском Дальнем Востоке под названием «Северная тихоокеанская компания» с капиталом в 1 млн долл. [1]. Однако в деловых кругах Германии, США и других стран данный проект был воспринят с недоверием. Американская газета *News Letter* писала об этом начинании Людорфа: «Вся история финансовой и коммерческой части переполнена извещениями о предприятиях, в которых таланты первой степени всеми силами стараются в обширнейших размерах обмануть и обделить свет. Само уже существо этих финансовых и коммерческих предприятий обращает на себя внимание таких не мнительных и, следовательно, великих гениев, которые не особенно проникнуты чувством честности...» [1]. Впрочем, современники по-разному оценивали эту деятельность Ф. А. Людорфа. Одни считали это обычной неудачей, результатом коммерческих просчетов, другие – хорошо спланированной финансовой махинацией.

В итоге привлечь капиталы и осуществить проект с «Северной тихоокеанской компанией» ему так и не удалось.

Несмотря на столь неудачное завершение коммерческой карьеры Фридриха Августа Людорфа на Дальнем Востоке России, всё же можно сделать вывод, что этот предприниматель сыграл видную роль в экономическом и социальном развитии региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Владивосток. – 1885. – № 29. – 21 июля.
2. *Крюков, Н.А.* Промышленность и торговля Приамурского края / Н.А. Крюков. – Нижний Новгород : Тип. т-ва А. Ржонсницкого, 1896. – 106 с.
3. *Людорф, Ф.А.* Амурский край, его настоящее положение и потребности / Ф.А. Людорф // Записки для чтения. – 1868. – Ноябрь – декабрь. – С. 208–227.
4. *Нарочницкий, А.Л.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке (1860–1895) / А.Л. Нарочницкий. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1956. – 894 с.
5. *Нестерова, Е.И.* Иностранные коммерческие агенты в Николаевске-на-Амуре (1856–1874 гг.) [Электронный ресурс] / Е.И. Нестерова // Вестник ДВО РАН. – 2013. – № 1 (167). – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/statya-posvyaschena-deyatelnosti-amerikanskikh-i-germanskikh-kommercheskikh-agentov-v-nikolaevske-na-amure-v-1856-1874-gg> (дата обращения: 12.03.2017).
6. *Новомодный, Е.В.* Путешествие Л. Гейзера (1881–1885 гг.) и его значение для исследования чешуекрылых (Lepidoptera, Insecta) Дальнего Востока / Е.В. Новомодный // Чтения памяти Алексея Ивановича Куренцова. – 2003. – № 13. – С. 5–30.
7. *Панов, В.* Прошлое и настоящее амурской торговли / В. Панов // Дальний Восток. – 1894. – № 80. – 17 июля.
8. *Позняк, Т.З.* Торговая инфраструктура городов юга Дальнего Востока во второй половине XIX века [Электронный ресурс] / Т.З. Позняк // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2010. – № 2 (13). – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/torgovaya-infrastruktura-gorodov-yuga-dalnego-vostoka-vo-vtoroy-pолоvine-xix-veka> (дата обращения: 13.03.2017).
9. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1265. – Второй Сибирский комитет.
10. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. – Ф. 1. – Приморское областное правление военного губернатора Приморской области.
11. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. – Ф. 12. – Окружной суд Приморской области.
12. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. – Ф. 87. – Канцелярия военного губернатора Приморской области.
13. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. – Ф. 701. – Главное управление Восточной Сибири.
14. *Слепкова, Н.В.* «Благодарить именем Академии»: центральноазиатские коллекции Зоологического музея в хронике заседаний Физико-математического отделения ИАН, 1874–1894 [Электронный ресурс] / Н.В. Слепкова // Историко-биологические исследования. – 2014. – № 4. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22652821&> (дата обращения: 10.04.2017).
15. *Троицкая, Н.А.* Предпринимательская и общественная деятельность коммерсанта Фридриха Людорфа на Дальнем Востоке / Н.А. Троицкая // Историко-культурное и природное наследие Дальнего Востока на рубеже веков: проблемы изучения и сохранения : материалы Вторых Гродковских чтений (Хабаровск, 29–30 апреля 1999 г.). – Хабаровск : Издат. дом «Частная коллекция», 1999. – С. 28–31.
16. *Чепелев, В.Р.* Шхуна «Хэда» – «бабушка» японского флота (К 160-летию создания) / В.Р. Чепелев // Вестник академии детско-юношеского туризма и краеведения. – 2014. – № 3 (112). – С. 165–183.
17. Fr. Aug. Lühdorf's Schilderung der Wichtigkeit des Russischen Besitzes vom Amur-strom, und seine Reise von dessen Mündung bis Moskau, 7 Oktober 1857 bis 17 Januar 1858 // Dr. A. Petermann's Mittheilungen aus Justus perthes' Geogr. Anstalt. – 1858. – S. 334–336.
18. *Knox, T.W.* Overland through Asia: Pictures of Siberian, Chinese, and Tartar Life / T.W. Knox. – Hartford, Conn. : Amer. Publishing Company, 1871. – 608 p.
19. *Lühdorf, F.A.* Acht Monate in Japan: nach Abschluß des Vertrages von Kanagawa / F.A. Lühdorf. – Bremen : H. Strack, 1857. – 254 s.
20. *Lühdorf, F.A.* Das Amur-Land, seine Verhältnisse und Bedürfnisse / F.A. Lühdorf // Dr. A. Petermann's Mittheilungen aus Justus perthes' Geogr. Anstalt. – 1868. – № 1. – S. 325–332.
21. *Mai J.* Das deutsche Kapital in Russland 1850–1894 / J. Mai. – Berlin : Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1970. – 255 s.
22. *Schneider, J.* "Lühdorf, Friedrich August Freiherr von" / J. Schneider // Neue Deutsche Biographie 15 (1987) [Electronic resource]. – URL: <https://www.deutsche-biographie.de/gnd140050787.html#ndbcontent> (accessed: 08.01.2017).

КАРТОГРАФИЧЕСКАЯ КАРИКАТУРА: ВЗГЛЯД НА РОССИЮ ИЗ-ЗА РУБЕЖА (XIX – НАЧАЛО XXI ВЕКА)

М.В. Ульянова

Ульянова Мария Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Дальневосточного государственного медицинского университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: mulyanova72@mail.ru

В статье анализируется образ России, конструируемый зарубежной прессой с помощью картографических карикатур в XIX – начале XXI в.

Ключевые слова: картографическая карикатура, образ России, антропоморфный и зоологический типаж.

Почему Европа враждебно относится к России? Этот вопрос, который был задан в книге русского мыслителя второй половины XIX в. Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», вновь актуален. Почему мировому сообществу проще поверить в «агрессивный настрой Москвы», «недобрые намерения российской стороны», в ее «экспансионистскую» политику [8; 9], чем признать за ней право на отстаивание собственных национальных интересов? Такое отношение обусловлено рядом причин, в том числе и политической традицией.

Дело в том, что на протяжении ряда столетий к нашей стране западные и восточные соседи применяли систему двойных стандартов. С одной стороны, в годы кризисов, когда Россия была не в состоянии отвечать из-за своей слабости и внутренней фрагментированности на вызовы времени, Европа и Америка могли позволить себе все что заблагорассудится. Как писал об этом американский политолог, директор разведывательно-аналитической организации «Стретфор» Дж. Фридман, «Запад просто не уважал Россию, которая была слаба и бедна» [20: с. 277].

С другой стороны, усиление роли России на международной арене, намерение проводить независимую внешнюю политику, опираясь на мощные армию и военно-морской флот, финансовые ресурсы и успехи дипломатии, вынуждало западные державы считаться с нашей страной. Вместе с тем они делали все возможное, чтобы противодействовать России, добиваясь ее ослабления всеми доступными средствами и методами. Как говорил еще в XVIII в. Людовик XV, «Все, что может погрузить Россию в хаос и прежнюю тьму, мне выгодно» [3: с. 22].

Одним из методов данной стратегии является формирование и тиражирование негативного образа России в массовом сознании мирового сообщества с целью дискредитации ее внутренней и внешней политики вне зависимости от формы правления и общественного строя.

Первые сведения о России, ставшие основой для формирования стереотипов ее восприятия, европейцы получили из воспоминаний дипломатов, купцов и путешественников еще в XVI–XVII вв. Наиболее

заметными среди них оказались «Записки о Московитских делах» Сигизмунда Герберштейна. Многие исследователи считают, что именно он одним из первых выделил основные черты России и русских, которым была суждена очень долгая жизнь, – рабский характер, грубость, жестокость, испорченность нравов, дикость, деспотизм правителей [13; 14].

В XVIII в. Россия стала одним из ведущих игроков на европейской политической арене, что определило интерес к ее истории, географии и культуре. Определенную лепту в формирование негативного имиджа России внесли французские просветители, которые в своих трудах впервые представили ее как идеологического противника, как антипода демократии. Так, по мнению Г.Т.Ф. Рейналя и Д. Дидро, деспотизм обрекал русских людей на беспросветное и униженное состояние, а самодержавный строй – главное препятствие на пути прогрессивного развития страны. Преобразование России возможно, если она *пожертвует своим влиянием в европейских делах* ради проведения реформ. Ж.-Ж. Руссо считал, что Россия погружена в дикость и варварство и русские *никогда* не станут истинно цивилизованными [16: с. 223, 232, 237].

В XIX в. эта тенденция получила свое визуальное воплощение в картографических карикатурах, которые позволяли давать определенное толкование и оценку международной обстановке, создавать и эксплуатировать стереотипы, основываясь на фобиях и других чувствах. Выбор именно такого способа подачи материала не был случаен, так как юмор – это один из основных приемов воздействия на сознание, вызывающий сильные эмоции. Юмористические материалы привлекают внимание, а «...их высокая эффективность связана с оказанием сильного влияния на сферу слабо осознаваемых психических явлений, где снижена действенность психологической защиты личности» [18].

На английской карте начала XIX в. «Причудливый рисунок Европы» (рис. 1) Россия изображена огромной пустынной территорией, на которой живут дикири в юртах, не знающие огнестрельного оружия и охотящиеся при помощи лука и стрел.

Рис. 1. Английская карта нач. XIX в.

Данная карта представляет собой идеологический штамп «азиатская Россия», «ледяная, чуждая, опасная», который окончательно закрепился во второй половине XIX в. Европейский обыватель, разглядывавший этот сатирический рисунок и видевший «далекую, бедную, бесконечную» страну, испытывал, по-видимому, те же чувства, что и баронесса де Сталь, которая вела дорожный дневник, путешествуя по России в 1812 г. Она писала: «Мне казалось, что стою на месте: настолько природа страны однообразна. Меня охватил кошмар, когда кажется, что делаешь шаги и в то же время не двигаешься с места. Бесконечною казалась мне эта страна, и целая вечность нужна, чтобы ее пройти» [17: с. 25]. Представления о нашей стране как о «холодной равнине, с вечной мерзлотой, по большей части необитаемой» [5: с. 379] широко распространены и ныне даже среди крупных зарубежных политиков. Так, бывший Государственный секретарь США Х. Клинтон в 2014 г. опубликовала свои мемуары, в которых назвала Россию «замороженной между прошлым ... и будущим» [9: с. 306].

Во французской прессе еще в 30-е гг. XIX в. за Россией прочно закрепился имидж «воплощения зла», «империи кнута», управляемой «императором-деспотом» [15: с. 30, 236, 294]. А в 1843 г. вышла в свет книга французского путешественника и литератора маркиза А. де Кюстина «Россия в 1839 году», которая была переведена на многие европейские языки. В ней автор, желая подчеркнуть отличие, инаковость русских от цивилизованных европейцев, сравнивал их с медведем. Он писал, что «...под

внешним лоском европейской элегантности большинство... сохранило медвежью шкуру – они лишь надели ее мехом внутрь» [11: с. 182]. И добавлял: «Но достаточно их чуть-чуть поскрести – и вы увидите, как шерсть вылезает и топорщится» [11: с. 182].

В годы Крымской войны французские карикатуристы представили публике образ Российской империи в виде вставшего на дыбы медведя (рис. 2), который одной лапой стоит в Крыму, а другой делает шаг в сторону Каспия. Голова хищника направлена на Европу, а корпус развернут в сторону Азии, что еще раз подчеркивало «азиатскую природу» страны и в то же время намекало на территориальные приобретения России в районе Каспийского моря. Видимо, таким образом французские художники пытались оказать поддержку «туманному Альбиону», своему союзнику по Крымской войне, в острой тайной и явной борьбе с нашей страной за территории, влияние и рынки в Центральной Азии. Чтобы подчеркнуть агрессивность намерений своего противника, художники с берегов Сены вооружили его плетью, а пасть и язык окрасили в кровавый цвет. На голове медведя надета корона Российской империи, которая украшена черепами и крестом. Внутри нее находится надпись «деспотизм». Бросается в глаза, что части Российской империи – Финляндия и Польша – не являются составляющей образа зверя. Если Финляндия показана на карте пустынной территорией, заселенной непонятными существами, то Польша предстает перед зрителями в виде печальной коленопреклоненной девы, скованной цепями, которые прикреплены к медведю.

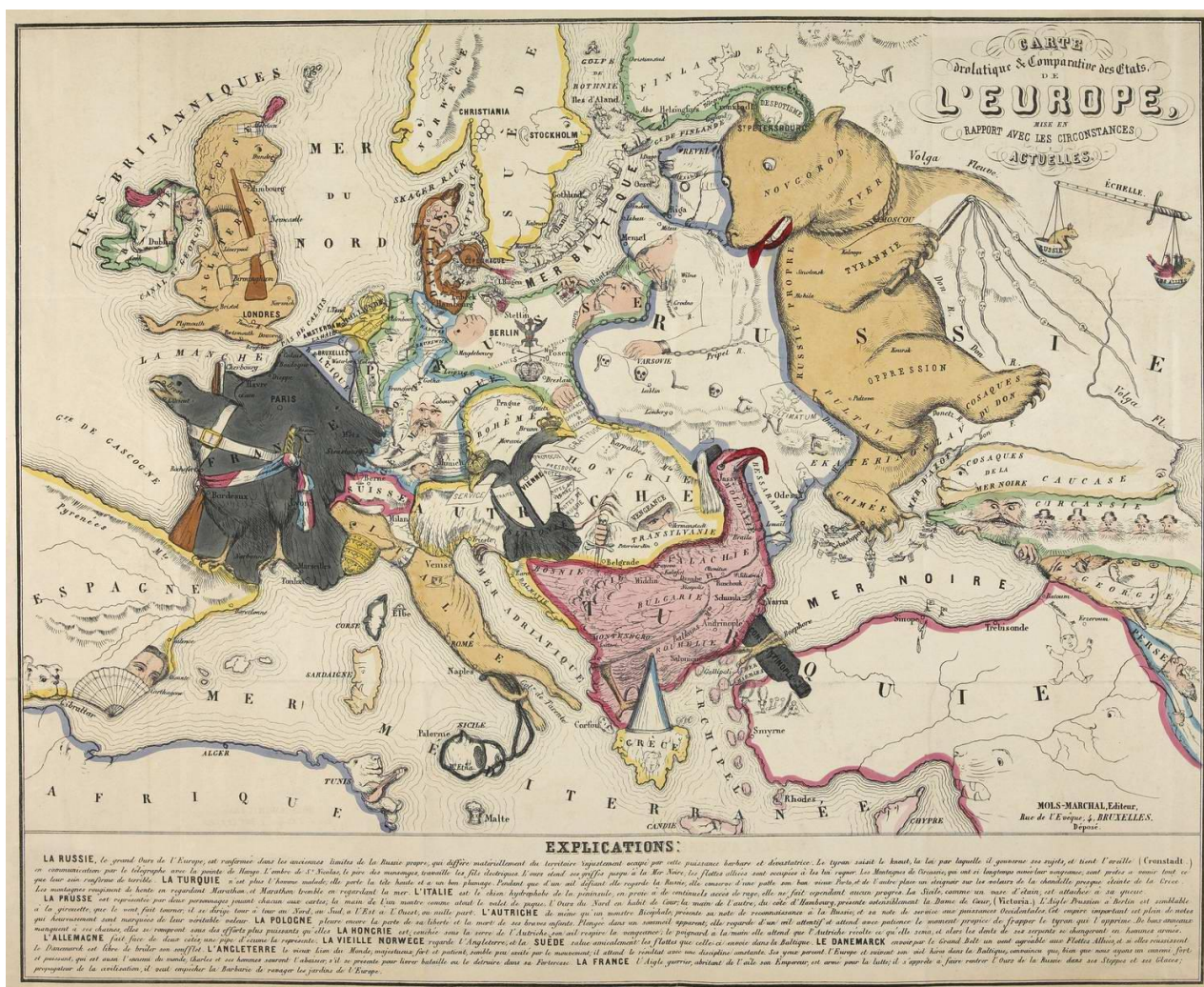

Рис. 2. Французская карта времен Крымской войны

Само название – Польша – выложено костями и черепами как символ, характеризующий результат деятельности «угнетателей». Добавим, что карты тиражировались и активно переводились на другие языки. В частности, это изображение получило распространение в Германии.

Помимо образа медведя зарубежная пропаганда активно навязывала простому обывателю клише «дикого москвитя», «казака», который выступает антиподом всему цивилизованному, культурному миру. Уже упоминавшаяся выше баронесса де Сталь описывала казаков как «ведущих образ жизни подобно диким», чьи «тусклые цвета формы наводят страх» так, что кажется «это мертвецы поднимались на вас» [17: с. 28]. Офицеры наполеоновской армии характеризовали их как «бешеных людей», «предмет ужаса всей армии», «жаждавшие грабежа войска» [17: с. 274, 306].

Ярким примером визуализации этого образа служит итальянская карта 70-х гг. XIX в. (рис. 3). Агрессивность подчеркивается хищным оскалом

казака, который единственный из всех персонажей карты сжимает в руках окровавленный тесак. К его руке цепью прикована изнемогающая, измученная Польша, с мольбой протягивающая руки к европейским странам. Россия предстает перед зрителем еще и в облике «угнетателя национальных меньшинств», «тюрьмы народов».

Продолжая эксплуатировать имидж казака, швейцарские карикатуристы¹ (рис. 4) дополняют его новыми штрихами: теперь он – еще и пьяница с растрепанными волосами и неухоженным обликом, который проявляет доблесть лишь во «взятии» водки. Чтобы зрителям была понятна деспотическая природа России, фигура казака «украшена» виселицами с повешенными на них жертвами самодержавия.

¹ Существует иная интерпретация этого изображения. Кандидат исторических наук И. Фоменко отождествляет его с «Россией-батушкой», что, на наш взгляд, является не совсем точной трактовкой рисунка.

Рис. 3. Итальянская карта 70-х гг. XIX в.

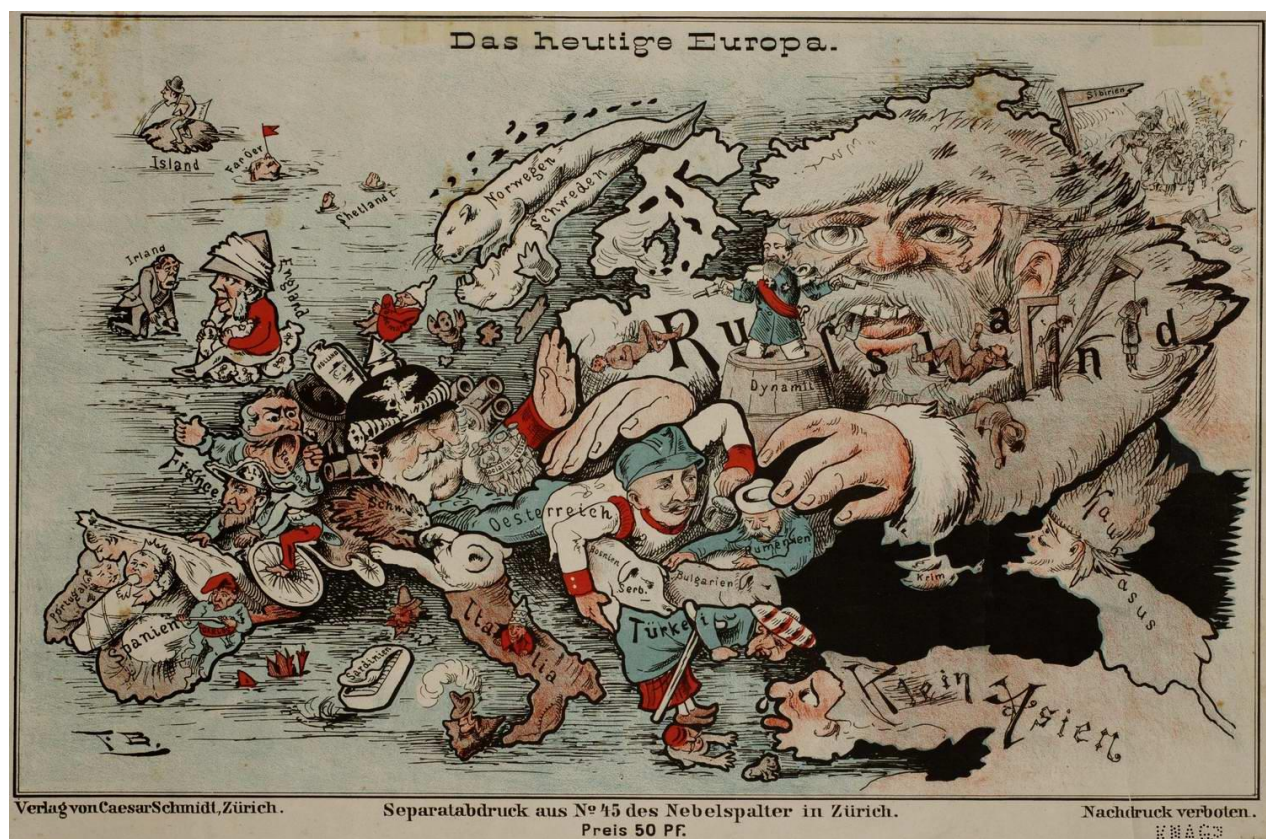

Рис. 4. Швейцарская карта 1887 г.

Все эти изображения должны были вызывать у европейского обывателя чувство страха, которое переносило негативные эмоции с восприятия определенной группы населения на страну в целом. Подобные персонажи также оживляли у зарубежного зрителя ощущение превосходства над отсталыми русскими и гордости от осознания принадлежности к цивилизованным народам.

В годы Первой мировой войны активно использовала этот образ в своих пропагандистских акциях кайзеровская Германия, которая стремилась напомнить европейцам «атрибуты русской культуры» – кнут, кандалы, Сибирь и грязь, требующих принести сюда цивилизацию, чистоту и порядок. Сами русские этого сделать не способны. Русский – это представитель низшей расы, недочеловек.

Впоследствии этот тезис был воспроизведен уже в годы Второй мировой войны не только в странах оси, но и в других государствах. Так, летом 1940 г. в Норвегии была издана книга Эстрид Отт о финской женской военизированной организации «Лотта Свэрд», в которой, в частности, говорилось, что «...финны не испытывают ненависти к русским, а рассматривают их как низшую нацию. Русские ленивы, грязны, лживы» [1].

Если точка зрения Германии по отношению к России в ходе мировых войн была понятна, то вызывает удивление позиция союзника нашей страны – Великобритании. На карте 1914 г. с названием «Убить орла» (рис. 5) все страны представлены в

человеческом облике, кроме двух: главного противника – Германии и одного из основных союзников – России. Империя кайзера была изображена в виде официального символа – орла, а Россия – в хорошо знакомом европейцу облике рассерженного медведя, которого сопровождают две конные фигуры казаков, вооруженных пиками. Эти образы отсылали зрителя к уже имевшимся стереотипам.

В ходе очередной конфронтации, уже во второй половине XX в., известной как «холодная война», Соединенные Штаты Америки достали из арсенала психологической войны проверенный и испытанный временем типаж – медведя, символизирующего геополитического преемника Российской империи – СССР (рис. 6). Его когтистые лапы тянутся по всему миру, а стрелки демонстрируют основные направления экспансии. Кроме того, эта карикатура иллюстрировала старый тезис, к которому прибегали еще Наполеон, Вильгельм II, Гитлер, «о стремлении России к мировому господству», чтобы «...покачать ... европейскую цивилизацию новым нашествием с востока», а результатом этого станет «вечное азиатское иго» [2: с. 165; 11: с. 186–188; 19]. И в наши дни, когда канули в Лету и Российская империя, и Советский Союз, наблюдается возврат к этой фобии. В своей книге «"Горячие" точки. Геополитика, кризис и будущее мира» Джордж Фридман писал: «Мы уже видим, как Русский Медведь поднимается на задние лапы, требуя назад хотя бы часть того, что у него когда-то было» [20: с. 398].

Рис. 5. Английская карта 1914 г. «Убить орла»

Рис. 6. Картографическая карикатура времен «холодной войны»

Следует отметить, что помимо широко распространенных образов медведя и казака иностранные СМИ использовали еще один непривычный для русского человека типаж – осьминога, своими щупальцами охватывающего сопредельные страны. В культуре морских народов довольно часто встречался этот персонаж, символизирувавший природную стихию, мощный, агрессивный, сеющий ужас, противостояние человека с которым неизбежно. Поэтому не случайно, что изображения гигантского Кракена активно использовались в картографиче-

ских карикатурах, выпускавшихся британскими, американскими и японскими издательствами.

В 1877–1878 гг. американцы издали карту Европы, в пояснении к которой говорилось, что «...осьминог – Россия протягивает свои руки во всех направлениях. Схватив Турцию, он нетерпеливо продвигается вперед в надежде свернуть её, как это уже было сделано с Польшей» [4]. В то время как Россия освобождала балканские народы от османского ига, ряд государств оценивали ее действия однозначно негативно и усматривали в них экспансионистские намерения. Хотя «...сугубо материальные приобретения России в Русско-турецкой войне (Южная Бессарабия и Карс-кая область) таковы, что ради них воевать никто бы не стал» [7: с. 18].

В 1904 г. в Японии была издана карта (рис. 7), где Россия вновь предстает в образе гигантского осьминога, в то время как остальные страны имеют антропоморфное изображение. Щупальца спрута оплели Финляндию, Польшу, Крым, схватили за ногу Турцию, за горло – Персию, за руку – Тибет. Одно из них по рукаву Китая, на котором написано «Маньчжурия», опускается на Ляодунский полуостров и своей конфигурацией напоминает КВЖД, которая заканчивается у русской военно-морской базы Порт-Артур и торгового порта Дальний. Маленькая Япония, представленная фигурой самурая, в одной руке держит флаг, а другой отважно стреляет по направлению дальневосточного щупальца морского чудовища. Добавим, что в отличие от британских и американских в японской картографической карикатуре довольно тщательно прописана дальневосточная часть изображения.

Рис. 7. Японская сатирическая карта. Начало XX в.

Об устойчивости представлений о России как о спруте в ряде стран говорит тот факт, что во время переговоров в Вашингтоне в 1979 г. между США и Китаем лидер КНР Дэн Сяопин заявил президенту Картеру: «Куда бы не протянул Советский Союз свои щупальца, их всюду надо отрубать» [8: с. 392].

В начале XXI в. этот образ был вновь востребован американскими специалистами информационно-психологических операций, когда в очередной раз потребовалось испугать мировую общественность Россией после принуждения Грузии к миру в 2008 г. (рис. 8). На сатирическом картографическом изображении наша страна показана в виде гигантского осьминога, чья голова имеет портретное сходство с В.В. Путиным, а конечности обвились вокруг бывших советских республик. Этот рисунок должен был наглядно подтвердить тезисы о «неизменной экспансионистской природе русской нации» и о «стремлении "советизировать" страны на постсоветском пространстве» [9: с. 299].

Все картографические карикатуры, насыщенные множеством визуальных образов, оказывали и продолжают оказывать мощное влияние на сознание человека. Они содержат интересную, несложную информацию в не вызывающем скуку объеме, в меру используют мотивы страха, одобрены юмором и порождают приятное чувство превосходства.

Кроме того, карты рассчитаны практически на все категории населения. С одной стороны, эти рисунки – своего рода политико-географические ребусы, позволяющие представителям образованных слоев, разгадывая их, находить скрытые смыслы,

так как «...эмоциональные материалы информационно-психологического воздействия, не несущие существенной информационной нагрузки, вполне способны побуждать человека к мыслительному процессу» [18]. С другой – типизация изображения упрощала ее восприятие простыми обывателями и в то же время вызывала сильные эмоции и чувства. Карта одновременно воспринимается как научный продукт, воздействуя на сознание человека всем авторитетом научного знания, и «...мобилизует подсознание, гнездящиеся в нем иррациональные установки и предрассудки – надо только умело подтолкнуть человека на нужный путь работы мысли и чувства» [6: с. 102].

Такое воздействие описано в рассказе польского писателя Ю. Каден-Бандровского «Белая медведица», вошедшего в сборник «На берегу большой реки» (1928), в котором автор делился впечатлением, произведенным сатирической картой. Он писал: «Отец принес только что купленную карту Европы, на которой страны были представлены в образах людей и зверей. Маленькая Польша в конфедератке плакала в белый платочек: с одной стороны ей угрожал прусак в шлеме, с другой – австриец в тирольской шляпе, с третьей – к конфедератке тянулась огромная белая медведица с черным носом и черными глазами. Это Россия. Того рисунка и той боли, какую мы тогда ощутили, я не забуду никогда. Мы с Ижиком долго обдумывали месть: сколько и каких солдат можно выставить против России...» (Цит. по: [12]).

Рис. 8. Картографическая карикатура. 2008 г.

Описанная в рассказе реакция героев на сатирическое изображение была закономерна, потому что молодое поколение наиболее склонно к эмоциональному восприятию информации. Такой эмоциональный посыл обычно закрепляется в виде мировоззренческой установки и может активно эксплуатироваться в дальнейшем.

Итак, более двухсот лет картографическая карикатура является важным орудием в информационно-психологической борьбе за «сердца и умы» мирового сообщества. В них проецируются и тиражируются устойчивые коллективные представления, общественные эмоции. При помощи демагогии формируется устойчивый штамп: Россия – варварская агрессивная страна, которая на ментальной карте иностранцев ассоциируется с «азиатской деспотией», антиподом основным западным ценностям. С одной стороны, сатирические карты воспроизводят уже имеющиеся стереотипы, а с другой – навязывают их подрастающему поколению, сохраняя при этом в исторической памяти все давние обиды и страхи, что сильно затрудняет установление взаимного доверия и не способствует стабилизации международной обстановки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив внешней политики России. – Секретариат Молотова [Электронный ресурс]. – Ф. 06. – Оп. 3 АВТО. – Д. 58. – Папка 6. – Режим доступа: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 7.07.2016).
2. Волковский, Н.Л. История информационных войн. В 2 ч. Ч. 1 / Н.Л. Волковский. – СПб.: Полигон, 2003. – 502 с.
3. Воронцова, Л.В. История и современность информационного противоборства / Л.В. Воронцова, Д.Б. Фролов. – М.: Горячая линия – Телеком, 2006. – 192 с.
4. Географические карты как пропаганда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://propagandahistory.ru> (дата обращения: 27.07.2016).
5. Данниген, Дж. Ф. Горячие точки XXI века. Как будут развиваться события / Джеймс Ф. Данниген, Остин Бэй. – М., 2014. – 832 с.
6. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Эксмо, 2011. – 864 с.
7. Кириллов, А.К. «Всё-таки спрут»: Россия в Маньчжурии накануне Русско-японской войны в зеркале английской картографической карикатуры / А.К. Кириллов // Сибирь и войны XIX–XX веков. – 2014. – С. 14–22.
8. Киссинджер, Г. О Китае / Генри Киссинджер. – М.: АСТ, 2015. – 635 с.
9. Клинтон, Х.Р. Тяжелые времена / Хилари Родэм Клинтон. – М.: Эксмо, 2016. – 736 с.
10. Кожухова, М. «Побойтесь этого медведя!» Александр I в зеркале европейской карикатуры / М. Кожухова // Родина. – № 1. – 2014. – С. 95–97.
11. Кюстин, А. Николаевская Россия: пер. с фр. / А. Кюстин. – М.: Политиздат, 1990. – 352 с.
12. Лазари, де А. «Русский медведь» в польской сатирической графике межвоенного периода (1919–1939) [Электронный ресурс] / А. де Лазари, О.В. Рябов // Границы: Альманах Центра этнических и национальных исследований ИвГУ. Вып. 2: Визуализация нации. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2008. Режим доступа: <http://cens.ivanovo.ac.ru/publications.htm> (дата обращения: 17.07.2016).
13. Медведев, С.А. О формировании образа России в Германии накануне Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] / С.А. Медведев. – Режим доступа: <http://www.perspectivy.info> (дата обращения: 3.06.2016).
14. Медяков, А. «Ру Ку», или Образ русских на немецких открытках Первой мировой / А. Медяков // Родина. – № 3. – 2011. – С. 82–87.
15. Мильчина, В.А. Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы / В.А. Мильчина. – СПб.: Гиперион, 2006. – 528 с.
16. Моряков, В. Французские просветители о России XVIII века / В. Моряков // Страницы минувшего. Историческая публицистика – М.: Советский писатель, 1991. – 624 с.
17. Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев / сост. Ю.А. Лимонов. – Л.: Лениздат, 1991. – 719 с.
18. Тиранов, А. Использование эмоциональных средств в материалах информационно-психологического воздействия / А. Тиранов // Зарубежное военное обозрение. – № 5. – 2005. – С. 4–9.
19. Фоменко, И. Русский медведь и другие. Юмористические карты XIX – начала XX века / И. Фоменко // Родина. 2014. – № 11. – С. 9–13.
20. Фридман, Дж. «Горячие» точки. Геополитика, кризис и будущее мира / Дж. Фридман. – СПб.: Питер, 2016. – 400 с.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ПОРЯДОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ В НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ» И ТРЕБОВАНИЯ К НИМ

1. В журнале печатаются рукописи, как правило, не публиковавшиеся ранее.
2. Все поступившие в редакцию статьи проходят рецензирование.
3. Рассмотрение работ аспирантов и соискателей кандидатской степени осуществляется только при наличии отзыва научного руководителя и рекомендации кафедры по месту их обучения.
4. Для аспирантов и соискателей публикация статей бесплатно
5. Статьи должны быть в объёме от 0,5 до 1 п. л. (20 000–40 000 знаков). В них может быть, как правило, размещено не более трех иллюстраций, графиков или схем.
6. Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегию.
 - 6.1. Направляемые в редакционную коллегию материалы должны быть представлены в электронном и распечатанном видах. Принимаются диски и два экземпляра распечатки текстового оригинала (файлов), имеющегося на диске. Если дисков два и более, необходимо указать их номера и размещение файла на дисках (папки). На распечатке должны быть указаны имена файлов. Текстовый редактор – Word. Материалы должны быть подписаны автором на титульном листе около фамилии.
 - 6.2. Титульный лист статьи содержит комплекс элементов, расположенных на странице в следующем порядке. В верхней части страницы располагается заглавие статьи, которое печатается прописными буквами жирным шрифтом. Фамилии авторов следуют после заголовка и печатаются строчными буквами, иные сведения при этом не указываются.
 - 6.3. Ссылки на источники даются в виде алфавитного списка литературы с нумерацией после текста. Сначала идут источники на русском языке, затем на иностранных. В самом тексте (после цитирования) информация об источнике печатается в квадратных скобках с указанием номера по списку. Библиографическое описание источника в списке литературы (фамилии и инициалы авторов печатаются курсивом) составляется в соответствии с действующими нормами ГОСТ 7.1–2003. Шрифт и межстрочный интервал те же, что и в статье.
 - 6.4. Поля страницы: верхнее – 2 см; нижнее – 2 см; левое – 3 см; правое – 1 см; размер бумаги – А4 (210×297 мм); шрифт – «Times New Roman» № 14; межстрочный интервал – 1,5.
 - 6.5. Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.
7. Материалы, не имеющие научного аппарата или неправильно оформленные, не соответствующие указанным выше правилам, не рассматриваются. Рукописи не возвращаются.
8. К рукописи должны прилагаться следующие сведения об авторе: Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы, должность, рабочий адрес, домашний адрес, рабочий телефон, домашний телефон, факс, e-mail.
9. К статье прилагается краткая аннотация, ключевые слова (не более 15), а также профессиональный перевод на английский язык аннотации, ключевых слов и названия статьи.
10. Материалы следует направлять по юридическому адресу журнала: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС), к. 262. Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». Электронная почта: journal@festu.khv.ru. Материалы, присланные ценными письмами и бандеролями, не принимаются.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Наш журнал распространяется по подписке и поступает в розничную продажу.

Стоимость одного номера – 450 руб. (с учетом НДС). Подписка оформляется банковским или почтовым переводом (образец купона прилагается). Журнал будет выслан по адресу подписчика почтой. Почтовые расходы включены в стоимость подписки. Подписку на журнал также можно оформить по каталогу «Газеты. Журналы» ОАО Агентства «Роспечать». Подписной индекс – 84277.

Просим высылать копии платежного документа и адрес для рассылки по адресу: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС). Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке».

Извещение	Дальневосточный государственный университет путей сообщения УФК по Хабаровскому краю (наименование получателя платежа) 2724018158 № 40503810500001000191 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) БИК 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) № 272401001 (номер КПП) Подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2017 год (наименование платежа) Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.
Кассир	
Квитанция Кассир	Дальневосточный государственный университет путей сообщения УФК по Хабаровскому краю (наименование получателя платежа) 2724018158 № 40503810500001000191 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) БИК 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) № 272401001 (номер КПП) Подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2017 год (наименование платежа) Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.

Научное издание

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Научно-теоретический журнал

Том XIV

Выпуск 2, 2017

Под общей научной редакцией Ю.М. Сердюкова

Редактор *Т.М. Яковенко*

Технический редактор *И.А. Нильмаер*

План 2017 г. Поз. 12.6. Подписано в печать 14.06.2017 г.

Гарнитура «Times New Roman». Уч.-изд. л. 20,8. Усл. печ. л. 19,3. Зак. 161. Тираж 500 экз.

Издательство ДВГУПС

680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47.